

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG
3227
.S27
v.11
1906

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб. Невскій, 92).

XI.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Эмилъ Верхарнъ. Зори.

А. Кипень. Въ октябрѣ.

Л. Андреевъ. Савва.

М. Горькій. Городъ Желтаго Дьявола.

PG
3227
.527
v. 11
1906

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

GIFT MC
RSCG 11/11/11

Тип. Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковского, 21.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Эмиль Верхарнъ. Зори	1
А. Кипенъ. Въ октябрѣ.	87
Л. Андреевъ. Савва.	229
М. Горькій. Городъ Желтаго Дьявола.	335

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.

З О Р И.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ АКТАХЪ.

Переводъ Георгія Чулкова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТОЛПА.

ГРУППЫ РАБОЧИХЪ, НИЩИХЪ, ФЕРМЕРОВЪ, СОЛДАТЪ, ЖЕН-
ЩИНЪ, ЮНОШЕЙ, ПРОХОЖИХЪ, МАЛЬЧИШЕКЪ, СТАРИКОВЪ.

ЖАКЪ ЭРЕНЬЕНЪ, трибунъ.

ПЬЕРЪ ЭРЕНЬЕНЪ, его отецъ.

КЛАРА, его жена.

ЖОРЖЪ, его сынъ.

ЭПО, братъ Клары.

ОРДЭНЪ, капитанъ вражеской арміи, ученикъ Эренъена.

ЛЕ-БРЭ, приверженецъ Эренъена

ДЯДЯ ГИСЛЭНЪ, фермеръ.

СВЯЩЕННИКЪ.

ОФИЦЕРЪ.

РАЗВѢДЧИКЪ.

ЦЫГАНЪ.

КОНСУЛЬ ОППИДОМАНИ.

ПАСТУХЪ.

НИЩІЙ БЕНУА.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПРОРОКЪ.

ГОРОДСКОЙ ПРОРОКЪ.

Группы дѣйствуютъ, какъ одно многоликое и разнорѣчивое су-
щество.

Э. Верхарнъ Зори.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Широкий перекрестокъ. Справа спускаются дороги изъ Опидомани, слѣва — поднимаются изъ равнины. Безконечные ряды деревьевъ тянутся вдоль дорогъ. Враги приблизились къ городу и обложили его. Страна — въ огнѣ. Огромное зарево вдали. Набать. Группы нищихъ расположились во рвахъ. Другія стоятъ на кучахъ гравія, наблюдаютъ за тѣмъ, что дѣлается вдали, и обмѣниваются впечатлѣніями.

НИЩІЕ.—Посмотрите: съ этого бугорка видно, какъ пылаютъ селенія.

— Влѣзете на деревья; мы лучше увидимъ.

НИЩІЙ, уже взобравшійся на дубъ. Сюда! Сюда!

НИЩІЕ (смотря въ сторону города).—Около города пожаръ все разгорается и растеть.

— Слышны взрывы пороховыхъ погребовъ.

(Громъ картечи и взрывъ)

— Загорается заводъ въ гавани, и набережная, и доки. Пламя охватываетъ керосиновые склады. Мачты и реи обугливаются и образуютъ на горизонтѣ кресты.

НИЩІЕ (смотря въ сторону равнины).—На днѣ равнины вся деревня въ огнѣ. Огонь пожираетъ ферму Эренъена: домашнюю утварь бросаютъ во дворъ, какъ попало. Изъ стойлъ выводятъ скотъ съ покрытыми головами. Несутъ больного старика на большой постели.

— Теперь очередь за арендаторами: смерть слѣдуетъ за ними по пятамъ.

— О, прекрасное и неожиданное отмщенье! Теперь изгнаны тѣ, которые насъ выгоняли. Они хлынули по-

токомъ на большія дороги. Подѣйствовали теперь наши богохуленія, проклятья, мольбы, нашъ великій гнѣвъ!

— Въ болота въ ярости бѣгутъ стада,

И жеребцы порвали повода

И ржутъ въ безумной слѣпотѣ.

Одинъ изъ нихъ на согнутомъ хребтѣ

Несетъ съ собой пожаръ и смерть.

Кусаетъ въ гнѣвъ гриву конь:

Его хребетъ грызетъ огонь.

Смотрите всѣ, вотъ здѣсь, въ огнѣ

Безумцы пламя вилами вздымаютъ...

— Колокола безумствуютъ среди порывовъ вѣтра.
Церкви и башни рушатся. Право, теперь самъ Богъ въ ужасѣ.

— А почему возгорѣлась война?

— Всѣ короли мечтаютъ завладѣть Оппидоманью.
Всѣ, со всѣхъ концовъ свѣта, смотрятъ на нее съ
вождедѣльствомъ.

Появляется нѣсколько растерянныхъ людей.
Они бѣгутъ по дорогамъ куда попало. Нѣкоторые
изъ нихъ останавливаются и кричатъ:

— Фермеры складываютъ на телѣги пожитки и
скарбъ; они направляются въ городъ; они сейчасъ
пройдутъ здѣсь.

группа нищихъ.— Вотъ удобный моментъ проникнуть въ Оппидомань.

— Пойдемъ за ними...

пищій венуа. За ними слѣдовать? Откуда ты при-
шелъ?

Въ дни, когда мы бунтарями-бродягами стали,

Всѣхъ насъ и ночью, и днемъ

Фермеры мучили тяжкимъ трудомъ,

Бѣдностью насъ угнетали.

Яствами были они,

Голодомъ алчнымъ мы были.
 Такъ пожираетъ огонь въ эти дни
 Хлѣбъ, что въ амбарахъ сложили.
 Зубы у насъ, какъ огонь; и пожара страшнѣй
 Ярость горящихъ погтей.
 Вотъ я бреду, отдыхаю, и снова бреду,
 Кличу я злую бѣду
 Къ нимъ на пороги, гдѣ самъ я прошу подаянье.
 Этой рукой умножаю людей ненавистныхъ стра-
 данья.

Грабили руки мои мертвецовъ изъ могилъ,
 Старой рукой я насилье свершалъ и душилъ
 Ихъ дочерей.

Я ненавижу этихъ людей,
 Чтѣ достойны дубинъ и камней.

старикъ. Зачѣмъ ихъ убивать? Они теперь без-
 вредны, жалки, какъ мы сами.

нищій венуа. Молчи: ты слишкомъ старъ, чтобы
 чувствовать, какъ мужчина.

Новыя толпы торопливо идутъ по дорогѣ
 Опидоманьской. Появилась группа рабочихъ.
 Одинъ изъ нихъ обращается къ нищимъ.

рабочій. Эренъенъ прошелъ уже?
 нищій (рабочему). Этотъ пастухъ его знаетъ. Спро-
 си его.

рабочій (пастуху). Проходилъ здѣсь Эренъенъ?

пастухъ (въ рубищѣ). Я жду его. Онъ пошелъ уха-
 живать за своимъ отцомъ. Я хотѣлъ бы снова увидѣть
 его. Я вылѣчилъ его, когда онъ былъ ребенкомъ.

рабочій. Онъ долженъ прійти. Мы вмѣстѣ подо-
 ждемъ его.

пастухъ. Какъ онъ покинулъ городъ? Да и враги
 не должны были бы его выпускать.

рабочій. Эренъенъ дѣлаетъ то, что хочетъ. Его
 отецъ умираетъ въ селеніи и звалъ его.

пастухъ. Вѣрите-ли вы, что онъ укротить Оппидоманъ?

РАБОЧІЙ.

Но развѣ не учитель онъ народа?
 Вѣдь онъ—необычайный и священный—
 И въ этотъ мрачный часъ живетъ
 Для будущихъ вѣковъ, рукой ихъ осязая;
 Онъ лучше всѣхъ умѣетъ разсудить,
 Гдѣ нуженъ разумъ, гдѣ безумье
 Для покоренья новыхъ дней;
 И книги ясныя его сознанье наше озаряютъ,
 Въ нихъ съ очевидностію видишь,
 Чтò къ лучшему ведетъ,
 Чтò дѣлаетъ людей богами въ мигъ иной.

пастухъ. Вы, вѣрно, одинъ изъ сторонниковъ его, тамъ, въ городѣ, одинъ изъ его друзей?

РАБОЧІЙ.

Есть сотни, тысячи людей,
 Готовыхъ слѣдовать за нимъ до той черты,
 Гдѣ воплощаются завѣтныя мечты.

Рабочій уходитъ на дорогу ожидать появленія Эренъена. Еще — бѣглецы; потомъ — группа крестьянъ, влекущихъ воза и ручныя телѣжки. Лошади съ большою кладью забираются на косягоръ.

дядя гислэнъ. Наши животныя выбились изъ силъ. Нужно имъ дать отдохнуть. Эй, вы тамъ, нищіе, не проходилъ-ли здѣсь эта каналья Эренъенъ?

нищій венуа. Молчи, дядя Гислэнъ.

дядя гислэнъ. Молчать! Молчать! Зачѣмъ? Ради кого? Стало-быть, Эренъенъ васъ знаетъ!..

нищій венуа. Дядя Гислэнъ! Мы здѣсь сила и можемъ убить тебя прежде, чѣмъ ты позовешь на помощь. Хоть ты изъ года въ годъ и бросалъ намъ за дверь объѣдки твоихъ свиней и помои изъ твоей кухни, но вѣдь и мы жертвовали тебѣ изъ года въ годъ наши

мольбы и молитвы. Мы покончили съ прошлымъ, и на-
стоящее принадлежит намъ.

(Онъ съ угрозой направляется къ Гислэну)

КРЕСТЬЯНИНЪ (подбѣгаетъ). Дядя Гислэнь! Дядя Ги-
слэнь! Съ твоей фермы на Звенящихъ Поляхъ огонь
перешелъ на всѣ Волчьи Равнины!

Деревья всѣ пылаютъ вдоль дорогъ,
И ельникъ весь шипитъ, кричитъ и воесть,
И пламя вверхъ растеть
До облаковъ
И лижетъ небо.

Гислэнь.

Меня эти вѣсти теперь не смутять.
Пусть лѣсъ и поляны пожретъ обезумѣвшій пла-
мень.

Пусть вѣтеръ и воздухъ, и небо горять,
И лопнетъ вся почва, какъ голый изсохнувшій
камень.

(Мѣняя тонъ)

Сейчасъ меня нищій грозилъ умертвить...

(Обращаясь къ нищему Бенуа)

Убивай же скорѣе, не медли же болѣ!
Вотъ руки мои, что пришлось мнѣ ничтожнымъ
трудомъ осквернить,

Вотъ сердце мое съ непреклонною волей,
Вотъ кожа сухая въ отверстіяхъ поръ,
Вотъ жалкій хребеть...

Я—старый калѣка.

И столько ужъ лѣтъ

Останки влachu чelовѣка!

Скажите, зачѣмъ я живу до сихъ поръ?

Морозъ погубилъ мою пашню и поле,

Луга, гдѣ работалъ, погублены тяжкою долей.

Ліардъ по ліарду копилъ мой отецъ,

И то, что онъ спряталъ, зарылъ, сохранилъ, какъ
скупецъ,

Я нынѣ проѣлъ, потерялъ...

Напрасно моихъ сыновей умолялъ:

Они расточали;

И городъ голодный

Пожралъ ихъ; они все мечтали

О жизни позорной, бесплодной.

Деревни, мѣстечки всѣ стали пустыней,

Упорство сломила ихъ Оппидоманъ,—

И кровь засушила ихъ Оппидоманъ.

И нынѣ

Вѣтвятся болѣвани на пашнѣ, въ поляхъ:

Въ водѣ, на землѣ и въ лучахъ!

крестьянинъ. Твои скорби—также и наши скорби.
Мы всѣ равно несчастны.

дядя гислэнъ.

Помню я въ дѣтствѣ праздникъ веселый посѣва:

Почва покорна была и животнымъ, и людямъ.

Ленъ поднимался, какъ счастье въ расцвѣтѣ...

Нынѣ же! Почва страшить!

Вѣрно, нельзя было трогать чего-то,

Что было скрыто въ землѣ и священо.

Каменный уголь—владыка всего,—

Все было нѣкогда въ мракѣ зарыто.

Рельсы—звено за звеномъ—пролагаютъ свой путь
по равнинамъ,

Тамъ—золотые сигналы, dospѣхи равнинъ;

Поѣздъ поля задѣваетъ и мызы сверлить,

Дымъ поглотилъ небеса.

Юная, сильная зелень, трава и вода

Гибнуть отъ яда и сѣры.

Часъ наступилъ,

Часъ побѣдителей страшный—

Время огня, чугуна и свинца;
 Можно подумать, что адъ поднимается нынѣ!

(Нищіе отступаютъ отъ него и не угрожаютъ больше)

нищій. Бѣдняга!

дядя Гислэнъ. Бѣдняга! Какъ бы не такъ!

(Тащить одного крестьянина и указываетъ на усадьбу, которая пылаетъ)

Вы, конечно, думаете, что врагъ зажегъ мою усадьбу? Знайте же: (онъ показываетъ на свои руки) вотъ эти руки сдѣлали это. И мой лѣсъ у Болотныхъ Огней? Это онѣ же. И мои житницы и скирды? Это опять онѣ. Нѣтъ, нѣтъ, дядя Гислэнъ не бѣдняга. Онъ тотъ—можетъ быть единственный,—кто ясно видитъ. Люди не чтутъ больше своей нивы, не имѣютъ терпѣнія на медленный, но вѣрный трудъ; убиваютъ сѣмена, искусственно выращивая ихъ; все стараются устроить, умничаютъ, хитрятъ... Земля уже больше не женщина, а публичная дѣвка.

Врагъ ее губить теперь,

Городъ изранилъ ее,

Факель войны сожигаетъ,

Раньше ученые силу земли истожили,

Нынѣ же ядра разрушили землю.

Нынѣ—увы!—угрожаетъ косою намъ смерть.

Почвѣ не нужны ни дождь, ни роса,

Почвѣ не нужны снѣга на горахъ;

Съ ясными, нѣжными днями и солнцемъ

Лучше покончить ударомъ однимъ,

Сельскій весь міръ уничтоживъ...

крестьянинъ. Дядя Гислэнъ, должно быть, сошелъ съ ума.

другой крестьянинъ. Преступно оскорбляютъ землю.

ЕЩЕ КРЕСТЬЯНИНЪ. Не знаешь больше, что и думать.

(Появляется пророкъ изъ деревни; онъ напѣваетъ, подражая тѣлодвиженіями полету Красныхъ Вороновъ)

ПРОРОКЪ.

Лѣса бѣгутъ, поля въ движенѣхъ,—
Дробится златомъ неба кругъ,
Крестами блещетъ Сѣверъ, Югъ...
Вотъ Красныхъ Вороновъ мгновенье!

Они на хижины полетъ
Стремятъ съ безумными когтями;
Въ пожарѣ красный небосводъ
Пылаетъ перьями-огнями.

Съ низины мшистой вверхъ летятъ
Пророки-вороны ночные;
Надъ міромъ тучею кружатъ
Сии посланцы огневые.

Съ нѣмымъ полетомъ ужасъ слить
Въ послѣдней тайнѣ молчаливой;
Взрывая почву, клювъ долбитъ
И гложетъ землю торопливо,
Къ земному сердцу вглубь спѣшить.

Огонь посѣвы пожираетъ,
Огонь на западъ поспѣшаетъ
И мчится, какъ живой бурунь:
Какъ будто въ дымѣ убѣгаетъ
Кровавыхъ кобылицъ табунъ.

Судьба послѣдняя пришла,
Звоните—гей!—въ колокола!
Землѣ и пашнѣ пойте нѣснѣ свершенья.
Судьба послѣдняя пришла,

Звоните—гей!—въ колокола! Въ колокола!
И пойте міру погребень!

дядя гислэнъ. Увы! Вотъ кто правъ: этотъ пророкъ, этотъ безумный, надъ которымъ всѣ смѣялись, надъ которымъ смѣялся я самъ и котораго я никогда не понималъ. Ахъ! Воистину нынѣ возсіялъ ужасный свѣтъ.

(Онъ указываетъ на горизонтъ)

Но онъ, онъ давно уже угадывалъ. А мы были тамъ, мы всѣ, съ нашими прежними надеждами, съ нашими старыми иллюзіями, мы клали ничтожную, слабую палку нашего здраваго смысла въ ужасныя колеса судьбы.

Толпа молодыхъ людей изъ селеній, прислуга съ фермъ, рабочіе, скотницы, нищіе приносятъ на носилкахъ Пьера Эренъена. Ихъ сопровождаетъ священникъ. Умирающій дѣлаетъ знакъ, что онъ очень страдаетъ, и проситъ остановиться.

жакъ эренъень. Сюда, друзья мои. Осторожнѣе ставьте носилки.

(Помогаетъ рабочимъ. Потомъ, какъ бы говоря съ самимъ собой)

Бѣдный старикъ! Бѣдный старикъ! Онъ не имѣетъ возможности умереть въ своемъ углу, какъ его отецъ. О, эти войны, эти войны! Ихъ нужно ненавидѣть алмазной ненавистью.

пьеръ эренъень. Эренъень! Эренъень!

жакъ эренъень. Я здѣсь, отецъ, около тебя, со-всѣмъ близко,—около твоихъ глазъ и рукъ; я—около тебя, какъ въ то время, когда была жива мать; я—такъ близко, что слышу біеніе твоего сердца. Видишь ли ты меня? Слышишь-ли? Чувствуешь-ли ты, что это тотъ, кто неизмѣнно тебя любитъ?

пьеръ эренъень (задыхаясь). Теперь — конецъ. Ты уже не успѣешь отнести меня къ себѣ въ Оппидомань. Я радъ, что вокругъ меня равнина. Я прошу тебя: не запрещай старому кюрэ подойти ко мнѣ.

Жакъ эренъень. Отецъ мой! Ты воленъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ. Нужно-ли, чтобы я удалился?

Пьеръ эренъень. Во время исповѣди нужно быть одному.

Эренъень удаляется. Подходить священникъ. Дядя Гислэнъ робко подходит къ трибуну и говорить ему что-то во время исповѣди.

дядя гислэнъ. Господинъ Эренъень! Я вижу, вы остались добрымъ. Я представлялъ васъ другимъ. Вы распоряжаетесь Опидоманью, и на фермахъ шла о васъ молва... Мои сыновья были на вашей сторонѣ... Можетъ быть, они правы... Но, наконецъ, теперь, когда деревня погибла, скажите мнѣ, откуда можетъ придти къ намъ обновленье? Гдѣ найти уголь, чтобы посѣять сѣмена, выростить зерна? Гдѣ найти кусокъ земли, еще не погибшей отъ городской копоти, гнилой воды, миазмовъ и войны? Скажите... Скажите!..

Эренъень молчитъ. Все его вниманіе обращено на отца. Онъ только плечами пожалъ, когда Гислэнъ кончилъ свою рѣчь.

ПАСТУХЪ (медленно подходит къ Эренъену). Жакъ, узнаешь меня?

Жакъ эренъень. Какъ! Ты еще живъ, старый пастухъ?

(Сильно взволнованный, обнимаетъ его)

пастухъ. Я уходилъ далеко, туда, на цѣлые года; я видѣлъ новыя и чудныя страны. Такъ скитаешься день за днемъ по степямъ и возвращаешься, чтобы видѣть смерть.

Пьеръ эренъень. Я прошу прощенія у всѣхъ, кого я обидѣлъ.

Кюрэ. Не волнуйся больше: ты былъ христіаниномъ—ты будешь спасенъ.

(Священникъ читаетъ молитву объ отпущеніи грѣховъ)

ЖАКЪ ЭРЕНЬЕНЪ (подводит пастуха къ умирающему). Отецъ! Это—пастухъ; ты знаешь его хорошо. Онъ — со Звенящихъ Полей. Это—самый старый изъ твоихъ слугъ и твоихъ друзей.

ПЬЕРЪ ЭРЕНЬЕНЪ (долго смотреть на пастуха, вдругъ, узнавъ его, беретъ за руки и привлекаетъ къ себѣ. Говоритъ ему довольно твердымъ голосомъ). Когда я умру, пастухъ, ты уничтожишь всѣ старыя сѣмена. Они покрыты затхлою пылью; они испорчены, загнили. Не съ ними земля будетъ праздновать свое обрученье.. И ты, который скитался повсюду, ты снова засѣешь мои поля, мои пашни новыми сѣменами, — живыми, свѣжими, прекрасными сѣменами, которыя ты видѣлъ и распозналъ тамъ, въ дѣвственныхъ странахъ земли..

(Пауза. Пастухъ наклоняется и становится на колѣни. Нищіе и носильщики дѣлаютъ то же)

А теперъ пусть меня повернуть къ солнцу.

Исполняютъ просьбу. На западѣ, гдѣ опускается въ это время солнце, пожарище деревень освѣщаетъ мѣстность. Жаръ достигаетъ умирающаго.

КРЕСТЬЯНИНЪ (указываетъ на Пьера Эренъена. Отблескъ пожара скользитъ по его лицу).

ДРУГОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ. Онъ повернулся къ пожару.

ЕЩЕ КРЕСТЬЯНИНЪ (тѣмъ, кто помогаетъ Пьеру Эренъену). Осторожнѣе... Осторожнѣе... Онъ не долженъ видѣть пламя.

ЕЩЕ КРЕСТЬЯНИНЪ. Поставьте его правѣе.

ЕЩЕ КРЕСТЬЯНИНЪ. Сюда... Сюда... Правѣй... Правѣй...

(Но старикъ схватился за края носилокъ и держится, повернувъ лицо къ закату и пожару)

ЕЩЕ КРЕСТЬЯНИНЪ. Бѣдный!.. Если бы онъ зналъ!

ПЬЕРЪ ЭРЕНЬЕНЪ (почти угасшимъ голосомъ). Жакъ Эренъень, подойди ко мнѣ поближе... Пусть я умру, касаясь рукой... (онъ ласкаетъ его) и смотря туда... на то,

что я больше всего любилъ на свѣтѣ. Я былъ какъ бы безъ ума отъ тебя. Я никогда не отрекался отъ тебя. Я почти благословлялъ горе и скорбь, которыя ты приносилъ мнѣ; и въ то же время, когда я любилъ тебя, я поклонялся землѣ. Я жилъ предъ лицомъ солнца, какъ предъ лицомъ Бога... Это былъ зримый Господь... Я считалъ бы себя наказаннымъ, если бы умеръ ночью, въ его отсутствіи. Къ счастью, оно здѣсь, передо мною, и я простираю къ нему руки. (Онъ тянется къ пожару) Я уже не вижу его, но я ощущаю его благой и побѣдоносный свѣтъ...

ЖАКЪ ЭРЕНЬЕНЪ (бормочетъ). Отецъ! Отецъ!

Онъ не знаетъ, долженъ-ли онъ вывести своего отца изъ заблужденія, или видѣть въ этихъ словахъ внезапное предсказаніе.

ПЬЕРЪ ЭРЕНЬЕНЪ. ... я узнаю его, люблю, постигаю... нынѣ только отъ него нужно ждать обновленья, единственно возможнаго...

Онъ падаетъ и умираетъ. Жакъ Эренъенъ цѣлуетъ своего отца; касается своими губами его рта, какъ будто хочетъ принять истину, впервые вырвавшуюся изъ его усть.

ЖАКЪ ЭРЕНЬЕНЪ. Зналъ-ли онъ, что сказалъ?.. „Только отъ него нужно ждать обновленья, единственно возможнаго.“

Понемногу Эренъенъ выходитъ изъ забытья и снова овладѣваетъ собою. Нищіе, крестьяне, рабочіе окружаютъ его. Пастухъ жметъ ему руки и удерживаетъ ихъ въ своихъ рукахъ. Носильщики поднимаютъ тѣло и уходятъ. Въ это время толпа женщинъ и дѣтей, пришедшихъ изъ города, выходитъ на перекрестокъ со стороны верхнихъ дорогъ. Впереди идутъ старики.

СТАРИКЪ (останавливается и указываетъ на Пьера Эренъена). Покойникъ! Это Эренъенъ слѣдуетъ за носилками?

ДРУГОЙ СТАРИКЪ. Что это за толпа?

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Это вся деревня стремится къ Оппидомани.

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Неужели они думаютъ, что ихъ тамъ примутъ? (Онъ зоветъ) Эренъенъ! Эренъенъ!

ЭРЕНЪЕНЪ. Кто меня зоветъ?

СТАРИКЪ. Оппидоманъ укрылась за стѣнами. Она не позволить, чтобы равнина вернула ей своихъ бродягъ и мертвецовъ.

ЭРЕНЪЕНЪ. Я возвращаюсь къ себѣ: я потерялъ отца; я хочу самъ предать землѣ его тѣло и хочу избавить его отъ поношенія и кощунствъ.

СТАРИКЪ. Они встрѣтятъ васъ пулями. Оттуда изгоняютъ всѣхъ, кто бесполезенъ при оборонѣ.

ДРУГОЙ СТАРИКЪ. Взрываютъ мосты. Войска усыпали насыпи.

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Городъ не разбираетъ теперь, кого онъ прогоняетъ. Никто не узнаетъ васъ.

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Это безуміе—туда идти.

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Идти на вѣрную смерть.

ЕЩЕ СТАРИКЪ (умоляя). Оставайтесь среди насъ, съ нами. Вы насъ спасете.

ЭРЕНЪЕНЪ. Клянусь вамъ, что я войду въ Оппидоманъ. Если вы сомнѣваетесь, не ходите за мной.

СТАРИКЪ. Мы не въ силахъ болѣе томиться.

КРЕСТЬЯНИНЪ. Лучше умереть дома.

Нищѣ, старики и кое-кто изъ крестьянъ остаются. Масса горожанъ и жители долины слѣдуютъ за Эренъеномъ. Похоронная процессія медленно удаляется.

СТАРИКЪ. Въ этотъ часъ надвигающейся грозы Эренъенъ единственный твердый и сильный человѣкъ. Быть можетъ, ему тамъ окажутъ хорошій приѣмъ.

ДРУГОЙ СТАРИКЪ. Что касается тѣхъ, что идутъ за нимъ, то ихъ всѣхъ убьютъ.

ЕЩЕ СТАРИКЪ (повернувшись къ деревнѣ). Посмотритъ туда: врагъ заставляетъ воевать стихіи,—онъ ставитъ имъ предѣлы, отпускаетъ на волю, обуздываетъ и бросаетъ впередъ.

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Деревни погибли,—городамъ грозитъ гибель.

СТАРИКЪ ИЗЪ ГОРОДА (самый старый изъ всѣхъ).

О, города! О, города!

Ихъ ужасъ и волненья,

Ихъ яростный порывъ и жесты отвращенья

Къ свободѣ братской простоты...

О, города,—и къ небу ихъ укорь!

Звѣриный страшенъ ихъ уборъ.

О, рынокъ старческихъ грѣховъ,

Гдѣ торгашей томятъ мечты,—

Гирлянды золота—игра больныхъ умовъ:

Такъ груди-гроздья блѣдный станъ

Тягчили нѣкогда миѳическихъ Діанъ.

О, города!

Тамъ чувство юности поблекло навсегда;

Тамъ чувство смѣлости раздавлено пятой;

Тамъ справедливость кажется мечтой...

О, города! О, города!

Тамъ яства жирныя чудовищнаго пира,

И спруты алчныя—безстыдныя мечты—

Простерли щупальцы и рты:

Кровь высосать хотятъ изъ сердца міра!

КРЕСТЬЯНИНЪ (старикамъ). Безъ васъ всѣхъ—городскихъ людей—наша жатва была бы обильна, наши риги были бы переполнены хлѣбомъ! Безъ васъ мы были бы сильными, здоровыми и спокойными; безъ васъ наши дочери не дѣлались бы проститутками, а наши сыновья солдатами. Вы осквернили насъ своими идеями и своими пороками, и это вы опять возбудили войну.

Нѣкто изъ горожанъ (крестьянамъ). Это вы сами виноваты. Зачѣмъ вы пришли такой жадной толпой?

Вы пришли изъ глубины полей, чтобы грабить и торговать съ такой упрямой хитростью, съ такой узкой душой, грубой и наглою! Васъ едва можно было отличить отъ бандитовъ. За каждый прилавокъ вы поставили вашу злую хитрость и мошенничество. Вы заполнили мало-по-малу всѣ конторы земли. Наша эпоха скрипитъ отъ страшнаго царапанья ничтожныхъ и рабскихъ перьевъ: это работаютъ миллионы вашихъ рукъ, готовыхъ писать вплоть до смерти.

нѣкто изъ поселянъ. Вы нуждались въ насъ. Среди нашихъ равнинъ неумолчно звучали ваши призывы.

нѣкто изъ горожанъ. Вы—тѣсто, замѣшанное посредственностью; вы—толпа, отмѣченная печатью ничтожества; вы — причина медленнаго паденія, косности, неподвижности. Безъ васъ городъ былъ бы нервный, легкій, бодрый; безъ васъ могли бы снова появиться находчивость, живость, смѣлость... Безъ васъ сонъ не парализовалъ бы жизни, и смерть не залила бы кровью пространства.

старикъ. Вы, должно быть, думаете, что враги, сложивъ руки, ждутъ въ этотъ часъ конца вашихъ споровъ? Вѣроятно, когда погибнетъ нашъ городъ, его похоронятъ въ саванѣ, сотканномъ изъ бесполезныхъ словъ, безцѣльныхъ словопреній, многословіи и краснобайствъ, которыми его забрасывали въ продолженіе вѣковъ. Болтуны будутъ одни виноваты.

другой старикъ. Всѣ заключили союзъ противъ Оппидомани. Явилась тысяча причинъ для ея разрушенія, какъ будто тысяча личинокъ, пожирающихъ трупъ. Счастье, что еще остаются тамъ, на горизонтѣ, Христы.

еще старикъ. Со вчерашняго дня городъ живетъ подъ страхомъ самаго грознаго возстанія. Народъ скрылся на кладбищѣ, которое возвышается посреди старыхъ кварталовъ. Могилы служатъ ему оплотомъ.

Устроили стачку. Солдаты городского правительства
окужили мятежниковъ и держать ихъ въ осаждѣ.

крестьянинъ. Значить, Оппидоманъ и осаждаеть
и осаждаема въ одно и то же время?

старикъ. Какъ нѣкогда въ Римѣ, нынѣ толпа со-
здаде новый Авентинъ.

другой старикъ.

О, стыдъ—принадлежать къ презрѣнному народу!

Его зловѣщее и громкое безумье

Весь мѣръ ввергаетъ въ трепеть, оглушаетъ.

Въ часы, пронизанные молніей,

Народъ не можетъ слить всѣ силы во-едино

И раздробляется, и падаетъ, и гибнетъ.

Скажите, развѣ нѣтъ единой правды,

Понятной всѣмъ,—нѣтъ истины единой?

И мощныхъ рукъ, чтобъ стадо слабое желаній
бичевать?

Скажите, развѣ больше нѣтъ мужчинъ?

(Пророкъ изъ деревни, который неустанно
бродилъ по перекрестку, пророчествуетъ)

ПРОРОКЪ.

То, что свершилось, свершилось велѣніемъ рока,
Нѣкогда въ городъ, какъ въ зеркало, очи людей
устремлялись,

Жадно—въ ущербъ времянь — искали свое отра-
женье,

И ослѣпленье

Тамъ находили; а нынѣ столица разсѣяла славу
далеко.

Оппидоманъ!

Гавань твоя, и колонны, и арки!

Всѣ горизонты тебѣ угрожаютъ:

Путь роковой на тебя направляютъ.

Оппидоманъ!

Башни твои, монументы и парки!

Нынѣ алѣеть и вѣеть трауръ на черныхъ стѣнахъ,
Весь въ похоронныхъ огняхъ.

Оппидомань! Наступаетъ мгновенье,
Все погибаетъ, всему угрожаетъ паденье,
Если неожиданно великій не встанетъ .

И мощной руки не протянетъ!

СТАРИКЪ. О, кто бы онъ ни былъ, его будутъ при-
вѣтствовать, и всѣ — мы первые — преклонятся предъ
нимъ.

ПРОРОКЪ.

И тотъ, кого всѣ ждуть,
Такимъ великимъ будетъ,
Что вамъ возвыситься придется,
Дабы его постигнуть и узнать.

СТАРИКЪ. Онъ еще не родился!

ДРУГОЙ СТАРИКЪ. Его никто не ждетъ.

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Никто не предсказываетъ его при-
шествія.

ЕЩЕ СТАРИКЪ. А Жакъ Эренъенъ?

ЕЩЕ СТАРИКЪ. Жакъ Эренъенъ? Это—безумный!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

При поднятіи занавѣса кавалерійскій отрядъ заграждаетъ ворота
Оппидомани. Солдаты готовятся взорвать мосты черезъ рѣку. На
холмахъ и насыпяхъ патрули разставляютъ карауль. Генераль
осматриваетъ въ подзорную трубу горизонтъ. Онъ за всѣмъ наблю-
даетъ. Въ это время къ офицеру, командующему кавалерійскимъ
отрядомъ, подъѣзжаетъ курьеръ и передаетъ приказъ.

ОФИЦЕРЪ (читаетъ). „Отданъ приказъ—не пропускать
никого въ городъ, за исключеніемъ трибуна Жака
Эренъена. Нужно дать ему понять, какую милость ему
оказываютъ. Для формы нужно противиться его жела-
нію“. (Подпись) Правительство Оппидомани.

Эренъенъ подходит со стороны большой
дороги въ сопровожденіи множества оборван-
цевъ, женщинъ, рабочихъ, фермеровъ и ста-

риковъ. Убѣдившись, что войти въ городъ ему будетъ трудно, онъ одинъ приближается къ офицеру.

ЭРЕНЬЕНЪ. Я одинъ изъ тѣхъ, кого слушаютъ. Оппидоманъ—тотъ городъ, гдѣ я выросъ, страдалъ, сражался за свои идеи, лучшія идеи, какія могутъ родиться въ головѣ человѣка. Я любилъ Оппидоманъ, когда она казалась непобѣдимой. Сегодня я хочу занять мѣсто въ ряду тѣхъ, кто умираетъ за нее. Я также требую мѣста для всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ тамъ, для всѣхъ, кого я собралъ на моемъ пути. Это я звалъ ихъ слѣдовать за мной. Волна отхлынула къ малодушію, но я снова оттолкнулъ ее къ мужеству.

ОФИЦЕРЪ. Я знаю, кто вы, но не могу измѣнить полученнаго приказанія.

ЭРЕНЬЕНЪ. Что же это за приказаніе?

ОФИЦЕРЪ. Держать эту заставу запертой.

(Указываетъ на городскія ворота)

ЭРЕНЬЕНЪ.

Итакъ, Оппидоманъ,

Блюдя приказа мертвенную грань,

Въ тотъ часъ, когда на гордое ея чело упали

Всѣ горы ужаса и траурной печали,

Замокъ повѣсить у воротъ

И преградить намъ входъ,—

Всѣмъ намъ, кто ей принесъ любовь,

И кровь,

И ревностное пламя страстной воли!

И мнѣ, который нѣкогда любилъ сидѣть на молѣ,

Смотрѣть на міра грознаго свободное рожденье

И распаденье;

И мнѣ, кто любитъ такъ ее на высотѣ и, можетъ

быть, въ паденьѣ,

Въ чьемъ сердцѣ странная и страстная любовь

горить...

Я—сынъ ея, безумный какъ любовникъ,
 Бѣгу—затравленный,—какъ дикій звѣрь бѣжить.
 Приказы! Но это изъ тѣхъ приказовъ, которые гу-
 бять народъ! Подсчитываютъ-ли число защитниковъ,
 когда скорбь безмѣрна? Раздѣляютъ-ли въ виду смерти
 тѣхъ, кого связала общая опасность? Я требую, чтобы
 вы дали мѣсто всѣмъ.

офицеръ. Я не могу.

(Эренъенъ приближается къ трупу своего
 отца и открываетъ ему лицо и тѣло)

ЭРЕНЪЕНЪ.

Онъ двадцать лѣтъ служилъ солдатомъ,
 Онъ за вождами слѣдовалъ до края свѣта,
 Сражался у послѣдняго предѣла, на морѣ и въ
 пустынь;

Три раза онъ прошелъ Европу
 Въ ужасной бурѣ
 Знаменъ безумныхъ, золотыхъ орловъ и свѣта!
 И нынѣ

Не смѣетъ онъ войти въ Оппидоманъ?

офицеръ. Никто изъ тѣхъ, кто слѣдуетъ за вами.

ЭРЕНЪЕНЪ. Тогда знайте, что я обращаюсь къ ва-
 шей человѣческой честности во имя самага яснаго за-
 кона, самага простого и вѣчнаго. Черезъ нѣсколько
 дней эта равнина станетъ развалиной, прахомъ и
 кровью. Вамъ стоитъ сказать слово, чтобы жизнь, на
 которую мы всѣ имѣемъ право, была намъ сохранена.
 Помощь обязательна для всѣхъ людей. Вы, носящій
 оружіе, вы первый должны помочь намъ всѣмъ. Этотъ
 долгъ выше всего. Онъ существовалъ тогда, когда еще
 не знали словъ—армія и приказъ.

офицеръ. Расходитесь! Расходитесь!

ЭРЕНЪЕНЪ (оглядываетъ огромную толпу, которая слѣ-
 дуетъ за нимъ, оглядываетъ солдатъ и направляется къ трупу

отца). Я прошу прощенія у мертваго за то, что похороны его будутъ обогрены кровью.

(Въ это время генералъ, наблюдавшій эту сцену съ высоты насыпи, идетъ къ офицеру)

ЭРЕНЬЕНЪ (обращаясь къ толпѣ). Я истощилъ всѣ средства и мнѣ остается лишь одно. Вы угадываете его всѣ. Насъ тысяча, а ихъ нѣсколько человѣкъ. (Указываетъ на солдатъ) Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ среди васъ отцовъ и дѣтей. Они наши; они пропустятъ насъ... Пусть женщины станутъ впереди: они не будутъ стрѣлять. (Онъ выходитъ одинъ въ то время, какъ толпа группируется. Къ солдатамъ) Вашъ командиръ приказываетъ вамъ совершить преступленіе. Не повинуйтесь. Вы имѣете на это право.

Но въ это время генералъ подошелъ къ офицеру и дѣлаетъ ему выговоръ; слышны слова: „неловкость“, „безуміе“. Генералъ быстро приближается къ Эренъену и кланяется ему.

ГЕНЕРАЛЪ. Жакъ Эренъенъ, вы войдете въ Оппидоманъ. Правительство васъ принимаетъ.

ЭРЕНЬЕНЪ. Наконецъ-то! Я прекрасно зналъ, что я вамъ нуженъ, я могу вамъ быть полезенъ, проникнувъ къ вамъ. (Указываетъ на толпу) И всѣ они пойдутъ за мной: старцы, дѣти, женщины; они вернутся домой и будутъ полезны. И ты, отецъ мой, ты отдохнешь въ могилѣ, гдѣ почиваютъ два мои ребенка.

Генералъ не мѣшаетъ ему говорить. Ряды размыкаются. Жакъ Эренъенъ и нѣсколько рабочихъ входятъ въ городъ, но только-что они прошли, цѣпь быстро смыкается по командѣ офицера. Тѣло Пьера Эренъена, носильщики, старики, крестьяне, женщины и дѣти оказались отстраненными. Прибывшіе отряды оказываютъ вооруженную помощь. Жакъ Эренъенъ пораженъ. Онъ хочетъ вернуться назадъ. Слышно, какъ онъ кричитъ: „подлость“, „предательство“, „гнусность“... Но шумъ заглушаетъ его голосъ... Его насильно вталкиваютъ въ городъ. И ревушая толпа окончательно отброшена въ равнину.

Э. Верхарнъ. Зори.

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Квартира Эренъена. Направо дверь. Мебель обыкновенная. Чугунная печь. Вещи разбросаны, какъ попало. На столѣ—одежда, которую только-что починали; дѣтскія игрушки. На стульяхъ навалены груды книгъ. Клара, жена Эренъена, зажигаетъ лампы. Она ждетъ чего-то. Вдругъ съ улицы доносится привѣтственный крикъ. Появляется Эренъень. Онъ долго цѣлуетъ жену.

ЭРЕНЪЕНЪ. Мы похоронили отца налѣво отъ дѣтей, подѣ тиссовымъ деревомъ, которое раскинулось надѣ нашимъ мѣстомъ на кладбищѣ. Тамъ онъ отдохнетъ, какъ въ деревнѣ. Его прахъ смѣшается со стихійною жизнью травъ и растений, которыя онъ такъ любилъ..
КЛАРА. За тобою шпионили?

(Во время этой сцены Эренъень мѣняетъ свое темное платье на домашнее. Отъ всей сцены вѣетъ интимностью)

ЭРЕНЪЕНЪ. Не знаю. Насъ было не очень много. При возвращеніи меня захватила толпа. Мальчишки-газетчики выкрикивали новости объ Авентинѣ. Спорили изъ-за газетъ. Какіе-то люди шли съ факелами и пѣли. Вдоль улицъ и бульваровъ дома полуразрушены или пробиты бомбами. Обломки загораживаютъ тротуаръ. Ни одинъ фонарь не горѣлъ. На Площади Народовъ какой-то каменоломъ выкрикивалъ мое имя. Вотъ и все, что я видѣлъ. Мнѣ позволили перенести трупъ отца въ Оппидоманъ, Богъ знаетъ, послѣ какихъ хлопотъ,—и я долженъ былъ обѣщать, что его похоронятъ безъ всякаго участія народа. Я сдержалъ слово. (За-

мѣтивъ на своемъ бюро связку банковыхъ билетовъ) Что это такое?

КЛАРА. Тебѣ прислали остатокъ по счету. (Вынимая изъ кармана квитанцію) Посмотри: твоя послѣдняя книга вся разошлась.

ЭРЕНЬЕНЪ (читая квитанцію). Нужно, чтобы меня изучали и читали въ народѣ. Народъ долженъ жадно внимать моимъ словамъ. (Онъ кладетъ бумагу на столъ и открываетъ окно. Подходя къ Кларѣ) Я думалъ о насъ во время этихъ скромныхъ, интимныхъ похоронъ. Какъ я желалъ чувствовать тебя около себя, когда земля была готова поглотить гробъ! Мое сердце было въ такихъ пыткахъ, такъ полно тайной любви, такъ замкнуто во мнѣ самомъ! Почему я не могъ сжимать твои руки, чтобы передать имъ половину моей печали... (Онъ беретъ ее за руку) Да, да, ты—моя нѣжная и мужественная. Ты знаешь меня. Ты угадываешь. Передъ тобой одной я смѣю, не упрекая самого себя, быть такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, не боюсь быть слабымъ человѣкомъ, рѣдко спокойнымъ, съ порывами гордости и любви... И чѣмъ сильнѣе я люблю, тѣмъ болѣе я становлюсь требовательнымъ... А гдѣ ребенокъ?

КЛАРА (указывая на дверь, направо). Въ нашей спальнѣ. Онъ спитъ.

ЭРЕНЬЕНЪ. Сколько разъ я приводилъ въ отчаянье моего отца! Мои прихоти были такими безумными, что онъ билъ меня, и подъ ударами я все-таки продолжалъ кричать, плакать и вопить о своихъ желаніяхъ. И подумать только, что теперь я задушилъ бы своего сына, если бы онъ поступалъ такъ, какъ я. (Недалеко отъ дома разрывается граната. Эренъенъ и Клара бросаются къ окну. Толпа привѣтствуетъ Эренъена) Право, это хорошее время для того, чтобы любить другъ друга. Ничто такъ не соединяетъ, какъ подобная тревога и волненія. Мнѣ кажется, что мы живемъ въ первые мѣсяцы нашей любви. Ты мнѣ кажешься еще прекраснѣе. Моя

любовь къ тебѣ такъ искренна, такъ горяча, такъ совершенна, какъ никогда.

КЛАРА. Моя душа полна любви и преданности.

ЭРЕНЬЕНЬ. Эти похороны что-то взяли отъ меня... Я не знаю, что—часть моей жизни, мое дѣтство?.. Они оторвали меня отъ моей кипучей жизни, которую я расточалъ для всѣхъ, всѣмъ отдавалъ, разсѣивалъ тамъ, далеко отъ тебя, отъ насъ, въ Оппидомани... Я представлялъ себя въ деревнѣ, въ опустошенной странѣ галлюцинирующихъ равнинъ. Я представлялъ себѣ, какъ я бродяжничаю вечеромъ въ заросляхъ или скачу на бѣшеномъ жеребенкѣ по отцовскимъ полямъ. Я вспоминалъ пастуховъ, слугъ, служанокъ... Я припомнилъ дороги въ школу и церковь и все—вплоть до отчетливаго звона приходскаго колокола. Я былъ такъ печаленъ и такъ счастливъ; я горѣлъ нетерпѣньемъ снова увидѣть васъ—тебя и ребенка. (Обнимая Клару) А теперь покажи мнѣ твои глаза, твои прозрачные и кроткіе глаза; они безконечно любятъ меня... и они полны для меня прекраснѣйшаго свѣта. (Наклонивъ лицо къ Кларѣ) Не правда ли, они вѣрные, вѣжные, кроткіе и ясные,—или, быть можетъ, я бывалъ такъ грубъ, что заставлялъ ихъ иногда плакать?

КЛАРА. Когда ты говоришь злыя слова, твои мысли не бывають такъ дурны.

ЭРЕНЬЕНЬ. О, я не изъ тѣхъ, кто любить покорно. Но ты все-таки любишь меня, хотя и знаешь мою ужасную жизнь, настоящую, которая даетъ мнѣ право существовать на землѣ.

КЛАРА (съ легкимъ упрекомъ). Ты мнѣ такъ часто говоришь объ этомъ!

ЭРЕНЬЕНЬ (властно). И я опять хочу говорить тебѣ объ этомъ. Я хочу грубо утомить тебя этимъ, такъ какъ у меня страсть быть съ тобою искреннимъ до конца. Ты не была бы моей женой, если бы мнѣ пришлось

что-нибудь скрыть отъ тебя. Я скорѣе соглашусь видѣть, какъ ты плачешь, но лгать не стану.

КЛАРА. Если бы ты былъ другимъ, я любила бы тебя меньше.

ЭРЕНЬЕНЪ. И потому ты хорошо знаешь, что я преувеличиваю... Когда я отвожу тебѣ такое маленькое мѣсто въ моей жизни, я обманываюсь и обманываю тебя.

КЛАРА. Хорошо, оставайся мучителемъ, деспотомъ— все равно! Моя любовь— вотъ вся моя власть надъ тобой и надъ ребенкомъ.

ЭРЕНЬЕНЪ.

Ты мнѣ воистину жена!

Когда въ юньскій вечеръ

Уже давно ты отдала мнѣ душу,

Я клятву далъ себѣ, что никогда

Мои уста

Не поцѣлуютъ устъ иныхъ,

Иныхъ груди.

Цвѣтокъ тумановъ и озеръ!

Какъ радостно моей рукой

Тебя я вырвалъ изъ моей страны суровой

И въ сердце перенесъ Оппидомани.

Я вижу и люблю въ твоихъ глазахъ открытыхъ

Деревню, озеро и пашню.

Скажи, мы такъ останемся, мы спрячемся, замкнемся?

Уйдемъ въ любовь, она освобождаетъ насъ.

Мы будемъ обожать, прощать другъ друга, жить въ экстазѣ.

И пусть прожорливые дни

Назначенное время поглощаютъ;

Вокругъ витаетъ огненная смерть;

Ночь сѣтью кажется, а вечеръ кажется несчастьемъ;

И чудится, что въ небесахъ безумныхъ

Дробятся и сгорают звѣзды,
И падаютъ на насъ горящiе осколки.

Ребенокъ Эренъена пришелъ поцѣловать отца;
Эренъенъ съ нимъ небреженъ и какъ будто
забылъ о немъ. — Проходить толпа съ ужас-
нымъ ревомъ. — Эренъенъ спѣшитъ къ окну.
Слышны крики: „Биржа горить!“ „Арсеналь го-
рить!“ „Портъ горить!“ — Зарево освѣщаетъ ком-
нату.

ЭРЕНЪЕНЪ.

Оппидомани ужели настала кончина!
Кровью ужель обагрится вершина
Страшныхъ костровъ, воздвигаемыхъ нынѣ для
пытокъ?
Законовъ ея лицемѣрный и тягостный свитокъ
Всѣ злодѣянья, убійства прiялъ,
Ложь, воровство оправдалъ.
Отяжелѣла она отъ разврата;
Нынѣ прижала она опьянѣвшiя губы
Къ черной грязи, что хранятъ ея сточныя трубы.
Виснуть у ней на груди преступленья, пороки
Грудь ея жадно сосутъ, какъ волчата.
Нынѣ падутъ арсеналы и доки,
Свѣтлые храмы падутъ.
Освобожденъ отъ путъ
Миръ этотъ встрѣтитъ привѣтомъ:
Пепель кровавый, что вѣтромъ вздымаемъ
Къ будущимъ днямъ, къ возрожденному свѣту,
Мы прославляемъ.
Сердце лишь Оппидомани—
Сердце грядущихъ временъ
Сгинуть не можетъ въ пучинѣ огня и стenaniй;
Вѣрить нельзя, что уже осужденъ
Нынѣ разбиться о смерть на безвѣстныхъ путяхъ
Рока пучокъ узловатый:
Держить его въ разъяренныхъ рукахъ

Оппидомань.

Вѣрить нельзя, что сіяющій садъ ея новыхъ
временъ

—Двери открыла въ нихъ Оппидомань,—

Будеть разрушенъ ударами молній крылатыхъ,

Грудой безжизненныхъ дѣлъ загражденъ.

Тотъ, кто подумаетъ такъ,

Разума—жалкій—лишенъ.

Оппидомань!

Всѣ надежды ея и маякъ,

Что всегда побѣждалъ вечера,

Неколебимыми будутъ,

Пока не настанетъ иная пора,

Пока люди пребудутъ

Подобные мнѣ, сохранившіе кровь,

Чтобы вновь

Вѣру зачать,—

Чтобы алчный и немощный міръ стариковъ

Волею новыхъ боговъ

Пересоздать.

клара. Какіе ужасы и скорби намъ предстоятъ!

эренъенъ. Каковы бы они ни были, я запрещаю тебѣ роптать. Мы живемъ въ грозные дни террора, агоніи и обновленія. Невѣдомый становится Владыкой. Однимъ сильнымъ движеніемъ головы люди страхируютъ тяжесть вѣковыхъ заблужденій. Утопія отказывается отъ крыльевъ и сходитъ на землю. Сами осаждающіе сознаютъ это.

клара. Сегодня утромъ ты получилъ новости отъ непріятели?

эренъенъ. Нѣтъ еще. Но то, что капитанъ Орданъ предсказывалъ вчера, придаетъ мнѣ бодрость на многіе дни. Этотъ капитанъ изъ породы пламенныхъ людей, которые осуществляютъ невозможное... Подумай только! Мы вдвоемъ уьемъ войну на глазахъ низверженныхъ и бессильныхъ начальниковъ. Добьемся при-

миренія непріятельскихъ солдатъ и нашихъ! Употребимъ всѣ силы своего существа, всю энергію своей вѣры для этой послѣдней цѣли! Какая мечта!

КЛАРА (съ вѣжной ироніей). Какая иллюзія!

ЭРЕНЬЕНЪ. Никогда не нужно отталкивать надежду, если она открываетъ широкіе горизонты. То, что кажется сегодня невѣроятнымъ, станетъ завтра явнымъ и возможнымъ. Ордэнъ свидѣтельствуемъ только объ одномъ: существуетъ глухое возмущеніе, глубокое, но подавленное недовольство, тайные заговоры и кружки. Войска не хотятъ войны. Они потеряли терпѣніе. Дисциплина въ нихъ нарушена. Идеи справедливости носятся въ воздухѣ. Смутно говорятъ объ единеніи. Искра брошена въ костеръ. Я жду, чтобы порывъ вѣтра зажегъ солому и дрова.

(Эренъенъ слушаетъ враждебный ропотъ на улицѣ. Кто-то звонитъ. Входитъ консуль Оппидоманскій)

консуль. Жакъ Эренъенъ, я пришелъ къ вамъ отъ имени правительства Оппидомани, которое проситъ васъ исполнить одинъ важный долгъ. Хотя наши взгляды расходятся, но согласіе между нами становится необходимымъ, разъ дѣло идетъ о спасеніи города. Мнѣ кажется, что я говорю съ будущимъ вождемъ того народа, который мы любимъ по-разному, но оба одинаково горячо.

ЭРЕНЬЕНЪ. Вступленіе излишне. Я хочу знать, что васъ привело сюда и чего вы ожидаете отъ меня.

(Знакомъ приглашаетъ его сѣсть)

консуль. Положеніе вашихъ друзей тамъ, на кладбищѣ, самое жалкое. Они не выдержатъ ни одной серьезной атаки. Вчера правительство пыталось сломить ихъ упорство; но ихъ оказалось такъ много, и они такъ молоды и отважны... Они могутъ принести пользу при защитѣ Оппидомани. Пока они только не-

покорны; они взволнованы, они устроили стачку—вотъ и все. Можетъ быть, завтра, увидѣвъ ужасные пожары, которые вспыхнули тамъ, они станутъ въ свою очередь поджигателями. Ненависть внушаетъ безуміе, и если бы они стали убивать и грабить—это не былъ бы еще конецъ, но былъ бы полный позоръ.

эренъенъ. Я питаю отвращеніе къ войнѣ. Война же между людьми одной земли ужасаетъ меня болѣе всякой другой. Вы волновали землю и небо, чтобы вызвать ее въ Оппидомани. Вы разводили народную нищету. Вы отказывали народу въ хлѣбѣ, въ правахъ, въ уваженіи; вы мучили его тѣло и душу. Вы извлекали выгоду изъ его невѣжества такъ же, какъ изъ вашего вѣроломства, ловкости, лживости, цинизма и презрѣнія. Вы подлы и преступны.

консулъ. Я представлялъ себѣ ваши взгляды болѣе основательными, безпристрастными и возвышенными.

эренъенъ. Я высказываю вамъ свои мысли и свое сужденіе, какъ врагу. Я ненавижу васъ, но вы мнѣ жалки.

консулъ (вставая). Это оскорбленіе.

эренъенъ. Это страсть и искренность.

консулъ. Это прежде всего несправедливость.

эренъенъ. Да что толковать! Я могъ бы конечно рассказывать вамъ о гнѣвѣ городовъ и ужасномъ состояніи деревень. Мнѣ вѣрна моя память; она вооружена воспоминаніями, которыя поражаютъ васъ, какъ коса. Все, что преступнаго сдѣлали вы противъ жизни, она не забыла.

Знала она вашу душу и васъ призываетъ

Жить справедливо, правдиво и честно,

Сильными быть безпорочною силой.

Если забудусь и вамъ окажу я услугу,

Скоро начнете вы снова

Нити свивать вѣроломства.

Вѣрите вы, что коварство священно.
 Васъ сторожить оно, держать, влечь
 Къ гибели страшной, фатальной.

консуль. Вы, слѣдовательно, не имѣете никакого
 довѣрія?

эренъенъ. Никакого.

консуль. Тогда я удаляюсь.

(Консуль поднимается, чтобы идти)

эренъенъ. Я жду...

(Консуль колеблется, дѣлаетъ два шага и раз-
 думываетъ)

консуль. Безумно, конечно, придавать нашимъ
 словамъ больше значенія, чѣмъ нашимъ поступкамъ.
 Одна Оппидоманъ должна занимать насъ.

эренъенъ. Я думалъ только о ней, принимая васъ
 у себя.

консуль. Государственный и умный человѣкъ, по-
 добный вамъ, знаетъ лучше всѣхъ, какъ далеко рас-
 пространено имя и вліяніе Оппидомани.

Ея исторія—исторія правителей великихъ

И консуловъ. Они подъ небомъ золотымъ и пла-
 менемъ объятимъ,

На почвѣ красной, тамъ, гдѣ кровь пылала,

До крайняго предѣла міра,

Своими жестами магнетизировали войско.

Въ тѣ времена страданья наши были плодотворны.

Народъ и предводители его, какъ два соперника,

Побѣды страстно добивались.

И знаютъ тѣ, что окружили насъ и осаждаютъ,

Какое красное, побѣдное волненье возбуждали

Безумныя знамена наши

На ихъ равнинахъ снѣжныхъ.

Прекрасенъ городъ—это знаютъ всѣ;

Огроменъ городъ—въ памяти хранятъ его такимъ

Моря, земля и солнце.

Такъ подвиги и преступленья славу раздѣляютъ.

А вы лишь преступленья видѣтъ

И указать спѣшите.

эренъенъ.

Прошла ваша слава, покинула нынѣ вершины;

Своимъ знаменитымъ мечомъ она право убила;

Возникла торжественно слава иная—

Могучая, чистая, дѣвство свое сохранивъ,

Она отъ меня происходитъ и голову нынѣ подыметъ.

Эта слава создана изъ новой глубокой справедливости, изъ внутренняго героизма, изъ пламеннаго упорства, необходимаго и временнаго насилія. Она не такъ блестяща, какъ ваша, но она надежнѣе. Ее ждетъ весь міръ. Мы съ вами ее ждемъ: вы—со страхомъ, я—съ нетерпѣніемъ. Мы чувствуемъ, что она неизбежна, что она на порогѣ. Вотъ почему вы пришли ко мнѣ. Вотъ почему я имѣю смѣлость обращаться съ вами, какъ съ побѣжденнымъ. Что бы ни дѣлали вы и ваша каста, все зависитъ отъ моего согласія или отказа.

консулъ. Вы ошибаетесь...

эренъенъ. Нѣтъ! Вы такъ же, какъ и я, сознаете вашу слабость безъ меня. Въ моихъ рукахъ—вся духовная и сокровенная мощь Оппидомани.

консулъ. Но вы забываете, что значитъ крушеніе государства; всѣ прежніе интересы, всѣ вѣковыя привычки поддерживаютъ его. И у насъ есть войско.

эренъенъ. Войско? Скорѣе — командиры, потому что солдаты колеблются и протестуютъ. Они готовы присоединиться къ народу. Они—моя надежда и вашъ страхъ. Если бы они повиновались вамъ всѣ, если бы вы не боялись огромнаго народнаго и военнаго возстанія, вы уже бомбардировали бы Авентинъ. (Молчаніе) Наконецъ, вы приходите просить меня, не правда ли, идти туда, на гору, къ могиламъ, приказать угнетен-

нымъ сойти къ тѣмъ, кто ихъ поработилъ. О, я отлично вижу опасность и неудобство этой мисси!

консуль. Вы ошибаетесь. Правительство просить васъ возвѣстить, что наступаетъ часъ, когда опасность дѣлается такой большой, что превосходитъ всякую вражду. Тотъ, кто вѣрится въ Оппидоманъ, долженъ доказать свой героизмъ. Нашему народу открыта возможность еще неслыханнаго возрожденія.

эренъенъ. Какъ поступать съ тѣми, кто сюда вернется?

консуль. Солдаты снова поступаютъ въ армію въ тѣхъ же чинахъ; другіе вернутся къ семьѣ, домой. Если за время ихъ отсутствія въ ихъ семьѣ наступила нищета, мы обезпечимъ ихъ. Впрочемъ, общайте, что хотите: вы не нарушите закона. Мы довѣряемъ.

эренъенъ. Вы мнѣ подпишете это?

консуль. Это уже сдѣлано. (Онъ протягиваетъ бумагу)
Читайте.

(Эренъенъ провѣряетъ и, повидимому, удовлетворенъ)

эренъенъ. Еще одинъ вопросъ. Когда я велъ за собой фермеровъ, стариковъ и городскихъ бродягъ, почему вы ихъ вытолкали за городскія стѣны къ неприятелю?

консуль. Это была ошибка. Должны были вамъ поинноваться.

эренъенъ. А кто позволилъ похоронить моего отца возлѣ моихъ близкихъ?

консуль. Я.

эренъенъ. Ступайте и передайте правительству, что я иду на Авентинъ.

Эренъенъ идетъ къ окну и кричитъ народу, который все еще толпится на улицѣ: „Безъ ропота пропустите человѣка, который выйдетъ отъ меня: онъ только-что исполнилъ свой долгъ... Сегодня вечеромъ—на кладбищѣ на-верху!“

СЦЕНА ВТОРАЯ.

На Авентинѣ (кладбище на возвышенности). Народъ собрался. Это—на трибунѣ: это просто могила—повыше другихъ. Козлы изъ ружей поставлены около могильныхъ клумбъ. Между цвѣтами видны кресты, памятники и колояны. Вооруженные рабочіе стоятъ на стражѣ на стѣнѣ ограды. Спускается ночь. Зажигаютъ огни.

эно. Въ заключеніе я скажу то же, что говорилъ вчера: въ революціи нужно истреблять идеи въ лицѣ тѣхъ, кто ихъ олицетворяетъ. Нужно идти впередъ шагъ за шагомъ, безъ лишнихъ словъ, достигая ближайшихъ цѣлей. Пусть каждый хладнокровно выберетъ себѣ челоуѣка, свою жертву. Никто не смѣетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока три правителя и два консула Оппидомани не умрутъ. Терроръ повлечетъ за собой спасеніе.

толпа. — Зачѣмъ кричать о томъ, о чемъ нужно молчать?

— Каждый—хозяинъ своего ножа.

— Молчите!

эно. Врагъ поджигаетъ церкви, банки, государственныя учрежденія. Намъ остается Капитолій и Правленіе. Разрушимъ ихъ. Сойдемъ ночью въ Оппидоманъ, группами.

нѣкто. Невозможно. Авентинъ окруженъ.

эно. Наконецъ, можно подкупить кого-нибудь.

толпа.—Для чего эти убійства?

— Одинъ начальникъ погибнетъ, явится другой.

— Нужно увлечь массу.

эно. Это—головы, которыя нужно отрѣзать, чтобы убить животное. Когда въ Оппидомани началось волненіе среди товарищей, кто могъ думать о полумѣрахъ? Восхищались всѣми, кто уничтожалъ имущество и людей. Банки и театры взлетали на воздухъ,— и безъ страха, невозмутимо умирали великіе убійцы старыхъ идей, безумные въ глазахъ судей—герои въ

глазахъ народа. Это было время наивныхъ жертвъ, трагическихъ рѣшеній, быстрыхъ исполненій. Презрѣнiе къ жизни царствовало надъ всѣмъ. Теперь все дрябло и слабо: настроенiе умовъ сдѣлалось подобнымъ луку съ ослабѣвшей тетивой. Уклоняются, чего-то ждутъ, рассчитываютъ, рассуждаютъ,—и вы боитесь теперь этой побѣжденной Оппидомани, а вѣдь прежде, когда она была побѣдоносной, вы умѣли выступить противъ нея.

толпа.—Мы любимъ ее теперь: вѣдь ее осаждаютъ.

— Наши жены и дѣти еще тамъ.

— Наша стачка не кончится.

— Вернемся въ Оппидомань.

эно. Если хочешь чего-нибудь добиться, нужно умѣть желать, несмотря ни на что. Пришелъ часъ послѣдняго отчаянiя. Что значать скорбь и вопли матерей, если, благодаря нашимъ мукамъ, завоевана новая жизнь!

нѣкто (указывая на Эно). У него нѣтъ дѣтей!

эно. Я хотѣлъ бы ихъ имѣть для того, чтобы посвятить Будущему.

нѣкто. Это фразы: вы отступаете, какъ только начинаютъ дѣйствовать.

эно. Я доказалъ свою готовность во время бунта.

нѣкто. Вы спрятались, когда убивали народъ.

эно. Если бы у меня была тысяча рукъ толпы, я бы дѣйствовалъ одинъ и презрѣлъ бы васъ...

(Свистки; безпорядокъ; Эно прогоняютъ съ трибуны)

группа въ толпѣ.—Вотъ еще одинъ, который не проведетъ насъ.

— Онъ слишкомъ ничтоженъ и трусливъ.

другая группа.—Мы ненавидимъ другъ друга съ тѣхъ поръ, какъ узнали другъ друга лучше.

— Мы сразу пожелаали всего, — и теперь у насъ нѣтъ желаній.

— Бездѣйствіе губить насъ.

— Вернемся въ Оппидоманъ.

(Волненіе стихаетъ. Трибуну занимаетъ Ле-Врэ)

ЛЕ-ВРЭ. Это напрасно погорячился. Онъ обвинилъ васъ въ отсутствіи смѣлости. Развѣ одно наше пребываніе на этой горѣ не есть уже доказательство героизма? Съ минуты на минуту насъ могутъ атаковать и убить.

эно. Осторожнѣе: вы испугаете ихъ.

ЛЕ-ВРЭ (смотря на Эно, пожимаетъ плечами и продолжаетъ). Наша ненависть должна обрушиться на одну Оппидоманъ: не слѣдуетъ тратить силы на взаимную вражду. Вотъ недѣля, какъ мы живемъ вмѣстѣ, и уже раздоръ, ревность, злоба, нерѣшительность однихъ, безуміе другихъ торжествуютъ надъ нашимъ союзомъ, закрѣпленнымъ Богомъ знаетъ какими обязательствами! Къ счастью, есть хорошая новость. Правительство разрѣшило Эренъену придти къ намъ, сюда, на Авентинъ. (Показываетъ бумагу) Я узналъ объ этомъ изъ его письма.

ТОЛПА (со всѣхъ сторонъ). — Эренъенъ разберется во всемъ. Онъ сумѣетъ успокоить нашу тоску.

— Онъ знаетъ, что нужно дѣлать.

— Онъ вернетъ намъ нашу душу.

НЕСОГЛАСНЫЙ. Это тотъ самый, къ которому всегда обращаются?

ДРУГОЙ НЕСОГЛАСНЫЙ. Мы довѣряемся, какъ женщины.

ЛЕ-ВРЭ. Такими словами вы искушаете народъ.

НЕСОГЛАСНЫЙ. Мы открываемъ ему глаза. Мы предупреждаемъ его быть осторожнымъ.

ЛЕ-ВРЭ. Толпа обожаетъ Эренъена. Она не разбирается въ увлеченіяхъ.

НЕСОГЛАСНЫЙ. Эренъень не Богъ. Почему вечеромъ, во время стачки, онъ покинулъ Оппидоманъ?

ЛЕ-ВРЭ. Его отецъ умиралъ.

НЕСОГЛАСНЫЙ. Подъ его исчезновеніемъ скрывалось бѣгство. Вы подкуплены Эренъеномъ!

ЛЕ-ВРЭ. Если бы я былъ подкупленъ, вы давно были бы у меня на жалованьѣ. Вы низменная душа: вамъ непонятны чистыя души

(Крики одобренія)

нѣкто. Будемъ ждать Эренъена!

ЮНОША. Я послѣдую за нимъ, но я убью его, если онъ насъ обманывалъ.

ЛЕ-ВРЭ. Я ручаюсь за него, какъ ты за себя. Эренъень необходимъ намъ. Мы увѣрены въ немъ. Посмотрите туда! (Происходитъ движеніе у входа на кладбище) Онъ идетъ. Онъ одинъ достаточно силенъ, чтобы соединить и спасти насъ.

Толпа собирается на стѣнѣ ограды. Долгіе крики радости. Эренъень быстро поднимается на могилу и начинаетъ говорить. Передъ нимъ Эно, за которымъ онъ наблюдаетъ.

ЭРЕНЪЕНЪ. Наконецъ, я среди васъ! Вы и я живемъ лишь на-половину, когда мы—не вмѣстѣ. Въ деревнѣ, гдѣ умиралъ мой отецъ, я узналъ о вашемъ переселеніи на эту гору. Я думалъ о временахъ Рима, о благородствѣ, твердости, мужествѣ и красотѣ высшихъ народовъ. Что бы ни случилось, этотъ блестящій и смѣлый поступокъ возвысилъ васъ. Вы доказали вашу товарищескую вѣрность и вашу безупречную храбрость. Нынѣ смирились тѣ, кто отказывалъ вамъ, солдаты, въ надлежащей платѣ, и вамъ, граждане, въ томъ, что вы требовали по справедливости. Средство, которымъ вы воспользовались, оказалось превосходнымъ; но пригодно ли оно теперь? Вооруженное столкновение съ Оппидоманью было бы несчастьемъ. До сихъ поръ его можно было избѣжать. До сихъ поръ вы были

сплочены въ превосходный союзъ самообороны. Я утверждаю открыто, что вы гордились вашей совмѣстной жизнью, которая создавалась, благодаря вашему взаимному ясному и доброму желанію. Вы поняли, что будущее зависѣло отъ вашего поведенія. Это хорошо. (Молчаніе. Всѣ склоняють головы) Но удержится ли эта связь среди нищеты и голода, которые начнутъ свирѣпствовать тутъ? (Общее молчаніе. Эно пожимаетъ плечами. Эренъенъ понимаетъ, что сейчасъ былъ споръ. Быстро мѣняя тонъ) Я признаю: вы подвергались страшному риску. Правда, съ высоты этой горы смерти вы властвовали надъ тѣми, кто васъ ненавидитъ. Но вамъ не доставало вашего жилища и очага, вамъ не хватало вашихъ женъ, вашихъ сыновей и дочерей! Правительство держитъ ихъ въ своихъ рукахъ, горя нетерпѣніемъ ихъ задушить! Ахъ! Передъ вами прошла безконечная вереница черныхъ часовъ, долгая и медленная процессія тоски въ вашей душѣ! Къ счастью, все можетъ измѣниться: правительство предлагаетъ вамъ миръ.

эно. Мы никогда не станемъ входить въ сдѣлки съ правительствомъ.

эренъенъ. Если мы откажемся войти въ сдѣлку, будетъ рѣзня. Какъ! Здѣсь собралась кучка смѣльчачковъ, отъ которой зависитъ судьба народа. Неужели мы согласимся умереть, какъ дичь, пойманная въ силки, накануне великой побѣды плебеевъ?

(Крики одобренія)

эно. Всѣ предложенія правительства нужно отвергнуть безъ обсуждения.

эренъенъ. Всѣ предложенія нужно обсуждать и принять только часть. Согласенъ, что это средство опасно, но я—человѣкъ, готовый воспользоваться молчійей...

(Крики одобренія)

эно. Вы одурачите насъ.

эренъенъ. Что вы понимаете въ моихъ планахъ

въ моихъ надеждахъ и моей жизни? Вы разрушаете, а я созидаю. Кто слушаетъ васъ, тратитъ свои силы на взаимное недоувѣрiе, заговоры и терроръ. Ужъ недѣлю вы свирѣпствуете: вы не достигли ничего, кромѣ жалкихъ пререканiй. Я пришелъ и угадываю вашъ ничтожный замыселъ. Я стыжусь его.

(Крики одобренiя)

эно. Я не хочу тирана.

(Свистки)

эренъенъ. Вы стали бы имъ, если бы я не помѣшалъ вамъ дѣлать то, что вы дѣлаете.

(Одобрениа)

эно. Вы свергнете правительство только для того, чтобы занять его мѣсто.

эренъенъ. Его мѣсто! Я могъ его занять, но я пренебрегъ имъ.

(Одобрениа)

эно. Вы соглашаетесь на самые подозрительные компромиссы, вы торгуете...

эренъенъ. Тише! Молчите! Пусть наши споры не касаются личностей. (Обращаясь непосредственно къ толпѣ) Я ненавижу власть до такой степени, что не подсказываю вамъ условiй мира. Вы сами ихъ предложите правительству. Говорите.

(Одобрениа)

нѣкто. Мы хотимъ, чтобы съ нами обращались, какъ съ людьми. Мы воспользовались этимъ правомъ, устроивъ стачку

эренъенъ. Прекрасно.

другой неизвѣстный. Мы хотимъ, чтобы наше имущество было возвращено намъ.

эренъенъ. Это—объщано.

другой неизвѣстный. Мы хотимъ, чтобы рабочимъ заплатили просроченную заработную плату.

ЭРЕНЬЕНЪ. Правительство обязываетъ.

другой неизвѣстный. Мы хотимъ вернуться въ городъ вооруженными.

ЭРЕНЬЕНЪ. Вамъ будетъ это предоставлено. И я прибавлю, что если въ ваше отсутствіе были произведены конфискаціи, ихъ отмѣнять. Забудутъ всѣ штрафы. Вы будете судьями тѣхъ, кто судилъ васъ. (Крики одобренія) А теперь, когда мы пришли къ соглашенію, скажите мнѣ, не чудовищно ли, чтобы люди одной и той же земли стали рѣзать другъ друга? Подумайте: тамъ, въ старыхъ кварталахъ, на улицахъ, охваченныхъ лихорадкою, въ атмосферѣ пороха и пожара, растерянные умы ждуть послѣдняго убѣжища, въ надеждѣ на великое возрожденіе. Это о нашихъ программахъ все болѣе и болѣе спорятъ, наши рѣчи объясняютъ, нашу душу впитываютъ въ себя. Само войско волнуется нашими мечтами. Все недовольство, вся злоба, всѣ несправедливости, притѣсненія, рабство заговорили новымъ языкомъ и заставляютъ слушать себя! Наши правители ненавидятъ другъ друга. Въ нихъ нѣтъ больше силы. Они повинуются прираку. (Повсюду сочувственныя восклицанія) У непріятеля—то же несогласіе, та же слабость. Среди солдатъ появляются непокорные. Возстаютъ противъ жестокости начальниковъ, противъ ужасовъ и безумія войны. Ненависть вырастаетъ въ бурю. Въ крайней скорби, нищетѣ и несказанномъ страхѣ, все стремится къ необходимому человѣческому единенію. Стыдятся быть убійцами. Скажите: если бы это стихійное волненіе могло угаснуть; если бы тѣ, кто осаждаютъ насъ, чувствовали, сколько среди насъ братскихъ сердець; если бы, въ силу неожиданнаго соглашенія, мы осуществили сегодня хотя часть великой мечты человѣчества,—развѣ Оппидоманъ не была бы тогда достойна прощенія ея позора, безумія и поруганія. Оппидоманъ сдѣлалась бы тѣмъ мѣстомъ на землѣ, гдѣ совершилось одно изъ рѣдкихъ

священныхъ событій. Съ этою мыслью нужно слѣдовать
за мной, туда, къ вашимъ дѣтямъ.

(Крики одобренія)

толпа.—Одинъ онъ руководить событіями.

— Безъ него пропало бы наше дѣло.

Нѣкто (обращаясь прямо къ Эренъену). Мы всѣ будемъ
повиноваться вамъ, воистину вы—учитель.

Крики одобренія. Нѣкоторые поднимаютъ
Эренъена на плечи и несутъ его къ городу.
Ле-Брэ идетъ за нимъ. Всѣ сходятъ. Слышны
торжественные крики.

Э. Верхарнъ. Зори.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Двѣ недѣли спустя.

Квартира Эренъена—та же, что и во второмъ актѣ. Рабочій столъ, заваленный бумагами, стоитъ у окна, въ которомъ выбиты стекла. На улицѣ толпа проходитъ, удаляется и вновь возвращается. Группы кричатъ: „Долой измѣнника!—Смерть предателю!—Смерть! —Долой!“

КЛАРА. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ это продолжается! Домъ похожъ на корабль, потерпѣвшій крушеніе. Его застигла буря криковъ и гнѣва. О, это проклятое предпріятіе тамъ, на-верху, на Авентинѣ! Упастъ вдругъ со щита восторговъ въ немилость и ненависть.

(Быстро входитъ Эно)

КЛАРА. Ты... здѣсь!

ЭНО. Да, это—я.

КЛАРА. Что тебѣ нужно?

ЭНО. Такъ ты не знаешь о моей рѣчи на Старомъ Рынкѣ?.. Я ожидалъ лучшаго приѣма.

КЛАРА (указывая на комнату Эренъена). Какъ... ты! Его соперникъ и врагъ! (Указываетъ на улицу) Ты, который раздуваешь эти крики и эту бурю!

ЭНО. Теперь, послѣ того, что стало извѣстно Эренъену, онъ, вѣроятно, приметъ меня лучше, чѣмъ ты, мой другъ и моя сестра.

кларА. Я не понимаю.

эно. Ты скоро поймешь. А пока скажи мнѣ, какое было у него настроеніе во время этихъ дней напрасной и жалкой злобы.

кларА. О, не думай, что онъ побѣжденъ! Онъ остался непреклоннымъ; онъ приводитъ къ концу самый смѣлый изъ замысловъ: онъ примирить Оппидоманъ съ непріятелемъ.

эно (указывая на улицу). А эти бунтовщики, что горланили у его двери?

кларА. Первое время это было тяжело. Сколько я ни старалась смягчить его гнѣвъ, ухаживать за нимъ, заботиться о немъ больше, чѣмъ когда-либо, онъ снова впадалъ въ ярость, самъ себя раздражалъ, вскакивалъ на окно, грозилъ кулакомъ городу, кричалъ отъ боли, и слезы текли изъ его глазъ. Во всѣхъ своихъ порывахъ онъ оставался ужаснымъ ребенкомъ: вѣдь ты его знаешь.

эно. Ахъ, если бы онъ слушалъ меня, мы никогда не перестали бы понимать другъ друга. Правительство не обмануло бы его. Народъ продолжалъ бы его любить. Но онъ строптивъ, онъ никогда не зналъ, что значить настойчиво добиваться. Онъ дѣйствуетъ стремительно и порывисто, какъ вѣтеръ его родины.

кларА. Что же ему было дѣлать?

эно. Продлить возстаніе на Авентинѣ; поддержать его, вмѣсто того, чтобы успокоивать, принять гражданскую войну, обострить нищету, завладѣть банками силою; казенными учрежденіями — силою; и судьбой — силой же.

кларА. Это было невозможно.

эно. Все было возможно въ состояніи лихорадки, которой мы были охвачены. Но необходимъ былъ планъ, хладнокровно выработанное рѣшеніе, которому надлежало слѣдовать. Прежде всего нужно было организовать самооборону, — у насъ была стачка тамъ, на-верху, —

потомъ нападеніе и, наконецъ, кровавую борьбу. Нужно было позаботиться о дѣйствіяхъ ближайшихъ, опредѣленныхъ, неотложныхъ. Власть была бы убита: правитель и консулы. Мнѣ начинали повиноваться. Въ недобрый часъ пришелъ Эренъенъ на Авентинъ: ему помогали обстоятельства. Онъ говорилъ, какъ трибунъ, съ чувствомъ, съ трагическими жестами и эффектными словами: онъ вѣдь говоритъ, какъ въ бреду, а не убѣждаетъ. Ахъ! Когда я думаю объ этомъ, вся ненависть возвращается ко мнѣ.

КЛАРА. Какъ ты обманываешься!

(Крики на улицѣ. — Эно и Клара не обращаютъ на нихъ вниманія)

ЭНО. Казалось, что онъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ. Онъ смотритъ всегда дальше настоящаго. Я его никогда не понимаю.

КЛАРА. Я понимаю его всегда.

ЭНО. Это заблужденіе — тратить всю свою волю на служеніе какимъ-то мечтамъ. Кто слишкомъ усердно выдуваетъ стекло, заставляетъ его лопнуть.

КЛАРА. Не будемъ спорить. Ты — насильникъ, чувствующій себя слабымъ и неловкимъ. Если ты пришелъ сюда, къ нему, то для того, чтобы просить о чемъ-нибудь. Что же это?

ЭНО (съ гордостью). Я пришелъ тебѣ сказать, что вчера я, который говоритъ съ тобой, я укротилъ толпу, я защитилъ Эренъена, я добился того, что ему выразили одобреніе. Мое упорство побѣдило его дурную репутацію.

КЛАРА. Ты сдѣлалъ это, ты... Но почему же ты дѣлаешь одно, а думаешь другое?

ЭНО. А вотъ... Это значитъ, что когда я дѣйствую за свой страхъ, то терплю неудачу, меня предають; это оттого, что на меня сердятся; это оттого, что Ле-Бре меня вытѣсняетъ... Это значитъ, что, въ концѣ концовъ, остается одинъ Эренъенъ, несмотря ни на что. Онъ

одинъ можетъ спасти все дѣло. Онъ все напуталъ, такъ пусть и распутываетъ теперь.

КЛАРА. И ты его поддерживалъ, ты?

ЭНО. Конечно, такъ какъ возстанія нельзя начать снова, такъ какъ все ускользаетъ изъ моихъ рукъ, я терплю несчастье и неудачу. Если бы ты знала, насколько народъ еще ребенокъ и какъ онъ уже раскаивается, что потерялъ учителя!.. О! это конечно! Это конечно! И нужно было бы имѣть мужество скрыться.

КЛАРА. Такъ, значить, ты поддерживаешь мужа, отчаявшись въ самомъ себѣ?

ЭНО. Ну, хотя бы и такъ. (Беретъ шляпу и палку и готовится уйти) Прощай. Теперь ты знаешь то, что нужно... Когда Эренъенъ выйдетъ, предупреди его, что я вернусь еще.

(Онъ уходитъ. — Новый взрывъ свистковъ и криковъ. Входятъ Эренъенъ)

КЛАРА (показывая на толпу). Неужели люди такъ дурны, что даже лучшіе изъ нихъ такъ легко дѣлаются жестокими?

ЭРЕНЪЕНЪ. Будь терпѣлива. Я такой же упрямый, какъ тотъ крестьянинъ, который былъ моимъ отцомъ. Вчера эти крики преслѣдовали меня сквозь запертый домъ, они бились о стѣны, сверху до низу, отъ погреба до чердака, всюду, какъ набатъ. Я чувствовалъ поднимающійся гнѣвъ, я хотѣлъ ихъ задушить, уничтожить, испепелить. Ненависть охватила меня лихорадкой. Я отвѣчалъ бранью на ярость этихъ неизвѣстныхъ. Сегодня я чувствую себя очень твердымъ. (Развертывая письмо) Слушай, вотъ что мнѣ пишутъ: „Теперь я могу васъ вполне обнадежить. Всѣ офицеры на сторонѣ нашего дѣла и послѣдуютъ за нами. Одни по злобѣ, другіе по охотѣ, всѣ изъ отвращенія. Мы столкнулись вчера вечеромъ на тайномъ собраніи. Они у меня въ рукахъ. Они будутъ покорны мнѣ, какъ это перо, которымъ я пишу вамъ, какъ этотъ человѣкъ, котораго я посылаю

къ вамъ. Черезъ нихъ вся армія — наша. Генералы? Они — слишкомъ далеко, слишкомъ высоко; солдаты не знаютъ ихъ: обойдутся безъ нихъ“. (Снова складываетъ письмо) И это пишетъ мнѣ Ордэнъ, капитанъ вражеской арміи.

(Новый взрывъ криковъ: „Смерть! Долой!“)

КЛАРА. Другъ мой!

ЭРЕНЬЕНЪ. Пусть кричатъ, пусть! Впрочемъ, я предвидѣлъ, что правительство, когда даже обѣщаетъ все, когда оно отдаетъ все, удерживаетъ половину у себя въ рукахъ, какъ рыночные торговцы и шарлатаны. Было, конечно, безразсудно идти на Авентинъ! Но мнѣ былъ нуженъ народъ, мнѣ нуженъ былъ мой народъ и его страсть, чтобы придти къ соглашенію съ осаждающими.

КЛАРА. Какъ ты разсудителенъ!

ЭРЕНЬЕНЪ. Правительство надменно посмѣялось надо мной! Эти ничтожные люди въ галунахъ, мѣрзующіе мою гордость по своей, пришли сюда предложить мнѣ кусокъ своего разрушающагося могущества, какъ будто люди, подобные мнѣ, не могли бы сами завоевать ихъ мѣсто прежде другихъ. Вотъ въ эту дверь они ушли — эти холопы, которыхъ выгоняютъ изъ дома. И съ тѣхъ поръ мое поражение возбуждаетъ ихъ страсти. Имъ осталось жить нѣсколько дней, и они забываютъ о своей агоніи, мечтая о моей казни. Ахъ, если бы народъ зналъ! Всѣ улики противъ меня! Я довѣрился какой-то несчастной роспискѣ, какой-то подписи, которую можно зачеркнуть тѣмъ же перомъ, которымъ написали. Чѣмъ больше давало правительство лживыхъ обѣщаній, тѣмъ большимъ лжецомъ оказывался я. Конечно, меня можно счесть за ихъ сообщника.

КЛАРА. Это народъ виновенъ. Ты обманывалъ его только потому, что самъ обманывался. Невинность всего, что ты дѣлалъ, бросается въ глаза... Ахъ! У меня есть свое убѣжденіе. Масса такъ же недовѣрчива, злобна,

неблагодарна, глупа, какъ тѣ, кто ею править. Никогда она не повѣритъ, что можно быть чистымъ и великимъ такъ, безкорыстно.

ЭРЕНЬЕНЪ. Я запрещаю тебѣ думать такъ.

КЛАРА. Вчера ты самъ говорилъ это.

ЭРЕНЬЕНЪ. О! Я—это другое дѣло!.. (Пауза) Народъ любить меня, и я люблю его, несмотря ни на что, при всякихъ обстоятельствахъ. То, что происходитъ, не болѣе, какъ ссора между нами двумя.

(Враждебные крики на улицѣ)

КЛАРА. Эта тысячная толпа готова жалить насъ оскорбленіями. И это тѣ же самыя уста, которыя превозносили тебя! Ахъ! Труссы! Презрѣнные! Безумцы!

(Новая буря криковъ)

ЭРЕНЬЕНЪ. Въ самомъ дѣлѣ, можно подуматъ, что они меня никогда не знали. (Идетъ къ окну съ поднятыми кулаками) О, эти звѣри! Звѣри! Звѣри! (Потомъ возвращается къ бюро) Однако, вчера, на собраніи, на Старомъ Рынкѣ, всѣ выразили мнѣ одобреніе. Эно защищалъ меня съ такимъ жаромъ, что я прощаю ему все. Ле-Бре пришелъ ко мнѣ сегодня ночью, чтобы ободрить меня. Двуличность правителей стала видна насквозь. Вся Оппидоманъ вернулась къ своему истинному учителю. Мой часъ снова наступилъ. Не правда-ли? (Съ нетерпѣніемъ) Ну, говори же!

КЛАРА. Да, есть надежда.

ЭРЕНЬЕНЪ.

О, вѣтъ сомнѣнья! Нѣтъ!

Пусть криковъ множество и пусть они упорны.

Ко мнѣ—провижу я—простерся рукъ букетъ,

И будутъ руки всѣ моей рукъ покорны;

И вновь рождается, какъ памяти приливъ,

Какъ славословія пѣна,

Воскресшихъ дней живительная смѣна.

(Говоритъ самъ съ собою)

Судьбу держу въ рукахъ, насильно подчинивъ.
 И міру вѣдомы мои дѣянья:
 Ревниво ихъ въ душѣ таить
 Кто ненавидить и молчить,
 И тотъ, съ кѣмъ я связалъ мои желанья...
 Во мнѣ отнынѣ воплощенъ
 Прекрасный сонъ.
 Вотъ время и часы, когда пьянѣть мечтанья:
 Какъ никогда—мечтаю жить и жить,
 И этимъ ужасамъ, и крикамъ, и стenanьямъ
 Души моей не побѣдить.
 И въ ней—
 Лишь будущіе дни—и нашихъ дней
 Они сильнѣй.

КЛАРА (указывая на улицу). Если бы они видѣли тебя, какъ бы они были подкуплены твоей увѣренностью!

Мой другъ, ты гордость мнѣ внушилъ,
 Исполнилось съ твоей душой сліянье:
 Въ тебѣ сгораю я,
 Возьми мое лобзанье,
 Возьми его, носи, какъ ясный щитъ,
 Пусть онъ—сверкающій—тебя хранитъ.
 Лобзанья искреннѣй, нѣжнѣй
 Никто не вѣдалъ... (Она цѣлуетъ его)

ЭРЕНЬЕНЪ. Если бы я самъ себя потерялъ, я снова нашелъ бы себя въ тебѣ: такъ моя сила перешла къ тебѣ въ сердце! Но я такъ твердъ въ своей судьбѣ, что ничто изъ того, что происходитъ теперь, не кажется мнѣ реальнымъ. Я вѣрю въ неожиданное, въ случай, въ неизвѣстное. (Указываетъ на улицу) Пусть кричатъ и кричать еще! Они уже готовы раскаяться.

(Волненіе растеть. Слышны глухіе удары въ дверь внизу. Стекла въ окнахъ разбиты)

ЭРЕНЬЕНЪ. Если они будутъ стучать, я отворю имъ клара. Это было бы безуміемъ.

ЭРЕНЬЕНЪ. Въ инныя минуты одно мое присутствіе было уже побѣдой! Никогда я не отталкивалъ ихъ, когда они стучались въ мою дверь.

Эренъень бѣжитъ къ окну, оттолкнувъ Клару, которая хотѣла его удержать. Онъ отворяетъ окно и стоитъ передъ нимъ, скрестивъ руки. Шумъ стихаетъ и смѣняется молчаніемъ. Внезапно, издалека, доносятся другіе крики: „Долой правительство! Долой провокаторовъ! Да здравствуетъ Эренъень!“

ЭРЕНЬЕНЪ. Наконецъ-то! Вотъ настоящій народъ. Это онъ привѣтствовалъ меня на Старомъ Рынкѣ! Мое сердце меня не обмануло. Когда я былъ еще глухъ, онъ уже слышалъ.

(Волненіе. Толкотня. Противорѣчивые возгласы. Потомъ постепенно все стихаетъ)

КЛАРА (у окна). Ле-Брѣ хочеть говорить. Слушай.

ЭРЕНЬЕНЪ (нетерпѣливо). Я самъ хочу говорить.

ЛЕ-БРѢ (на улицѣ). Эренъень былъ искрененъ и правъ. (Ропотъ) Вотъ васъ тутъ человѣкъ пятьсотъ, и вы освистываете его, а между тѣмъ среди васъ нѣтъ ни одного, кому бы онъ не помогаль. (Ропотъ) Меня онъ вырвалъ изъ когтей консульскихъ судей. Въ прошломъ году онъ сражался, чтобы выручить Эно. А вы всѣ? Въ страшные дни стачки, когда вамъ угрожалъ голодъ, онъ спасъ васъ, онъ васъ...

ЭРЕНЬЕНЪ (нетерпѣливо). Я не нуждаюсь въ защитѣ. (Говоритъ на улицу, обращаясь къ Ле-Брѣ) Я хочу взять этотъ народъ; я не хочу, чтобы мнѣ его давали.

ТОЛПА.—Дайте ему говорить.

— Долой! Смерть!—Это предатель!

— Дайте ему говорить.

— Смерть! Долой!—Это измѣнникъ!

— Не шумите!

(Тишина)

эно (на улицѣ). Я—Шарль Эно—я не довѣрялъ Жаку Эреньену. Онъ мнѣ казался двуличнымъ человѣкомъ: я его отвергалъ, какъ вы всѣ... Теперь я раскаиваюсь въ этомъ.

толпа (перебивая другъ друга)—Да здравствуетъ Эреньень!—Смерть! Долой!

эно. Правительство послало къ намъ подстрекателей. Я замѣтилъ ихъ вчера на собраніи Стараго Рынка. Они совѣтовали разнымъ бездѣльникамъ пойти убить Эреньена, разорить его домъ и придать этому видъ народной мести.

толпа.—Смерть правительству!

— Да здравствуетъ народъ Оппидоманскій!

— Да здравствуетъ Эреньень!

эно. Эреньень намъ необходимъ.

толпа.—Зачѣмъ онъ взялъ на себя такое подозрительное порученіе?

— Почему онъ покинулъ наши собранія?

— Это—деспотъ.

— Это—мученикъ.

— Пусть защищаетъ себя!

— Молчите!

— Пусть онъ проститъ насъ!

эреньень. Простить васъ, да; потому что такой человѣкъ, какъ я, не долженъ возбуждать сомнѣній; потому что правительство Оппидомани обманываетъ такъ же легко, какъ легко я дышу. Кусокъ за кускомъ обваливается фасадъ его власти; клочки мантии его могущества слетѣли съ его плечъ. Оно призвало меня шить эти клочки. Оно послало меня на Авентинъ съ задней мыслью или завладѣть мною, или погубить меня. Миссія была трудна, опасна, соблазнительна. Я расквитался съ этимъ, какъ съ долгомъ. И вотъ я не погибъ для васъ и не взялъ имъ въ плѣнъ. Я былъ и остаюсь свободнымъ; я посвящаю, какъ всегда, всѣ мои силы на служеніе моеѣ высшей идеѣ. (Нѣсколько апло-

дисментовъ) Я слышалъ только-что крики: Измѣнникъ! Измѣнникъ! (Оборачивается и беретъ со стола пачку бумагъ) „Измѣнникъ,“—чего только не дѣлали, чтобы я сталъ имъ! (Размахиваетъ пачкой бумагъ) Въ этой пачкѣ писемъ мнѣ обѣщаютъ все, что можетъ предложить низость отступнику и подлость измѣннику. Я отдаю вамъ эти письма, чтобы вы могли коснуться пальцами цинизма, коварства, вѣроломства, низости и слѣпоты правитель-ства. Всѣ они сопровождались настойчивыми хлопо-тами, всѣ были прологомъ къ самымъ горячимъ домо-гательствамъ, во всѣхъ заключалась лишь тѣнь того вѣроломства, которое разоблачали ихъ личные пере-говоры. То, что не смѣли писать, говорили; то, что не смѣли запечатлѣть на бумагѣ, повѣряли словамъ; на-мекали на то, что не смѣли высказать открыто. Послѣ каждой неудачи возобновляли попытку; на отказъ от-вѣчали болѣе щедрыми предложеніями. Наконецъ, по-теряли всякую гордость. Стоило мнѣ сдѣлать одинъ только жестъ, открыть вотъ эту руку, и я захватилъ бы все могущество и въ одномъ себѣ олицетворилъ бы все прошлое. Ахъ! Я самъ люблюсь собою, когда думаю о томъ, съ какою силой моя рука оставалась сжатой. А теперь читайте сами эти письма. (Онъ бросаетъ ихъ въ толпу) Обсуждайте ихъ, дѣлите ихъ, распростра-няйте ихъ по всѣмъ угламъ Опидомани. Въ нихъ об-наруживается полное разложеніе правительства. Вы поймете все. Что касается меня, то я пришелъ къ без-умному рѣшенію—себя обезоружить,—и въ этомъ я вижу спасенье для себя; охотно и радостно я готовъ навсегда пасть въ глазахъ консуловъ; я наношу имъ оскорбленье, которое не прощаютъ, и отдаю себя на вашъ судъ. Отнынѣ вы будете отвѣчать за мою голову. (Восторженные крики) Меня могутъ поразить со всѣхъ сторонъ. Развѣ я не блестящая мишень, въ которую цѣлятся всѣ стрѣлки? Клянитесь же мнѣ, какую бы клевету ни распространяли обо мнѣ, какую бы басню,

безумную или правдоподобную, ни выдумали про меня, клянитесь мнѣ слѣдовать за мной съ закрытыми глазами и яснымъ сердцемъ. (Кланутся, аплодируютъ) Мы должны радоваться и гордиться тѣмъ, что мы принадлежимъ другъ другу, что мы одинаково ненавидимъ, любимъ и думаемъ. (Крики одобренія) Я буду вашей душой, а вы моими руками. И вмѣстѣ мы одержимъ такія великолѣпныя побѣды, что люди, увидѣвъ ихъ, благодаря намъ, живыми и сіяющими, сдѣлаютъ своей эрой день нашей побѣды! (Одобренія; наступаетъ тишина; Эренъенъ продолжаетъ) А теперь я прошу Викентія Ле-Брэ и Шарля Эно присоединиться ко мнѣ. Я хочу, чтобы между нами не было никакихъ недомолвокъ. (Новыя одобренія. Эренъенъ обртывается и подходитъ къ Кларѣ, которая цѣлуетъ его) Теперь ты видишь, что никогда не нужно отчаиваться въ народѣ! (Помолчавъ) Скажи нашему развѣдчику при Ордэнѣ, чтобы онъ вошелъ,—сейчасъ же.

(Эно и Ле-Брэ входятъ. Клара выходитъ)

ЛЕ-БРЭ. Это побѣда!

ЭНО. О, вы настоящій учитель. Когда я выступаю противъ васъ, я чувствую себя безсильнымъ; я становлюсь сильнѣе въ тысячу разъ, когда мы вмѣстѣ.

ЭРЕНЪЕНЪ. Наконецъ-то! На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, наше старое правительство, кажется, окончательно увязло въ своей грязи. (Садится) Несмотря на всѣ свои обѣщанія и клятвы, оно не помогло еще ни одной семьѣ революціонеровъ. Оно поручило нашимъ исполнять самыя опасныя дѣла—приготовление пороха и взрывчатыхъ веществъ. Непрiятельскія бомбы падали на ихъ работу. Составили списки подозрительныхъ: у cadaго изъ военныхъ начальниковъ свой списокъ.

ЛЕ-БРЭ. Вы, вѣроятно, раскаиваетесь въ вашемъ поступкѣ на Авентинѣ?

ЭРЕНЬЕНЪ. Полноте! (Внезапно обращаясь къ Эно) Знаешь ли, Шарль Эно, что я придумалъ въ то время, когда ты направлялъ противъ меня это мятежное движеніе?

ЭНО. Учитель, вѣрьте, что во всемъ этомъ моя роль...

ЭРЕНЬЕНЪ. Не извиняйся, не прерывай меня, развѣ я не забылъ всего? Да, поверхъ головъ и тысячи рукъ мятежа, побѣжденнаго сегодня, я осуществлялъ самую смѣлую мечту моей жизни, единственную, для которой я живу. (Внезапно поднявшись) Не далѣе, какъ черезъ три дня, врагъ мирно войдетъ въ Оппидомань, и мы его примемъ.

ЭНО. Это невозможно.

ЭРЕНЬЕНЪ. Лица изъ среды правительства постоянно искушали меня. Я терпѣливо спорилъ съ ними, расспрашивая ихъ, обманывая, требуя гарантій и довѣрія; поочередно то давая, то снова отнимая у нихъ надежду, вывѣдывая ихъ секреты, противопоставляя ихъ старческой тактикѣ мою быстроту и мою злобу. Я дерзко, безумно забавлялся ими—и теперь я знаю лучше, чѣмъ кто-либо, особенно лучше ихъ самихъ, какъ неизбѣжна и близка ихъ гибель. Ихъ казна? Она опустошена. Ихъ запасы? Истощены. Ихъ житницы? Разграблены. Болѣе нѣтъ хлѣба, чтобы выдержать осаду; нѣтъ денегъ, чтобы защищаться. Спрашивается, на какія безумія, на какія растраты, на какія оргіи ушли общественныя деньги и провіантъ. Каждый обвиняетъ всѣхъ. Армія? Третьяго дня пять батальоновъ отказались идти. Рѣшили казнить зачинщиковъ. Приводятъ на мѣсто казни: ни одинъ солдатъ не хочетъ убивать; они еще живы. (Радостные крики на улицѣ: „Да здравствуетъ Эренъенъ!“) Консулы ссорятся въ совѣтъ. Одинъ предлагаетъ планъ, сосѣдь его отвергаетъ, излагаетъ свой и желаетъ, чтобы его приняли. Уже восемь дней министры обдумываютъ планъ общей вы-

лазки черезъ Римскія Ворота; они готовы поставить его на голосованіе: никто изъ консуловъ не становится во главѣ полка. Каждый правитель присылалъ мнѣ своего развѣдчика: эти старики даже между собой не могутъ столкнуться. Они похожи на несчастныхъ совъ въ клѣткѣ, въ которой перевернули насѣсти. Они горячатся, кричатъ и не замѣчаютъ пожара, который пылаетъ вокругъ. Всѣ неловкости, ошибки и преступленія они сваливаютъ другъ на друга. Они боятся быть отвѣтственными. Девизомъ ихъ управленія становится вопросъ—что дѣлать?

КЛАРА (входя). Развѣдчикъ пришелъ.

ЭРЕНЬЕНЪ. Пусть войдетъ. (Обращаясь къ Эно и Ле-Врѣ) Я показалъ вамъ положеніе вещей здѣсь, у насъ, въ городѣ; сейчасъ вы увидите, что дѣлается тамъ, у непріятели. Послѣ этого вы поймете, что война больше невозможна. (Представляетъ развѣдчика) Вотъ одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ я увѣренъ. Онъ знаетъ больше, чѣмъ мы всѣ о настроеніи обѣихъ армій. (Развѣдчику) Расскажите имъ все, что узнали.

(Эренъенъ ходитъ по комнатамъ взадъ и впередъ)

РАЗВѢДЧИКЪ. Въ прошлый вторникъ, ночью, мой братъ былъ посланъ на развѣдки на аванпосты. Онъ отошелъ очень далеко, чтобы узнать, не разрушился ли окопъ, который мы бомбардировали, и не помѣшаетъ ли онъ общей вылазкѣ черезъ Римскія Ворота.

ЭРЕНЬЕНЪ (прерывая). Это та вылазка, о которой я вамъ говорилъ.

РАЗВѢДЧИКЪ (продолжаетъ). Неожиданно его спрашиваетъ въ темнотѣ чей-то тихій голосъ, какъ бы опасаясь испугать и заставить убѣжать. Обмѣнялись нѣсколькими мимолетными, дружескими словами. Его спросили, правда ли, что въ Оппидомани не осталось людей съ характеромъ, которымъ не надоѣла бы война окончательно.

ЭРЕНЬЕНЪ (живо). Это происходило два дня тому назадъ, а съ тѣхъ поръ подобныя бесѣды повторяются все чаще и чаще.

РАЗВѢДЧИКЪ. Мой братъ отвѣчалъ, что Оппидоманъ защищается, что возмущеніе противъ истребленія народа должно исходить не отъ побѣжденныхъ, а отъ побѣдителей. Другіе встрѣтившіеся солдаты сказали, что осаждающіе устали, что бѣглецовъ не сочтешь, что нарушеніе дисциплины обнаруживается ежедневно, что нѣтъ больше арміи, что вынуждены будутъ отказаться отъ осады, если ужасная эпидемія, которая опустошаетъ войска, не прекратится. Хотятъ союза всѣхъ бѣдствій противъ всѣхъ властей.

ЭРЕНЬЕНЪ. Ну кто, послѣ такого подтвержденія человѣческой солидарности, осмѣлился бы сказать, что сознание остается коснымъ.

О, этотъ трепеть нежданныхъ признаній

Въ черный страшный часъ ночной,

Въ ужасъ битвъ и стenanій!

О, этотъ шопоть души

Прозрѣвшей отнынѣ!

Этимъ тайнамъ внимали невольно

Лишь ясныя звѣзды въ небесной пустынѣ!

эно. Право, я удивляюсь вамъ! По малѣйшему лучу свѣта, который упадетъ на васъ изъ двери, вы готовы заключить, что тамъ—огромное солнце. Съ тѣхъ поръ, какъ началась осада Оппидомани, прошелъ ли хоть одинъ день безъ того, чтобы противъ васъ не строили козней? Кто вамъ ручается за искренность этихъ солдатъ? Кто вамъ сказалъ, что Оппидоманъ откроетъ ворота хотя бы и безоружному врагу? Вы всему вѣрите слѣпо. Сила, влекущая васъ, настолько же безумна, насколько пламенна.

ЭРЕНЬЕНЪ. Одно несомнѣнно: необходимо помогать обстоятельствамъ и отдаться во власть великой надеждѣ, которая нынѣ проходитъ черезъ міръ.

эно. Такъ вы думаете, что врагъ откажется отъ побѣды и заключить невыгодный для себя миръ?

эренъенъ. Вы разсуждаете, ничего не зная. Бродяги и крестьяне, которыхъ въ началѣ осады выбросили въ деревню и которые живутъ Богъ знаетъ какъ, между осаждающими и нами, представляли мнѣ свѣдѣнія изо дня въ день. Ордэнъ подтверждаетъ ихъ донесенія, и я провѣрялъ все. Бомбардировка должна была прекратиться. Эпидемія истребляетъ войско: двадцать тысячъ человѣкъ умерло; всѣ рвы траншей до края наполнены трупами. Одного генерала убилъ солдатъ, внезапно сошедшій съ ума. Подчиненные соединились между собою, чтобы разрушать осадныя работы. Заклепываютъ пушки; бросаютъ въ рѣку пули и порохъ. Нищета, скорбь, тоска, плачь, гнѣвъ, всемирный ужасъ рождаютъ, наконецъ, эти надежды на согласіе, эти искренніе, братскіе крики. Сами обстоятельства содѣйствуютъ намъ.

ле-вра. Вы удивительный! Васъ считали сраженнымъ, а вы больше, чѣмъ когда-либо, приблизились къ великому дѣлу.

эренъенъ. Это оттого, что я имѣю вѣру, вѣру, способную сообщитьца цѣлому міру. Я вижу себя въ другихъ, я въ другихъ себя чувствую, я во многихъ повторяю себя; я имъ уподобляюсь. Армія Оппидомани принадлежитъ мнѣ; армія вражеская принадлежитъ Ордэну, моему ученику и стороннику. Мы оба работали съ увлеченіемъ. Что за дѣло до прежней мудрости, умѣренной, систематической, записанной въ книгахъ! Она участвовала въ дѣлѣ малаго милосердія вчерашняго дня; сегодня — дѣло моего милосердія. (Развѣдчику) Иди, скажи тѣмъ, кто сегодня вечеромъ пойдетъ на аванпосты, что я буду съ ними. Ты предупредишь Ордэна.

(Восторженные крики на улицѣ. Солдаты уходятъ)

ЭРЕНЬЕНЪ (къ Эно и Ле-Брэ). Вы пойдете со мной? Не правда ли? Говорите скорѣй!

ЛЕ-БРЭ. Конечно.

ЭРЕНЬЕНЪ (къ Эно). А вы?

ЭНО. До тѣхъ поръ, пока живы начальники, они будутъ имѣть возможность вредить. Пока у нихъ оружіе, они будутъ убивать. Они явятся реакціей, которая пойдётъ по пятамъ за вашей побѣдой. Прежде всего необходимо уничтожить ихъ.

ЭРЕНЬЕНЪ. Они будутъ прошлымъ, они будутъ безсильными и ничтожными. Итакъ, вы идете со мной?

ЭНО. Нѣтъ.

ЭРЕНЬЕНЪ. Хорошо. Великія дѣла мы совершимъ безъ васъ.

(Снова радостные крики на улицѣ. Эренъенъ наклоняется въ окно и принимаетъ привѣтствія)

ЛЕ-БРЭ. Онъ всегда меня удивляетъ. Онъ видитъ препятствія, какъ ты и я. На какое чудо рассчитываетъ онъ, чтобы ихъ побѣдить? И какъ онъ увлекаетъ васъ въ вихрь его бури?

ЭНО. У этого человѣка какая-то непонятная сила жизни. (Послѣ паузы) Я все-таки пойду съ нимъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Разоренный домъ. Ночью, на аванпостахъ. Съ одной стороны холмы и траншеи; съ другой—отдаленныя окрестности Оппидомани, полуосвѣщенныя. Ле-Брэ сидитъ на грудѣ камней; передъ нимъ—непріятельскій офицеръ и солдаты. Появляются молчаливыя группы.

ЛЕ-БРЭ. Въ Оппидомани правители, судьи, богатые горожане—всѣ во власти народа. Они не подозрѣваютъ объ ихъ близкомъ пораженіи и думаютъ, что они еще управляютъ. Но то, чего желаетъ Эренъенъ, исполнится.

ОФИЦЕРЪ. У насъ не осмѣливаются больше наказывать. Всѣ связи, соединявшія насъ съ нашими на-

чальниками и предводителями, порваны. Мы — подчиненные и ничтожные — мы стали хозяевами. Подумать только, что послѣ двадцати мѣсяцевъ войны, послѣ завоеванія шести провинцій, послѣ взятія десяти крѣпостей, мы — безсильные, терпимъ неудачу передъ вашей безумной столицей.

ЛЕ-ВРЭ. Ордэнъ придетъ?

ОФИЦЕРЪ. Я его жду.

ЛЕ-ВРЭ. Я съ нетерпѣніемъ жду его. Я не знакомъ съ нимъ.

ОФИЦЕРЪ. Ему пятьдесятъ лѣтъ, онъ простой капитанъ. Въ часы мрачныхъ и суровыхъ зимнихъ вечеровъ нашей холодной страны, среди сѣрой и снѣжной скуки маленькаго городка, гдѣ былъ только гарнизонъ, онъ склонилъ меня къ своимъ замысламъ и къ своей вѣрѣ. Онъ садился у меня, по ночамъ, у камина при свѣтѣ лампы; мы спорили. Труды Эренъена просвѣтили его; они были и моимъ свѣтомъ. Ордэнъ мнѣ ихъ объяснялъ, комментировалъ съ такою искренней убѣжденностью, что ничто мнѣ не казалось болѣе яснымъ въ мысляхъ и сужденіяхъ человѣческихъ. Ахъ! Эти бессонныя ночи, дружескія и пылкія! Вы всѣ, вы, граждане Оппидомани, никогда не поймете, какія чудеса можетъ произвести одна книга въ серьезныхъ душахъ, обманутыхъ и глубокихъ, — тамъ, въ этихъ мрачныхъ и пустынныхъ странахъ.

(Появляются Ордэнъ и Эренъенъ почти въ одно и то же время, съ разныхъ сторонъ; ихъ сопровождаютъ офицеры и солдаты)

ОРДЭНЪ. Я пришелъ къ вамъ и горжусь тѣмъ, что могу познакомиться. Нѣтъ ни одной идеи, которая не была бы у насъ общей.

ЭРЕНЪЕНЪ. По вашимъ письмамъ я чувствовалъ, что могъ бы всецѣло положиться на васъ. Мы оба рискуемъ жизнью, оба любимъ другъ друга въ одной и той же идеѣ, глубокой и прекрасной.

Мы не боимся вражескихъ клеветъ,
 И въ гордыхъ душахъ нѣтъ сомнѣнья,
 Мы день предчувствуемъ свершенья,
 Возврата нѣтъ
 И будемъ смѣлы, будемъ ясны,—
 О, наши планы такъ прекрасны!—
 Другъ другу руку подадимъ
 И два народа примиримъ,
 И совершимъ добро мятежными руками...

ордэнъ. Моя душа болѣе спокойна и ясна, чѣмъ наканунѣ сраженія. Всѣ слова, которыя оправдываютъ нашъ союзъ, уже прозвучали въ вѣкахъ.

эренъенъ. Если бы нужны были чудеса, они совершились бы сегодня. Воздухъ, которымъ дышать; горизонты, на которые смотрять; лихорадка, что стучитъ у насъ въ вискахъ; весь этотъ пожаръ, въ которомъ каждый изъ насъ не болѣе, какъ пламя,—все это предсказываетъ новую справедливость.

ордэнъ. Моя пропаганда не прекращалась. Прежде я велъ ее въ глубокой тайнѣ. Потомъ надзоръ до того ослабъ, что моя осторожность оказалась излишней. Съ тѣхъ поръ, какъ маршалъ Арменць, который былъ, въ сущности, единственнымъ начальникомъ, подвергся опалѣ, наша армія болѣе не существуетъ. Не зная ничего точно, наши солдаты предугадываютъ, что замышляется. Одинъ приказъ,—и всѣ уйдутъ къ Оппидомани счастливые, довѣрчивые и братски настроенные. Большинство погибшихъ генераловъ замѣнено офицерами, изъ которыхъ нѣкоторые—наши друзья. Только старики-начальники кажутся мнѣ безнадежными. Они могутъ быть опасны, если мы не станемъ дѣйствовать немедленно, быстро, завтра.

эно. Какъ завтра? Но время на подготовку...

эренъенъ. Нужно дѣйствовать съ быстрою молніею.

эно. Но я думаю, необходимо, чтобы Оппидоманъ какъ можно скорѣе узнала то, чего мы хотимъ.

эренъенъ. Она угадываетъ. Завтра узнаетъ.

эно. Но нельзя же двигать тысячами людей, нельзя открывать воротъ города, не принявъ мѣръ и не обезпечивъ себѣ успѣха.

эренъенъ. Всѣ мѣры приняты; всѣ гарантіи у меня въ рукахъ; вы одинъ колеблетесь и дрожите, у васъ нѣтъ вѣры, вы боитесь довѣрять.

ордэнъ. Вотъ что я предлагаю: завтра, лишь только стемнѣетъ, въ семь часовъ, всѣ присутствующіе здѣсь и всѣ наши друзья дадутъ приказъ ихъ подчиненнымъ идти миролюбиво къ Опшидомани. Въ это время тѣ, кто останется изъ нашихъ начальниковъ, сойдутся, чтобы отпраздновать ихъ первую побѣду. Мой братъ съ тремя батальонами, которые преданы намъ, составлять стражу вокругъ пиршества. Движеніе полковъ начнется съ востока; они направятся одновременно къ Римскимъ воротамъ и къ Вавилонскимъ; они достигнутъ ихъ черезъ часъ.

эренъенъ. Римскія ворота находятся слишкомъ близко ко дворцу правительства. Первые полки должны войти въ Вавилонскія ворота и разсыпаться по народнымъ кварталамъ. Ахъ! Вы увидите, какой удивительный нашъ народъ, какъ онъ приметъ васъ, будетъ привѣтствовать, раскроетъ свою душу, бурную и великолѣпную. На пути у васъ будутъ двѣ казармы; изъ нихъ солдаты присоединятся къ вашимъ, и вы будете въ центрѣ города, когда правительство будетъ еще глухо и сонно. Тогда только вы подойдете къ Римскимъ воротамъ. Безуміе нашихъ правителей и ихъ приверженцевъ поможетъ намъ. Только пятьсотъ консульскихъ стражниковъ останутся имъ вѣрны. Всѣ другіе полки, расквартированные во дворцѣ, примутъ васъ съ восторгомъ. Если между стражей и нами произойдетъ схватка, предоставьте нашимъ уладить это дѣло. Оставайтесь внѣ всякихъ столкновений. Вы не должны произвести ни одного выстрѣла.

ордэнъ. Мы добросовѣстно исполнимъ все, что вы совѣтуете.

эренъенъ. Только вы, какъ побѣдители, можете осуществить нашу мечту. Революціи всегда начинаются отказами отъ привилегій: вы откажитесь отъ побѣды.

офицеръ. Войны хотѣлъ только одинъ нашъ король. эно. Ахъ, конечно, ваше нападеніе было незаконно, начало вашихъ военныхъ дѣйствій...

ордэнъ (перебивая). Послѣдній разъ намѣтимъ роли. Мой братъ позаботится о нашихъ начальникахъ. Въ восемь часовъ три тысячи человѣкъ проникнуть въ Вавилонскія ворота. Римскія ворота откроются потомъ, чтобы пропустить другіе батальоны. Ни трубъ, ни знаменъ; ни одного выстрѣла, ни одной пѣсни. Вступленіе произойдетъ внезапно, мирно и молчаливо. Не правда ли?

эренъенъ. Прекрасно. Остальное касается насъ. Оппидоманъ готова; она васъ ждетъ. Въ одинъ часъ вы займете весь городъ. А теперь разойдемся; пусть у насъ не будетъ времени для возраженій... Они мѣшаютъ энергіи, они волнуютъ. Наша единственная тактика—быстрота и отвага. Итакъ, до завтра—тамъ!

(Жмутъ другъ другу руки; расходятся. Орденъ и Эренъенъ обнимаются)

Э. Верхарнъ. Зори.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната Эренъена. Та же декорація, что во второмъ и третьемъ актахъ. Ребенокъ играетъ. Клара—въ тревогѣ—не отходить отъ окна.

РЕВЕНОКЪ. Какой костюмъ надѣтъ на Полишинеля?
КЛАРА. Самый красивый.

РЕВЕНОКЪ. Сегодня праздникъ? Правда?

КЛАРА. Сегодня прекраснѣйшій изъ праздниковъ.

РЕВЕНОКЪ. Сегодня—Рождество?

КЛАРА. Нѣтъ, это — свѣтлый праздникъ, воистину свѣтлый праздникъ! Его впервые празднуетъ мѣръ.

РЕВЕНОКЪ. Мнѣ можно идти туда, на праздникъ?

КЛАРА. Это праздникъ для большихъ; дѣти его не понимаютъ.

РЕВЕНОКЪ. Ты мнѣ скажи, что это такое.

КЛАРА. Ты узнаешь когда-нибудь. И ты будешь говорить, что его устроилъ твой отецъ, твой родной отецъ.

РЕВЕНОКЪ. Тамъ будетъ много знаменъ?

КЛАРА. Много.

РЕВЕНОКЪ. Тогда почему же ты говоришь, что я не пойму? Когда бываютъ знамена, я всегда понимаю.

КЛАРА (въ окно). Наконецъ-то!

(Эренъенъ входитъ. Одежда его въ безпорядкѣ. Клара спѣшитъ къ нему)

ЭРЕНЪЕНЪ (съ волненіемъ ее обнимаетъ). Ты все знаешь?

КЛАРА. Я ничего не знаю, но я угадываю. Говори.

эренъенъ. Никогда планы не осуществляются такъ, какъ ихъ задумали. Я былъ убѣжденъ, что ни одинъ изъ нашихъ начальниковъ не можетъ появиться въ Вавилонскихъ воротахъ: они никогда не бывають тамъ. Вчера вечеромъ тамъ оказались самые главные. Увидавъ вошедшую непріятельскую армію, они рѣшили, что это безуміе. Это не были нападающіе: движеніе полковъ, отсутствіе команды, отсутствіе организаціи доказывали это. Это не были парламентареры: ихъ было слишкомъ много.

Когда войска приблизились на сто шаговъ, можно было видѣть, какъ солдаты бросаютъ оружіе, а иные поднимають кверху приклады. Нѣкоторые изъ нашихъ тотчасъ же побѣжали и открыли ворота. Наши начальники бѣсновались, ругались, кричали—всѣ въ одинъ голосъ: никто не хотѣлъ слушать ни ихъ оскорбленій, ни ихъ приказаній. Всѣ предчувствія, которыя они испытывали, всѣ опасенія отпаденія, неповиновенія, которыхъ они не осмѣливались признавать, продолжали ихъ волновать, мучить, терзать. Съ быстротою молніи они поняли все. Ихъ окружили. Трое изъ нихъ убили себя: это были герои. Они видѣли, какъ непріятель входилъ въ Оппидоманъ. Они думали о пораженіи, о позорѣ послѣдняго униженія. Нѣкоторые плакали. Наши граждане спѣшили заключить въ объятія осаждавшихъ. Жали другъ другу руки, обнимались. Неожиданная радость наэлектризовала душу всѣхъ. Бросаютъ сабли, ранцы, патроны. Враги, у которыхъ фляги были полны, предлагаютъ выпить. И волна, все еще прибывающая, разливается уже по городу, на Площадь Народовъ, гдѣ еще оставались наши начальники, блѣдные, нѣмые, неувѣренные. Ле-Брэ крикнулъ на ухо одному изъ командировъ: „Конецъ войнѣ! Нѣтъ ни побѣды, ни пораженія, это праздникъ.“ Тогда этотъ негодяй принялся ругаться, бѣшенный отъ гнѣва, онъ наудачу махалъ саблей и ранилъ свою лошадь. Двое изъ его со-

сѣдей, пользуясь замѣшательствомъ, удрали. Они направились къ властямъ: можетъ быть, они организуютъ нѣкоторое сопротивление и консульская гвардія поможетъ имъ. Я уже видѣлъ: здѣсь мелькаютъ ихъ зеленые мундиры.

КЛАРА. А непріятельскіе генералы?

ЭРЕНЬЕНЪ. О, тѣ—въ плѣну у своей арміи. Вчера, убѣдившись, что побѣги и болѣзни уничтожили половину арміи, они рѣшились на безумный поступокъ, рѣшились предпринять послѣдній штурмъ. Солдаты отказались идти; раздалось нѣсколько выстрѣловъ въ начальниковъ. Это былъ конецъ.

КЛАРА. Я слышала, какъ отряды входили въ Оппидоманъ; можно было подумать, что это шумитъ океанъ. Никогда я такъ не волновалась и никогда не была такъ счастлива.

ЭРЕНЬЕНЪ. Теперь въ нашемъ распоряженіи двадцать тысячъ человѣкъ. На площадяхъ ставятъ столы. Всѣ, кто наготовилъ въ погребахъ запасы на время осады, раздадутъ ихъ теперь народу. Эно говорилъ: „Никогда Оппидоманъ не унижится до того, чтобы принимать своихъ враговъ; никогда Оппидоманъ не позволитъ имъ бродить по ея улицамъ и площадямъ; никогда не уничтожатся предрасудки оскорбленной Оппидомани“. Такъ разсуждаютъ въ обыкновенные дни, но не сегодня! Такое смятеніе царствуетъ въ умахъ, достигнутыхъ врасплохъ, что можно было бы основать новую религію и огласить неизвѣстныя вѣроученія. Посмотри, на высотахъ горитъ Капитолій! Жгутъ морскія и артиллерійскія казармы. Къ вечеру будутъ дѣлать всѣ запасы оружія и провіанта. Во время осады совершили правосудіе надъ биржами и банками. Пора совершить справедливый судъ надъ основною несправедливостью, надъ войною: ея срокъ насталъ! Съ нею одной исчезнутъ всѣ другія: ненависть деревень противъ городовъ, нищеты противъ золота, слабости противъ силы. Органи-

зованное зло поражено въ самое сердце. (На улицѣ слышны крики „ура!“) Слушай: это поетъ и безумствуетъ всемірный праздникъ человѣчества.

(Клара и Эренъенъ приближаются къ окну и долго обнимаются. Вдругъ Эренъенъ послѣшно освобождается)

ЭРЕНЪЕНЪ. Одѣнь ребенка; я пришелъ за нимъ, чтобы показать ему мое дѣло.

КЛАРА. Ребенка? Но онъ не понимаетъ.

ЭРЕНЪЕНЪ. Все-таки одѣнь. Я ему скажу предъ лицомъ стараго умирающаго міра такія слова, которыхъ онъ не забудетъ никогда. Одѣнь его. Я хочу повести его туда.

КЛАРА. А я?

ЭРЕНЪЕНЪ. За тобой зайдетъ твой братъ, Эно.

КЛАРА. Почему намъ не идти вмѣстѣ?

ЭРЕНЪЕНЪ. Одѣнь ребенка, говорю тебѣ, — и поскорѣе...

Клара выходитъ. Эренъенъ осматриваетъ свое бюро, кладетъ нѣсколько пакетовъ въ карманъ, потомъ опирается на окно, откуда онъ говорилъ народу.

ЭРЕНЪЕНЪ.

О, жизнь жестокая — вся въ блескѣ, въ мятежѣ!

Тебя я пережилъ, тебя перестрадалъ,—

Отнынѣ отдыхъ я на славномъ рубежѣ

Себѣ снискалъ.

Надъ міромъ мной одержана побѣда: я — великъ;

Такъ отъ руки моей покорно міръ поникъ.

И странно думать мнѣ, что жилъ въ поляхъ
крестьянинъ,

Родилъ ребенка—то былъ я,—

И вотъ законъ поверженный израненъ,

На немъ лежитъ рука моя;

Я горло пальцами сдавилъ,

И зубы жадные въ него вонзиль.
 Такъ гордость древнюю кровавой власти,
 Въ порывѣ страсти,
 Я на-земь повалиль.
 Деревни, фермы и лачуги
 Всѣ гибнуть, всѣ умрутъ.
 А въ городахъ всеобщій трудъ
 Влечется къ близкому паденью,—и недуги
 Его снѣдаютъ; золото, грабежъ, развратъ
 Всѣ воютъ вмѣстѣ; громоздятъ
 Въ борьбѣ безобразной холмы насилій;
 Инстинкты борются среди слѣпыхъ усилій
 На замкнутыхъ поляхъ—
 Въ домахъ,
 Гдѣ царствуетъ рулетка, биржа, страсть,—
 И страшная чудовищная власть
 Находитъ яства тамъ, гдѣ грязь во тьмѣ гниеть,
 Тучнѣетъ власть въ грѣхѣ и жадно мерзость
 пьеть.

И былъ я молніей: окно я освѣтилъ,
 Откуда люди всѣ смотрѣли въ міръ небесный;
 И не разсудокъ мной руководилъ,
 А даръ любви безумный и чудесный:
 Я цѣлый міръ съ собой отождествилъ,
 И человѣческой союзъ
 Отъ каторжныхъ тюремныхъ узъ
 Освободилъ.
 Я на-земь старую низвергъ Оппидомань—
 —Обманы, хартіи, и милости, и дань.—
 Оппидомань воздвигнется для новыхъ дней,
 Что молніи ударами куютъ.
 Оппидомань—моя, какъ даръ предназначенья;
 Она слѣдитъ за мыслью огненной моей;
 Мое безуміе и страсть моя горять, растутъ
 Въ очахъ недвижныхъ Провидѣнья.

(Слышны ружейные выстрѣлы)

КЛАРА (изъ своей комнаты). Эренъень, солдаты правительства—на улицѣ.

ЭРЕНЪЕНЬ (не слыша, продолжаетъ).

По плану моему я міръ пересоздалъ,
И жизненныя силы, и толпу людей
Со dna инстинкта я воззвалъ
Къ порогу свѣтлому мечты моей.

КЛАРА (появляясь). Эренъень! Эренъень! Вооруженные люди окружили домъ. Они убьютъ тебя, если ты выйдешь.

ЭРЕНЪЕНЬ. Полно! Одѣнь ребенка.

(Снова ружейный залпъ)

КЛАРА. Пальба со стороны перекрестка стала слышнѣй.

ЭРЕНЪЕНЬ. Одѣнь ребенка.

КЛАРА. Они караулятъ тебя; они ждутъ тебя; они хотятъ твоей смерти...

ЭРЕНЪЕНЬ. Одѣнь ребенка.

(Она идетъ за ребенкомъ; онъ дрожитъ; Клара беретъ его на руки и защищаетъ)

КЛАРА. Другъ мой! Я умоляю тебя: не рискуй; погоди, когда они пройдутъ.

ЭРЕНЪЕНЬ. Мнѣ некогда ждать. Сегодня я не боюсь ни другихъ, ни самого себя. Я достигъ такой степени человѣческой силы...

КЛАРА. Тогда иди одинъ и оставь мнѣ малютку.

ЭРЕНЪЕНЬ (запальчиво). Мнѣ нуженъ ребенокъ. Я хочу, чтобы онъ былъ со мною тамъ.

КЛАРА. Онъ сейчасъ придетъ... Это приведетъ его тебѣ.

ЭРЕНЪЕНЬ. Нужно, чтобы привѣтствовали вмѣстѣ съ отцомъ и его. Давай его! Полно, давай!

КЛАРА. Я никогда не противилась тебѣ. Я слушалась тебя, какъ служанка, но сегодня я заклинаю тебя...

ЭРЕНЬЕНЪ. Дай мнѣ его, говорю я тебѣ!..

(Она вырываетъ ребенка изъ рукъ Клары, отталкиваетъ ее и убѣгаетъ съ нимъ)

КЛАРА. Другъ мой! Другъ мой! О, это безуміе! Всегда это несчастное и безграничное безуміе! (Трескъ ружейнаго залпа неожиданно ее прерываетъ. Мгновеніе безумной тоски, и она бросается къ окну, свѣшивается въ него и кричить)
СЫНЪ МОЙ! СЫНЪ МОЙ!

Потомъ она выбѣгаетъ на улицу. Топотъ удаляющихся лошадей. Смятеніе. Крики. Молчаніе. Наконецъ, кто-то кричитъ, заглушая всѣхъ.

ГОЛОСЪ. Только-что убили Жака Эренъена!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Утро. Площадь Народовъ, имѣющая видъ террасы. Въ глубинѣ видна панорама Опидомани, подернутая дымомъ пожаровъ.. Направо—статуя правительства,—на виду, на голой землѣ. Налѣво—горитъ дворецъ войны. Горожане украшаютъ окна флагами; проходятъ пьяные; безумные хороводы мчатся черезъ сцену; одна толпа смѣняется другой. Со всѣхъ сторонъ слышно пѣніе. Мальчишки бросаютъ камни въ статую правительства.

НИЩІЙ. Эй, ребята, берегитесь! Вотъ вамъ! надерутъ уши.

МАЛЬЧИШКИ.—Мы побиваемъ камнями низверженное правительство.

— (Бросая камень) Вотъ этотъ въ скипетръ.

— Вотъ этотъ въ корону.

ТОЛПА ЛЮДЕЙ (окружаютъ статую и водятъ хороводы).

Счетъ ведемъ и разъ, и два,

Будетъ смѣлымъ нашимъ братомъ,

Кто не хочетъ быть солдатомъ:

Нынѣ вольности права!
Воля смѣлая жива.

Счетъ ведемъ и два, и разъ,
Будеть смѣлымъ нашимъ братомъ,
Кто волнуется набатомъ:
Въ день кровавый, въ красный часъ
Слышенъ Неба грозный гласъ!

Разъ, два, три—ведемъ мы счетъ,
Будеть смѣлымъ нашимъ братомъ,
Тотъ, кто врагъ властямъ проклятымъ:
Прочь привычекъ старыхъ гнетъ!
За свободу—всѣ! Впередъ!

крестьянинъ. Пусть меня повѣсятъ, если я думалъ, что снова увижу Оппидоманъ!

группа нищихъ.—Я зарылся въ нору, какъ животное.

— Я былъ попеременно на службѣ двухъ партій. Граждане Оппидомани звали меня кротомъ: я ихъ извѣщалъ о планахъ непріятели; а врагъ думалъ, что я неуловимъ, какъ дымъ: имъ я давалъ свѣдѣнія о дѣлахъ Оппидомани.

— Мы дѣлали то же самое. Я дѣйствовалъ на съверѣ.

— Я—на западѣ.

— И предавая тѣхъ и другихъ, мы, наконецъ, заставили ихъ помириться. (Иронически) Это мы заключили миръ.

цыганъ. Часто случается, что такъ называемое преступленіе превращается въ добродѣтель. Не правда ли?

нищій. Правда, что Эренъена нѣтъ въ живыхъ?

цыганъ. Эренъена! Полно, теперь онъ—господинъ, король... Когда становятся такими большими, не умираютъ.

нищій. Говорять, что его убили на порогѣ его дома.

цыганъ. Кто это?

нищій. Консульскіе солдаты.

цыганъ. Не можетъ быть.

нищій. Еще бы! Они должны были его ненавидѣть! Никогда еще человѣкъ не совершалъ такого большого дѣла.

цыганъ. Это не одинъ человѣкъ; это мы всё совершили его.

пастухъ. Наконецъ-то, мы будемъ въ состояніи жить!

цыганъ. Мы! Полно-те! Нужно, чтобы земля наша была перепахана до самой глубины: только тогда проникнетъ свѣтъ въ наши погребя.

Война иль миръ,

А мы останемся все въ той же нищетѣ.

Ея не нарушаетъ суета

Несчастья или счастья.

Оппидоманъ свои законы обновляетъ,

Освобождаетъ отъ опеки свой народъ;

И мы одни остались такъ, Богъ знаетъ, до какого дня,

Бродягами и дикими звѣрями,

Скупую землю мы съ налета расхищаемъ,

Какъ вороны, которыхъ гонять прочь,

Пугаютъ съ огородовъ и съ порога хижинъ,

Въ то время какъ народъ встрѣчаетъ

Иныхъ свободныхъ птицъ.

пастухъ. Вы говорите такъ, какъ будто правительство существуетъ еще. Деревни возродятся; города должны очиститься.

цыганъ. Прекрасно! Однако, все на свѣтъ путь ко всему. Завтрашній день всегда будетъ недоволенъ нынѣшнимъ. (Черезъ сцену проходитъ группа пьяныхъ женщинъ съ факелами. Они кричатъ: „Къ церквамъ! Къ церквамъ! Мы сожжемъ Господа!“ Нищему) Посмотрите, вотъ наши союзницы!

Когда вы рѣшитесь быть мужчинами, вы придете за мной, какъ другіе шли за Эренъеномъ.

(Онъ уходитъ)

ГРУППА РАВОЧИХЪ (воздвигаютъ эстраду, чтобы положить тамъ трупъ Эренъена. Приносятъ черное сукно)—Это такое несчастье, какого еще никогда не бывало.

— Онъ получилъ двѣ пули въ лобъ.

— Его сынъ убить?

— Нѣтъ.

— Какіе-то гвардейцы были убійцами. Они скрылись. Можетъ быть, никогда не узнаютъ негоднаго труса, который убилъ нашего трибуна.

— Сражались у входа во дворецъ правительства. Оставался какой-нибудь часъ, чтобы выгнать консульскія войска. Эренъень былъ уже мертвъ.

нищій. Говорять, это дѣло Эно.

равочій. Ты самъ не знаешь, что ты говоришь! Эно! Онъ теперь въ большемъ еще отчаяніи, чѣмъ мы.

нищій. Онъ былъ его врагомъ.

равочій. Молчи. Каждый зубъ твоей челюсти лжетъ.

нищій. Я повторяю то, что мнѣ говорили.

равочій. Вотъ такіе люди, какъ ты, распространяютъ гнусныя сплетни.

(Непріятельскіе солдаты и солдаты Оппидомани проходятъ подъ руку, толпятся на террасѣ и ступеняхъ)

толпа.—Будетъ празднество?

— Почему же нѣтъ? Новые правители Оппидомани велѣли его устроить.

— При жизни никогда Эренъень не казался такимъ великимъ.

ГРУППА ПРОХОЖИХЪ.—Его тѣло торжественно несутъ по всему городу.

— Я видѣлъ, какъ его тѣло несли по Мраморному Перекрестку. Красная рана зіяла на его лицѣ.

— Я видѣлъ тѣло на мосту у Порты;
И матери простерли руки,
Дѣтей къ нему протягивали свѣтлыхъ.
И все, что жизнь даетъ
Счастливаго и молодого,
Надъ нимъ парило,
Склонялося надъ трупомъ...

— Такъ тѣло слѣдуетъ—увѣнчано цвѣтами;
Его пожаромъ обвиваетъ красный савантъ;
Порывъ любви, морскимъ волнамъ подобный,
Подъемлетъ тѣло
И держать надъ толпою.
И никогда король; сверкавшій златомъ,
Убійствами, и битвами, и кровью,
Такою пышностью огромныхъ похоронъ
Прославленъ не былъ.

— У колоннадъ одинъ юноша приблизился къ носилкамъ, онъ намочилъ свой платокъ въ крови, которая была на щекѣ усопшаго, и медленно, благоговѣйно, какъ будто причащаясь, поднесъ его къ своимъ губамъ.

РАБОЧИЙ (слушавшій прохожихъ). Тѣло Жака Эреньева будетъ выставлено здѣсь, на этой эстрадѣ, среди толпы, во всей своей славѣ.

крестьянинъ. Пусть смотритъ на него солнце.

группа прохожихъ.—Слезы, цвѣты, пѣсни, кровь, танцы, пожаръ: противоположныя страсти горятъ въ воздухѣ!

— Создается атмосфера, необходимая для созданія міровъ.

Происходитъ сильная толкотня. Ле-Брѣ, въ сопровожденіи солдатъ и рабочихъ, взбирается на крыльцо одного дома и дѣлаетъ знакъ, что онъ хочетъ говорить. Молчаніе.

ЛЕ-БРЭ. Граждане, черезъ нѣсколько мгновений на эту площадь Оппидомани, посвященную Народу, приносятъ тѣло Жака Эренъена. Примите его, какъ побѣдителя. Пули могли закрыть ему глаза, сдѣлать недвижимыми его руки, сдѣлать мертвымъ его лицо, но убить его не могли, нѣтъ, — Жакъ Эренъень живетъ еще въ его словахъ, его дѣлахъ, мысляхъ, его книгахъ; онъ—та сила, которая въ это самое мгновенье насъ волнуетъ; онъ желаетъ, думаетъ, надѣется, дѣйствуетъ въ насъ. Это не похороны, это послѣдняя побѣда... Разступитесь, вотъ онъ.

(Дѣти вабираются на плечи. Большое волненіе во всѣхъ группахъ. Лѣзутъ на окна. Вабираются на колонны)

РАЗЛИЧНЫЯ ГРУППЫ НА СТУПЕНЯХЪ.—Какая толпа! Никогда эта площадь не вмѣститъ всѣхъ.

— Какъ его любили! Такіе люди, какъ онъ, не должны были бы умирать.

ГРУППА ЖЕНЩИНЪ.—Его жена идетъ за носилками.

— Она несетъ ребенка.

— Она выгладитъ христіанкой!

— Римлянкой!

— Молчите: вотъ тѣло.

Появляются носилки. Ихъ несутъ вокругъ площади. Одни плачутъ, другіе привѣтствуютъ; нѣкоторые падаютъ на колѣни, нѣкоторыя женщины крестятся. — На ступеняхъ люди висятъ гроздьями, стараясь лучше увидѣть.

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ (бросаются къ тѣлу, которое несутъ. Молитвенно, съ восторгомъ). — Эренъень! Эренъень! Ты былъ нашимъ единственнымъ учителемъ.

— Какъ сильнымъ вихремъ, страсть твоя

Огонь души моей вздымала!

— О, Эренъень! Ужели насъ оставилъ?

Тебѣ мы посвящаемъ

Все то, что вдохновенье наше
 Когда-нибудь свершить
 Прекраснаго и сильнаго—
 На жизненныхъ путяхъ.
 — О, Эренъень! О, Эренъень! Воспоминанье о
 тебѣ—

Какъ трепеть сердца будущихъ времянь.
 — О, Эренъень! О, Эренъень!
 Пусть будемъ мы всегда и сильны, и безумны,
 Какъ въ дни ужасныя,
 Когда одинъ твой знакъ
 Сбираль раздробленныя силы наши,
 Бросаль насъ въ бурю духа твоего.

(Трупъ возложили на эстраду; женщины по-
 крываютъ цвѣтами черное сукно)

ПРОРОКЪ (стоитъ на ступени и возвышается надъ толпой).

Нынѣ часъ наступилъ,
 Когда жалкому плачу не внемлю,
 Нынѣ часъ наступилъ,
 Когда громъ низвергаетъ на землю
 Этихъ древнихъ суровыхъ боговъ
 Передъ правдой нежданно-раскрывшихся словъ.

Воплощаются снова живыя надежды,
 И желаній одежды
 Въ цвѣтахъ. И въ глазахъ — красота. И сердца
 возродились,
 И безвѣстныя силы въ пространствѣ скрестились
 (Указываетъ на катафалкъ)

Поспѣшите на страшный покровъ возложить
 Изъ торжественныхъ пальмъ украшенья
 И страшитесь забыть прославленье,
 И страшитесь обрядъ оскорбить
 Этой памяти, чистой и сильной,
 Что сіяетъ надъ плитой могильной.

Съ возрожденіемъ міра созвучнымъ онъ былъ
 И со звѣзднымъ путемъ, и съ путями временъ;
 Цѣлый міръ онъ ударомъ однимъ побѣдилъ:
 Нынѣ ужасъ земли сокрушенъ.

(Встаеъ Ордэнъ. Волненіе. Толпа указы-
 ваетъ на него и привѣтствуетъ. Люди объясняютъ
 другъ другу)

толпа.—Это онъ отказался погубить Оппидоманъ.

— Онъ привлекъ на нашу сторону враговъ.

— Онъ такъ же великъ, какъ Эренъенъ.

ОРДЭНЪ (указывая на трупъ). Я былъ его ученикомъ
 и его неизвѣстнымъ другомъ. Его книги замѣняли мнѣ
 библію. Только люди, подобные ему, способны воспи-
 тывать такихъ, какъ я—слабыхъ, покорныхъ, долгое
 время темныхъ, но которымъ судьба позволяетъ осущес-
 ствить въ одинъ роковой часъ то, что было высшей
 мечтой ихъ учителя. Если родина прекрасна, мила
 сердцу и незабвенна, то нація, вооруженная грани-
 цами, ужасна и отвратительна, а еще весь міръ по-
 крытъ ими. Нашъ союзъ долженъ послужить имъ
 примѣромъ. (Крики одобренія) Они когда-нибудь оцѣнятъ
 то, что было сдѣлано безсмертнаго, здѣсь, въ этой про-
 славленной Оппидомани, откуда вылетали самыя высо-
 кія идеи, въ теченіе ряда вѣковъ, одна за другой. Въ
 первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ возникла сила, съ
 тѣхъ поръ, какъ умъ научился исчислять время, двѣ
 расы, одна — отказавшись отъ побѣды, другая — отъ
 своей оскорбленной гордости, слились въ одно объятъе.
 Вся земля должна была задрожать отъ радости, вся
 кровь, всѣ силы должны были снова прилить къ сердцу
 міра. Союзъ и согласіе побѣдили ненависть. (Крики одо-
 бренія) Человѣческой борьбѣ въ ея кровавой формѣ
 было сказано: нѣтъ! Отнынѣ горитъ маякъ на горизонтѣ
 будущихъ бурь. Его упорный свѣтъ ослѣпитъ глаза,
 побѣдитъ умы, заставитъ бредить желанія. Необходимо

къ концу испытаній и скорбей придти къ гавани, входъ въ которую онъ указываетъ. Онъ золотитъ своими лучами тихія мачты и суда. (Всеобщій энтузіазмъ: кричатъ, обнимаются. Прегніе непріатели встають и окружають Ордена. Жители Ошидомани протягивають къ нему руки. Онъ освобождается отъ объятій и возлагаетъ пальмы къ ногамъ Эренъена. Обращаясь къ вдовѣ) Во имя жизни и побѣды я прошу васъ, Клара Эренъень, представить этимъ двумъ взволнованнымъ народамъ того, кто явится въ нашихъ глазахъ какъ бы самимъ Жакомъ Эренъеномъ,—его сына! (Онъ протягиваетъ руки, чтобы показать ребенка)

КЛАРА (останавливая его). Я сама попытаюсь... (Она встаетъ)

Въ этомъ сердцѣ столицы,
Въ часъ великой надежды и грезы,
На порогѣ грядущихъ временъ,
Зачинающихъ жизнь для племенъ,
Я хочу осушить мои слезы... (Она указываетъ на толпу)
Вамъ отнынѣ ребенка его поручаю
И великому долгу его посвящаю
И судьбѣ роковой, и таинственной вѣрѣ,
Этой свѣтлой, священной химерѣ,
Укрощенной рукою отца;
И грядущимъ вѣкамъ я его посвящаю,
Что поють въ ослѣпительномъ блескѣ вѣнца
Всенародныхъ торжествъ и возстаній,
Ликованій, стенаній,—
Здѣсь, предъ вами, у ногъ неостывшаго тѣла.

Клара нѣкоторое время высоко держитъ ребенка, среди привѣтствій и протянутыхъ рукъ; потомъ она передаетъ его въ руки Ордена. Тогда она, теряя силы, склоняется съ рыданіемъ къ трупу. Медленно восстанавливается молчаніе.

ЛЕ-ВРЭ. Этотъ часъ слишкомъ великъ и слишкомъ прекрасенъ, онъ слишкомъ тѣсно связываетъ насъ, однихъ съ другими, чтобы мы могли думать о договорѣ

или клятвъ! Съ полной свободой, предъ лицомъ всего, что есть ненарушимаго и священнаго, предъ лицомъ этого геніальнаго человѣка, мертвое тѣло и безсмертная душа котораго возбуждаетъ въ насъ лихорадку и вдохновляетъ насъ, мы отдаемъ другъ другу навсегда.

(Одобренія)

ордэнъ. Вчера, когда насъ встрѣтили въ городѣ съ открытыми объятіями и сердцами, я удивлялся, что тотъ, кто болѣе всѣхъ послужилъ нашему дѣлу, можетъ присутствовать—живой—при торжествѣ своей побѣды. Такое завоеваніе требуетъ надлежащей жертвы. Если вы представите себѣ, при какихъ странныхъ обстоятельствахъ, безъ конвоя, безъ друзей, безъ защитниковъ, Эрнъенъ подставилъ свою грудь пулѣ, быть можетъ, послѣдней пулѣ, вы повѣрите, какъ я, что его смерть связана съ таинствомъ великихъ и высшихъ силъ.

эно. Онъ растопталъ старую власть, изображеніе которой еще стоитъ. (Онъ указываетъ на статую. — Свистки, крики: „Долой ее! Долой ее!“—Рабочіе берутъ шести, чтобы свалить ее, и лѣзутъ на пьедесталь) Онъ преодолѣлъ ея разложеніе: ея трусовъ консуловъ, ея незаконнорожденные законы, ея постыдные обычаи, ея наемную армию.

толпа. Долой ее! Долой ее!

эно. Онъ очистилъ отъ грязи ея воровскіе банки,— ея казну, ея парламенты и совѣты: онъ убилъ всѣ соперничества. Эта статуя глумится надъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ.

(Онъ указываетъ на статую)

толпа.—О, древняя каналья!

— Зловѣщая кукла!

— Отвратительный истуканъ!

со всѣхъ сторонъ. Долой ее! Долой ее!

толпа.—Тащите ее въ сточный каналъ.

— Разбить ее! Раздробить!

— Долой ее! Долой ее!

нѣкто изъ деревни. Это она слопала насъ!

нѣкто изъ города. Это она обезчестила насъ!

нѣкто изъ деревни. Она была смертью!

нѣкто изъ города. Она была преступленьемъ!

со всѣхъ сторонъ. Долой ее! Долой ее!

РАВОЧИЙ (съ высоты пьедестала—тѣмъ, кто его окружаетъ).

Берегитесь! Она падаетъ! Она падаетъ!

Среди криковъ ненависти огромная статуя шатается и падаетъ. Тотчасъ наступаетъ молчаніе. Эно беретъ голову, оставшуюся цѣлой, поднимаетъ ее и, шатаясь, подъ своей колоссальной ношей, молча бросаетъ и разбиваетъ ее у ногъ Эренъена.

ПРОРОКЪ. Пусть нынѣ занимаются Зори!

АЛЕКСАНДРЪ КИПЕНЪ.

ВЪ ОКТЯБРЪ.

(1905)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Ваше имя, товарищъ?

— Борисъ Найдичъ...

— Прошу слова!

— Оружіе имѣете?

— Нѣтъ, не имѣю...

— Хорошо. Завтра вамъ дадутъ оружіе... Прошу товарищей расходиться небольшими группами!..

— Я прошу слова!

— Да постоитъ, ради Бога!.. Господа! Расходитесь группами, не больше двадцати человѣкъ... въ сосѣднихъ дворахъ казаки...

— Долой казаковъ!

— Отложите это на завтра...

— Прошу слова, къ порядку!..

— Какой, чортъ, порядокъ! Часъ ночи... собраніе закрывается...

— Что?... Соціалъ-демократы?.. Да сдѣлайте милость, говорите...

На кафедрѣ появился какой-то молодой человѣкъ, очень худой и высокій, съ маленькимъ востроглазымъ лицомъ, въ разстегнутомъ, длинномъ пальто, и въ сѣрой фетровой шляпѣ, по модному смятой впереди.

— Bravo, Герасимъ!

— Товарищи! Помните, что только въ борьбѣ обрѣтемъ мы право свое...

- Брва-а!..
- Это извѣстно всѣмъ! Къ дѣлу, товарищъ!
- Тише, господа!.. Это возмутительно!
- Не мѣшайте оратору говорить!
- Слушайте, гражданинъ! Гдѣ Мотька?
- Какой Мотька? Маляръ?
- Онъ самый... еврей... Мотька-теоретикъ...

Съ верхнихъ скамей амфитеатра, толкаясь и шумно споря, сходили внизъ оживленные нетерпѣливые люди, съ раскраснѣвшими потными лицами. Нѣкоторые перелѣзали черезъ высокія желтыя спинки скамеекъ, одѣвая на-ходу верхнее платье, торопясь пройти впередъ, поближе къ кафедрѣ. Пожилой коренастый матросъ, въ синей фланелевой рубахѣ, съ засученными рукавами, долго объяснялъ стоявшей подлѣ него молодой работницѣ значеніе слова „бойкотъ“. Двѣ пухлыя дамы внимательно прислушивались къ объясненіямъ матроса и выразительно переглядывались между собою, въ знакъ одобренія. Немного въ сторонѣ отъ нихъ, группа мастеровыхъ столпилась вокругъ Найдича, високаго, слегка сутулаго студента, съ умнымъ лицомъ, чуть-чуть обросшимъ на щекахъ и подбородкѣ мягкимъ шелковистымъ пухомъ. Сдержанно жестикулируя, онъ объяснялъ что-то своимъ слушателямъ.

Внизу шумная, возбужденная толпа медленно колыхалась у раскрытой настежь широкой двери. Встрепанный человекъ, съ воспаленнымъ чахоточнымъ лицомъ, долго стучалъ костлявымъ кулакомъ по пюпитру и, оглядывая собраніе блестящими черными глазами, кричалъ осипшимъ, надсаженнымъ голосомъ:

— Товарищи! Завтра всѣ соберутся здѣсь! Въ девять часовъ... утра!.. Въ девять часовъ утра.

Сквозь раскрытую дверь смутно слышался отдаленный говоръ и шумъ изъ другихъ аудиторій. Потомъ, тамъ точно сорвалось что-то, дохнуло и загудѣло и

сразу разлилось по всѣмъ лѣстницамъ, бурливымъ потокомъ смѣшанныхъ голосовъ, смѣха и восклицаній. Среди тѣсной толпы, запрудившей огромный вестибюль, проходили рабочіе, сдержанные и скромные; мелькали форменные сюртуки и куртки студентовъ и гимназистовъ; суетились дѣвушки, смѣля, съ пылающими щеками. Они встряхивали фуражки и сумки, звякая собранными деньгами, и кричали нараспѣвъ звонкими, молодыми голосами:

— Товарищи, въ пользу бастующихъ!

— На вооруженіе пролетаріата!

— Мы уже дали раньше...—объяснялъ сконфузившейся сборщицѣ какой-то плотный господинъ съ массивной золотой цѣпью на вадутомъ плюшевомъ жилетѣ.

— А я тебя жду, жду... Не видалъ Мотьку?

— Сударь, не толкайтесь вы, ради Бога!

— Я не толкаюсь, сударыня...

— Черезъ васъ я зонтикъ сломала...

— Ты говоришь, профессоръ?.. Который?

— Я съ Ростова самъ... литейщикъ...

— Обратитесь въ комитетъ вооруженія...

Внизу шумно хлопали двери. Изъ большой аудитории, сквозь раскрытыя окна, тянуло сырой пронизывающей свѣжестью. На верхней площадкѣ широкой мраморной лѣстницы долговязый юноша, въ студенческой тужуркѣ, восторженно оглядывалъ проходившую мимо него публику и, весело встряхивая кудрями, не переставая кричалъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Въ пользу партіи социалистовъ-революціонеровъ!

Недалеко отъ него, двое мастеровыхъ-евреевъ горячо спорили о чемъ-то, объясняясь на своемъ нарѣчій. Вокругъ нихъ собралась большая группа студентовъ и рабочихъ, внимательно слѣдившихъ за интереснымъ споромъ.

— Да здравствуютъ бундисты!—неожиданно закричалъ возлѣ нихъ бойкій мальчикъ въ гимназической

куртки, очень смуглый, съ блестящими бѣлыми зубами. Размахивая пучкомъ ярко красной гвоздики, онъ ловко взобрался на колонку периль и, обнимая ее одной рукой, весело закричалъ внизъ:

— Слушайте! Важныя послѣднія извѣстія!

Мальчикъ на минуту запнулся, но тотчасъ же передохнулъ и, нарочно растягивая слова, провозгласилъ внятно и торжественно:

— Граждане! Въ Россіи началась революція!

Отъ этихъ словъ сразу оборвался стоявшій вокругъ непрерывный, зудящій шумъ. Среди наступившей тишины, тысячи людей жадно глядѣли на незнакомаго смуглаго гимназиста. Казалось, всѣ съ несокрушимой надеждой ждали его словъ, какъ свѣтлыхъ пророческихъ обѣщаній. Мальчикъ смутился. Потомъ снова на его лицѣ задорно блеснули бѣлые зубы.

— Да здравствуетъ пролетаріатъ!—закричалъ онъ, звонко отчеканивая каждое слово.

— Да здравствуетъ пролетаріатъ!—тысячами устъ рѣшительно и твердо отвѣтило собраніе. И толпа снова задвигалась, зашумѣла, смѣшалась.

— Молодецъ—Витка!—раздался внизу чей-то возбужденный голосъ.

Между тѣмъ мальчикъ уже спустился съ колонки и, осѣдлавъ перила, стремительно съѣхалъ внизъ при громкомъ смѣхѣ и одобрительныхъ возгласахъ собранія.

— Давайте его сюда!

— Молодецъ—Витка!

— Ты что же, Витя, бундистъ?

— Смерть или свобода!—отвѣтилъ мальчикъ, совершенно обезумѣвшій отъ радости.

Раздалось оглушительное bravo, маленькая фигурка гимназиста показалась надъ головами стоящихъ внизу людей, замелькали красныя цвѣты гвоздики, послышались поцѣлуи.

Какой-то пожилой господинъ, растроганный и потрясенный, тихо плакалъ, прислонившись къ периламъ. Сверху, медленно колыхаясь въ толпѣ, передвигалось внизъ широкое красное знамя.

II.

Въ шестомъ часу утра Найдичъ вышелъ изъ дому.

Въ совершенно безлюдной улицѣ еще лежала сѣрая, предразсвѣтная мгла, но небо было глубокимъ и синимъ, и на немъ отчетливо вырѣзывались изломанные остроугольные контуры крышъ и надстроенныхъ вышекъ. ●

Несмотря на бессонную ночь, Найдичъ чувствовалъ себя удивительно бодрымъ и крѣпкимъ. Утренняя свѣжесть вливалась въ его молодое тѣло и наполняла мышцы здоровымъ, приятнымъ напряженіемъ. Онъ съ удовольствіемъ размялъ плечи и взглянулъ на небо.— День будетъ ясный, солнечный...

Стоявшій у воротъ заспанный кудластый дворникъ, съ метлой и въ бѣломъ фартукѣ, подозрительно посмотрѣлъ на студента и съ ожесточеніемъ принялся подметать улицу.

Путь былъ не близкій. Надо было пройти центральныя улицы города, пересѣчь Толкучій рынокъ и оттуда еще идти не менѣе получаса по предмѣстью, населенному фабричной бѣднотой, къ Большому желѣзнодорожному вокзалу.

— День будетъ ясный, солнечный!..— машинально вслухъ повторилъ Найдичъ. Сначала эти слова настойчиво повторялись въ его сознаніи и мѣшали сосредоточиться. Потомъ они отошли сами собой и забылись. Онъ началъ думать о предстоящихъ событіяхъ, стараясь спокойно оцѣнить ихъ значеніе, рассчитать силы, предусмотрѣть результаты объявленной на сегодня всеобщей политической забастовки. Однако, это не удава-

лось. Воображеніе рисовало длинныя кирпичныя зданія депо на Большомъ вокзалѣ; почернѣвшія пересѣкающіяся стропила и фермы подъ крышей; широкія ворота, окованныя желѣзомъ, и большія полукруглыя окна надъ ними... Въ депо сыро и холодно... У грязной стѣны, за узкимъ столомъ, пропитаннымъ жирной копотью, на сквозномъ вѣтру, двое сцѣпщиковъ молча пьютъ жидкій горячій чай и, обжигаясь, посматриваютъ другъ на друга нелѣпо выпученными глазами. Недалеко отъ нихъ удушливымъ сипомъ поныхиваетъ старый товарный паровозъ, весь черный, тяжелый и неуклюжій. Изъ-подъ него тянутся стальные жилы къ воротамъ и дальше пересѣкаютъ пути, переплетаются, и по нимъ бѣгутъ длинныя полосы отсвѣчивающихъ холодныхъ бликовъ... Ряды красныхъ и коричневыхъ вагоновъ... сѣрыя безобразныя нефтеналивныя цистерны... открытыя платформы съ балластомъ... куски разорваннаго пассажирскаго поѣзда, остывшіе тяжелые паровозы... Издали виденъ семафоръ съ краснымъ жестянымъ дискомъ, а въ сторонѣ станція, большая, непріютная, съ грязнымъ казеннымъ фасадомъ, съ неуклюжей рѣзьбой на фронтонѣ. Тысячи людей каждый день проносятся мимо нея въ роскошныхъ курьерскихъ поѣздахъ и въ вагонъ-салонахъ... Они несутся бессмысленно въ какую-то прорву, пьютъ, играютъ по дорогѣ въ карты и спятъ на мягкихъ диванахъ, не подозрѣвая того, что грязный засаленный машинистъ Родіонъ Егоровъ можетъ сразу, однимъ поворотомъ рычага, прервать ихъ сонъ, остановить поѣздъ, выпустить паръ изъ котловъ и вдругъ заявить этимъ наивнымъ удивленнымъ людямъ:

— Баста! Теперь потолкуемъ надежнѣй!..

Найдичъ опомнился и поднялъ голову. Впереди тянулись неровные спутанные ряды Толкучаго рынка. Сѣрая утренняя мгла понемногу разсѣивалась. Дальніе кресты на соборѣ уже зажглись яркими золотыми ризами, дробя и разбрасывая отъ себя во всѣ стороны

тонкія ослѣпительныя стрѣлы. И здѣсь лавки еще стояли закрытыми; только у нѣкоторыхъ ларей толпились группы продавцевъ, да подлѣ грязнаго деревяннаго кіоска, сидя на большомъ камнѣ, дремалъ старый букинистъ-еврей, съ пожелтѣвшей сѣдой бородой.

Найдичъ прошелъ мимо ряда лавокъ, торгующихъ желѣзнымъ и скобянымъ товаромъ; возлѣ нихъ въ безпорядкѣ валялись заржавленныя старыя колеса, разбитыя шестерни, чугунныя вальцы, желѣзныя плиты, связки болтовъ, прутьевъ и гаекъ. На одну минуту эти обломки привлекли почему-то его вниманіе; потомъ онъ завернулъ вправо, незамѣтно ускорилъ шаги и снова задумался. Снова воображеніе перенесло его въ степь, къ остановившемуся тамъ среди ночи служебному поѣзду... Это было бы очень смѣло со стороны Родіона!.. О, тогда всѣ выслушали бы его поневолѣ. Встревоженные и озадаченные, они вышли бы изъ вагоновъ и въ темнотѣ побѣжали бы по насыпи, спотыкаясь, толкая другъ друга... Повсюду слышались бы растущіе во мракѣ испуганные окрики кондукторовъ, инженеровъ и сердитый голосъ Рашковскаго, начальника службы движенія:

— Что случилось, Егоровъ?

— Машина стала, господинъ Рашковскій!

— Лопнулъ бандажъ на переднемъ!..

— Подавай домкратъ!

— Домкратъ дайте!

— Стопъ машина! Домкратъ, господа, не поможетъ...

Передъ Найдичемъ отчетливо вырисовалась крѣпкая фигура Родіона съ жесткимъ, энергичнымъ лицомъ, покрытымъ жирными пятнами черной сажи. Вотъ онъ, освѣщенный съ головы до ногъ яркимъ свѣтомъ переднихъ фонарей, стоитъ на насыпи, передъ неподвижнымъ паровозомъ, окруженный озадаченными людьми, все еще не понимающими, въ чемъ дѣло, и говоритъ имъ простыя, смѣлыя и справедливыя слова. Всѣ молча слушаютъ его, пораженные неслыханной дерзостью ма-

шиниста. Потомъ они кричатъ и угрожаютъ ему, приказываютъ и, наконецъ, начинаютъ просить и глядятъ на него заискивающими, собачьими глазами...

Постепенно фигура Радіона расплывалась въ ображеніи, и, когда она исчезла совсѣмъ, Найдичъ самъ очутился на мѣстѣ машиниста, на насыпи, окруженный тѣсно столпившимися испуганными людьми въ форменныхъ шинеляхъ. Вокругъ темная прислушивающаяся степь. На горизонтѣ залитый огнями громадный далекій городъ. О, онъ знаетъ, что нужно сказать этимъ людямъ. Отцѣпивъ паровозъ, онъ станетъ у регулятора и оттуда скажетъ имъ все, что онъ думаетъ...

— Слушайте, или я сейчасъ же оставлю васъ однихъ, здѣсь, среди безлюднаго поля... Имя мое—легіонъ. Я царь, обращенный въ рабство, трудящійся и обремененный. Вы это знали давно и молчали... Видѣли меня поверженнымъ и радовались... Но вотъ настала часъ! Я встану, чтобы побѣдить васъ... Освобожу плѣнниковъ и заключенныхъ, и невидящимъ свѣта возвращу зрѣніе... возвеличу униженныхъ и покараю насильниковъ... О, еще многое можно было бы сказать имъ... нужно только, чтобы это были красивыя, сильныя слова...

— Стойте, товарищъ! Куда вы?

Найдичъ остановился. Съ противоположнаго тротуара къ нему направлялась черезъ улицу группа рабочихъ, кричавшихъ въ нѣсколько голосовъ:

— Назадъ, товарищъ! Здѣсь уже все сдѣлано.

— Въ городъ идемъ!.. Снимать прикащиковъ.

Они поздоровались съ нимъ и заговорили разомъ, нетерпѣливо перебивая другъ друга. Найдичъ понемалъ ихъ настроеніе и ласково засмѣялся.

— Пусть кто-нибудь одинъ расскажетъ... нельзя же всѣмъ сразу..

— На заводахъ работа и такъ стоитъ... нынче воскресенье...

— Снимать нечего.

— А вокзалъ?

— Еще съ ночи сталь... Въ депо всѣ паровозы заснули. Съ очередныхъ Ефимъ паръ выпустилъ.

— Отлично! А что-же Рашковскій?

— Носомъ только крутилъ, ничего не сказалъ... Сейчасъ сонный ходилъ по перрону... потомъ съ горя пошелъ въ буфетъ чай пить...

— Конторскіе всѣ забастовали... бригада тоже...

— У насъ ночью массовка была. Сознательные—рѣчи говорили... кто какъ умѣлъ...

— Хорошо говорили! Лучше другого интеллигента...

— А кто говорилъ?

— Родионъ говорилъ. Прямо съ положенія началъ... о Думѣ, потомъ о выборахъ... аккуратно раздѣлалъ, всѣ поняли...

— А еще кто?

— Я говорилъ...

— Ну, хорошо... Значить, здѣсь нечего дѣлать?

— Въ городъ идемъ. Въ одиннадцать часовъ купцы торговать станутъ...

— Поздно теперь?

— Скоро семь. Конка сейчасъ проходила...

— А конки работаютъ?

— Станутъ и конки, за это бояться нечего.

На обратномъ пути Найдичъ разспрашивалъ о почной сходкѣ и жалѣлъ, что не догадался вчера пойти на вокзалъ, вмѣстѣ со всѣми товарищами.

— Да мы и сами не думали. Видимъ, все одно всѣ растревожены, никто спать не хочетъ... собрались кучками по мастерскимъ, въ депо, на рампѣ... шумятъ, спорятъ... такъ ужъ лучше всѣмъ вмѣстѣ, по порядку.

— Ну, понятно... Отлично сдѣлали.

На Вознесенской улицѣ, подлѣ какой-то аптеки, нѣсколько прохожихъ, наклонившись, читали приклеен-

ное къ дверямъ объявленіе. Въ большихъ окнахъ виднѣлись вырѣзанные изъ бумаги красные кресты.

— Аптека закрыта.

— Подается только скорая помощь.

— Ну, пока дѣло идетъ дружно,—сказалъ Найдичъ, съ довольнымъ видомъ обращаясь къ товарищамъ.

— Сегодня не въ счетъ... посмотримъ, что завтра будетъ...

— Да, завтра... посмотримъ... однако, постойте, господа... вамъ на пунктъ?

— А вамъ куда?

— Вы развѣ не съ нами?

— Нѣтъ, мнѣ въ университетъ, въ охрану...

— Охрана будетъ?

— Говорили, на завтра охрана. Наши свой отрядъ собираютъ.

— Да, я знаю. Сегодня университетъ высылаетъ охрану... на всякій случай... если вздумаютъ разгонять нагайками...

— Пожалуй, это никогда не мѣшаетъ...

— На этотъ разъ нарѣжутся...

— Ну, такъ прощайте, Борисъ. Увидимся?

— Конечно. На спускъ, черезъ часъ.

III.

— Пожалуйста, освободите вашихъ служащихъ.

— Закрывайте, господа! Идемте съ нами, товарищи!

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Нельзя же, господа, сразу: вѣдь тутъ продукты... въ погребъ снести... сложить въ холодильникъ...

— Ну, ладно, мы подождемъ.

— Эхъ, Мотька, не видишь развѣ, товаръ какой?

— Товаръ, братцы, гастрономическій.

— Буфетный матеріалъ!..

Вокругъ нихъ на тротуарѣ столпилась публика,

заинтересовавшаяся продолжительной возней у магазина. Слышалась бойкая, трескучая болтовня и женскій веселый смѣхъ.

— Вообще, я вамъ скажу, все это анархисты подстрекають,—говорилъ какой-то плотный военный, обращаясь къ высохшему сердитому чиновнику съ жабрами и круглыми глазами навывкатъ.

— Это все жидовскія штуки. Пойдемте, полковникъ...

— Скатертью дорога!

— Кому это?

— Да вотъ прохвосты какіе-то...

— Долой провокаторовъ!

Раздался оглушительный свистъ, слышались тревожные возгласы. Многіе не понимали, въ чемъ дѣло, и съ жалостливой растерянностью въ глазахъ разспрашивали другъ друга.

Между тѣмъ полковникъ, предупредительно поддерживая своего собесѣдника подъ руку, уже сѣлся въ пролетку на противоположной сторонѣ улицы. Они проѣхали не болѣе квартала. Видно было, какъ тамъ остановили лошадь и толпа окружила пролетку. Полковникъ что-то кричалъ и размахивалъ руками. Потомъ онъ снова взялъ своего спутника подъ руку, и они оба, сойдя съ дрожжекъ, скоро затерялись въ публикѣ.

Толпа все прибывала, заполняла панели и, медленно колыхаясь, живой рѣкой разливалась по сосѣднимъ улицамъ. День былъ ясный, совсѣмъ весенній, что-то бодрое и животворящее переливалось въ воздухъ и оживляло лица. Со всѣхъ сторонъ слышались дружескія привѣтныя слова, смѣхъ, удивленные возгласы, тихое недружное пѣніе. На ближайшемъ перекресткѣ народъ преградилъ путь вагону конки.

— Стой! Дальше нѣтъ ходу.

— Бастуйте, товарищи!

— Господа, выходите пожалуйста.

— Прошу сойти; вагонъ не пойдетъ дальше.

Кондукторъ переглянулся съ кучеромъ, и оба, одобрительно посмѣиваясь, сошли на мостовую. Въ это время подошелъ второй вагонъ, переполненный пассажирами, столпившимися на обѣихъ площадкахъ.

— Еще вагонъ!

— Стой! Дальше не поѣдешь.

— Самъ вижу, братцы... Выходите, господа, на просторъ: машина спортилась.

— Беритесь дружиѣй, разомъ... накатить надо...

Передній вагонъ облѣпили косо вытянутыя напряженные тѣла нѣсколькихъ рабочихъ и студентовъ, двухъ гимназистовъ и множества мальчишекъ-подростковъ. Вагонъ взвизгнулъ и плавно подкатился къ указанному мѣсту.

— Поворачивай!.. Стойте! Назадъ!.. Откати назадъ малость.

— Становись кто-нибудь на площадку...

— Такъ... Стой!.. Заноси съ того краю...

По обѣимъ сторонамъ улицы во всю ширину панелей стояла тѣсная, вслновавшаяся толпа, тянувшаяся почти до театральной площади. Издали видна была стоявшая тамъ на посту длинная фигура городского, лѣнливо и равнодушно посматривавшаго въ сторону строящейся баррикады. Сверху, на всѣхъ балконахъ и окнахъ, тѣсно жались любопытствующие зрители, мужчины, дѣти и женщины; они что-то кричали народу, махали платками и шляпами. Въ толпѣ слышалось низкое, глухое жужжанье. На многихъ лицахъ было смѣшанное выраженіе любопытства и тайной, скрытой боязни. Нѣкоторые старались храбриться и говорили неискреннія, напыщенные слова для того, чтобы побороть въ себѣ нараставшее чувство страха и скрыть передъ другими свое волненіе.

Вдругъ что-то сразу ахнуло и задребезжало; послышался звонъ стеколъ; въ заднихъ рядахъ публики пронесся сдавленный, тревожный ропотъ... Маленькіи

молодой человекъ, съ лицомъ, обезображеннымъ оспой, въ фуражкѣ съ чернымъ бархатнымъ околышемъ, испуганно закричалъ что-то и побѣжалъ къ театру. За нимъ ринулись всѣ. Началась страшная паника. Не понимая, въ чемъ дѣло, охваченные дикимъ, бессмысленнымъ страхомъ, люди бѣжали, сбивая съ ногъ и давя другъ друга, бросались въ раскрытыя ворота, прятались въ подъездахъ и оттуда снова съ нестерпимымъ любопытствомъ, испуганные и блѣдные, выглядывали на улицу.

Среди бѣгущихъ, тяжело дыша, поспѣшно прошелъ хорошо одѣтый господинъ, съ растеряннымъ блѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Видно было, что его душить страхъ, и что только стыдъ мѣшаетъ ему бѣжать вмѣстѣ со всѣми. Неожиданно за его спиной раздался пронзительный крикъ. Онъ вздрогнулъ и оглянулся, потомъ сразу съежился и, заплетаясь ногами, шаркая резиновыми калошами по панели, побѣжалъ впередъ, обгоняя отстающихъ дѣтей и женщинъ. За нимъ слышался плачь, визгъ и крики о помощи. Напрасно немногіе старались успокоить толпу. Только на второмъ кварталѣ обезумѣвшіе люди стали боязливо оглядываться и, не видя за собой ничего страшнаго, пошли медленнѣе, сконфуженно переглядываясь между собою. На перекресткѣ длинная цѣпь мастеровыхъ преградила имъ дорогу.

— Стойте! Куда? Въ чемъ дѣло?

— Бомбу бросили...

— Да что вы сочиняете!.. Гдѣ бросили?

— Это провокація!

— Говорили, бомба...

— Никакой бомбы... Стойте! Оста-но-витесь!

— Успокойтесь, господа! Это вагонъ свалили.

— Вотъ видите. Вагонъ упалъ, а вы сейчасъ—бомба...

Боятся, а лѣзутъ! Кто ихъ звалъ сюда, чортъ бы ихъ побралъ!

— Трусы поганые! На другихъ только панику наводятъ.

— Вотъ ужъ именно изъ мухи слона дѣлаютъ...

Нѣсколькими энергичными окриками удалось, наконецъ, остановить бѣгущихъ. Многие сконфуженно оправдывались и осуждали другихъ.

— Я говорилъ, что ничего страшнаго не случилось...

— Кто? Вы? Да вы первый побѣжали, милостивый государь... Думаете, никто не видалъ?..

IV.

Успокоившись, толпа повернула обратно. Теперь уже ясно видно было, что одинъ вагонъ лежалъ опрокинутымъ на бокъ посреди улицы. Подкатывали слѣдующій вагонъ къ тому же мѣсту. Высокій, широкоплечій человекъ въ папахѣ и въ кавказской буркѣ хрипло кричалъ и размахивалъ руками, дѣлая, повидному, какія-то указанія строителямъ баррикады. Подростки и дѣти вьюнами вертѣлись вокругъ вагона и, обрадованные неожиданнымъ развлеченіемъ, галдѣли на всю улицу. Куцый, забавный мальчуганъ лѣтъ семи въ рваныхъ штанишкахъ, съ посинѣвшимъ озябшимъ лицомъ, жадно кусалъ огромный ломоть хлѣба, прыгалъ и танцевалъ на мѣстѣ.

— Смотрите, баликарда!—весело кричалъ онъ, обращаясь къ публикѣ и указывая пальцемъ на опрокинутые вагоны.

— Баликарда! Баликарда!

Между тѣмъ работа шла быстро. Восемь опрокинутыхъ вагоновъ преграждали всю улицу, занимая и тротуары, оставляя только у стѣнъ домовъ небольшіе проходы. Спиленный телефонный столбъ съ густой спутанной проволокой на рѣшеткѣ зацѣпилъ стѣну большого дома, сбиль кусокъ лѣпного карниза у окна и,

обломавъ старое вѣтвистое дерево акаціи, неловко свалился на крайній вагонъ конки. Отовсюду къ баррикадѣ несли ящики, мѣшки, набитые всевозможнымъ тряпьемъ, соломенные тюфяки; желтый, худой мастеровой тащилъ высокую деревянную лѣстницу. Трое рабочихъ спѣшно укрѣпляли двойную колючую проволоку. Какъ разъ посреди улицы, на одномъ изъ опрокинутыхъ вагоновъ, маленькій смуглый мальчикъ въ гимназической шинели съ озабоченнымъ видомъ распутывалъ длинную веревку, держа подъ мышкой небольшое древко съ краснымъ знаменемъ.

— Стойте! Смотрите!—неожиданно раздались въ толпѣ встревоженные голоса и сразу заразили всѣхъ однимъ напряженнымъ волненіемъ.

— Что это? Смотрите!

Отъ театра по направленію къ баррикадѣ шель vysokій, плечистый человѣкъ съ обнаженной головой, лысый, съ сѣдыми прядями волосъ на вискахъ, съ рѣзкими крупными чертами лица, бритаго и немного распухшаго. На немъ были высокіе порыжѣвшіе сапоги, рваные панталоны изъ бѣлой парусины и длинный форменный сюртукъ выцвѣтшаго темпозеленаго сукна, съ бѣлыми металлическими пуговицами. Изъ-подъ стоячаго воротника виднѣлся туго завязанный вокругъ шеи черный платокъ, подпиравшій щеки и подбородокъ.

Онъ шель медленной, торжественной поступью, посреди улицы, держа въ поднятой рукѣ сложенный листъ бѣлой бумаги. Время отъ времени старикъ останавливался, круто поворачивался къ стоявшей на панеляхъ публикѣ и отвѣшивалъ ей глубокой земной поклонъ. Всѣ съ неопредѣленнымъ смущеніемъ смотрѣли на приближавшагося человѣка. Сразу стало тихо; слышался только отдаленный гулъ городского движенія. Потомъ многіе сошли съ панелей, и когда старикъ былъ уже недалеко, за нимъ осторожно под-

вигалась густая толпа любопытныхъ. На баррикадѣ бросили работу и столпились посреди мостовой, съ недоумѣніемъ оглядывая подходившаго къ нимъ страннаго человѣка.

Наконецъ, онъ остановился и поклонился всѣмъ въ поясъ медленнымъ, низкимъ поклономъ; потомъ выпрямился и сдѣлалъ рукою рѣзкій, повелительный жестъ. Всѣ разступились.

— Подаю прошеніе на высочайшее имя!—торжественно и громко произнесъ старикъ, протягивая бумагу стоявшему на опрокинутомъ вагонѣ смуглому гимназисту, съ развернутымъ краснымъ знаменемъ.

— На высочайшее имя народа!—госторженно закричалъ въ толпѣ красивый юноша въ ученической морской формѣ.

— Витя, прочтите прошеніе...

Мальчикъ развернулъ чистый листъ бумаги.

— Бью челомъ Виктору-побѣдителю!..—внятно проговорилъ старикъ и снова поклонился въ поясъ. Затѣмъ онъ повернулся и, такъ же театрално откинувъ назадъ голову, съ неподвижно устремленными передъ собой глазами, пошелъ обратно медленной, важной поступью.

Въ толпѣ пронесся сдержанный гулъ и сразу выросъ въ громкій всеобщій говоръ.

— Онъ сумасшедшій!..

— Большой человѣкъ, развѣ вы не видите?

— Это честный гражданинъ, товарищи!

— Шапки долой!

— Привѣтъ честному гражданину!

Единодушное „ура!“ прокатилось по улицѣ. Всѣхъ охватило бодрое, безпечное настроеніе, слышался смѣхъ, какъ будто сложенная поперекъ улицы высокая баррикада не внушала никому никакихъ опасеній. А оттуда между тѣмъ уже доносились крики:

— Къ оружію, товарищи!

Въ глубинѣ улицы показалась группа рабочихъ, въ сопровожденіи шумной ватаги подростковъ. Впереди всѣхъ бѣжалъ высокій человѣкъ въ папахѣ и въ черной косматой буркѣ. Онъ то и дѣло обращался на-бѣгу къ публикѣ, махалъ рукою и звалъ густымъ сиплымъ басомъ:

— За нами, граждане! Товарищи, къ оружейнымъ магазинамъ!

Ни одинъ человѣкъ не пошелъ за ними. Притихшая толпа съ затаенной тревогой слѣдила за смѣлками, завернувшими въ ближайшій переулокъ. Только тогда, когда они скрылись изъ виду, нѣсколько человѣкъ изъ публики бросились за ними, но въ нерѣшительности остановились на перекресткѣ. Многие стали расходиться.

Въ это время мимо театра, по направленію къ баррикадѣ, прошла группа студентовъ съ серьезными, рѣшительными лицами. Впереди всѣхъ шелъ Найдичъ. Онъ былъ немного блѣденъ и улыбался странной загадочной улыбкой.

V.

Въ небольшомъ переулкѣ, куда завернули рабочіе, стояло странное жуткое затишье. Прохожихъ почти не было. Казалось, что всѣ попрятались въ домахъ и не рѣшались выходить на улицу. Только какой-то мальчикъ въ ученической курточкѣ стоялъ на панели и убѣждалъ не разбивать дверей магазина.

— Увѣряю васъ, что здѣсь нѣтъ оружія...

— За все, что мы возьмемъ, будетъ ушлочно...

— Позвольте, откуда онъ знаетъ...

— Вы кто такой? Хозяинъ магазина?

— Постойте... Вы что? Почему вы такъ распинаетесь?..

— Къ чорту его! Сюда, товарищи!

Всѣ бросились на крыльцо, кто-то энергично задергалъ большую стеклянную дверь магазина. Мальчикъ исчезъ въ ближайшихъ воротахъ, преслѣдуемый свистомъ и насмѣшками.

— Навались, товарищи!

Раздался трескъ дерева и звонъ разбитыхъ стеколъ, потомъ отъ двери отскочило что-то тяжелое и она распахнулась.

— Навались еще! Полегче!

Снова что-то задергали, вторыя двери часто затарахтѣли, гулко лопнули замокъ... Сразу все затихло. Слышалась только суетливая возня въ магазинѣ; потомъ оттуда вырвались торопливые голоса:

— Не трогайте сумокъ!

— Не смѣть трогать!

— Разбирайте ружья и револьверы!

— Нѣтъ патроновъ!

— Должны быть патроны. Ищите!

— Здѣсь двѣ обоймы съ патронами...

— Давайте сюда... это къ штуцеру.

— Гильзы, товарищи!.. Забирайте гильзы!.. Снарядимъ сами...

Наконецъ, на порогъ магазина появился высокій грузинъ въ папахѣ. Въ рукахъ у него былъ короткій Маузеровскій штуцеръ. Остановившись на крыльцѣ, онъ быстро зарядилъ ружье и, спрятавъ его подъ буркой, побѣжалъ къ баррикадѣ.

— За мной, товарищи!—крикнулъ онъ на-бѣгу, не оборачиваясь.

Изъ магазина выбѣжали озадаченные рабочіе и студенты съ револьверами и ружьями въ рукахъ.

— Все это ни къ чему, товарищи!

— Безъ патроновъ ничего не сдѣлаешь!

За угломъ группа подростковъ, вооружившихся новенькими охотничьими ружьями, остановилась въ нерѣшительности. У нихъ были очень смущенныя лица

и каждый торопился отдать свое оружіе товарищу. Послѣ мнѹтнато замѣшательства, всѣ неожиданно разбѣжались въ разныя стороны. Двое мальчиковъ очутились у сквера, разбитаго подлѣ театра, и долго метались тамъ по дорожкамъ, точно искали убѣжища, гдѣ можно было бы спрятаться. Наконецъ, сообразивъ, по-видимому, полную безвыходность положенія, они бросили ружья на залитый солнцемъ газонъ ярко-зеленаго райграса и безъ оглядки побѣжали внизъ къ Приморскому бульвару. Оттуда, не обращая на мальчиковъ никакого вниманія, выбѣжало на площадь нѣсколько жандармовъ въ синихъ курткахъ съ красными шнурами, щекастыхъ, одинаковаго роста, удивительно похожихъ другъ на друга. Они быстро разсыпались по скверу и прилегающимъ улицамъ, придерживая шашки и слегка размахивая на-бѣгу локтями. Въ просвѣтахъ межъ оголенныхъ деревьевъ и кустарниковъ ясно были видны ихъ плотныя, аккуратныя фигуры. Черезъ нѣсколько минутъ, запыхавшись, съ озабоченными лицами, они стали сбѣгаться къ театру одинъ за другимъ и передавали подобранныя ружья въ полуоткрытыя боковыя двери спрятанному тамъ человѣку въ блестящей пожарной каскѣ.

Въ это время послышался отчетливый тактъ шаговъ, и взводъ пѣхотныхъ солдатъ, подъ командой худого, усатаго унтера, прошелъ мимо театра по направленію къ баррикадѣ.

VI.

Съ появленіемъ жандармовъ, публика медленно перешла въ поперечныя улицы и остановилась тамъ, подавленная смутнымъ боязливымъ ожиданіемъ. Многіе спрятались во дворахъ. На всѣхъ балконахъ поспѣшно захлопывались двери.

Въ опустѣвшей улицѣ, съ опущенными шторами въ

окнахъ и витринахъ магазиновъ, было жутко и тихо, точно въ пустыхъ комнатахъ заколоченнаго стараго дома. На баррикадѣ развѣвалось большое красное знамя. Найдичъ сидѣлъ на деревянномъ ящикѣ рядомъ съ Витей и, опустивъ голову, взглядывалъ исподлобья на Мотьку, нервно вертѣвшагося у края панели. Подвижной и взвинченный, съ лицомъ бѣлаго негра, съ торчащей впередъ кучой рыжеватой бородкой, Мотька говорилъ прерывистымъ картавымъ голосомъ съ рѣзкимъ еврейскимъ акцентомъ. Онъ очень волновался, захлебывался словами и сильно жестикулировалъ, то сгибая, то растопыривая длинные костлявые пальцы.

Найдичъ чувствовалъ, что Мотька говоритъ плохо и некрасиво, точно читаетъ неудачную прокламацію, и ему неприятно было слышать старья избитыя слова объ „опричникахъ“ и „сатрапахъ“...—Отчего это у него такъ выходить? Онъ славный и смѣлый товарищ... умный, свѣдущій... и все-таки онъ какой-то смѣшной и жалкій... И къ чему эти рѣчи здѣсь, на баррикадѣ? Теперь нужно только одно — гордо встрѣтить смерть, мучительную, но прекрасную, приобщающую къ вѣчной лучезарной жизни... Вотъ сейчасъ придутъ войска и казаки... и придетъ смерть... и для тѣхъ, кто будетъ убитъ, все будетъ кончено...—Что то горестное шевельнулось въ душѣ Найдича, онъ едва слышно перевелъ дыханіе.—Умереть... не знать, что будетъ послѣ насъ... не увидѣть великаго торжества новой свободной жизни...

Найдичъ заворочался на мѣстѣ, точно стараясь отогнать отъ себя эти острия навязчивыя мысли. Онъ поднималъ голову и взглянулъ на Мотьку грустными, задумчивыми глазами. И странно, что теперь еврей-малырь уже не казался такимъ смѣшнымъ и жалкимъ. Что-то новое звучало въ его словахъ и казалось такимъ значительнымъ, что всѣ некрасивыя особенности его рѣчи были уже незамѣтны. Съ фанатической,

страстной вѣрой въ будущую справедливость, Мотька рисоваль своимъ слушателямъ увлекательныя картины счастливой прекрасной жизни, когда исполнятся, наконецъ, мечты и оправдаются надежды...—Милый, честный Мотька! Онъ удивительный фантазеръ... какъ и всѣ евреи...—И это фантазерство было глубоко понято и близко Найдичу. Онъ разсѣянно глядѣль на маляра и слышалъ совсѣмъ другія слова, не тѣ, что говорилъ Мотька...—Вотъ мы смѣшны и жалки, и движенія наши некрасивы, но мы умремъ рядомъ съ тѣми, кто борется за человѣческое счастье... мы погибнемъ съ великой вѣрой въ душѣ, завѣщая живымъ красивую, свободную жизнь... и они будутъ почитать нашу память... Тогда всѣ люди будутъ свободны и горды и не будутъ въ нихъ ничего смѣшного, некрасиваго и жалкаго...—Такъ думаль Найдичъ и въ душѣ его выросло что-то свѣтлое и счастливое.

Между тѣмъ Мотька уже измѣнилъ направленіе своихъ мыслей. Теперь онъ съ ненавистью и злобой говорилъ о тѣхъ, что издали любятъ революціей и апплодируютъ борцамъ за свободу.

— Товарищи! — кричалъ онъ, надсаживая грудь и энергично размахивая руками. — Вотъ въ этомъ домѣ съ закрытыми желѣзными воротами, съ балкономъ... здѣсь живетъ образованный человѣкъ... гласный думы! Онъ былъ на всѣхъ банкетахъ и тамъ онъ рассказываль что-то о свободѣ. Теперь онъ уже выходилъ на балконъ, чтобы осмотрѣть наши позиціи. Должно быть, отгудова виднѣй! Ха-ха-ха! Это уже совсѣмъ, какъ говорится пословица: „товарищи, впередъ, а я за вами!“ Хорошо, господинъ гласный...

— Идутъ солдаты!.. Солдаты идутъ! — слышались вдругъ испуганные голоса стоявшихъ въ сторонѣ студентовъ. На одно мгновеніе всѣ растерялись; потомъ сразу овладѣли собой и стали по мѣстамъ, группруясь ближе къ панелямъ, оставляя незанятою середину

баррикады. Одинъ только Мотька съ брезгливой гримасой повелъ плечами и сталъ какъ разъ посреди улицы, у лѣстницы, прислоненной къ вагону.

— Не волнуйтесь, товарищи! — спокойно и твердо сказалъ Найдичъ, вынимая изъ кармана револьверъ и напряженно сжимая въ кисти его рукоятку.

— Побольше выдержки, господа!

— Товарищъ Шавашъ, возьмите на себя команду.

Высокій грузинъ въ папахѣ спокойно сбросилъ бурку и поставилъ передъ собой штуцеръ. Затѣмъ онъ быстро оглядѣлъ всѣхъ.

— Прошу замолчать! — сказалъ онъ рѣзко и сухо. — Нельзя никому стрѣлять безъ команды. Кто будетъ стрѣлять безъ команды, тотъ провокаторъ... того самъ застрѣлю на мѣстѣ. Кто боится, можетъ уйти: еще есть время...

Всѣ молчали, никто не двинулся съ мѣста. При тихіе, съ застывшими неподвижными лицами, съ напряженными мышцами на скулахъ, они стояли за баррикадой, и въ ихъ взглядахъ чувствовалась какая-то жалостливая, кроткая рѣшимость. Найдичъ, прислонясь плечомъ къ опрокинутому вагону, чувствовалъ, какъ беспорядочно бѣгутъ его мысли, отчетливо слышалъ, какъ что-то настойчиво и сильно бьется въ груди и въ вискахъ, и машинально считалъ эти удары...

Между тѣмъ патруль приближался. За баррикадой медленно нарастала густая, удушливая тишина.

— Помните, товарищи! — раздался вдругъ нервный голосъ Мотьки: — я попробую прежде говорить съ ними...

Шавашъ перебилъ его:

— Стрѣльба бесполезна, — сказалъ онъ: — противъ солдатскихъ винтовокъ мы будемъ безсильны... Когда я сниму папаху, бросайтесь въ ряды солдатъ, старайтесь разъединить ихъ... Это небольшой патруль, насъ здѣсь гораздо больше, и это удастся навѣрно... Стрѣлять можно только для самозащиты...

Солдаты были уже шагахъ въ двадцати, когда не ожиданно для всѣхъ на верху баррикады появился Витя держа въ поднятыхъ рукахъ красное знамя и бѣлый носовой платокъ.

— Да здравствуютъ солдаты!—раздался его звонкій, отчетливый голосъ.

Всѣ замерли. На хмурыхъ лицахъ солдатъ точно дрогнуло что-то, и они засмѣялись. Унтеръ-офицеръ остановилъ патруль и отдалъ честь по военному.

— Товарищи-солдаты! — закричалъ Мотька, становясь рядомъ съ гимназистомъ и слегка отстраняя его рукою:—братья-солдаты! Мы боремся за волю народа, за лучшую долю для всѣхъ трудящихся, рабочихъ, крестьянъ... и для солдатъ тоже...

— Да здравствуютъ солдаты! Ура-а!— снова закричалъ Витя и, быстро спустившись внизъ, побѣждалъ къ нимъ:

— Ура-а!—крикнулъ онъ на-бѣгу еще разъ.

— Ура-а!—подхватили за баррикадой.

— Ура-а!—дружно отвѣтили солдаты.

Витя бросился къ одному изъ нихъ на шею и, зажмуривъ глаза, впился длиннымъ поцѣлуемъ въ его жесткую выбритую щеку. Черезъ минуту солдаты, рабочие и студенты смѣшались въ одну пеструю группу, свободно расположившуюся за баррикадой. Солдаты съ живымъ любопытствомъ осматривали опрокинутые вагоны, спрашивали, какъ все это было сдѣлано, просили покурить и охотно показывали свои ружья, объясняя устройство затвора и магазина. Витя совсѣмъ прилипъ къ большому неуклюжему солдату съ жесткимъ густымъ чубомъ, торчавшимъ изъ-подъ его лихо надѣтой фуражки. Поминутно кашляя, мальчикъ съ важнымъ видомъ курилъ папиросу.

— Какъ васъ зовутъ? — спросилъ онъ, привѣтливо заглядывая въ лицо своему сосѣду.

— Антонъ Березной. А васъ, спозвольте, какъ?

— Меня Викторомъ зовуть.

Березной усмѣхнулся чему-то и ласково похлопалъ Витю по плечу. Потомъ онъ разговорился, долго объяснялъ что-то мальчику и все говорилъ:

— Такъ что просто терпѣнія моего нѣту... Сказать бы служба, а то каторга настоящая...

Вокругъ нихъ всѣ говорили разомъ, безъ умолку, довольные, обрадованные неожиданнымъ мирнымъ исходомъ встрѣчи. Солдаты тоже были настроены благодушно.

— ...Бываютъ у насъ тоже съ вашихъ, листки подкидаютъ... про акцысь, опять же про свободу, насчетъ земли... такъ что про разное тамъ есть...

— ...Который грамотный съ новобранства, сичасъ, конечно, въ учебную команду...

— Во-первыхъ, это даже вполне справедливо,—говорилъ Найдичу унтеръ-офицеръ, высывая изъ длинныхъ рукавовъ шинели красныя заскорузлыя руки и какъ бы для счета загибая пальцы:—дѣйствительно разные тамъ другіе вопросы... Во-первыхъ, вопросъ насчетъ мужиковъ... ну, какъ же можно, чтобы безъ земли... Конечно, мужикъ, онъ совсѣмъ даже необразованный... но чтобы безъ хлѣба прожить, такъ это же просто немисленно...

— Солдаты! — говорилъ между тѣмъ Мотька, медленно раскачиваясь на широко разставленныхъ ногахъ и по-прежнему жестикулируя пальцами:

— Солдаты-граждане! Мы принимаемъ васъ въ наши ряды, какъ честныхъ и славныхъ братьевъ...

— Господинъ гимназистъ, дайте прикурить, пожалуйста... — тихо позвалъ Витю высокій мордастый солдатъ, съ маленькими хитрыми глазами, внимательно осматривавшій баррикаду.

Мальчикъ подбѣжалъ къ нему, съ видимымъ удовольствіемъ исполняя просьбу.

— Имѣете какое-нибудь оружіе? — спросилъ тотъ небрежнымъ тономъ, закуривая папиросу.

— Мало оружія... положимъ, оружіе есть, но нѣтъ патроновъ... очень мало патроновъ...

— Говорили, бомбы есть?..

— Бомбъ нѣтъ... только револьверы и нѣсколько ружей...

— А може, мина есть?—допытывался солдатъ, подмигивая мальчику съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что отъ него, какъ отъ своего человѣка, скрывать нечего. Витя дружески улыбнулся ему.

— Никакихъ минъ нѣтъ... Какія тутъ мины?.. Вотъ ваши винтовки самое лучшее... Сколько васъ?

— Наши винтовки ничего не стоятъ...

— Какъ ничего не стоятъ?.. Заряжены?

— Такъ что невозможно намъ тутъ оставаться...

— Какъ невозможно?.. Вѣдь вы заодно съ нами?.. Они уходятъ... Что-жъ это такое? Товарищи, они уходятъ...—разочарованно протянулъ Витя, обводя всѣхъ растеряннымъ, огорченнымъ взглядомъ.

Солдаты между тѣмъ поднялись со своихъ мѣстъ и, тѣсно сомкнувшись посреди мостовой, стали строиться. Поднялся тревожный ропотъ, всѣ окружили ихъ.

— Куда же вы, товарищи?

— Постойте...

— Оставайтесь, товарищи! Это малодушно!..—волнуясь, говорилъ Мотья.

— Невозможно намъ оставаться...

— Сами знаете... тоже подъ разстрѣлъ кому охота?..

— Никакъ, господа, немисленно!—объяснялъ унтеръ-офицеръ, безпокойно оглядываясь вокругъ и съ огорченіемъ разводя руками...

— Оставьте, товарищи! — громко сказала Шавашъ спокойнымъ, примиряющимъ тономъ:—пусть уходятъ!.. Мы вѣримъ, что они не станутъ стрѣлять въ своихъ братьевъ... у нихъ есть совѣсть...

— У нихъ нѣтъ совѣсти!—раздраженно закричалъ Мотька и отошелъ въ сторону.

Солдаты переглянулись, и лица ихъ вдругъ сдѣлались серьезны и темны. Они потоптались немного на мѣстѣ, потомъ плавно колыхнулись штыки, раздался мѣрный тактъ солдатскихъ шаговъ... Видно было, какъ они прошли одинъ кварталъ, повернули направо и скрылись за угломъ.

VII.

За баррикадою, съ уходомъ солдатъ, настроеніе сдѣлалось подавленнымъ и угнетеннымъ. Всѣ уныло переглядывались другъ съ другомъ. Только къ одному Витѣ скоро вернулась прежняя бодрость, и онъ съ жаромъ говорилъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Я зналъ, что они не будутъ стрѣлять... Намъ вовсе не нужно оружія, не правда-ли?.. Вы слышали какъ они кричали „ура“?.. Только почему же они ушли?.

— Чортъ знаетъ, что такое! — тихо бормоталъ Шавашъ:—насъ мало, оружія нѣтъ, все не организовано... Какъ это вышло? Кто началъ строить баррикады?

— Да вы же сами строили... — ядовито усмѣхаясь, замѣтилъ Мотька.

— Я?.. Что же... Я строилъ... Вижу, вы тутъ, люди работаютъ... Что же мнѣ—смотреть, что-ли?..

— Строили по традиціи... народъ строилъ!.. революція... строила...

Найдичъ сидѣлъ на мѣшкѣ, набитомъ твердымъ узловатымъ тряпьемъ и нервно кусалъ губы. Его грызла досада; было жалко, что не удалось удержать солдатъ... Нужно было убѣдить ихъ, сказать имъ все, объяснить, увлечь смѣлыми, справедливыми словами... Мотька говорилъ глупости, а подъ конецъ и совсѣмъ оскорбилъ солдатъ, сказавъ, что у нихъ нѣтъ совѣсти... Нужно было разбудить въ нихъ мужество, зажечь отвагу... они говорили, что боятся растрѣла...

— Товарищи! — раздался вдругъ сверху чей-то неприятный, какъ будто разслабленный голосъ.

Всѣ подняли глаза. Во второмъ этажѣ большого дома, на балконѣ, стоялъ хорошо одѣтый господинъ въ золотыхъ очкахъ, съ пухлыми бѣлыми щеками и небольшой свѣтлорусой бородкой. Отвернувъ полы пиджака и заложивъ кончики пальцевъ въ карманы брюкъ, онъ говорилъ быстрымъ дѣловымъ тономъ:

— Товарищи, только-что мнѣ передали по телефону, что въ городѣ уже во многихъ мѣстахъ построены такія же баррикады, какъ и у насъ...

— Тамъ, вѣрно, другіе либералы строили!— дерзко закричалъ Мотька.

Господинъ въ очкахъ какъ-то странно вздрогнулъ, точно его дернули сзади, но тотчасъ же сдѣлалъ такой видъ, какъ будто онъ не слышалъ замѣчанія Мотьки.

— Во всякомъ случаѣ, я считалъ нужнымъ сообщить вамъ объ этомъ... кстати, чтó говорили солдаты?.. это, вѣроятно, организованные? куда они ушли?.. что?.. какое настроеніе въ войскахъ?..

— Настроеніе отличное! Ручаются, что васъ не застрѣлятъ...

Мотька не успѣлъ договорить. Послышалась четкая дробь барабановъ, дрожащимъ эхомъ разсыпавшаяся по всей улицѣ; потомъ частая барабанная трескотня сразу смолкла, точно ее обрубил. Далеко впереди поперекъ улицы быстро протянулась справа налево мутно-сѣрая полоса, словно тамъ задернулась занавѣсъ, и стала расти, приближаясь къ баррикадѣ.

— Это цѣлая рота!— спокойно сказалъ грузинъ, зорко вглядываясь впередъ. Ему уже видны были однообразныя фигуры солдатъ и густая щетина штыковъ, когда снова по безлюдной улицѣ разсыпалась короткая барабанная дробь и смолкла. Рота остановилась.

За баррикадой было тихо. Всѣ напряженно вгля-

дывались впередъ въ неподвижную линію солдатъ, стараясь угадать ихъ намѣренія.

— Они не будутъ стрѣлять!—горячо, съ искренней увѣренностью сказалъ Витя.

— Который часъ?—глухо сказалъ Шавашъ и, не дожидаясь отвѣта, переглянулся съ Мотькой.

Тотъ стоялъ совершенно спокойный, съ обычной брезгливой гримасой на толстыхъ, немного выпяченныхъ губахъ. Найдичъ нетерпѣливо шагаль взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы шинели и сбоку поглядывая на стоявшихъ въ отдаленіи солдатъ. За баррикадой улица точно вымерла. Одна сторона ея была залита солнцемъ; съ другой—почти до самой середины мостовой, какъ разлившаяся смола, тянулась изсиня черная, изломанная тѣнь отъ высокихъ зданій. Вдали, въ глубокой синевѣ студенаго неба, отчетливо вырѣзывался большой мутно-зеленый куполь театра.

Солдаты по-прежнему стояли неподвижной сѣрой полосой поперекъ улицы. Послѣ долгаго томительнаго ожиданія, за баррикадой стало невыносимо душно. Мотька медленно подошелъ къ лѣстницѣ и полѣзъ наверхъ. Стоя на послѣдней перекладинѣ, упершись согнутыми колѣнями въ край опрокинутаго вагона, онъ быстро замахаль бѣлымъ платкомъ и, надрывая грудь, сталъ что-то кричать солдатамъ.

— Далекко, они не слышать...—раздался чей-то негромкій, одинокій голосъ.

Тогда впереди баррикады показался Витя. Съ развѣвающимися кусками красной и бѣлой матеріи въ поднятыхъ рукахъ, онъ побѣждалъ посреди улицы къ солдатамъ, странно втягивая голову въ плечи и неуклюже болтая ногами, путавшимися въ длинныхъ полахъ свѣтло-сѣрой шинели.

Найдичъ съ жуткимъ, щемящимъ чувствомъ смотрѣлъ на смѣлаго мальчика, пробѣжавшаго уже около половины квартала... И вдругъ что-то пронзительно

взвизгнуло, блестящая красноватая зарница метнулась на одно мгновение передъ его глазами, слышался острый, ожесточенный лязгъ желѣза... Улица дрогнула, Витя остановился и, странно взмахнувъ руками, пристѣлъ на корточки... потомъ линія солдатъ заволоклась мутнымъ синеватымъ дымомъ.

Почти тотчасъ же съ баррикады грянулъ выстрѣлъ и слился съ отдаленной трескотней частыхъ ружейныхъ залповъ. Недалеко отъ Найдича что-то крикнуло кратко и недоконченно, длинный человѣкъ стремительно сорвался съ лѣстницы, что-то мягкое тяжело шлепнулось на землю... слышались стоны и дробный взвизгивающій лязгъ пуль о сосѣднія желѣзные ворота... Шавашъ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, безъ папахи, сидѣлъ на ящикѣ, неестественно закинувъ на правое плечо руку, и слабо стоналъ; возлѣ него лицомъ кверху лежалъ молодой рабочій, неподвижный, съ раскрытымъ ртомъ и блестящими прищуренными глазами... Найдичъ поспѣшно вытянулъ руку и сильно нажалъ собачку; передъ нимъ блеснулъ огонекъ и заволокло пухлымъ синеватымъ дымкомъ... потомъ все сразу затихло.

— Казаки! — раздалась на баррикадѣ испуганные голоса.

Невысокій рыжій студентъ бросился къ запертымъ желѣзнымъ воротамъ. За нимъ побѣжали всѣ. Гдѣ-то недалеко, за массивными громадами зданій, снова затрещали краткіе ружейные залпы. Тогда всѣ сразу отхлынули отъ воротъ, сдержанный скрежетъ пронесся среди нихъ, и они въ беспорядкѣ побѣжали по направлению къ театру. За ними понеслись протяжные стоны и крики; слышалась площадная брань, частое цоканье конскихъ подковъ о мостовую, отрывистая команда...

На перекресткѣ, въ охваченную ужасомъ, бѣгущую толпу врѣзались какіе-то тяжелые люди въ черныхъ шинеляхъ, сверкнули шашки, началось бѣшеное

немилосердное избіеніе людей, безпомощно метавшихся во всё стороны. Среди криковъ и стоновъ раненыхъ, раздавались проклятія, слышался дѣтскій плачь, свистъ и дикая матерная брань полицейскихъ... потомъ сухо лопнулъ одинокій револьверный выстрѣлъ... гдѣ-то за угломъ тревожно затрубилъ рожокъ, послышался дружный топотъ лошадей, и, загудѣвъ на поворотѣ резиновыми шинами, въ улицу ворвалась большая карета скорой помощи. За ней, громко дребезжа колесами, нѣсколько извозничьихъ дрожекъ проѣхали къ баррикадѣ.

Мимо театра медленно прошла группа молодежи, окруженная нарядомъ городовыхъ и гарцовавшихъ на гнѣдыхъ лошадяхъ, подбоченившихся въ сѣдлахъ казаковъ. Среди арестованныхъ было нѣсколько подростковъ и двое пожилыхъ рабочихъ, съ измученными скорбными лицами.

VIII.

На баррикадѣ суетились солдаты, поспѣшно распутывая проволоку, сбрасывая на панели разбитые ящики, мѣшки и обломки дерева. Молодой красивый офицеръ вполголоса отдавалъ приказанія и наблюдалъ за установкой вагоновъ на рельсы. Нѣсколько солдатъ осторожно переносили къ подъѣзду большого магазина убитыхъ и раненыхъ. Кто-то слабо стоналъ. У солдатъ дрожали руки, лица ихъ были суровы и темны, и что то удручающее было въ ихъ медленной тяжелой работѣ.

— Скорѣе, братцы... Кончайте, ради Бога!..—сказалъ офицеръ дрогнувшимъ голосомъ и, заложивъ назадъ руки, нервно зашагалъ взадъ и впередъ по панели.

Недалеко отъ него, изъ остановившейся кареты, вышелъ врачъ въ красномъ кэпи и нѣсколько санитаровъ съ посылками. Съ подъѣхавшихъ дрожекъ, на

ходу, соскочили студенты и трое дѣвушекъ съ повязками краснаго креста на рукавахъ. Они бросились къ раскрытой двери барскаго параднаго подъѣзда, у котораго нѣсколько человекъ бережно укладывали на носилки раненаго студента.

— Здѣсь есть врачъ... помогите другимъ... вонъ у того магазина, на павели...

Тамъ уже суетился докторъ, и санитары подымали носилки съ неподвижнымъ тѣломъ большого тяжелаго человека.

— Господи!.. Это Шавашъ!—испуганно вскрикнула одна изъ сестеръ милосердія...

— Въ плечо... рана не опасна... осторожнѣй пожалуйста!—нервно закричалъ докторъ.

— Смертельно...—тихо и покорно сказалъ молодой длинноволосый санитаръ, наклонившись надъ тщедушнымъ тѣломъ бѣднаго Мотья, закинувшаго назадъ голову и разметавшаго свои тонкія худыя руки.

— Ради Бога, докторъ!.. можетъ быть, онъ живъ еще...

Докторъ обернулся. Двое студентовъ держали носилки, на которыхъ, вытянувшись, лежалъ мальчикъ въ гимназической шинели съ наивнымъ удивленнымъ лицомъ, съ бѣлыми безпомощно сложенными руками. Подлѣ него лежалъ небольшой рваный кусокъ красной матеріи, поднятый студентами. Маленькія ноги въ стоптанныхъ башмакахъ высунулись изъ-подъ обтрепанныхъ брюкъ и пугали своей неподвижностью.

Что-то темное прошло по лицу доктора, онъ наклонился и приникъ ухомъ къ груди мальчика... Потомъ медленно разстегнулъ куртку и разорвалъ подъ ней худую, заплатавшую рубашку. На побѣлѣвшей прозрачной кожѣ, немного ниже сосца, виднѣлось маленькое темное пятнышко... Докторъ быстро замигалъ глазами и бережно завернулъ куртку на убитомъ.

— Въ сердце... везите въ городскую больницу...

— Пойдите!—дрогнувшимъ голосомъ крикнулъ онъ вслѣдъ студентамъ:—везите въ клинику!.. въ университетъ!..

IX.

Короткія осеннія сумерки окутали синеватымъ туманомъ громадный безлюдный городъ. Чувствовалось какое-то зловѣщее ожиданіе въ неподвижной перспективѣ улицъ и въ дымчатыхъ силуэтахъ отдаленныхъ зданій. Гдѣ-то далеко частой дробью глухо трещали барабаны, затихали и слышались снова, еще глуше и отдаленнѣе.

По театральной площади, гулкимъ звономъ чеканя мостовую, проскакалъ взводъ казаковъ, свернулъ къ бульвару и быстро разсыпался рѣдкой цѣпью передъ главнымъ фасадомъ думы.

За густымъ рядомъ колоннъ, въ глубинѣ широкой террасы безшумно и медленно передвигались сумеречныя тѣни, смыкались и поглощались мракомъ, разсѣивались и набѣгали снова. Въ большихъ квадратныхъ окнахъ было темно.

Осадивъ коня, статный казачій офицеръ ловко выгнулся въ сѣдлѣ и повернулся лицомъ къ бульвару. Осторожно играя тонкими стройными ногами, лошадь бокомъ вынесла впередъ, круто завернула задъ и, красиво собравъ шею, нетерпѣливо затанцовала на мѣстѣ.

— Ко дворцу!—лѣниво, вполголоса скомандовалъ офицеръ и, слегка качнувшись впередъ, тронулъ поводья. За нимъ, по гладкой асфальтовой мостовой, медленными парами потянулся взводъ.

— Это вы, Валеріанъ Николаевичъ?—кликнулъ офицера сѣдой круглоголовый генералъ, стоявшій въ освѣщенномъ парадномъ подъѣздѣ, въ одномъ сюртукѣ и безъ фуражки.

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Ну, что? тихо?

— Тихо, ваше превосходительство.

— А въ думѣ какъ?

— Никого нѣтъ, ваше превосходительство... въ окнахъ темно...

— Командующій приказалъ выслать на Заставу двѣ роты стрѣлковъ и взводъ артиллеріи.. Дубенцы вынче придуть изъ Энска... Ваши люди сыты?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Прекрасно. Гдѣ вы были?

— На Троицкой... въ пять минутъ вдребезги разнесли революцію...

— Ну, еще бы!.. Стрѣляли?

— Пустое, ваше превосходительство... два залпа, потомъ нагайки...

Генералъ засмѣялся.

— Надѣюсь, урона не понесли?—спросилъ онъ съ иронической серьезностью.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство...—весело усмѣхнувшись, отвѣтилъ офицеръ, сохраняя въ то же время сдержанную почтительность передъ начальникомъ.

— Ну, и отлично... Спасибо за работу, братцы!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Генералъ всей пятерней поскребъ темя, какъ будто обдумывая что-то; потомъ повернулся къ офицеру и, безпечно смѣясь, прибавилъ совсѣмъ дружескимъ тономъ:

— Спѣшу... Дамы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстій...

Ловко повернувшись на каблукахъ, онъ пристально посмотрѣлъ въ глаза одному изъ часовыхъ, державшихъ почетный караулъ у дворца, быстрой сѣменящей походкой прошелъ черезъ раскрытую казакомъ дверь въ вестибюль и поднялся наверхъ по широкой ярко освѣщенной лѣстницѣ.

Офицеръ наклонился, потрепалъ шею неожиданно присмирѣвшаго коня и шагомъ проѣхалъ черезъ раскрытыя ворота въ длинный подъѣздъ, тускло освѣщенный большимъ шестиграннымъ фонаремъ. Туда же потянулся взводъ. Лошади громко застучали копытами по деревянному помосту; большія растущія тѣни метнулись отъ фонаря по стѣнамъ и по своду подъѣзда; потомъ все стихло. Заспанный солдатъ въ разстегнутой шинели лѣнливо затворилъ ворота.

Х.

Было уже за полночь, когда изъ красиваго подъѣзда биржи шумной гурьбой вышли на улицу журналисты.

— Ну что же, господа, поздравляю съ успѣхомъ! — насмѣшливо произнесъ худой, нервный господинъ съ капризнымъ лицомъ и немного пучеглазый. — Дума принимаетъ къ свѣдѣнію наши заявленія...

Всѣ заволновались.

— О, это было что-то эпическое!.. Они прячутся и для этой цѣли собрались въ биржѣ...

— Лучше всѣхъ былъ Харламовъ... Онъ членъ управы... Пивоваръ, если не ошибаюсь... онъ уважаетъ насъ, какъ представителей печати... Каковъ либераль? А?

— Ну что, Леонидъ Степановичъ, какъ вы себя чувствуете? — спросилъ кто-то высокаго пожилого чело-вѣка, съ усталымъ дряблымъ лицомъ и жесткой бородкой, коротко подстриженной квадратикомъ.

— Отвратительно! — отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ. — Гласные думы! Что имъ за дѣло до убитыхъ революціонеровъ?... Всѣ эти заявленія напрасны... Я предупреждалъ Фаста, но онъ, конечно, не соглашался со мной.

— Не понимаю, при чемъ я тутъ? — обиженно ска-

залъ Фастъ, толстый, коротенькій человекъ съ немногъ выпяченнымъ брюшкомъ.—Я зналъ, что они не пойдутъ на погребеніе... Но зато они ассигнуютъ пособіе семьямъ убитыхъ...

— Это ты только теперь узналъ...

Журналисты весело засмѣялись.

— Литягинъ и Фастъ всегда ссорятся! Бросьте, господа... Вамъ куда?

— Мнѣ на Почтовую, а вамъ?

— Мнѣ внизъ. До свиданія, господа!

— Прощайте! Завтра въ редакціи!

Простившись съ товарищами, Фастъ и Леонидъ Степанычъ вдвоемъ пошли внизъ по направленію къ городскому парку.

Литягинъ медленно плелся по панели, приподнявъ плечи и заложивъ руки въ карманы, не обращая на своего спутника никакого вниманія. Тотъ молча шель рядомъ, выступая чуть-чуть бокомъ и все время какъ-то особенно выразительно вздыхалъ.

Такъ они подошли къ мосту, съ котораго видны были многочисленные огни въ гавани и освѣщенная снизу вспухшая оранжевая гряда дыма у эстокады.

— Что это?.. Развѣ въ порту работаютъ?—спросилъ Леонидъ Степанычъ, останавливаясь у невысокой рѣшетки.

— Не знаю... съ утра бастовали...

Литягинъ перевелъ взглядъ на Фаста; потомъ снова повернулся къ гавани.

— Да-а... — задумчиво протянулъ онъ:— вотъ они знаютъ, что нужно дѣлать. У нихъ настоящая правда, и правое, и сила... И они создадутъ новую лучшую жизнь... Они, да вотъ молодежь, вспыльчивая, славная молодежь, которую мы еще не успѣли обратить въ свою трусливую, мѣщанскую вѣру... работники!.. Пролетаріатъ!.. Слово какое придумали!.. Честное... смѣлое слово!

— Браво, Леонидъ!.. Жаль, что тебя не слышатъ социаль-демократы...

Литягинъ промолчалъ и, отойдя отъ рѣшетки, медленно пошелъ дальше.

— Нѣтъ, серьезно,—продолжалъ между тѣмъ Фастъ, съ легкой ироніей въ голосъ:—ты такъ вѣришь въ побѣду пролетаріата, почему бы тебѣ не войти въ организацію? Ты довольно свѣдущъ, много читалъ и, навѣрно, былъ бы очень полезенъ... Для тебя такая дѣятельность имѣла бы большое значеніе... Ты оживился бы, нашелъ бы себя, успокоился бы отъ сознанія, что дѣлаешь нужное, полезное дѣло.

Литягинъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Это все не то!—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Теперь какъ разъ такое время, когда нужно еще нѣчто бѣльшее, чѣго у насъ нѣтъ... И это какъ разъ самое главное... Нужно мужество, смѣлость, способность дѣломъ подкрѣпить свое слово... Во мнѣ нѣтъ этого и я не хочу никого обманывать... Отъ моего дворянства во мнѣ ничего не осталось, но эта слабость, отсутствіе мужества—это особенности умирающаго класса... О, я прекрасно сознаю это и отлично разбираюсь въ своей психологіи... Во мнѣ совѣсть всегда протестуетъ противъ моей натуры, но я подчиненъ какой-то внѣшней роковой силѣ, съ которой не въ силахъ бороться и которая со мной не церемонится... въ этомъ есть много драматическаго и смѣшнаго въ одно и то же время. Я мучусь отъ бездѣлья и лѣни и не знаю, куда дѣвать себя. Когда я дома, меня тянетъ къ людямъ; на людяхъ рвусь домой... Я дѣлаю глупости, зная напередъ, что это глупо; слоняюсь по газетнымъ редакціямъ, слушаю скучныя пошлыя сплетни и въ то же время сознаю, что это неумно и противно... но я не могу устроить свою жизнь иначе... Я наследственный бездѣльникъ, мотъ, пьяница и невзрастеникъ!.. Съ такими особенностями трудно сохранить равно-

вѣснѣ... Какой же изъ меня революціонеръ? Вотъ я два раза сегодня былъ на баррикадѣ и дважды улепетывалъ, что есть духу.

Фастъ снисходительно засмѣялся, какъ будто самъ былъ совершенно неспособенъ на такой позорный поступокъ.

— Отъ казаковъ, что ли?—спросилъ онъ.

— Хуже. Отъ собственной тѣни... Кто-то крикнулъ въ толпѣ, и всѣ побѣжали. По совѣсти скажу тебѣ: большаго ужаса никогда не испытывалъ: единственнымъ желаніемъ было ворваться куда-нибудь въ ворота, спрятаться за выступъ, спасти это поганое наспиртованное тѣло... полная потеря воли и разума! Теперь мнѣ стыдно вспомнить объ этомъ... Хожу точно оплеванный... А тутъ еще эта дума... городской голова, гласные, журналисты... Глупость, самоувѣренность, чванство... и ложь въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи... Фу! Противнѣе ничего не выдумаешь.

— Да, ты правъ,—тотчасъ же согласился Фастъ и спова сокрушенно вздохнулъ. Меня самого все это безконечно разстроило... былъ такой моментъ, что я едва не разрыдался... ей-Богу!

— Зачѣмъ ты потащилъ меня туда, не понимаю,—съ досадой протянулъ Литягинъ.—И какіе мы съ тобой журналисты?.. Ты за всю жизнь написалъ двѣ статьи о какихъ-то налогахъ... я только давалъ деньги на изданіе чужихъ произведеній...

Леонидъ Степанычъ закашлялся и остановился передохнуть.

— Гдѣ ты былъ весь день?—спросилъ онъ, часто и тяжело отдуваясь.

— Я?.. Я былъ очень занятъ.

— Боже, какъ это таинственно!.. Былъ въ засѣданіи свободныхъ социалистовъ, гдѣ составлялась еще одна резолюція... Внѣ партій, но въ закрытомъ помѣ-

шеніи! Ха-ха-ха!.. Ну, Богъ съ тобой. Куда мы идемъ? Неужели спать?

— А что такое?—спросилъ Фастъ недовольнымъ, обиженнымъ тономъ.

— Мнѣ хочется пройтись немного. Пойдемъ по улицамъ: въ паркѣ теперь не совсѣмъ безопасно...

— Пойдемъ, пожалуй... но вѣдь ты и такъ задыхаешься...

— Пустое. Я ничуть не усталъ.

— Кстати...—сказалъ Фастъ послѣ непродолжительнаго молчанія:—завтра у тебя собраніе комитета..

— Знаю... сестра ужъ мнѣ говорила... Чортъ знаетъ, что въ самомъ дѣлѣ! Я буржуй, такъ называемый „сочувствующій“ и вотъ могу угодить въ тюрьму ни за что, ни про что... за сочувствіе...

— Ольга Степановна говоритъ, что больше негдѣ...

— Да ужъ если назначено, такъ дѣлать нечего... Она знаетъ, что дѣлаетъ.

Леонидъ Степанычъ замолчалъ и взялъ Фаста объ руку. Они медленно дошли до перекрестка и завернули направо. Тамъ было безлюдно и тихо. Тусклый свѣтъ газовыхъ фонарей безпомощно боролся съ густымъ ночнымъ мракомъ. Посреди улицы неподвижными темными клѣтками стояли высокіе вагоны конки. На боковыхъ разбитыхъ стеклахъ одного вагона холоднымъ блескомъ мигали бѣлесоватые отсвѣты фонаря, и казалось, что кто-то большой и безпокойный вставалъ и падалъ внутри вагона, припадалъ къ стеклу, и всматривался въ непроницаемую тьму улицъ. На мостовой было разсыпано битое стекло, валялись тряпки и обломки дерева. У обочины панели блеснуло что-то бѣлое. Фастъ наклонился и поднялъ смятую гимназическую фуражку съ изогнутымъ гербомъ на околышѣ.

— Смотри, Леонидъ, здѣсь были гимназисты.

Они вошли въ одинъ изъ вагоновъ и сѣли отдохнуть.

— Жутко здѣсь!—тихо произнесъ Литягинъ послѣ непродолжительнаго раздумья и вдругъ заволновался.— Жутко! Но когда подумаешь, что дѣлается, чувствуешь, вѣришь въ торжество побѣды. Это революція! Дождались, Давидъ! Великая россійская революція! Мы видѣли начало пожара и ждали... мучительно долго... Вспыхивали искры и разносились вѣтромъ, и гасли среди безлюдной пустыни. Ослѣпительнымъ свѣтомъ блестяли во мракѣ одно мгновеніе и гасли... Приходили пѣвцы и пророки, великіе и скорбные, утѣшали свѣтлыми предсказаніями. И вотъ сбылось. Изъ искры возгорѣлось пламя и охватило полнеба!.. полміра! Невиданное зрѣлище... Свободная Россія! Слышишь, Давидъ?.. Свободная Россія! Какое прекрасное слово—Россія! Оно получить теперь міровое значеніе и на всѣхъ языкахъ будетъ обозначать одно и то же. Свобода, любовь и поэзія сольются въ одно понятіе и оно будетъ называться однимъ словомъ—Россія. Тогда мы вспомнимъ нашихъ пророковъ; тѣхъ, чьи страданія перешли въ радость для насъ, живущихъ послѣ нихъ...

Растроганный внезапно нахлынувшимъ на него настроеніемъ, Литягинъ всталъ и молча прошелся взадъ и впередъ по рѣшетчатому полу вагона.

— Давидъ, что это?—закричалъ онъ вдругъ, испуганно отшатнувшись назадъ.

На задней площадкѣ вагона заворочалось что-то, и въ дверяхъ показалась темная фигура человѣка въ бѣлыхъ панталонахъ.

— Уходите прочь!—раздался въ темнотѣ незнакомый, торжественно-протяжный голосъ.

— Что вамъ угодно?—взволнованно спросилъ Фастъ, хватая Литягина за руку и пятясь къ дверямъ.

— Вамъ говорю, уходите прочь! Вы ли не видите здѣсь ряды гробницъ и пламень лампадъ неугасимый?.. Уготованы стези Господу! Услышанъ гласъ вопіющаго въ пустынь...

— Кто вы такой?— снова спросилъ Фастъ, овладѣвъ собою.

— Азъ есмь рабъ Божій!.. жду высочайшей резолюціи!..

— Это сумасшедшій...

— Посыпьте главу пепломъ и бѣгите прочь... Я знаю васъ!.. Кто не возьметъ крестъ и не пойдетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня...

Онъ вошелъ въ вагонъ и, грузно опустившись на скамью, забормоталъ что-то непонятное. Фастъ переглянулся съ Леонидомъ Степанычемъ, уже оправившимся отъ испуга, но дышавшимъ тяжело и прерывисто.

Они постояли еще немного, съ любопытствомъ всматриваясь въ громадную фигуру безумнаго человѣка; потомъ вышли изъ вагона и медленно пошли домой. Накрапывалъ рѣдкій хлесткій дождь.

XI.

Послѣ дождя утро было совсѣмъ весеннее, тихое и теплое. Подлѣ собора на оголенныхъ деревьяхъ, на крышахъ и карнизахъ домовъ, словно тысячи бубенцовъ, шелестящимъ звономъ звенѣли щеглы и синицы, слетѣвшіеся въ несмѣтномъ числѣ къ этому мѣсту. Отяжелѣвшія громады городскихъ зданій какъ будто прятались за потускнѣвшими главами собора, быстро сокращаясь уходили отъ него правильными рядами и тонули въ отдаленіи легкими мутно-лиловыми силуэтами неясныхъ очертаній. По тротуарамъ сновали прохожіе, угрюмые и равнодушные, не замѣчавшіе ни встрѣчныхъ людей, ни птичьяго гама, ни прозрачно-дымчатаго утра.

Найдичъ быстро перешелъ площадь и, завернувъ за уголъ, пошелъ внизъ по широкой оживленной улицѣ. Прежде всего нужно пройти въ портъ, такъ какъ тамъ сейчасъ же можно узнать о положеніи дѣлъ.

Онъ сталъ припоминать все, что произошло вчера, и казалось, что это было страшно давно, еще тогда, когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ.—Кажется, былъ раненъ Шавашъ, ему было очень больно... Мотька упалъ съ лѣстницы... тоже, должно быть, раненъ... и маленький гимназистъ тоже... онъ спряталъ голову и сидѣлъ на мостовой все время... его не убили... докторъ говорилъ, что никого не убили... убитыхъ нѣтъ... Забастовка теперь сорвалась, конечно... вотъ и магазины открыты... Какъ это все случилось странно... вчера онъ не замѣтилъ даже, что раненъ... только какой-то казакъ съ торчащими скулами что-то крикнулъ ему и махнулъ рукою... потомъ всѣ побѣжали и оставили его одного... а потомъ дѣвушка и молодой докторъ перевязывали ему голову... это ея братъ... нисколько не похожъ на сестру... они убѣдили его переночевать у нихъ и вотъ дали пальто и шапку. Выходить зря на улицу дѣйствительно не слѣдовало, навѣрно были большіе аресты. Давно такъ не спалось, какъ въ эту ночь... Хорошая это штука—спать въ мягкой постели на чистомъ и тонкомъ бѣльѣ... Славная какая дѣвушка... Какія есть хорошія грустныя женскія лица...—Найдичъ никакъ не могъ успокоиться. Мысли были оборванныя и точно прыгали въ сознаніи, одна за другой, безсвязныя, но яркія и сіяющія; и все время на него глядѣли большіе печальные глаза, съ длинными темными рѣсницами. Потомъ все заволочлось легкимъ туманомъ, медленно разсѣялось и исчезло.

Найдичъ задумавшись шелъ по широкой панели, не обращая вниманія на встрѣчныхъ прохожихъ, поглощенный своими мыслями. Теперь онъ были спокойны и строги и стройной цѣпью возникали одна за другой въ его сознаніи. Онъ думалъ о близкомъ освобожденіи народа и вѣрилъ, что теперь ничто уже не можетъ остановить побѣднаго шествія великой революціи.

Потомъ ему рисовались далекія меланхолическія

степи; тихія, точно безлюдныя села, замеченныя снѣжными бурями; многоводныя рѣки, скованныя зимней стужей; и слышалась пѣсня, одинокая, тоскующая пѣсня... И что-то сжималось въ его груди отъ безнадежныхъ звуковъ этой пѣсни, давно знакомой, родной и бесконечно близкой... Найдичъ быстро шель по пашели, все ускоряя шаги, и вдругъ ему показалось, что кто-то позвалъ его, громко окликнулъ по имени. Онъ сразу остановился и поднялъ голову. Навстрѣчу, тяжело дыша, поспѣшаль Литягинъ, кричавшій ему еще издали:

— Здравствуйте! Вотъ радъ, что вижу васъ... Здравствуйте! — повторилъ онъ, подходя и здороваясь. — Бросьте, господа, всю эту вашу конспирацію. Ну, на что это похоже? Знакомыхъ не узнаете...

— Я это для васъ же дѣлаю... а сейчасъ даже не замѣтилъ...

— Не повѣсятъ же меня въ самомъ дѣлѣ только за то, что я, бездѣльникъ и буржуй, знакомъ съ порядочнымъ человѣкомъ?

— Я думаю, что нѣтъ, — разсѣянно отвѣтилъ Найдичъ съ совершенно серьезнымъ видомъ.

— Ну, вотъ видите... значить, тѣмъ болѣе... А я, какъ видите, фланирую... Всѣ дѣлаютъ важное, нужное дѣло, а я фланирую... развиваю дыханіе, потому что высшая цѣль моей жизни это избавиться отъ астмы... Недурно?... а?... Фастъ говорить, что я умѣю также развивать ходъ при видѣ враговъ, преимущественно внутреннихъ... простѣйшій способъ самозащиты и потому, вѣроятно, онъ самый позорный... Да!.. да, да... н-но!.. вы, я вижу, торопитесь?..

— Да, мнѣ нужно въ портъ, на минутку...

— Хотите, провожу васъ... посижу на бульварѣ... Что это съ вами?—вдругъ заговорилъ Литягинъ встревоженнымъ шопотомъ. Онъ взялъ Найдича объ руку и отвелъ его въ сторону.

— У васъ повязка?... вы ранены?

— Пустяки! — отвѣтилъ Найдичъ, смѣясь:—легкая царапина, не стоитъ обращать вниманія.. Пойдемте..

— Какъ не стоитъ?.. Какъ же не стоитъ?.. — растерянно говорилъ Литягинъ, повинуюсь Найдичу и грузно шаркая калошами по панели. Онъ былъ искренне разстроенъ, у него дрожалъ подбородокъ и въ глазахъ блестяли слезы. Задыхаясь отъ непривычной быстрой ходьбы, то и дѣло прерывая свою рѣчь затяжнымъ хрипомъ, онъ долго спрашивалъ Найдича обо всемъ, что было съ нимъ наканунѣ; видѣлъ ли рану врачъ? Тотъ неохотно отвѣчалъ на эти вопросы, задумался, и снова на одно мгновеніе передъ нимъ промелькнули знакомыя милыя черты дѣвушки и синіе глаза съ темными рѣсницами..

— Боже мой, Боже мой! — бормоталъ между тѣмъ Литягинъ:—чуть-чуть сильнѣе ударъ, и вамъ раскроили бы черепъ? А? Вѣдь васъ могли убить..

— Пустое! Это казакъ шашкой зацѣпилъ... Черепъ то у меня, какъ видите, крѣпкій..

— Фу, чортъ! Это цинизмъ какой-то, такъ шутить... Вѣдь вы могли умереть..

Найдичъ серьезно посмотрѣлъ на Леонида Степаныча, и въ глазахъ его вдругъ вспыхнуло что-то глубоко проникновенное. Литягинъ замолчалъ и потупился.

— Я не боюсь смерти,—съ какой-то особенной простотой и задушевностью сказалъ Найдичъ.

Литягинъ молча шелъ рядомъ съ нимъ, и видно было, что эти слова поразили его. „Я не боюсь смерти!“ Онъ долго обдумывалъ это и вѣрилъ честной искренности Найдича. — Но что же это такое?.. Почему же я боюсь смерти?.. — думалъ Леонидъ Степанычъ, мучительно стараясь объяснить себѣ эту разницу.

— Я завидую вамъ, — сказалъ онъ, наконецъ, задумчиво, точно въ забытьѣ, и въ голосѣ его звучала глубокая затаенная грусть. — Я люблю жизнь. Люблю, понимаете ли, свою маленькую, никому ненужную жизнь,

которая и мнѣ-то ни разу не принесла настоящей, полной радости. Я человекъ безъ цѣли и безъ обязанностей... И все-таки я люблю жизнь... мнѣ интересно знать, что будетъ завтра и черезъ годъ, и послѣ... Говорятъ, что это мѣщанство—жить такъ, какъ я живу... но поймите, что эта жизнь не причиняетъ мнѣ ничего, кромѣ страданій...

— Зачѣмъ же вы такъ живете? — кротко спросилъ Найдичъ, видимо заинтересовавшійся этой неожиданной исповѣдью.

— Не знаю... я самъ виноватъ, вѣроятно... Но, вѣрите ли, я говорю правду... Чувствую, что другіе нужны въ жизни, а я не нуженъ, и это сознаніе мучаетъ, страшно мучаетъ... Мнѣ тяжело признать, что для меня нѣтъ ничего въ жизни. И вотъ я все жду чего-то, на что-то надѣюсь, безопасно обманываю самого себя и люблю эти мечты и надежды... Въ большинствѣ случаевъ я всѣмъ говорю правду и лгу только самому себѣ... Иногда мнѣ кажется, что въ жизни я просто посторонній зритель... И, вѣрите ли, я, кажется, знаю толкъ въ этомъ дѣлѣ. Если жизнь дѣйствительно комедія, какъ говорили когда-то умники, то я, право, былъ бы недурнымъ рецензентомъ въ такомъ театрѣ... Но это угнетаетъ меня еще болѣе... Я завидую исполнителямъ жизни, хотя въ нихъ часто такъ много пошлаго и театрального... У нихъ все-таки есть сознаніе исполненнаго долга, которое мнѣ совсѣмъ незнакомо...

— Я думаю, что такого сознанія не бываетъ, — серьезно сказалъ Найдичъ, внимательно слушавшій Леонида Степаныча: — въ жизни его не можетъ быть. Исполненный долгъ?.. Какой долгъ?.. Какое исполненіе?.. Есть одинъ долгъ, самый большой и единственный: нужно стремиться къ цѣли мірозданія, къ единственной доступной намъ идеѣ міра, къ освобожденію и возвеличенію человекa. Только въ этомъ призваніе живыхъ, и только въ обликѣ смерти представляются

мнѣ настоящія формы исполненнаго долга. Она одна покорить тѣло и отнесетъ душу къ чистой сіяющей цѣли, къ вѣчному факелу любви... Сознаніе исполненнаго долга!.. Но красота и величіе этого сознанія познается только въ минуту смерти, въ минуту полного возстанія отъ земнаго сна, смежающаго душевныя силы... Мнѣ кажется, что нѣтъ на землѣ ничего прекраснѣе и ярче этого зрѣлища свободной казни и вознесенія...

Литягинъ грустно посмотрѣлъ на Найдича.

— Значить, остается только взять револьверъ и застрѣлиться?

— Я говорю о свободной, радостной смерти за освобожденіе и счастье человѣчества... — глухо, со страннымъ упорствомъ сказалъ Найдичъ и, бросивъ огорченный, болѣзненный взглядъ на Литягина, сразу замолчалъ и насутился.

Они подходили уже къ бульвару. Сквозь стройные ряды оголенныхъ пятнистыхъ платановъ, виднѣлось грязно-сѣрое море и мутные бѣлесоватыя тона горизонта. Внизу, подъ эстакадой отрывисто пыхтѣлъ черный неуклюжій паровозъ, и медленно громыхали колеса тяжело нагруженныхъ вагоновъ. Въ просвѣтахъ межъ грязныхъ и мрачныхъ портовыхъ зданій виднѣлись торчащія густой щетиной мачты судовъ и парходовъ. Изъ широкой черной трубы валилъ пухлый ползучій дымъ. Гдѣ-то оглушительно и докучно тархтѣла лебедка.

XII.

Леонидъ Степанычъ возвратился домой въ пятомъ часу, утомленный черезчуръ продолжительной прогулкой. Тяжело ступая по широкому мягкому ковру, пристегнутому къ ступенямъ лѣстницы блестящими мѣдными прутьями, онъ медленно поднялся наверхъ и прошелъ въ гостинную. Тамъ никого не было. Раннія сумерки

наполняли громадную комнату осторожной сказочной тишиной. Мутныя тѣни неслышно передвигались отъ оконъ къ противоположной стѣнѣ и медленно проходили по висѣвшимъ тамъ большимъ портретамъ, въ старинныхъ широкихъ рамахъ изъ краснаго дерева. На тяжеломъ квадратномъ каминѣ отчетливо тикали бронзовые рѣзные часы съ кукушкой. Казалось, что въ глубокихъ удобныхъ креслахъ, притаившись, сидѣлъ кто-то давно знакомый, печальный и близкій... Литягинъ тихо сдвинулъ съ мѣста одно изъ креселъ, нечаянно толкнулъ столъ, заваленный множествомъ газетъ и иллюстрированныхъ изданій, и прилегъ на диванъ. Тотчасъ же по тѣлу его прошла легкая пріятная истома... Черезъ раскрытую настежь дверь кабинета донесся неясный шумъ голосовъ изъ столовой... Тамъ спорили о чемъ-то, и Леонидъ Степанычъ легко могъ угадать, кто именно участвовалъ въ спорѣ. Вотъ ровный, грубоватый немного баритонъ Родіона Гаврилыча... онъ возражаетъ кому-то короткими отрывистыми фразами... Другой говоритъ безъ передышки, то спокойно и кротко, то съ негодованіемъ и яростью; вкрадчиво задаетъ какіе-то вопросы и самъ же энергично отвѣчаетъ на нихъ и смѣется злобнымъ, вызывающимъ смѣхомъ... Это Фастъ... сразу можно узнать его манеру и непріятный визгливый голосъ... Теперь онъ ходитъ, вѣроятно, вокругъ стола, прижавши къ груди пухлые круглые кулаки съ оттопыренными вверхъ большими пальцами, говоритъ горячо и убѣдительно, обезоруживая всѣхъ своей удивительной памятью... Онъ все знаетъ и помнитъ съ мельчайшими подробностями: „Это было 13 января 1837 года въ пять часовъ вечера... была пятница и шелъ снѣгъ... или нѣтъ, стойте!.. шелъ дождь съ градомъ...“—И все въ такомъ родѣ... вретъ, конечно, но уличить его невозможно... извольте провѣрить въ самомъ дѣлѣ!..

Литягинъ усмѣхнулся и заворочался на диванъ

стараясь улечься поудобнѣй. Въ это время въ столовой запахнулась дверь, слышались голоса, въ кабинетѣ мелькнулъ свѣтъ и широкой полосой ворвался въ гостинную...

— Это было именно такъ, какъ я рассказываю!..— съ какой-то жалобой въ голосѣ кричалъ Фастъ, входя въ гостинную, съ зажженной лампой въ рукѣ.—Онъ сказалъ: руки прочь! и эта фраза сдѣлалась исторической! Это была одна изъ замѣчательнѣйшихъ рѣчей Гладстона!.. А-а, Леонидъ! — радостно протянулъ онъ, увидѣвъ Литягина и ставя на каминъ высокую лампу съ шелковымъ зеленымъ абажуромъ.—Ты очень кстати.

За Фастомъ въ гостинную вошли сестра Литягина и Егоровъ.

— Ты давно здѣсь, Леонидъ?—спросила Ольга Степановна, подходя къ брату.—Обѣдалъ?

Онъ приподнялся слегка и разсѣянно поцѣловалъ ей руку.

— Обѣдалъ въ ресторанѣ... Здравствуйте, Родіонъ Гаврилычъ...

Егоровъ молча поздоровался съ Леонидомъ Степанычемъ и, отойдя къ камину, грузно усѣлся въ кресло. Высокаго роста, широкоплечій, съ обвѣтреннымъ жесткимъ лицомъ, онъ казался энергичнымъ и сильнымъ. Большіе каріе глаза и немного надутыя губы придавали ему умное, симпатичное выраженіе. На немъ былъ чистенькій, хотя и поношенный уже, черный пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлся вылинявшій воротникъ синей рубахи.

Ольга Степановна сѣла къ столу и закурила папиросу. Едва ли кто-нибудь узналъ бы въ ней сестру Литягина. Это была уже пожилая женщина, съ коротко остриженными вьющимися волосами, съ мужскими чертами лица, очень похожая на композитора Рубинштейна. Что-то строгое и надменное было въ складѣ ея губъ и въ крутомъ подбородкѣ, и въ ров-

ныхъ спокойныхъ движеніяхъ. Это выраженіе ея лица обыкновенно стѣсняло многихъ и заставляло быть сдержаннѣе въ ея присутствіи.

Она пристально посмотрѣла на брата и улыбнулась славною бодрой улыбкой, обнажая ровные блестящіе зубы.

— Ты очень усталъ, Леонидъ?—спросила она дружескимъ, ласковымъ тономъ. — Ты напрасно уходишь изъ дому всякій разъ, когда мы собираемся. Вѣдь ты намъ нисколько не мѣшаешь...

При этихъ словахъ всѣ словно повеселѣли. Егоровъ заворочался въ креслѣ и провелъ рукой по волосамъ. Фастъ остановился и фамиллярно похлопалъ по плечу Литягина. Тотъ быстро переглянулся съ сестрой и поморщился. Она отвѣтила едва замѣтной усмѣшкой.

— Что говорятъ въ городѣ о послѣднихъ событіяхъ?—спросила Ольга Степановна, привычнымъ мужскимъ движеніемъ сбрасывая на полъ табачный пепель съ папирасы. *

— Все слухи... — съ живостью заговорилъ Литягинъ. — Одинъ страшнѣе другого: возмущившаяся эскадра вышла изъ Севастополя... Чухнинъ и Бирилевъ убиты, Петергофъ горить.

— Все это еще вчера говорили... — прибавилъ Егоровъ небрежнымъ, сомнѣвающимся тономъ: — у насъ ночью слухъ пошелъ, что въ Петербургѣ гвардія присоединилась къ рабочимъ...

— Упорно говорятъ, что Государь уѣхалъ въ Данію,—многозначительно сообщилъ Фастъ. Леонидъ Степанычъ недовѣрчиво взглянулъ на него и махнулъ рукой.

— У Давида всегда что-нибудь экстра-сенсационное! Послушать его,—все уже сдѣлано и завтра освобожденное отечество начинаетъ новую жизнь... Помнишь, Ольга, какъ онъ еще въ гимназін сдѣлался

толстовцемъ и увѣрялъ насъ, что эта новая вѣра въ два года завоеуетъ весь міръ.

Фастъ молодцевато посмотрѣлъ на всѣхъ и засмѣялся съ такимъ видомъ, какъ будто самъ прощалъ себѣ свои прошедшія заблужденія. Потомъ онъ вдругъ сдѣлался серьезнымъ и прошелся по комнатѣ. Ольга Степановна нахмурилась. Она не любила воспоминаній, связанныхъ съ ея прошлой жизнью.

— Да, я помню... — сказала она отрывистымъ, недобрымъ тономъ: — это было странное время... Мнѣ было тогда двадцать два года... Работа тогда уже начиналась, возникали первые рабочіе кружки... мы ничего даже не знали объ этомъ... лѣтомъ мы жили въ деревнѣ...

Ольга Степановна задумалась, потомъ взглянула на брата и засмѣялась.

— Да, да... какъ же.. я помню все, что тогда было... — сказала она, рѣшительно трянувъ головой, и, точно отгоняя отъ себя какую-то настойчивую, упорную мысль, продолжала уже совершенно спокойнымъ дѣловымъ тономъ:

— Завтра въ десять часовъ погребеніе... нужно показать цвѣты. Это сдѣлаетъ Фастъ... Ты свободенъ?

— Хорошо, я сейчасъ поѣду...

— Вотъ что, Родіонъ... Необходимо завтра же наладить это дѣло.

— Хорошо. Я утромъ буду на вокзалѣ.

— У насъ снова провалъ. Вчера ночью арестована техника... Нужно ставить новую типографію.

— Опять? — удивленно спросилъ Фастъ, останавливаясь среди гостинной и дѣлая такіе глаза, какъ будто онъ былъ страшно потрясенъ этимъ извѣстіемъ. Родіонъ Гаврилычъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Теперь можно ожидать всякихъ сюрпризовъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Ольгѣ Степановнѣ. — Сего-

дня ночью полиція постарается украсть тѣла убитыхъ товарищей... Это они всегда дѣлаютъ...

— Едва-ли они рѣшатся пойти ночью въ университетъ...

— Пожалуй... но въ еврейскую больницу пойдутъ навѣрно... и въ городскую тоже...

— Мы всё какъ-то растерялись,—задумчиво протянула Ольга Степановна:—я всегда говорила, что мы тянемся въ хвостъ движенія... конечно, трудно было предвидѣть такой подъемъ настроенія... Сегодня комитетъ, въ сущности, ничего не сдѣлалъ... Странно: въ такое время мы больше спорили о цвѣтахъ... Кто-то заявилъ, что цвѣты на могилѣ революціонера неумѣстны...

— Признаюсь, я раздѣляю этотъ взглядъ,—неожиданно сказалъ Фастъ, подходя къ столу и обращаясь къ Егорову.—Вообще, всё эти символическіе знаки печали и траура, по-моему, въ данномъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія...

— Ну, а красное знамя?—съ удивленіемъ спросилъ Литягинъ.—Вѣдь это тоже символъ?

— Да, но это эмблема революціи.

Леонидъ Степанычъ нервно засмѣялся.

— Не понимаю! Для революціи можно устанавливать эмблемы, а для обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ это не разрѣшается... Между тѣмъ, тѣ, которые погибли вчера на баррикадахъ, навѣрно любили цвѣты... они любили все прекрасное, любили небо и солнце, и цвѣты... потому и смерть ихъ была такъ прекрасна.

— Однако, ты вотъ любишь цвѣты, а вѣдь никогда не погибнешь прекрасно на баррикадѣ... — язвительно сказалъ Фастъ, снова обращаясь почему-то къ Егорову.—Значитъ, тутъ не въ цвѣтахъ дѣло...

— Развѣ обо мнѣ рѣчь?.. — съ раздраженіемъ заговорилъ Литягинъ. — Ты правъ: я не умру на барри-

кадѣ... у меня не хватитъ для этого натуры... но вѣдь ты тоже не умрешь, Давидъ. Вотъ въ томъ-то и штука! Вотъ Егоровъ умретъ, потому что онъ водить поѣзда, онъ машинистъ... онъ машинистъ не только на желѣзной дорогѣ, но и въ жизни...

Фасть расхохотался.

— По обыкновенію, ты уклонился отъ предмета спора.. Ну, ничего... Итакъ, Родіонъ Гаврилычъ,—продолжалъ онъ несерьезнымъ, немного дурачливымъ тономъ:—согласны вы умереть на баррикадѣ?

— Я умру, если будетъ нужно,—отвѣтилъ Егоровъ спокойно и просто.

— Вотъ видите! Правда? Вы не боитесь смерти?

Егоровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Леонида Степаныча и улыбнулся.

— Боюсь. Кто-жъ не боится смерти? Я вотъ былъ вчера на баррикадѣ. Жутко, а все-таки вытерпѣть можно.

— А цвѣты вы любите? — ехидно спросилъ Фасть. Егоровъ засмѣялся.

— Какъ вамъ сказать? Не знаю.. На баррикадѣ не до цвѣтовъ... А на могилу товарищамъ, отчего-же... это хорошо... слѣдуетъ цвѣты понести...

Слова Егорова напомнили Литягину его разговоръ съ Найдичемъ.

— Вотъ вы говорите, что никто не хочетъ разстаться съ жизнью, — сказалъ онъ, оживляясь.—Значитъ, всѣ любятъ жизнь?.. Но вотъ Найдичъ говорить, что онъ не боится смерти...

— Ахъ... Найдичъ! — съ пренебреженіемъ сказала Ольга Степановна. — Онъ неисправимый фантазеръ и мечтатель. Все, что онъ говоритъ о смерти, конечно, красиво, но вѣдь это только фантазія... Впрочемъ, онъ, кажется, очень искренній человѣкъ...

— Онъ мистикъ какой-то! — съ апломбомъ заявилъ Фасть.

Егоровъ нахмурился.

— Найдичъ хорошій, славный парень!

— Да, онъ мечтатель!—злбно усмѣхнувшись, протянулъ Литягинъ; затѣмъ быстро всталъ и прошелся по комнатѣ. Видно было, что онъ старается сдержать свое раздраженіе. — Ты права, Ольга! Онъ неисправимый фантазеръ. Но кто вамъ сказалъ, что это нужно исправить? Почему это дурно? Онъ тоже революціонеръ, но это не мѣшаетъ ему быть поэтомъ, художникомъ, фантазеромъ... Этого недостаетъ многимъ изъ васъ... Не понимаю... нельзя спорить противъ вашей программы... Я признаю марксизмъ, но не люблю марксистовъ... У васъ нѣтъ фантазіи! — все болѣе и болѣе возбуждаясь, говорилъ онъ. — Я хочу найти объясненіе этой черствости... Всѣ вы какіе-то однокіе... умные, честные, славные, но безчувственные...

Онъ едва не плакалъ отъ волненія и задыхался. Ольга Степановна внимательно посмотрѣла на его сгорбленную, расслабленную фигуру, и въ лицѣ ея появилось выраженіе грусти и жалости.

— Что съ тобой? Возьми себя въ руки... Садись сюда, Леонидъ...

— Я такъ думаю, что вы тоже однокій, — неожиданно вставилъ Егоровъ и засмѣялся. — Только мы себя съ одного бока показываемъ, а вы съ другого. Вы все про себя больше рассказываете, да про поэзію... не время теперь разбирать, кто черствый, кто нѣтъ. Не до поэзии теперь.

Литягинъ прошелся и снова сѣлъ на свое мѣсто, рядомъ съ сестрой. Видъ у него былъ измученный, больной и сиротливый.

— Вы опоздаете, — сказала Егоровъ, обращаясь къ Фасту. — Нынче рано закроютъ магазины.

— Да, да,—заторопился тотъ, подымаясь съ мѣста и глубоко вздыхая,—я уйду... Я скоро возвращусь! — крикнулъ онъ съ лѣстницы.

— Не выношу самоувѣренности этого человѣка,—

нервничая, сказалъ Литягинъ, послѣ того какъ затихли шаги Фаста.

— Онъ все точно на сценѣ играетъ...—добродушно замѣтилъ Родіонъ Гаврилычъ и засмѣялся. — Настоящій актеръ... ей-Богу.

Ольга Степановна взяла Фаста подъ свою защиту.

— Онъ довольно способный человѣкъ... мы его давно знаемъ... много въ немъ театральнаго, это правда... но исполняетъ онъ свои роли съ искреннимъ увлеченіемъ и совершенно перерождается при этомъ. Когда-то онъ былъ довольно интереснымъ толстовцемъ...

— О, это было очень талантливое исполненіе!—сказалъ Литягинъ, оживляясь при одномъ воспоминаніи:— онъ ручался за то, что толстовство объединитъ всѣ народы... однако, по прошествіи трехъ лѣтъ, видя, что народы не хотятъ объединяться, Давидъ самъ присоединился къ православію... Два года назадъ онъ присталъ къ освобожденцамъ, которыхъ теперь презираетъ съ неподражаемой искренностью...

— Ты не правъ, Леонидъ. За послѣднее время онъ быстро пошелъ влѣво...

— Ну, конечно!—съ нетерпѣніемъ вставилъ Леонидъ Степанычъ:—міровоззрѣніе его измѣнялось непрерывно... отъ еврейской вѣры до свободнаго социализма. Лѣвѣй этого, дѣйствительно, ничего не выдумаешь.

Ольга Степановна засмѣялась.

— Ты чудакъ... Всегда бранишь Фаста и не можешь прожить безъ него ни одного дня.

— Естественно! Мы старые товарищи по гимназіи... потому онъ всегда знаетъ всѣ новости раньше другихъ... онъ часто вретъ, но я это всегда угадываю и въ такихъ случаяхъ не придаю его словамъ вѣры... Я привыкъ къ нему и... ну, что-же?.. Я люблю Фаста... онъ лучше другихъ и не глупый...

Литягинъ не успѣлъ докончить. На лѣстницѣ послы-

шались торопливые шаги, дверь быстро распахнулась, и въ гостинную вошелъ Фастъ въ пальто и въ шапкѣ. Лицо его было сіяющимъ и торжественнымъ.

— Господа, важныя новости! — закричалъ онъ еще съ порога. — Командующій войсками получилъ достовѣрныя свѣдѣнія изъ Петербурга... Я встрѣтилъ сейчасъ Кузнецова, члена управы, и онъ все рассказалъ мнѣ... Я вернулся, чтобы подѣлиться съ вами...

— Но въ чемъ же дѣло? — нетерпѣливо спросилъ Егоровъ.

— Витте назначенъ премьеръ-министромъ перваго въ Россіи министерскаго кабинета!

Егоровъ насмѣшливо засвисталъ, и всѣ расхохотались.

— Кромѣ того, изданъ манифестъ о расширеніи гражданскихъ правъ населенія... Господа, это результатъ забастовки!

— Вздоръ! Не вѣрю! — серьезно сказалъ Родіонъ Гаврилычъ и махнулъ рукою.

— Конечно, вздоръ, — подтвердилъ Литягинъ. — Для такой новости не стоило возвращаться... На этотъ разъ цвѣты навѣрно важнѣе самаго извѣстія, — прибавилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

ХІІІ.

— Слышали? Конституція!

Егоровъ остановился. Мимо него поспѣшно проходили, перекликаясь и обгоняя другъ друга, обрадованные, довольные люди, кричали, спорили, поздравляли встрѣчныхъ...

— Да здравствуетъ свобода!

— Вздоръ, господа. Не вѣрьте слухамъ.

— Это студенты все распускаютъ.

— Господа, поздравляю!.. Объявлена конституція!

На перекресткѣ, высыпавшіе изъ ближайшей кофейни купцы и комиссіонеры тѣсно обступили оgoro-

пѣвшаго городского, высокаго молчаливаго малаго съ бритымъ румянъмъ лицомъ.

— Да здравствуетъ конституція! — привѣтствовалъ его какой-то плотный господинъ, играя дорогой тростью съ рѣзнымъ набалдашникомъ изъ слоновой кости.

— Вы теперь свободный гражданинъ своего отечества!

— Теперь свобода! Всѣ равны...

— Это до насъ не касается. Все одно, тутъ стоять, какъ и раньше,—угрюмо отозвался городской.

— Вотъ видите? Развѣ не лучше такъ-то? А?

— Съ участку объявленія нѣту никакого...

— Руку, гражданинъ!

Какой-то развязный щеголь, въ длинныхъ желтыхъ ботинкахъ дружески потрясъ городскому руку, желая, повидимому, показать остальной публикѣ примѣръ гражданскаго уравниенія. Городской, сконфуженный, отошелъ въ сторону; потомъ онъ поднялъ голову и нахмурился. Видно было, что въ немъ появилась какая-то рѣшимость.

— Разойдитесь, господа!—сказалъ онъ мрачнымъ, недружелюбнымъ тономъ:—съ участку никакого приказа нѣту...

— Что же вы, не вѣрите, что ли? Вонъ въ редакціи манифестъ получился.

— Намъ все одно... пока съ участку не было приказа, обязанъ службу спольнять какъ по старому...

Егоровъ, не довѣряя слухамъ, вмѣшался въ толпу и настойчиво разспрашивалъ cadaго:

— Вѣдь это надо провѣрить, господа. Кто вамъ сказалъ это?.. Откуда вы знаете?

— Да что вы, съ луны, что ли, свалились. Конституція объявлена...

— Все это студенты мутятъ да жидаы... Вонъ городской сказывалъ, никакого объявленія нѣту...

— Вы, что же, читали манифестъ, что ли?... Сами читали?—допытывался Егоровъ.

— Не читаль, а знаю... Не вѣрите?.. Ну пусть не объявлена... Какъ угодно...—сердито отвѣтилъ ему какой-то купецъ съ бычачьей шеей и пухлыми отвислыми щеками.

Родионъ Гаврилычъ ночеваль на Большомъ вокзалѣ, гдѣ ему нужно было повидаться съ товарищами, по порученію Ольги Степановны. Теперь онъ шелъ въ университетъ, откуда должна была двинуться погребальная процессія. Утро было ясное, свѣжее, залитое животворящимъ солнечнымъ свѣтомъ. И лица у всѣхъ были какъ-то особенно по-дѣтски счастливыя, озаренныя чистой искренней радостью. Отовсюду слышались поздравленія, звонкіе поцѣлуи, веселый смѣхъ, смѣлыя непривычныя восклицанія:

— Да здравствуетъ свобода!

— Сподобился на старости лѣтъ!—говорилъ благообразный сѣдой господинъ, съ чувствомъ пожимая руку невысокой пожилой дамѣ, тихо плакавшей отъ волненія.—Довелось дожить до настоящей радости...

— Куда же ты?.. Конституція, а онъ домой...

— Это не слухи, милостивый государь, а факты-сь. Вполнѣ совершившееся событіе-сь.

— Да вотъ идите въ редакцію... Манифестъ уже отпечатанъ и сейчасъ будетъ выпущенъ.

За угломъ, въ небольшомъ переулкѣ, гдѣ помѣщалась редакція „Листка“, слышались какія-то восклицанія, потомъ оттуда вырвалось и прокатилось по улицѣ громкое, единодушное „ура!“

Всѣ бросились туда, стараясь пройти впередъ, обогнать друга друга. Родионъ Гаврилычъ, увлекаемый толпою, растерянно оглядывался вокругъ, рассчитывая увидѣть кого-нибудь изъ товарищей. Какъ на зло, въ толпѣ не было ни одного знакомаго лица. Извѣстіе, сообщенное вчера Фастомъ, очевидно подтверждалось.

Но все таки что-то мѣшало ему повѣрить радостнымъ слухамъ...

Противъ театра, передъ большимъ двух-этажнымъ зданіемъ редакціи стояла тѣсная толпа народа, запрудившая часть переулка и театральной площади. Здѣсь уже не было слышно теперь ни ликующихъ возгласовъ, ни смѣха, ни поздравленій. Всѣ нетерпѣливо ждали выхода манифеста, маялись отъ черезчуръ долгаго ожиданія, переходили въ толпѣ съ мѣста на мѣсто, переговаривались другъ съ другомъ короткими сдержанными фразами.

— Товарищи, къ университету!—неожиданно закричалъ какой-то приземистый человекъ въ пальто и въ старой измятой шляпѣ,—погребеніе назначено на десять часовъ...

— Прощу васъ, господа, разойдитесь...

— Долой полицію!

Въ это время съ площади послышалось гулкое разсыпанное звяканье, и въ узкій переулокъ вѣхалъ полуэскадронъ драгунъ, вызывающе глядѣвшихъ на собравшуюся у зданія редакціи публику. Впереди, сдержанно вытанцовывая шагъ, вѣхалъ молодой офицеръ, бритый, въ усахъ, съ широкой, выдавшейся впередъ нижней челюстью. Онъ былъ безъ шинели, съ бѣлой лядункой на спинѣ и въ опущенной правой рукѣ держалъ нагайку. У всѣхъ солдатъ тоже были нагайки.

— Убійцы! Душегубы!

— Каторжники! Съ нагайками ѣздютъ...

— Форму смѣнили!

— Анаемы!

— Поступайте въ полицію!..

Драгуны проѣхали мимо и остановились у ближайшаго перекрестка. Офицеръ медленно повернулъ лошадь, постоялъ немного на мѣстѣ, точно обдумывая какой-то планъ дѣйствій; потомъ онъ обернулся, протяжно за-

кричалъ что-то и на рысяхъ провель полуэскадронъ обратно. По мостовой часто зазвенѣли подковы лошадей; снова въ толпѣ раздались угрожающіе крики и одиночные пронзительные свистки. Офицеръ и передніе ряды драгунъ, исподлобья поглядывая въ стороны, быстро проѣхали мимо; въ заднихъ рядахъ лошади неожиданно спутались, быстро свернули съ мостовой къ панели и врѣзались въ толпу, испуганно шаркнувшуюся въ сторону театральной площади. Оттуда уже неслись назадъ на разгоряченныхъ лошадяхъ, проѣхавшіе раньше драгуны. Въ толпѣ замелькали сѣрья, склонившіяся въ сѣдлахъ фигуры солдатъ, вздернутыя головы и присѣдающіе крупы осаживаемыхъ лошадей. Послышались испуганные крики, тупой свистъ и удары нагаекъ, лягъ подковъ о камень мостовой, проклятья, грубая брань озвѣрѣвшихъ солдатъ... Многіе разбѣжались по площади, попрятались во дворахъ и оттуда въ безсильномъ бѣшенствѣ, съ выраженіемъ отчаянія на поблѣднѣвшихъ, искаженныхъ лицахъ, глядѣли на улицу. Разогнавъ толпу, солдаты съ наглыми смѣющимися лицами съѣхались посреди площади и, выстроившись снова, проѣхали шагомъ по переулку. Нѣкоторые изъ нихъ, все еще неудовлетворенные, обращивались въ сѣдлахъ и грозили нагайками каждому, кто попадался навстрѣчу. За ними снова неслись пронзительные свистки, негодующіе крики:

— Опрічники!

— Подлые насильники! Негодяи!

Егоровъ, блѣдный; стоялъ у подъѣзда редакціи и дрожащими руками чистилъ выпачканную на мостовой фуражку. Его била лихорадка, мутилось сознание; онъ едва сдерживалъ себя, чтобы не побѣжать за удалявшимися драгунами, броситься на нихъ съ остервенѣніемъ, бить, рвать, грызть зубами...

— Что это, зацѣпили и васъ?—фамильярно спро-

силъ его какой-то лавочникъ въ засаленной кожаной курткѣ, добродушно посмѣиваясь.

— Убирайтесь къ чорту! — бѣшено прохрипѣлъ Егоровъ.

— Чего-жь вы ругаетесь? Думаете, мнѣ не попало?

— Меня еще не такъ двинули... въ бокъ, вотъ по этому мѣсту...

— А меня по спинѣ собака вытянулъ... насилу на ногахъ удержался...

— Вотъ тебѣ и свобода, братцы! А? Ха-ха-ха!

Егоровъ съ непреодолимымъ отвращеніемъ и ненавистью посмотрѣлъ на окружавшихъ его людей и, едва владѣя собой, перешелъ на противоположную сторону улицы...

— Тише, господа! Слушайте!

— Слушайте, господа! Слушайте!—пронеслось въ толпѣ.

На балконѣ редакціи показались какіе-то люди съ оживленными праздничными лицами. Одинъ изъ нихъ, смѣшно ворочая маленькими круглыми глазами, развернулъ большой квадратный листъ бумаги и, поднявъ голову, медленно оглядѣлъ толпу, какъ бы приглашая ее выслушать то, что онъ будетъ читать. Родіонъ Гаврилычъ сразу узналъ въ этомъ человѣкѣ Фаста. Онъ былъ очень серьезенъ и исполнялъ свою роль съ необыкновенной торжественностью.

— Граждане!—раздался среди наступившей, наконецъ, тишины его нарочно приподнятый, взвизгивающій голосъ.—Полученъ манифестъ о конституціи!..

— Тише!.. Молчите.

— ...незыблемая начала гражданской свободы: свобода совѣсти, свобода слова, собраній, союзовъ...

— Да здравствуетъ свобода!

— Ти-ше!

— Стойте!.. Тише, господа!.. А свобода печати?..

— Печати тоже... свобода слова!

— А свобода стачекъ?

— ...неприкосновенность личности и жилищъ... Дѣйствительная неприкосновенность личности!.. Что? нѣтъ...

— Нѣтъ!.. стачекъ нѣтъ...

— Урра-а!

— Стойте, товарищи! Мы сейчасъ испытали на себѣ эту неприкосновенность личности...

— Войскамъ еще не объявлено!.. они не знали...

— Да здравствуетъ конституція!

— Урра-а!

Чтеніе манифеста кончилось, и въ толпѣ снова началось шумное движеніе, радостные возгласы, смѣхъ, поздравленія. Родіонъ Гаврилычъ не понималъ, какъ эти люди могли такъ скоро забыть только-что причиненную имъ тяжкую, унизительную обиду, и его возмущало отсутствіе въ нихъ самаго простого чувства личнаго достоинства. Какъ будто и не ихъ били!.. Какой-то студентъ старался сдержать ликованіе толпы и объяснялъ сущность объявленнаго манифеста.

— Товарищи-рабочіе! — кричалъ онъ, беспомощно оборачиваясь во всѣ стороны:—свобода дана для капиталистовъ хозяевъ!.. Пролетаріатъ по-прежнему остается безправнымъ!..

Фастъ безпокойно оглядывалъ съ балкона волновавшуюся внизу толпу. Видно было, что онъ еще хочетъ сказать что-то и ждетъ удобнаго момента, когда бы его могли услышать. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ:

— Граждане! Въ манифестѣ сказано, что это непреклонная воля Государя!

— Да здравствуетъ непреклонная воля народа!—раздался въ толпѣ чей-то одинокій голосъ.

— Да здравствуетъ пролетаріатъ!—зично закричалъ студентъ.

— Урра-а!

Толпа съ шумомъ отхлынула отъ зданія редакціи, запрудивъ весь переулокъ, все увеличиваясь по

пути, огромнымъ шествіемъ двинулась къ университету. Многіе шли обнявшись, кричали что-то радостное и счастливое, но разобрать ихъ слова уже было невозможно. Все слилось въ общемъ хорѣ голосовъ, смѣха, восторженныхъ возгласовъ и протяжныхъ раскатовъ „ура-а!“ Егоровъ шель, увлекаемый толпою, сбитый съ толку острыми, беспорядочными мыслями. Онъ сознавалъ уже, что случилось что-то огромное и яркое, за что вчера еще, съ проклятіями на устахъ и съ великой надеждой въ сердцѣ, умирали и томились въ заключеніи честные товарищи... И все же одно за другимъ въ душу проникали сомнѣнія, назойливыя, мучительныя, и онъ уже никакъ не могъ отогнать ихъ.—Трудно вѣрить! нельзя вѣрить!.. Неужели это дѣйствительно правда?.. Вотъ вѣрятъ же всѣ... всѣ вѣрятъ и радуются...—Его вдругъ охватывало безотчетное чувство свѣтлой ликующей радости, потомъ снова томила странная, необъяснимая грусть. — Точно ли это настоящая свобода?.. Освобожденіе господь... а для насъ все осталось по-прежнему.—Что-то мучительное запротестовало въ немъ и залило ѣдкой горечью, ожесточенной злобой... Хотѣлось остановить эту нелѣпую, горлающую толпу, завывать отъ муки и бессильной ярости... Потомъ все затихло въ немъ и наступило безразличное состояніе изнеможенія... Онъ шель, опутивъ голову, задумчивый и печальный, съ досадою прислушиваясь къ тысячеголосому реву толпы, и непривычное чувство злости и зависти было въ немъ ко всѣмъ способнымъ теперь искренно радоваться и смѣяться.

— Пропустите, пропустите!—неожиданно раздались въ толпѣ настойчивые окрики, и кто-то зычно закричалъ: шапки долой! Егоровъ обернулся. Посреди улицы въ узкомъ проходѣ, оставленномъ отхлынувшей въ обѣ стороны толпой, проѣхали на извожничьихъ дрожкахъ двое студентовъ. Они поддерживали огромный вѣнокъ

съ широкими красными лентами. За ними показались еще такія же дрожки, потомъ еще.. Длинная процессія студентовъ и какихъ-то нарядныхъ дамъ проѣхала къ университету съ вѣнками для погибшихъ товарищей. Въ послѣднихъ дрожкахъ сидѣли гимназисты; они везли большой красивый вѣнокъ изъ бѣлыхъ хризантемъ и розъ, перевитыхъ лаврами и дубовыми листьями. На развѣвавшихся красныхъ лентахъ была надпись: „Милому товарищу Витѣ, павшему за свободу“.

Эта надпись была прочтена вслухъ, и всѣхъ охватило единодушное чувство безконечной глубокой жалости. У многихъ на глазахъ показались слезы.

— Вѣчная память маленькому герою!—закричалъ какой-то длинный человекъ въ разстегнутомъ пальто, съ гаруснымъ шарфомъ на шеѣ.

И вся толпа, какъ одинъ человекъ, точно произнося слова молитвы, благоговѣнно запѣла хоромъ:

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой...“

XIV.

По пути къ университету къ шествію присоединились новыя процессіи. Изъ открытыхъ оконъ и съ балконовъ бросали цвѣты, аплодировали, смѣялись и что-то кричали. На широкой террасѣ богатой гостиницы молодой красивый офицеръ, окруженный изящно одѣтыми женщинами, стоя на стулѣ, игралъ марсельезу на корнетъ-а-пистонѣ. Неожиданно появились солдаты съ ружьями, только-что снятые съ постовъ. Они возвращались въ казармы нестройными, разсыпанными группами, неловко проталкиваясь въ толпѣ. У многихъ изъ нихъ были безпокойныя, виноватыя лица; нѣкоторые искренно присоединялись къ общему ликовацію, размахивали фуражками, кланялись всѣмъ и смѣялись. Ихъ поминутно останавливали, обнимали, цѣловали искренними братскими поцѣлуями.

— Кончилось, слава Богу! — радостно сказалъ какой-то пожилой солдатъ и, снявъ фуражку, набожно перекрестился.

— Товарищи-солдаты! Теперь свобода... все теперь кончено, что было раньше!

— Ужъ теперь васъ не заставятъ стрѣлять въ своихъ братьевъ...

— Мы не стрѣляли, — тихо говорилъ въ толпѣ пожилой хмурый солдатъ изъ запасныхъ:— насъ вчера только пригнали сюда...

— Нешто намъ хорошо это?—Тоже и намъ чижило иттить на усмиреніе...

— И даже очень просто... хотя что былъ приказъ, тоже самое... который человекъ съ понятіемъ, самъ знаетъ... вотъ она, напримѣръ, мушка... немного не довернулъ, и пошла она поверху гулять... пуля-то... Приказъ сполнилъ, убытку нѣту...

Немного въ сторонѣ пожилой неуклюжій рабочій объяснялъ солдатамъ значеніе объявленной свободы.

— Братья-солдаты!—слышался въ толпѣ его густой сочный голосъ:—еще не все кончено; для простого народа еще нѣту настоящей воли... крестьянскому народу что надо? Землю надо... А гдѣ она? Какъ была у господъ, такъ и осталась... Тоже самое нѣту свободы рабочему человеку... Хозяинъ съ него по семи шкуръ сдеретъ, какъ и раньше... Придете домой, всѣмъ скажите... дѣтей учите: пойдутъ на службу, доведется на усмиреніе пойти, пуцай отказываются. Прикажетъ начальство стрѣлять, чтобъ не стрѣляли по своимъ братьямъ: они за народъ стоятъ, себя не жалѣютъ... на смерть, на муку идутъ... по острогамъ гниютъ за правду...

— Вѣрно! вѣрно, товарищи! — кричали въ толпѣ...

— А какъ же? нешто мы не понимаемъ...—съ искреннимъ убѣжденіемъ говорили солдаты.

— За простой народъ даже очень мало думаютъ...

— За это господамъ горя мало... а мужику другой разъ скотину напоить нечѣмъ...

— Да здравствуетъ социальная революція! — неожиданно крикнулъ взрослый голосистый гимназистъ, очень взволнованный и возбужденный.

— Да здравствуетъ пролетаріатъ! — закричали въ толпѣ въ разныхъ мѣстахъ, вяло и разрозненно.

Въ это время впереди показалась большая медленно приближавшаяся процессія рабочихъ. Надъ нею яркими красными пятнами разбросались многочисленныя знамена. Они то плавно сворачивались и повисали, то мягко вздувались, играя выгнутыми складками, и весело полоскали въ ясномъ прозрачномъ воздухѣ. Выступавшій впереди стройный старательный хоръ пѣлъ марсельезу. Позади хора, въ громадной толпѣ рабочихъ всѣ были сосредоточены и безмолвны, и что-то несокрушимо сильное и величественное чувствовалось въ этомъ молчаньѣ.

На перекресткѣ процессія остановилась. Пѣніе затихло. Повидимому, тамъ кто-то держалъ рѣчь, и его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Черезъ нѣкоторое время оттуда донесся бурный говоръ, раздались привѣтственные возгласы и дружное, протяжное „ура!“ заглушило отдѣльные голоса. Надъ толпой показалась встрепанная, измятая фигура человѣка, въ которомъ Родіонъ Гаврилычъ тотчасъ же узналъ Фаста. Онъ что-то кричалъ и энергично размахивалъ своей суконой шапкой. Рабочіе несли его на рукахъ и величали громкими привѣтственными криками.

Полный смутныхъ недобрыхъ предчувствій, Егоровъ стоялъ, прислонившись къ афишному кіоску, и глядѣлъ на приближавшуюся процессію. Онъ прислушивался къ ликующимъ крикамъ толпы, и ему были противны эти нелѣпо горлающіе люди съ разинутыми ртами и бессмысленно выпученными глазами. Что-то униженное и недостойное было для него въ ихъ довѣрчи-

вой радости... — Чему радуются?.. Кого величаютъ?.. Откуда пришелъ онъ, этотъ кривляющийся Фасть?..

— Они съ ума сошли...—пробормоталъ онъ, стиснувъ зубы и, охваченный все нарастающимъ чувствомъ досады и раздраженія, вдругъ закричалъ зычнымъ угрожающимъ голосомъ:

— Молчите!.. Не будьте безумны!

Его не разслышали. Только важный бѣлобрысый господинъ въ котелкѣ, съ цѣлой коллекціей золотыхъ перстней на пальцахъ, недовѣрчиво смѣрилъ его долгимъ взглядомъ и презрительно отвернулся. Родіонъ Гаврилычъ со злостью посмотрѣлъ на его выстриженный затылокъ и медленно сошелъ съ панели. Вокругъ него по-прежнему волновались люди, стараясь перекричать другъ друга; какой-то бритый длинноносый студентъ, взобравшись на дерево, читалъ народу печатный текстъ манифеста. Подходили новыя процессіи, то и дѣло сообщались новости:

— Погребеніе отложено на завтра!..

— Изъ еврейской больницы полиція силой взяла тѣла убитыхъ...

— Когда? Что вы говорите?

— Вчера ночью... полиція и казаки...

— Градоначальникъ снялъ полицейскую охрану города...

— Нигдѣ нѣтъ ни одного городского...

— Что? Будутъ приняты мѣры!.. Въ думѣ сейчасъ засѣдаетъ комитетъ общественной безопасности... Туда вошли представители всѣхъ союзныхъ организацій.

— Городъ будетъ охранять милиція!..

— Какъ? Желаете записаться? Идите въ университетъ... комитетъ вооруженія!... главный корпусъ!.. первый этажъ!..

— Товарищи! Всѣ аудиторіи университета открыты для народныхъ собраній.

— Къ университету, товарищи!

— Граждане, къ участкамъ! Освободимъ заключенныхъ!..

— Идемте къ тюрьмѣ, товарищи!

XV.

Увлекаемый общимъ теченіемъ, Егоровъ медленно подвигался впередъ. Его невольно то заражало все нараставшее возбужденіе толпы, то снова томило предчувствіе обидныхъ тяжелыхъ разочарованій. Съ обѣихъ сторонъ улицы раскрытые балконы и окна были украшены красными флагами, цвѣтами и лентами. Все было залито яркимъ солнечнымъ блескомъ, оживлявшимъ лица, игравшимъ въ складкахъ платья, искрившимся въ волосахъ женщинъ... Какая-то знакомая фигура мелькнула далеко впереди, и Егоровъ тотчасъ же узналъ въ ней Ольгу Степановну. Боясь потерять ее изъ виду, онъ быстро протолкался въ передніе ряды процессіи, но тамъ его задержали. Недалеко въ концѣ улицы виднѣлось уже мрачное и грязное двух-этажное зданіе участка, окруженное густымъ кольцомъ казаковъ, передъ которыми на короткой гнѣдой лошади гарцовалъ бравый молодой офицеръ. Казалось, что онъ зорко и недружелюбно смотрѣлъ на приближавшуюся толпу... Потомъ раздался короткій рѣзкій окрикъ, и вдругъ, рассыпавшись за его спиной во всю ширину улицы, казаки легкой рысью понеслись навстрѣчу процессіи. Тогда всѣ сразу шархнули въ стороны къ папелямъ. Послышались испуганные крики и плачь женщинъ. Егорову уже видны были калмыцкія скуластыя лица казаковъ, смѣющіяся, съ оскаленными зубами... Но вотъ среди улицы показалась высокая, широкоплечая фигура женщины съ непокрытой головой и спутанными на вѣтру, вьющимися волосами. Ольга Степановна одна шла навстрѣчу несущимся казакамъ и размахивала большимъ бѣлымъ платкомъ. Толпа

сразу затихла; всѣ съ жуткой тревогой слѣдили за смѣлой женщиной. Егоровъ застылъ на мѣстѣ, ничего не соображая, чувствуя, что сейчасъ произойдетъ что-то дикое и безобразное, отчего заранѣе содрогается душа и теряется разсудокъ... Потомъ онъ вдругъ заскрежеталъ зубами, рванулся впередъ и, растолкавъ тѣсно жавшихся другъ къ другу людей, побѣжалъ по улицѣ, догоняя Ольгу Степановну. Неожиданно въ четкіи лягъ конскихъ подковъ ворвался рѣзкій повелительный окрикъ:

— Назадъ! Остановитесь!

Среди казаковъ сразу произошло какое-то замѣшательство... Раздалась краткая отрывистая команда... Они въ беспорядкѣ сбились среди улицы, напирая другъ на друга, сдерживая разгоряченныхъ коней. Офицеръ, оставивъ своихъ людей, короткимъ галопомъ поскакалъ впередъ. Ольга Степановна стояла среди улицы съ раскраснѣвшимся отъ гнѣва лицомъ, и что-то неукротимо-властное было во всей ея фигурѣ. Родіонъ Гаврилычъ стоялъ подлѣ нея, судорожно сжимая въ карманѣ рукоятъ большого семизаряднаго револьвера.

— Что вы дѣлаете?..—запальчиво закричала Ольга Степановна офицеру, когда тотъ уже былъ недалеко. Онъ, видимо, смутился и, осадивъ коня, вѣжливо приложился къ фуражкѣ.

— Сударыня! — сказалъ онъ, неловко поправляясь въ сѣдлѣ и исподлобья взглядывая на Егорова:—я обязанъ охранять участокъ... я не знаю вашихъ намѣреній... Прошу разойтись!—вдругъ закричалъ онъ, поворачиваясь къ толпѣ, которая и послѣ этого, однако, осталась безмолвной и неподвижной.

— Мы идемъ просить объ освобожденіи нашихъ товарищей...

— Просить?.. Х-ха! но зачѣмъ же тогда это демонстративное шествіе? Вотъ вы хотите просить... а они разнесутъ участокъ... Впрочемъ, могу васъ успокоить,—

продолжалъ онъ, уже овладѣвъ собою: — арестованные скоро будутъ освобождены... Сейчасъ градоначальнику посланы списки... онъ сдѣлаетъ распоряженіе по телефону.

— Но вамъ извѣстно содержаніе манифеста?.. Мы хотимъ встрѣтить и привѣтствовать освобожденныхъ товарищей.

Офицеръ рѣзко оборвалъ ее:

— Манифестъ я читалъ!.. Не думайте, что все уже кончено!.. — сказалъ онъ, вызываяще глядя на Егорова.—Мм... если угодно, можете подождать здѣсь и встрѣтить этихъ... вашихъ товарищей... Я не могу допустить народъ къ участку. Предупреждаю, что я приму мѣры.

Ему уже было досадно, повидимому, за свое прежнее смущеніе; съ каждой минутой онъ становился развязнѣе и грубѣе. Въ это время въ толпѣ началось какое-то движеніе; показался экипажъ, въ которомъ сидѣлъ высокій господинъ въ цилиндрѣ и чистенькій бѣлокурый студентъ безъ фуражки. Послышались крики. Офицеръ съ рѣшительнымъ видомъ натянулъ поводья и рысью проѣхалъ впередъ.

— Стой!..—сердито закричалъ онъ, подѣвжая къ остановившемуся передъ нимъ экипажу.—Что угодно?

— Я ректоръ университета...

— А-а... виновать... Чѣмъ могу служить, господи ректоръ?

— Мнѣ нужно въ участокъ...—смущенно отвѣтилъ ректоръ, выходя изъ экипажа.

— Не могу, господинъ ректоръ...

— Но позвольте, я сейчасъ отъ градоначальника... мнѣ разрѣшено... отдано распоряженіе освободить всѣхъ арестованныхъ...

Офицеръ нахмурился и пожалъ плечами.

— Н-не знаю...—недовѣрчиво протянулъ онъ:—впро-

чемъ, поступайте, какъ знаете... я снимаю съ себя всякую отвѣтственность...

Онъ недовольно фыркнулъ и, приложившись къ фуражкѣ, медленно поѣхалъ обратно къ участку.

За нимъ шумно двинулась вся толпа, впереди которой, горячо объясняя что-то ректору, шла Ольга Степановна. Видно было, какъ за офицеромъ потянулись казаки, и скоро весь отрядъ скрылся въ воротахъ участка. Потомъ въ окнахъ грязнаго пропотѣвшаго зданія показались студенты въ форменныхъ тужуркахъ. Ректоръ и Ольга Степановна прошли въ участокъ черезъ главный входъ съ улицы. Густая толпа народа окружила зданіе, громко переговариваясь съ заключенными. Сквозь рѣшетчатые окна въ нижнемъ этажѣ высунулись многочисленныя блѣдныя руки, слышались странные глухіе крики, точно выходившіе изъ глубокаго подземелья:

— Долой самодержавіе!

— Дайте манифестъ, товарищи!

Родіонъ Гаврилычъ подошелъ къ рѣшеткѣ и заглянулъ внутрь. Помѣщеніе было мрачное и низкое, съ грязными сырими стѣнами съ землянымъ поломъ, неровнымъ и затоптаннымъ. Повсюду у стѣнъ лежала грязная солома и валялись лохмотья. Тусклый свѣтъ, проникавшій въ окна, падалъ на противоположную стѣну узкими блѣдными полосами. Высокій человекъ въ изодранныхъ брюкахъ и въ одномъ жилетѣ, поверхъ грязной измятой сорочки, бритый и стриженный подъ гребенку, внятно читалъ текстъ манифеста... Вокругъ него толпились остальные заключенные, слушавшіе чтеніе. Они казались измученными и слабыми, похожими на выздоравливающихъ больныхъ. На сосредоточенныхъ лицахъ ихъ было выраженіе недоумѣнія и сдерживаемой радости. Многие тихо плакали.

— Здѣсь тоже радуются и вѣрятъ обѣщаніямъ свободы,—подумалъ Родіонъ Гаврилычъ. — Почему же у

меня нѣтъ этой вѣры?.. — Онъ какъ-то странно, нетерпѣливо крякнулъ и, еще болѣе разстроенный, отошелъ отъ рѣшетки.

XVI.

Освобожденныхъ товарищей съ пѣснями и привѣтственными возгласами повели по городу. Огромная процессія росла по пути, обращаясь въ грандіозное торжественное шествіе. Навстрѣчу ему и въ поперечныхъ улицахъ медленно двигались волнующіяся смѣшанныя толпы народа; процессіи привѣтствовали одна другую восторженными криками, бросали вверхъ фуражки и шляпы, громкое счастливое „ура!“ несло по улицамъ и отдавалось гдѣ-то отдаленными затихающими раскатами. А сверху глубокимъ темно-синимъ шатромъ осеннее небо покрывало ликующій праздничный городъ.

На соборной площади Родіону Гаврилычу удалось пробиться къ тротуару и отдохнуть, прислонившись къ стѣнѣ какого-то ресторана. Вокругъ него толпились хорошо одѣтые люди съ красными ленточками въ петлицахъ, тщательно подстриженные и самодовольные. Они говорили другъ другу смѣлыя вызывающія слова, за произнесеніе которыхъ вчера еще можно было лишиться свободы. Одинъ изъ нихъ стоялъ на вынесенномъ изъ ресторана стулѣ и, размахивая новенькимъ котелкомъ, громко привѣтствовалъ проходившихъ среди улицы манифестантовъ.

— Да здравствуетъ конституція! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода! — кричалъ онъ, широко раскрывая ротъ, и лицо его вытягивалось при этомъ, и становилось безобразно глупымъ, а концы тонкихъ черныхъ усовъ смѣшно опускались книзу.

Замѣтивъ устремленный на него брезгливый взглядъ Егорова, онъ какъ-то неловко засмѣялся и, сойдя со стула, началъ чистить натянутымъ рукавомъ

свою шляпу. Въ это время мимо Родіона Гаврилыча быстро прошелъ запыхавшійся человекъкъ низенькаго роста, въ чиновничьей фуражкѣ, съ маленькими наглыми глазами. Онъ бросилъ насмѣшливый взглядъ на Егорова и крикнулъ на-ходу стоявшему тутъ же какому-то старому еврею:

— Что? Получили свободу?

Въ этомъ восклицаніи послышался вызовъ, злая чудовищно загадочная угроза. На древнемъ благочестивомъ лицѣ старика-еврея появилось выраженіе тревожнаго недоумѣнія.

— Это все жида мутять! — сказалъ кто-то позади Егорова.

Онъ обернулся. У края панели стоялъ высокій, худой старикъ съ бритымъ морщинистымъ лицомъ, въ картузѣ и старомъ коричневомъ пальто. Онъ вполголоса толковалъ что-то окружившей его небольшой группѣ людей, по внѣшнему виду очень похожихъ на лавочниковъ и трактирныхъ служителей. Среди нихъ было и нѣсколько рабочихъ, внимательно слушавшихъ старика и переглядывавшихся между собою.

— Жидовское царство хотять устроить... — объяснялъ старикъ, недовѣрчиво оглядываясь вокругъ и таинственно понижая голосъ. — Республики хотять... противъ нашего царя идуть... Читали, братцы?.. Объ чемъ царъ просить? Чтобы помочь его императорскому величеству прекратить сею неслыханную жидовскую смуту...

Слушатели загадочно переглянулись.

— Вѣрно!.. Чтобы не дозволять смуты...

— Перво-на-перво съ жидами расчетъ... все это отъ ихъ...

— Отъ жидовъ?—съ любопытствомъ спросилъ какой-то молодой мастеровой, продвигаясь поближе впередъ.

— А то какъ же!.. Не хотять служить престолу-отчеству... бунты строятъ...

— Я такъ понимаю, братцы, все одно, что жидь, что русскій...

— Чего-о?.. Ты, можетъ, самъ жидь?..

— Жидь не жидь, а тоже другого прохвоста слушать не стану...

Между тѣмъ вокругъ собралась уже довольно значительная группа слушателей, и всѣ старались пролѣзть впередъ, толкались, напирали сзади.

— Вчерась жида городского убили!..

— А тебѣ что? Поминальщикъ какой выискался.

— Деньги твои не отдашь, что ли?

— Также и съ собой не забралъ... на тотъ свѣтъ... хотя что городской...

— Вѣрно! Мертвому все одно пятака не вкрутишь.

— Приказъ такой вышелъ, чтобы теперича русскому народу не препятствовать...

— Полиція сама собой... а чтобы народъ помогаль, вотъ что!..

— Также и для полиціи приказъ есть отъ градоначальника... насчетъ смуты... чтобы холостыхъ патроновъ не выпускать, чтобы промаховъ не было.

— Не слушайте ихъ, братцы... Они съ тайной полиціи...

— Товарищи! Это шпіоны, провокаторы...

— Это, ребята, жандаръ переодѣтый! Я его знаю...

— Мало они съ насъ кровь пили. Уходи, старикъ, пока не наклали...

— Хитрѣй дурака все одно не будешь!

— Бить ихъ надо, сволочь эту поганую!

Раздался оглушительный свистъ и улюлюканье. Старикъ-подстрекатель безпокойно метнулъ глазами и, боязливо съезжившись, юркнулъ въ толпу. Егоровъ бросился за нимъ, стараясь не потерять его изъ виду. Однако, это не удалось; его отгѣснили, и онъ вмѣстѣ съ громадной процессіей направился къ Николаевскому бульвару.

XVII.

Было уже около четырехъ часовъ дня, когда Родионъ Гаврилычъ очутился подлѣ думы. Вся площадь передъ ней была запружена народомъ. Стоя на гранитномъ цоколѣ большого неуклюжаго памятника, плотный засаленный рабочій медленно читалъ прокламацію; шумная движущаяся толпа то и дѣло прерывала его оглушительными апплодисментами. Въ сторонѣ, на высоко поставленной старинной пушкѣ, обращенной широкоимъ жерломъ къ морю, сидѣли верхомъ два мальчика въ рваныхъ сапогахъ и, размахивая маленькими красными флажками, поминутно заливались безпечнымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Передъ думой, украшенной съ фронта большимъ краснымъ знаменемъ, красиво вздувавшимся на высококомъ флагштокѣ, Егоровъ замѣтилъ Фаста, горячо объяснявшаго народу значеніе манифеста. Онъ стоялъ на какомъ-то возвышеніи въ разстегнутомъ широкомъ пальто, то и дѣло поворачивался во всѣ стороны съ такимъ видомъ, какъ-будто тамъ стояли люди, вполнѣ раздѣлявшіе его мнѣніе. Трудно было слышать, о чемъ именно говорилъ онъ. Голосъ его совсѣмъ осипъ и какъ-то не подходилъ къ его плотной, здоровой и самоувѣренной фигурѣ, къ округленнымъ локтямъ его и къ пухлымъ шарообразнымъ кулакамъ, которыми онъ плавно описывалъ передъ собою какіе-то круги.

Толпа росла непрерывно; то и дѣло подходили новыя процессіи съ безчисленными знаменами и значками. Среди простыхъ, неприхотливыхъ нарядовъ мелькали эlegantные туалеты дамъ, модные костюмы франтовъ, форменныя шинели различныхъ образцовъ и въдомствъ. На обшарпанныхъ извозничьихъ дрожкахъ подѣхала веселая компанія рабочихъ и дѣвушекъ, одна изъ которыхъ сидѣла на козлахъ. Рабочіе пѣли славную свободную пѣсню; дѣвушки перебивали ихъ,

болтали безъ умолку; всѣ смѣялись и снова пѣли дружнымъ хоромъ, а старый маленькій извозчикъ подпѣвалъ имъ пьяненькимъ тягучимъ голосомъ.

Въ это время вдаль показалась новая процессія, надъ которой медленно колыхались красныя и черныя знамена. Подойдя ближе къ бульварной рѣшеткѣ, Егоровъ увидѣлъ какъ разъ передъ собой какую-то пеструю группу, стоявшую у дворца командующаго войсками. Высокій, плечистый генераль въ форменномъ сюртукѣ и въ фуражкѣ нетерпѣливо ворочалъ головой во всѣ стороны и, заложивъ одну руку за спину, а другой держась за пуговицу сюртука, сурово оглядывалъ проходившую мимо публику. За его спиной стояли еще какіе-то военные: высокій молодой офицеръ, немного похожій на Вильгельма II, и аккуратный казакъ въ темпосинемъ кафтанѣ.

Между тѣмъ процессія приближалась. Впереди шла большая ватага мальчишекъ, возбужденныхъ общимъ праздничнымъ весельемъ, съ счастливыми раскраснѣвшими лицами. Они шли неровно, поминутно сбиваясь съ ноги, догоняя переднихъ товарищей и снова отставая отъ нихъ, прыгали и приплясывали, нескладнымъ хоромъ исполняя марсельезу. Среди нихъ нелѣпо торчала одинокая фигура варослаго человѣка, въ разстегнутомъ ватномъ пальто и въ шляпѣ, съѣхавшей на затылокъ. Это былъ Литягинъ. Онъ тяжело дышалъ и неувѣренно сѣменилъ ногами. Лицо его было красно, онъ не переставая смѣялся все время и энергично размахивалъ руками, дирижируя дѣтскимъ хоромъ...

Потомъ фигура Литягина передвинулась влѣво, точно въ народной панорамѣ. Четверо высокихъ людей пронесли мимо Егорова огромную раму, обтянутую красной матеріей. На ней большими бѣлыми буквами было написано: „Да здравствуетъ свободная Россія! Вѣчная слава павшимъ за свободу!“ Передъ дворцомъ толпа заволновалась, послышались крики:

— Знамена впередь!

— Да здравствуетъ конституція!

Генераль медленно сошелъ на панель, расправиль большіе сѣдые усы и, улыбнувшись, приложилъ руку къ фуражкѣ. Это вызвало всеобщій восторгъ среди манифестантовъ.

— Да здравствуетъ армія!

Генераль вдругъ сдѣлался серьезнымъ, поклонился и еще разъ отдалъ честь по военному. Потомъ онъ пропустилъ мимо себя знаменосцевъ, молодецкато вздернулъ плечами и, многозначительно переглянувшись съ офицерами, вошелъ во дворецъ.

Егоровъ перешагнулъ черезъ низкую рѣшетку бульвара и бросился впередъ догонять Литягина.

— Родіонъ Гаврилычъ! — закричалъ тотъ, искренно обрадовавшись этой встрѣчѣ. — Милый Родіонъ Гаврилычъ! А? Какой день!.. Боже мой, какой день! — вволнованно проговорилъ онъ, едва не плача отъ радости, и дружески поцѣловался съ Егоровымъ.

Они прошли на бульваръ и послѣ долгихъ поисковъ нашли, наконецъ, свободное мѣсто на одной изъ скамеекъ. Солнце садилось, скрываясь за городскими зданіями, играя послѣдними дрожащими лучами на широкомъ куполѣ театра, разсыпая въ воздухъ искристую золотую пыль. На матово-зеленомъ небѣ отчетливо вырѣзывались угловатые контуры крышъ, шпилей и дальнихъ фабричныхъ трубъ. Въ потемнѣвшемъ морѣ ослѣпительно бѣлыми пятнами разбросались трехугольные паруса мелкихъ судовъ и шляпокъ.

— Боже мой! — говорилъ Литягинъ, тяжело переводя дыханіе. — Уже вечеръ! Подумать только, что и этотъ день пройдетъ... какъ вчерашній... Этотъ свѣтлый великій день! Я съ ума схожу!.. Милый мой Родіонъ Гаврилычъ! Неужели вы не испытываете безумной, захватывающей радости?

— Чему радоваться? — угрюмо сказалъ Егоровъ, отво-

рачиваясь отъ Литягина. — Что случилось? Вѣдь еще ничего нѣтъ, а обѣщанія я не вѣрю, не могу вѣрить... У меня такое предчувствіе, что будетъ большое несчастье... Впрочемъ, это не то... — продолжалъ онъ, закуривая папиросу:—я самъ не вѣрю въ предчувствія, но только одно я знаю навѣрно: еще много крови прольется за свободу.

Литягинъ съ упрекомъ посмотрѣлъ на Егорова и усмѣхнулся.

— Удивительно! — сказалъ онъ упавшимъ, разслабленнымъ голосомъ: — вы всѣ такіе. Ни одного порыва, ни одной мечты, никакихъ надеждъ... Ничему не вѣрятъ... Матеріалисты! Ариеметики! Я иногда всѣхъ васъ просто ненавижу за это! Тысячу лѣтъ ждали этого дня и вотъ... Ну, хорошо! Не вѣрьте... ну, отложите это на завтра... На одинъ день отложите эту критику... Обманъ?.. Ну, пусть будетъ обманъ... Хотя на одинъ день дайте намъ обмануться... Нѣтъ! всѣ вы бездушные, безсердечные люди!.. и въ крови у васъ что-то холодное...

— Я не вѣрю, Леонидъ Степанычъ... не умѣю вѣрить...

— Ну, не вѣрьте... не вѣрьте! Но нѣтъ, вамъ мало этого... вы и другимъ хотите отравить радость...

Литягинъ, взволнованный, отвернулся въ сторону и вдругъ быстро поднялся съ мѣста.

— Что это? Смотрите!

Широкія дворцовыя ворота были раскрыты въ обѣ стороны, и оттуда шагомъ выѣзжали казаки. Впереди ѣхалъ офицеръ съ равнодушнымъ, скучающимъ лицомъ, безразлично оглядывавшій публику. За нимъ парами тянулись казаки, спокойно покачивавшіеся въ сѣдлахъ.

Егоровъ, страшно обезпокоенный, поспѣшно прошелъ къ прѣтивоположной рѣшеткѣ бульвара, увлекая за собой Литягина.

— Я чувствую, что сейчасъ произойдетъ что-то безобразное... ужасное! — торопливо сказалъ онъ на

ходу, быстро лавируя среди спокойно прогуливавшейся публики.

Литягинъ, вдругъ поблѣднѣвъ, поспѣшно перешагнулъ черезъ рѣшетку, перебѣжалъ улицу и остановился въ переулокѣ, ведущемъ къ боковому фасаду театра. Оттуда ему видна была вся площадь передъ душой и часть бульвара.

Между тѣмъ въ толпѣ уже началось волненіе. Раздались громкіе протестующіе возгласы:

— Убійцы!

— Долой казаковъ!

— Поѣзжайте назадъ, разбойники!

Не обращая вниманія на эти возгласы, казаки попрежнему спокойно и медленно ѣхали вдоль бульвара по направленію къ думѣ.

Только тогда, когда они достигли площади, лица ихъ вдругъ оживились, въ глазахъ мелькнулъ задоръ, и заблестѣли зубы. Офицеръ что-то гикнулъ, отрядъ быстро развернулся въ одну шеренгу по всей площади и, четко звякая подковами по асфальтовой мостовой, поскакалъ къ думѣ. Толпа испуганно шарахнулась въ сторону, рассыпалась по театральному скверу и запрудила переулокъ.

Литягинъ очутился на грудѣ сложенныхъ у панели котельцовъ и беспомощно осматривался кругомъ, смертельно испуганный и блѣдный. Всѣ оцѣпенѣли, въ толпѣ не слышно было ни одного крика. Между тѣмъ казаки взѣхали на ступени лѣстницы, тянувшейся во всю ширину главнаго фасада думы. Замелькали нагайки, послышался отчаянный визгъ и плачь застигнутыхъ тамъ женщинъ, искавшихъ спасенія въ глубинѣ широкаго бельведера за колоннами. Коренастый казакъ съ озвѣрѣлымъ скуластымъ лицомъ поспѣшно соскочилъ съ лошади и сорвалъ прибитое къ двумъ смежнымъ колоннамъ большое красное знамя. Потомъ за колоннами раздался сухой револьверный выстрѣлъ.

Тогда въ толпѣ, стоявшей у сквера и въ переулкѣ точно дрогнуло что-то, пронеслось глухимъ угрожающимъ рокотомъ и сразу выросло въ дикій оглушительный ревъ. Казаки поспѣшно съѣхали на площадь и такой же развернутой цѣпью повернулись къ толпѣ, злобно угрожая ей своими нагайками. Снова на одну минуту толпа затихла. Потомъ отъ нея отдѣлилась небольшая группа смѣльчаковъ, стремительно бросившаяся къ казакамъ съ угрозами и бранью, яростно потрясавшая кулаками. Ихъ было не болѣе пятнадцати человѣкъ, доведенныхъ до отчаянія, потерявшихъ уже способность соображать что-либо..

Жгучій нестерпимый стыдъ вдругъ охватилъ Литягина. Онъ быстро соскочилъ на панель и рванулся впередъ, расталкивая стоявшихъ впереди людей. У ближайшаго фонаря онъ остановился, тяжело дыша, сознавая свою полную беспомощность, въ отчаяніи проклиная свой страхъ и свою слабость. До него донесли рѣзкіе голоса, осыпавшіе казаковъ проклятьями и бранью. Потомъ послышался грубый окрикъ офицера: — Назадъ! Я тебѣ дамъ, жидовская морда!..

Эти слова заглушилъ тяжелый злобщій гулъ, похожій на далекое рычаніе дикаго звѣря. Что-то неукротимо-гнѣвное послышалось въ этомъ рычаніи, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, надвинулась на казаковъ страшной неудержимой лавиной, способной, казалось, стереть ихъ съ лица земли безъ остатка. Офицеръ вдругъ поблѣднѣлъ и скомандовалъ что-то упавшимъ, растеряннымъ голосомъ. Казаки поспѣшно построились за его спиной тѣсно сомкнувшейся колонной. Въ это время изъ думы вышелъ шуплый сѣдой старичокъ съ непокрытой головой, въ черномъ сюртукѣ и съ цѣпью на шеѣ; поспѣшно сѣменя худыми ножками, онъ прошелъ черезъ площадь ко дворцу командующаго войсками. Навстрѣчу ему уже шелъ оттуда такой-же пизенскій,

старенькій генераль съ орденомъ на шеѣ, энергично махавшій рукою и что-то кричавшій офицеру.

Между тѣмъ толпа уже напирала на казаковъ и постепенно отгѣсняла ихъ къ бульвару. Оглушительный свистъ, брань и насмѣшки сопровождали это отступление. Офицеръ, сдерживая лошадь и нервно кусая губы, медленно ѣхалъ впереди. Казаки слѣдовали за нимъ, въ смущеніи переглядываясь между собою. Поравнявшись съ дворцомъ, они свернули въ ворота и скрылись въ подъѣздѣ.

— Господа, будьте же справедливы! Будьте справедливы!— говорилъ только-что подошедшій къ бульвару благообразный артиллерійскій генераль съ большою сѣдой бородой, обращаясь къ публикѣ и подкупая ее своей искренностью:

— Казаки никого не трогаютъ... они уходятъ... Зачѣмъ же преслѣдовать ихъ? Къ чему эти оскорбленія?

— Вы не видѣли, генераль... сейчасъ только они избивали нагайками женщинъ.

— Полусотня казаковъ била нѣсколькихъ женщинъ!.. Скажите, генераль, много-ли въ этомъ чести?

— Офицеръ оскорблялъ публику!.. Онъ обругалъ одного рабочаго жидовской мордой!..

— За то, что этотъ „жидъ“ бросился на защиту женщинъ, оскорбляемыхъ офицеромъ.. Кто по-вашему поступалъ достойнѣе?

— Говорите, ваше превосходительство, не стѣсняйтесь!

Генераль замаялся.

— Господа! — сказалъ онъ, наконецъ, искреннимъ огорченнымъ тономъ:— быть можетъ, офицеръ виновать, не спорю... Вѣдь кончено уже это... теперь... свобода!.. нѣтъ больше ни евреевъ, ни армянъ, ни поляковъ... Всѣ равны, всѣ братья... всѣ теперь свободные русскіе граждане!

— Браво, генералы!.. Вы говорите, какъ настоящій гражданинъ, достойный этого имени.

— Ваше превосходительство!.. Значить, и вы за свободу стоите?

— Я вмѣстѣ съ вами, господа, радуюсь свободѣ...

— Бр-рава-а!.. Да здравствуетъ армія!

— Долой казаковъ!

— Да здравствуетъ артиллерія! Ур-ра-а!

Раздалось жидкое, недружное „ура“, нѣсколько чело-
вѣкъ тѣсно сбились въ кучу, и скоро надъ толпой
мѣрно заколыхалась грузная генеральская фигура въ
сѣрой шинели и въ широкополой форменной фуражкѣ
съ бархатнымъ околышемъ.

Недалеко отъ памятника, Егоровъ снова столкнулся
съ Литягинымъ. Видъ у него былъ совершенно расте-
рянный и жалкій. На осунувшемся дрябломъ лицѣ не
было и слѣда недавней радости.

— Вы были правы...—тихо сказалъ онъ Егорову.

XVIII.

Они молча прошли по бульвару и снова сѣли на
скамью въ крайней аллеѣ. Внизу, въ порту еще пе-
стрѣли многочисленныя гирлянды разноцвѣтныхъ знач-
ковъ на судахъ; на верхушкахъ мачтъ развѣвались
длинные красныя знамена, а море уже было совсѣмъ
стальнымъ, покрытымъ мутными матовыми тонами.
Быстро темнѣло. Народъ расходился, и скоро буль-
варъ и площадь передъ думой опустѣли совсѣмъ.
Потомъ стали меркнуть очертанія портовыхъ зданій,
снизу потянуло сырой свѣжестью, густой туманъ за-
волокъ море, суда и линію желѣзной дороги... Скоро
тамъ мутнымъ желтоватымъ свѣтомъ зажглись газовые
фонари, и длинной цѣпью, точно подвѣшенныя бусы,
засвѣтились электрическіе шары вдоль эстокады.

Литягинъ молчалъ. Егоровъ исподлобья взгляды-

валь на него и ему было искренно жаль этого слабого, беспомощнаго человѣка.

— Вамъ въ тысячу разъ лучше, чѣмъ мнѣ...—тихо проговорилъ Литягинъ, точно угадывая мысли Родіона Гаврилыча.

Въ это время мимо нихъ, запыхавшись, торопливо прошли два студента. Они озабоченно говорили о чемъ то, отрывисто переводя дыханіе...

— Господа!—крикнулъ одинъ изъ нихъ, не останавливаясь: — что-жъ вы сидите здѣсь?.. На Слободкѣ погромъ!.. Есть раненые товарищи!

Что-то огромное выросло передъ Литягинымъ и вдругъ хлынуло къ головѣ темнымъ холоднымъ потокомъ. Онъ медленно всталъ и, широко вращая обезумѣвшими глазами, схватилъ Егорова за рукавъ пальто.

— Боже мой!.. Скорѣй!.. Ыдемъ туда!..

Родіонъ Гаврилычъ злобно усмѣхнулся и грубо оттолкнулъ его отъ себя.

— Идите домой, — холодно сказалъ онъ, вставая и нервно застегивая пальто дрожащими пальцами.—Куда вамъ ѣхать?.. Одинъ поѣду..

Не торопясь, точно соображая что-то, онъ прошелъ къ площади и подзвалъ извозчика.

Леонидъ Степанычъ, шатаясь, пошелъ по бульвару, раздавленный громаднымъ потрясающимъ значеніемъ только-что полученнаго извѣстія.

— Боже мой! Боже мой!..—то и дѣло повторялъ онъ шопотомъ, точно хотѣлъ молиться и просить пощады... Наконецъ, онъ остановился, въ отчаяніи заломилъ руки и поднялъ глаза къ небу. Все тамъ было черно и безпросвѣтно. Темная густая ночь зловѣще нависла надъ городомъ, обдавая его дыханіемъ ужаса и безумія.

— Вамъ куда?.. Стойте!

Литягина окружили студенты, пристально вглядывавшіяся въ его дряблѣе, осунувшееся лицо.

— Держите пр-рава-а!—протяжно закричалъ проѣзжавшему извозчику стоявшій на площади постовой студентъ, молодой красивый юноша, темнаго заинтересованный необычною ролью блюстителя порядка.

— Куда вамъ?

— Никуда...—безсмысленно отвѣтилъ Литягинъ.

— Поѣзжайте лучше домой... Ночью теперь небезопасно.

Литягинъ растерянно оглядѣлъ студентовъ.

— Вы были на Слободкѣ?—поспѣшно спросилъ онъ, точно только сейчасъ вспомнилъ объ этомъ.

— Нѣтъ, мы охраняемъ городъ... туда послана милиція... Извозчикъ! Отвезите домой этого господина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ главномъ корпусѣ университета всѣ лѣстницы, площадки и вестибюль были запружены народомъ. Все было въ движеніи. Мелькали студенческія шинели и куртки, пиджаки, сѣрая блузы гимназистовъ, картузы рабочихъ, шляпы, форменныя фуражки. Поминутно шмыгали взадъ и впередъ суетливые, озабоченные люди.

Среди безпокойнаго гула голосовъ рѣзко вырывалась быстрая еврейская рѣчь. Съ улицы доносился шумъ толпы и грохотъ подѣзжавшихъ дрожекъ.

Ученики мореходныхъ классовъ, рослые, мускулистые юноши, въ черныхъ матросскихъ курткахъ, ловко разматывали длинные пожарные шланги и прокладывали ихъ къ фасаднымъ окнамъ второго этажа. Нѣсколько подростковъ подносили къ балконамъ и окнамъ большіе куски мокраго краснаго кирпича, вывороченнаго изъ тротуарныхъ лунокъ вокругъ деревьевъ. Время отъ времени черезъ вестибюль торопливо проходили сестры милосердія въ бѣлыхъ халатахъ, съ изображеніемъ краснаго креста на груди и на рукавахъ. По лѣстницамъ то и дѣло взбѣгали наверхъ запыхавшіеся люди, раздавались тревожные возгласы, угнетавшіе всѣхъ своимъ грознымъ значеніемъ:

- Громятъ на Слободкѣ!
- Дайте знать коалиціонному совѣту!
- Второй этажъ!.. налѣво!..
- На Заставѣ тоже... Съ утра началось...
- Отрядъ шестнадцатый!.. Господа, выходите!..

Тусклый безжизненный свѣтъ вливался въ пролеты лѣстницъ; вестибюль казался низкимъ и мрачнымъ, словно большой могильный склепъ, наполненный мутной холодной сыростью. Повсюду медленно двигались странныя фигуры дружинниковъ, вооруженныхъ какимъ-то необыкновеннымъ оружіемъ. Тутъ были длинныя старинныя шпаги съ латунными перчатками на эфесахъ, кривыя турецкія ятагавы, пружинныя кистени, кавалерійскія шашки, кинжалы и сабли; кто-то размахивалъ большой сѣкирой на длинномъ древкѣ, совершенно такой, какъ у царскихъ тѣлохранителей въ оперныхъ представленіяхъ. Въ одной изъ аудиторій всѣмъ желающимъ раздавались широкіе палаши, топоры и желѣзные прутья. Поминутно щелкали курки револьверовъ, и слышались крики:

- Осторожнѣй, товарищи!
- Не щелкать курками!
- Нѣтъ патроновъ... У кого патроны?
- Триста двадцать!.. Смитъ и Вессонъ!..
- Безоружные, въ третій этажъ!..
- Подавай шланги!
- Отрядъ шестнадцатый!..
- Кто въ отрядѣ?.. Выходите, товарищи!

Найдичу долго пришлось ждать, пока ему выдали оружіе — совсѣмъ старый никелированный „бульдогъ“, пятиствольный, съ грубой некрасивой гравировкой на барабанѣ. — Навѣрно, будетъ давать осѣчки... Досадно... Раньше у него былъ превосходный револьверъ Ногана, но онъ потерялъ его на баррикадѣ... — Онъ быстро сошелъ внизъ, разсѣянно оглядываясь по сторонамъ, задѣвая встрѣчныхъ распахнувшимися полами пальто.

У выхода его задержала вооруженная стража—двое нетерпѣливыхъ гимназистовъ и молодой рабочій еврей, съ грустнымъ, задумчивымъ лицомъ:

— Куда?.. Отрядъ шестнадцатый!

— Да, да... это мой отрядъ...—вѣжливо отвѣтилъ Найдичъ и вышелъ на улицу. Сырой холодный воздухъ сразу пронизалъ его неприятной дрожью. Грязное небо нависло совсѣмъ низко надъ крышами зданій и моросило мелкой туманной пылью. Передъ зданіемъ университета ежились мокрыя почернѣвшія деревья. На панели толпился народъ, слышался нервный торопливый говоръ. Напротивъ, у подъезда какой-то гостиницы, старичекъ - швейцаръ старательно прибавлялъ трехцвѣтные флаги. На мостовой строился отрядъ милиціонеровъ. Начальникъ отряда, смуглый студентъ въ новенькой тужуркѣ, горячо объяснялся съ гимназистомъ дружинникомъ.

— Господа, дайте ему патроновъ!—закричалъ онъ, наконецъ, нетерпѣливо взмахнувъ руками.—У кого есть лишніе патроны къ Браунингу?

— У насъ есть!.. Идите сюда, товарищъ!..

— Ну вотъ... возьмите... только скорѣе пожалуйста... Становитесь, товарищи! Ахъ, Господи!.. Я вѣдь говорилъ вамъ: по пяти въ рядъ... Сто разъ повторять, что ли?..

Отрядъ состоялъ преимущественно изъ молодежи, среди которой сразу бросалась въ глаза высокая фигура старика, съ длинной сѣдой бородой. Это былъ еврейскій учитель, рано утромъ явившійся въ университетъ и записавшійся въ отрядъ обороны. Съ выраженіемъ горестнаго недоумѣнія въ лицѣ, онъ тихо говорилъ съ молодымъ рабочимъ, отвѣчавшимъ ему быстро и нервно, сильно картавя по-еврейски.

Найдичъ занялъ мѣсто недалеко позади старика, рядомъ съ которымъ сталъ краснощекій бѣлокурый студентъ. Учитель внимательно оглядѣлъ своего сосѣда и, послѣ нѣкотораго колебанія, тихо спросилъ:

— Вы русскій?

— Да, русскій... а что такое?

— Ничего, такъ... Вы еще такой молодой, вы не боитесь, что васъ убьютъ?

— А вы не боитесь?..

Старикъ усмѣхнулся.

— О... я?... я не боюсь... Зачѣмъ еврею бояться смерти?... Еврей долженъ бояться жить...

Онъ замолчалъ и отвернулся. Отрядъ еще долго выстраивался и смѣшивался снова. Никакъ не удавалось правильно распредѣлить патроны, соотвѣтственно съ калибромъ оружія. Наконецъ, все наладилось.

— Ну что-жь, господа? все готово?

— Готово. Пойдемте!

Начальникъ отряда поспѣшно забѣжалъ впередъ, привязывая на-бѣгу кусокъ бѣлой матеріи къ длинной искривленной палкѣ.

— Не смѣшивайтесь въ рядахъ!.. На Слободку, товарищи!—закричалъ онъ, оборачиваясь къ потянувшемуся за нимъ отряду и размахивая бѣлымъ флагомъ.

Всѣ шли молча. Найдича стѣсняли сначала шедшіе впереди товарищи; онъ то и дѣло сбивался съ ноги, стараясь не нагонять ихъ. Однако, скоро разошелся и приспособилъ шагъ. Странное безотчетное настроеніе овладѣло имъ. Онъ шель, машинально передвигая ноги, ни о чемъ не думая; только иногда короткія недоконченныя мысли приходили ему въ голову и тотчасъ же исчезали безслѣдно. Найдичъ разсѣянно глядѣлъ на колыхавшіяся передъ нимъ плечи товарищей, видѣлъ толпившихся на мокрыхъ панеляхъ людей, провожавшихъ отрядъ болѣзненно-сочувствующими взглядами... Эти впечатлѣнія смутно отражались въ его сознаніи...—Вотъ мокрая осклизлая плиты тротуаровъ... потныя стѣны домовъ... впереди мутныя плакучіе силуэты деревьевъ въ туманѣ...

II.

Въ отрядѣ было тихо. Только изрѣдка дружинники перебрасывали другъ другу глухія незначительныя фразы. Каждый былъ поглощенъ своими думами, и на всѣхъ лицахъ застыло выраженіе мучительной рѣшимости. Они долго шли по городскимъ улицамъ, сворачивая почти на каждомъ кварталѣ, стараясь возможно больше сократить путь. Непріютныя улицы были почти безлюдны, и въ необычномъ затишьѣ ихъ чувствовалось безпокойное ожиданіе. И чѣмъ дальше проходили дружинники, тѣмъ все больше и больше сгущалась вокругъ нихъ жуткая, угнетающая тревога. Потомъ потянулись грязныя окраинныя улицы, почти сплошь населенныя евреями. Всѣ магазины и мелкія лавочки стояли закрытыми. Въ слегка пріотворенныя калитки виднѣлись растерянныя лица жильцовъ, прятавшихся во дворахъ за воротами. На перекресткахъ толпилась рабочая еврейская молодежь, разстроенная и озлобленная, видимо, готовая оказать упорное противодѣйствіе громиламъ. При приближеніи отряда многіе молча присоединялись къ нему, задерживая его движеніе.

— Безоружныхъ не надо!—кричали дружинники:— товарищи, вы только стѣсните насъ.

Тѣ отвѣчали злобно, съ раздраженіемъ:

— Намъ негдѣ взять оружіе!..

— Вотъ у насъ есть палки!..

— Не годится, товарищи! Нужны револьверы!

— Оставайтесь здѣсь,—убѣждалъ ихъ начальникъ отряда:—организуите оборону на мѣстѣ, въ домахъ...

Безоружные упрашивали принять ихъ въ отрядъ и, послѣ долгихъ пререканій, отходили сердитые и недовольные.

— Ну что?.. еще не кончилось?..—кричалъ, стоя у края панели мясистый лавочникъ-еврей въ широкомъ,

мѣшковатомъ пальто, съ каракулевымъ воротникомъ.—
Чего же смотреть градоначальникъ? Хорошая исторія!
Чего не пришли солдаты?

— Скудова вы?.. А?.. На Слободку? Ну дай вамъ Богъ!..

— Помогай вамъ Богъ, товарищи! — съ искренней сердечностью сказалъ стоявшій у обочины панели пожилой мастеровой съ желтымъ больнымъ лицомъ. Онъ снялъ шапку и перекрестился.

— Дай Богъ, чтобъ вы такъ долго жили за ваше доброе дѣло!—выкрикивала, высунувшись изъ калитки, дряхлая маленькая старушенка, поминутно отирая слезы:—чтобы дѣтямъ вашимъ Богъ далъ счастье!

Она вышла на улицу и, кутаясь въ длинную сѣрую шаль, продолжала благословлять дружинниковъ съ плачемъ и причитаніями. За ней изъ многихъ дворовъ высыпали на панель запуганные бѣдно одѣтые люди, кричавшіе что-то по-еврейски дикими, растерзанными голосами. Въ это время недалеко послышалась дробная, все возрастающая трескотня, и скоро впереди показались извожичьи дрожки. Они часто загрохотали по мостовой, и сразу еще болѣе выросло вокругъ напряженное ожиданіе чего-то страшнаго. Пожилая сестра милосердія провезла мимо отряда раненаго рабочаго. Онъ сидѣлъ, странно склонивши на бокъ забинтованную голову, упираясь плечомъ въ грудь поддерживавшей его женщины. Лицо его было блѣдно, онъ часто поднималъ голову, открывалъ глаза и сплевывалъ кровью.

Въ отрядѣ всѣ вдругъ насупились и переглянулись. Каждый старался скрыть свое волненіе и провѣрить товарищей. Никто не проронилъ ни слова.

— Стойте, товарищи!—раздался, наконецъ, впереди голосъ начальника отряда.—Стойте! Теперь уже близко...

Онъ не успѣлъ докончить. Позади протяжно затрубили рожокъ, и скоро остановившихся дружинниковъ

обогнала быстро проѣхавшая карета скорой помощи. Видно было, какъ далеко впереди она разминулась съ подвигавшейся навстрѣчу группой людей, несшихъ на плечахъ что-то большое и темное. Эти люди медленно приближались къ отряду и часто останавливались посреди улицы. Дружинники долго вглядывались туда, стараясь угадать, въ чемъ дѣло.

— Несуть убитаго!—взволнованно сказалъ, наконецъ, какой-то рабочій.

— Можетъ быть, онъ только раненъ...

Теперь уже вѣмъ видны были широкія деревянныя носилки, на которыхъ лежало что-то угловатое и длинное, накрытое изодраннымъ ватнымъ одѣяломъ. Сгибаясь подъ тяжестью ноши, шестеро тщедушныхъ рабочихъ евреевъ, шатаясь, пронесли мимо отряда убитаго товарища. Отъ ихъ неровныхъ шаговъ мѣрно покачивались тяжелыя носилки, и на нихъ грузно моталось подъ одѣяломъ большое бездыханное тѣло. На одно мгновеніе въ отрядѣ всѣ оцѣпенѣли. Потомъ пронесся сдавленный горестный ропотъ. Многіе обважили головы.

— Слава павшему товарищу!—сказалъ начальникъ отряда и тотчасъ же смутился, почувствовавъ ненужность этой фразы.

— Ничего... — тихо проговорилъ старикъ учитель.— Нашъ Богъ этого не забудетъ!..

Найдича поразили его слова. Въ нихъ слышалась глубокая вѣра въ Бога и неизсякаемая горечь страданья... Казалось, все, что переживалъ старикъ, еще болѣе убѣждало его въ истинности того, во что онъ вѣрилъ. И теперь онъ встрѣчалъ новое необъятное горе, какъ пророкъ, предвидѣвшій, что оно настанетъ и еще болѣе укрѣпитъ законъ еврейскаго Бога... — Съ такой вѣрой шли на казнь первые христіане... Вотъ онъ тоже не боится смерти...

— Когда человѣку очень страшно, онъ уже ничего

не боится...—неожиданно пробормоталъ старикъ, точно угадывая мысли Найдича.

Безотрадная вѣковая скорбь была разлита по всей фигурѣ стараго учителя, стоявшаго совершенно неподвижно, углубленнаго въ свои горестныя думы. Найдичъ долго глядѣлъ на его сгорбленную спину и на сѣдя пряди волосъ, выбившіяся изъ-подъ большой мѣховой шапки съ бархатнымъ верхомъ. Чѣмъ-то древле библейскимъ вѣяло отъ этого человѣка, вдругъ сдѣлавшагося безконечно роднымъ и близкимъ для Найдича. И это чувство близости было для него совсѣмъ новымъ, пришедшимъ къ нему въ первый разъ...—Только тотъ, кто родился евреемъ, пойметъ этого человѣка!..—Найдичъ отогналъ отъ себя эту мысль.—Нельзя поддаваться настроенію!..—Онъ медленно перевелъ взглядъ на высокаго худого рабочаго, стоявшаго впереди.

— Какой сегодня день?—неожиданно подумалъ Найдичъ, и точно кто-то чужой отвѣтилъ ему ясно и отчетливо:—сегодня среда, девятнадцатое октября... Девятнадцатое октября. 1905 года! — безотчетно повторилось въ его сознаниі.—Да да... я умру въ среду, девятнадцатаго октября...—снова подумалъ онъ спокойно, почти разсѣянно. — Черезъ часъ... можетъ быть, раньше... И меня тоже понесутъ на носилкахъ по городу...

Послѣ непродолжительной остановки, дружинники снова двинулись въ путь. Во всѣхъ дворахъ, какъ и раньше, у закрытыхъ воротъ толпились жалкіе, запуганные люди...

III.

Отрядъ быстро подвигался впередъ. Недалеко отъ ближайшаго перекрестка правая сторона улицы и широкая панель пестрѣли большими оранжевыми, желтыми и зелеными пятнами. Длинная жестяная вывѣска, съ намалеванной разноцвѣтной звѣздой посрединѣ, валя-

лась на мостовой испарпанная и пробитая въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Маленькая лавочка красокъ была разрушена совершенно. На панели валялись сорванные сломанныя двери, осколки стеколъ, изогнутая жестянка, разбитый боченокъ съ разсыпанной вокругъ него грязно-желтой охрой. Сквозь разбитый, исковерканный переплетъ оконной рамы изъ лавочки торчали разорванные куски выпачканнаго краской картона. У двери на улицѣ валялись листы оберточной и наждачной бумаги, истоптанные грязными сапогами громилъ. Внутри лавочки было темно и тихо, и никого тамъ не было.

— Вотъ... они уже были здѣсь, — хриплымъ шопотомъ сказалъ одинъ изъ дружинниковъ.

Найдичъ съ непреодолимою безргливостью ступалъ по грязи, смѣшанной съ разсыпанной повсюду сухой краской. Башмаки его стали грязно-оливковаго цвѣта, и у него было такое чувство, какъ будто онъ топталъ ногами украденное добро, довершалъ злое дѣло, сдѣланное громилами.

Скоро отрядъ завернулъ за уголъ, и передъ нимъ сразу развернулась безлюдная, совершенно разгромленная улица. Здѣсь уже все было кончено. Съ обѣихъ сторонъ, какъ-то странно вытянувшись вверхъ, стояли пустые разграбленные дома съ разбитыми окнами, изломанными переплетами рамъ, выбитыми филѣнками въ настежь раскрытыхъ дверяхъ. Казалось, бѣлесоватые призраки расхаживали въ этихъ опустошенныхъ жилищахъ, подходили къ окнамъ и выглядывали оттуда на улицу. На панеляхъ и мостовой валялись обломки мебели съ разодранной обивкой и торчащими завитками пружинъ, разбитыя зеркала, изломанные шкафы и стулья. Среди массы тряпья и соломы лежала большая рояльная дека съ запутанными струнами; повсюду были разсыпаны осколки стекла, битая посуда, цвѣты въ расколовшихся вазахъ и кадкахъ, масса разорванной газетной бумаги. На всемъ лежалъ

толстый слой мокраго сбившагося пуха и перьевъ, похожій на грязный талый снѣгъ.

Пухъ смѣшался съ грязью на плиткахъ мостовой и онѣ сдѣлались отъ этого осклизлыми, точно вымазанными саломъ. Въ подъѣздѣ мрачнаго обшарпаннаго дома, среди разломанной и перебитой утвари, распоротыхъ перинъ и подушекъ, лежала опрокинутая на бокъ исковерканная дѣтская колясочка съ шелковымъ зеленымъ верхомъ, забрызганная грязью. Пожилой, коренастый еврей, повидимому рабочій, безъ шапки, съ разорванной рубашкой на мускулистой волосатой груди, стоялъ тамъ, держа на рукахъ маленькую остроглазую дѣвочку, укутанную старой коричневой шалью. Увидѣвъ заглянувшихъ въ подъѣздъ дружинниковъ, онъ угрожающе подступилъ къ нимъ и закричалъ запальчиво, не помня себя отъ гнѣва и раздраженія:

— Вотъ смотрите!.. Они забрали все!.. забрали башмачки моей дѣвочки! башмачки... Сломали повозочку!.. моей дѣвочки... Вотъ смотрите.. башмачки!..

Дрожащими руками онъ поспѣшно размоталъ шаль и показалъ имъ босыя ножки ребенка.

— Это мое дитя!.. башмачки!..— кричалъ онъ въ изступленіи, подойдя совсѣмъ близко къ начальнику отряда и угрожающе размахивая передъ его лицомъ огромнымъ судорожно сжатымъ кулакомъ.

Тотъ оторопѣлъ и пробормоталъ едва слышно:

— Но мы пришли защищать васъ... мы не виноваты...

Тогда еврей захохоталъ горестнымъ, безумнымъ смѣхомъ и вдругъ оборвался:

— А кто же виновать?—закричалъ онъ, задыхаясь отъ ярости.—Кто виновать?.. Ты!.. Ты виновать... Свободу?.. Свободу вамъ надо?.. Вотъ вамъ свобода!.. Вотъ... вотъ... Смотрите, что они сдѣлали!.. Это мое дитя.. Она осталась голой, безъ башмачковъ... моя дѣвочка...

Онъ вдругъ пересталъ кричать и шатаясь пошелъ

отъ нихъ по панели, нѣжно обхвативъ дѣвочку обѣими руками. Слышно было, какъ онъ протяжно стоналъ и плакалъ. Эти стоны страшной тяжестью угнетали Найдича и отдавались въ его душѣ горькимъ утѣскомъ.— Онъ мало зналъ и мало любилъ свой народъ... евреевъ... И вотъ они снова принимаютъ вѣнецъ мученичества... гибнуть искупительной жертвой... исполняютъ тяжкій великій жребій... За что?.. Неужели это сдѣлалъ русскій народъ, за счастье котораго онъ готовъ былъ съ радостью отдать свою жизнь?.. Вздорь!.. Неправда!..

Онъ старался думать о другомъ, но это не удавалось... Тягостныя сомнѣнія возникали одно за другимъ, помимо его воли, волновали и мучили.. И все время ему представлялись босыя дѣтскія ножки..

Съ трудомъ пробираясь среди обломковъ, загромодившихъ всю улицу, дружинники прошли по ней нѣсколько кварталовъ, не встрѣтивъ больше ни одного прохожаго. Шедшій теперь впереди молодой милиционеръ-гимназистъ, поравнявшись съ круглой афишной колонной, неожиданно шарахнулся въ сторону и, поскользнувшись, едва не упалъ на-земь.

— Идите сюда, товарищи!—испуганно закричалъ онъ, оборачиваясь и оглядывая всѣхъ болѣзненнымъ, безпокойнымъ взглядомъ.

Дружинники подошли ближе. Расклеенныя на колоннѣ разноцвѣтныя объявленія и афиши были забрызганы густой, тягучей кровью; студенистые темно-красныя сгустки прилѣпились къ бумагѣ и виднѣлись вокругъ на тротуарныхъ плитахъ. Большая кровавая пятна тянулись до самой мостовой; цѣлая лужа крови смѣшивалась тамъ съ уличной грязью, и леденящимъ ужасомъ вѣяло отъ большихъ слѣдовъ человѣческихъ ногъ, прошедшихъ по этому мѣсту.

Увидѣвъ кровь, Найдичъ вздрогнулъ и растерянно отвернулся.

— Пойдемте... Нельзя терять времени...—сказалъ

онъ, отходя отъ этого мѣста съ чувствомъ ужаса и отвращенія.

Вскорѣ дружинники увидѣли далеко впереди густую толпу, загородившую всю улицу. Оттуда доносился непрерывный гулъ и грохотъ.

— Это погромъ... Вотъ оно!..—подумалъ Найдиць и ему сразу представились отчетливыя картины открытыхъ убійствъ, истязаній, грабежа и разбоя.—Черезъ нѣсколько минутъ меня будутъ волочить по улицѣ и топтать грязными тяжелыми сапогами...—Что-то мучительно запротестовало въ немъ, и злое, мстительное чувство вдругъ охватило его бѣшенымъ неудержимымъ порывомъ...

— Прибавьте шагу!—закричалъ начальникъ отряда и, не оборачиваясь, побѣжалъ впередъ, размахивая бѣбымъ флагомъ. Однако, скоро онъ овладѣлъ собой и пошелъ частыми сбивающимся шагами.

Отрядъ быстро приближался къ мѣсту погрома. Теперь уже ясно были видны солдаты, стоявшіе плечомъ къ плечу поперекъ улицы, обернувшись лицомъ къ отряду. Передъ ними спокойно расхаживалъ, заложивъ руки въ карманы пальто, маленькій юркій офицеръ, стянутый поясомъ, съ черной револьверной кобурой на бедрѣ. Время отъ времени онъ останавливался и выжидательно посматривалъ впередъ. За спиной солдатъ волновалась тѣсная толпа, и оттуда явственно слышался дикій звѣриный ревъ и скрежетъ, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, тяжелые удары, трескъ и грохотъ, протяжный завывающій свистъ и улюлюканье.

Отрядъ былъ уже совсѣмъ близко, когда офицеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу, потомъ остановился, обнажилъ шашку и угрожающе началъ махать ею надъ головой. Онъ что-то кричалъ, но трудно было разобрать слова. Потомъ за его спиной на одно мгновенье мелькнула темная полоса. Солдаты взяли ружья на руку.

— Стойте, товарищи!—закричалъ начальникъ отряда, внезапно поблѣднѣвъ, и поспѣшно подпялъ вверхъ вымокшей и отвисшей бѣлый флагъ.—Войска охраняютъ громиль!.. Этого слѣдовало ожидать... Стойте здѣсь, я пойду къ офицеру...

— Я пойду съ вами!..—неожиданно заявилъ старикъ учитель, выходя впередъ.

— Это невозможно... вы должны оставаться здѣсь... я скоро вернусь..

Старикъ нетерпѣливо повелъ плечами.

— Я пойду съ вами!—повторилъ онъ рѣшительно и строго.

— Поймите, я не могу...

— Я пойду одинъ!.. безъ васъ...

Дѣлать было нечего. Студентъ передалъ старику флагъ, а самъ поднялъ надъ головой бѣлый носовой платокъ. Отрядъ остался ждать возвращенія своихъ парламентёровъ. У всѣхъ было подавленное, жуткое настроеніе. Лишь изрѣдка дружинники переговаривались между собою короткимъ, отрывистымъ шопотомъ. Наидичъ закурилъ папиросу. Разобраться въ своихъ мысляхъ теперь не было возможности. Онъ, точно змѣи, заплелись въ спутанные холодные узлы безъ конца и начала. Ясно было только то, что отрядъ не пройдетъ, его не пустятъ солдаты... встрѣтятъ еще издали ружейнымъ залпомъ... Опустивъ голову, онъ медленно перешелъ на панель и остановился тамъ въ нерѣшительности, совершенно не соображая, что нужно дѣлать. Оттуда хорошо видны были фигуры студента и старика учителя, быстро приближавшіяся къ офицеру. Тотъ спокойно ждалъ ихъ, не трогаясь съ мѣста. Переговоры были довольно продолжительны. Старикъ энергично жестикулировалъ; офицеръ, видимо, волновался, кричалъ, разводилъ руками и хлопалъ себя по бедрамъ. Наконецъ, цѣпь солдатъ разомкнулась и пропустила старика и студента. Видно было, какъ тамъ замелькалъ

бѣлый флагъ, потомъ онъ сразу опустился, точно выпалъ изъ рукъ, и отрядъ потерялъ изъ виду своихъ парламентёровъ.

IV.

Прошло не болѣе четверти часа, но это время показалось Найдичу безконечнымъ. Онъ нервно шагаль по панели, кусая губы, и часто оглядывался въ ту сторону, гдѣ стояли солдаты. Мучительное безпокойство овладѣло имъ.—Чего мы ждемъ?.. Они одни... двое товарищей, среди озвѣрѣвшихъ громилъ... теперь солдаты не выпускаютъ своихъ плѣнниковъ... Ихъ убьютъ тамъ...

— Ихъ убьютъ тамъ!—съ отчаяніемъ въ голосъ закричалъ онъ, обращаясь къ стоявшимъ на мостовой дружинникамъ. — Намъ ждать нельзя... Кто со мной?.. На выручку, товарищи!

— Погодите!.. Они возвращаются.

За линіей солдатъ, дѣйствительно, снова замелькала бѣлая тряпочка, и скоро показалась сѣрая студенческая тужурка. Начальникъ отряда былъ одинъ. Видно было, какъ онъ снова говорилъ съ офицеромъ; оба горячились сначала; потомъ движенія ихъ стали спокойнѣе. Студентъ поклонился; офицеръ приложилъ къ фуражкѣ и протянулъ ему руку.

Возвратившагося парламентёра тѣснымъ кольцомъ окружили дружинники. Острое нетерпѣніе было на ихъ лицахъ, но они молчали. Только Найдичъ глухо спросилъ:

— А гдѣ же учитель?

Студентъ былъ красенъ отъ возбужденія и очень волновался.

— Остался тамъ... Онъ очень упрямъ, невозможно было убѣдить его... Тамъ есть отрядъ сіонистовъ...

— Но его убьютъ тамъ! — съ горячностью перебилъ Найдичъ.

— Погромъ стихаетъ, громилъ очень мало... больше все зрители... Насъ не пропустятъ. Офицеръ угрожаетъ стрѣльбой по отряду, если мы двинемся впередъ.

Дружинники заволновались.

— Тамъ убиваютъ людей!

— Мы должны пройти туда во что бы то ни стало!..

— Пусть стрѣляютъ!

— Товарищи! Поручикъ далъ мнѣ честное слово прекратить погромъ самыми рѣшительными мѣрами... Онъ просилъ меня увести отрядъ...

— Почему же до сихъ поръ эти мѣры не приняты?..

— Товарищи! не вѣрьте слову негодяя! — запальчиво закричалъ Найдичъ.

— Но вѣдь это безуміе! Мы безсильны противъ солдатскихъ ружей.

— Войска стоятъ спиной къ громиламъ! Они ничего не видятъ, ничего не слышатъ... Теперь все ясно! Мы не должны возвращаться... Мы пройдемъ туда во что бы то ни стало... дворами, по крышамъ домовъ...

Найдичъ говорилъ, задыхаясь отъ волненія. Губы его были совершенно сухи и побѣлѣли, на одной щекѣ часто вдрагивали мышцы, и тогда лицо его становилось перекошеннымъ и безумнымъ.

— Мы пойдемъ обратно, къ университету! — рѣшительно заявилъ начальникъ отряда, не слушая Найдича. — Становитесь въ ряды, товарищи! Здѣсь намъ нечего дѣлать.

— Оставайтесь, товарищи! — еще разъ закричалъ Найдичъ.

Дружинники колебались. У нихъ были смущенныя, нерѣшительныя лица. Потомъ они потупились и отвернулись. Тогда Найдичъ быстро вытащилъ изъ кармана платокъ и, держа его надъ головой, одинъ побѣжалъ къ солдатамъ. Всѣ оцѣпенѣли отъ неожиданности и

испуга. Опомнившись, они шарахнулись къ стѣнѣ какого-то большого дома и оттуда слѣдили за высокой фигурой бѣгущаго Найдича, въ короткомъ разстегнутомъ пальто.

Между тѣмъ онъ былъ уже недалеко отъ линіи солдатъ. Онъ ничего не соображалъ, невыносимо острое чувство злобы и ненависти душило его и судорожно напрягало мышцы.

— Ну, что еще? — холодно спросилъ его офицеръ, щуря глаза и дѣлая недовольную гримасу.

— Поручикъ, это ошибка! — раздраженно закричалъ Найдичъ: — вы стоите спиной къ непріятелю! Тамъ грабятъ и убиваютъ людей... подъ прикрытіемъ вашихъ солдатъ. Идите туда, поручикъ!

— Я самъ знаю, что надо дѣлать... Прошу не забывать. Ступайте отсюда!

— Вы не знаете!.. Вы воюете съ нами!.. За вашей спиной грабежи и убійства!

— Уходите!..

— Я не уйду!.. Я требую, чтобы меня пропустили!

— Уходите, или я приму мѣры.

— Принимайте мѣры!.. Стрѣляйте!.. Я не вернусь назадъ!..

Найдичъ махнулъ рукой и бросился къ солдатамъ. Тѣ смутились и подались назадъ. Нѣкоторые инстинктивно вскинули ружья.

— Отставить! — рѣзко закричалъ офицеръ. — Пропустить! — прибавилъ онъ, понижая тонъ, и отвернулся.

Солдаты разступились и пропустили Найдича.

V.

Въ одиннадцатомъ часу Литягинъ вышелъ изъ дому. Онъ условился зайти въ думу за Фастомъ, который еще съ утра былъ вызванъ въ засѣданіе комитета общественной безопасности.

На мосту, у военнаго спуска, Леонидъ Степанычъ встрѣтилъ довольно многочисленную компанію портовыхъ грузчиковъ, въ опоркахъ и заплатанныхъ рубахахъ, читавшихъ вслухъ приклеенное къ телефонному столбу длинное объявленіе на зеленой бумагѣ. Тутъ же стоялъ дворникъ въ бѣломъ фартукѣ съ глубокомысленной тупой фізіономіей и нѣсколько человѣкъ городскихъ мѣщанъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Литягинъ, подходя къ нимъ и взглядывая на объявленіе прищуренными близорукими глазами.

— Жидовъ бьютъ, — равнодушно отвѣтилъ дворникъ и подозрительно оглядѣлъ Литягина.

— Давно ихъ поучить слѣдовало... — мрачно прибавилъ какой-то мѣщанинъ съ измятой фізіономіей.

— Постоите, за что же?.. вѣдь это же, господа, насиліе... Развѣ такъ должны поступать хрістіане?

— Чего тамъ — хрістіане... Жиды они некрещенные.

— А вы, баринъ, вотъ объявленіе почитайте... сами почитайте...

Леонидъ Степанычъ подошелъ къ объявленію и быстро пробѣжалъ его глазами. Это было выпущенное 17 октября воззваніе градоначальника къ населенію. Въ немъ указывалось на громадную опасность, которая можетъ возникнуть въ случаѣ продолженія забастовки. Тутъ-же, повидимому въ подтвержденіе этого, былъ напечатанъ дословный текстъ письма будто-бы полученнаго градоначальникомъ отъ имени тридцати тысячъ мѣщанъ, протестовавшихъ противъ допущенія народныхъ собраній въ университетѣ. Мѣщане угрожали даже сжечь университетъ, если собранія не прекратятся.

Литягинъ съ безгливой миной дочиталъ объявленіе до конца.

— Ну, что, баринъ?.. прочитали?.. Стало быть, выходить такъ, что можно бить?..

— Да позвольте, господа! Во-первыхъ, въ объявленіи объ еврейяхъ ничего нѣтъ... За что же бить?.. И потомъ—все это ложь... никакихъ мѣщанъ нѣтъ...

— Чудно-съ! За то и бить... Вотъ за это самое... А красный флагъ?.. Чего-съ?.. Не видали?..

— Не было еще такого закону, чтобы жидъ надъ христіаномъ командоваль... — мрачно объяснилъ дворникъ.—Тоже и мы присягу принимали.

Литягинъ стоялъ совершенно растерянный, не зная, что предпринять. Наконецъ, онъ, торопясь и затрудняясь въ выборѣ подходящихъ словъ, началъ укорять дворника:

— Побойтесь Бога!.. Что вы говорите? Это что-же такое, въ самомъ дѣлѣ? Вы подстрекаете народъ къ грабежу и убійству... Какая дикость! Развѣ культурные люди такъ поступаютъ?

— На то царская воля вышла, чтобы жидовъ бить...

Грузчики какъ-то разомъ встрепенулись и поддержали дворника:

— Насъ ежели бьютъ, господамъ горя мало... а за жидовъ заступаются...

— Должно, самъ изъ жидовъ...

— Уходи лучше. Дамъ въ зубы, красной юшкой умоешься... Уходи, жидовская морда!

Леонидъ Степанычъ сразу растерялся и замолчалъ. Блѣдный, взъерошенный, онъ трясущимися руками замахнулъ пальто и поспѣшно отошелъ отъ нихъ неуверенной напряженной походкой. Ему казалось, что кто то догоняетъ его сзади и вотъ-вотъ ударить по головѣ... На ближайшемъ перекресткѣ Литягинъ взялъ извозчика. Когда дрожки отѣхали немного, онъ почувствовалъ, наконецъ, нѣкоторое облегченіе. Какъ будто что-то отходило отъ него и освобождало дыханіе...

По пути изъ всѣхъ дворовъ выбѣгали дворники, швейцары, какія-то женщины и дѣти, оживленно перебрасывавшіеся на бѣгу короткими восклицаніями.

Съ Приморскаго бульвара доносился многоголосый шумъ и жидкое, рассыпчатое „ура“.

Литягинъ проѣхалъ нѣсколько кварталовъ и, отпустивъ извозчика, пошелъ къ думѣ.

— Патриотическая манифестация!—объяснялъ столпившейся публикѣ толстый швейцаръ въ темно-синей ливреѣ, стоя у параднаго подъѣзда и съ любопытствомъ прислушиваясь къ доносившимся крикамъ манифестантовъ: — которые за царя, велѣно, чтобы имъ не препятствовать... На три дня разрѣшеніе вышло.

— За что-жъ ихъ бить, евреевъ? Нація, какъ нація... Разные межъ ихъ люди есть, въ родѣ какъ у насъ все одно... Не понимаю!.. Вчерась разрѣшили, а сегодня бить...

— Вѣрно изволите говорить, — тотчасъ-же согласился швейцаръ.— Не слѣдъ бить... Не за что. Въ солдатахъ служить, тоже какъ и русскіе... подати плотять... Опять-же свобода... Нешто это имъ только? Я такъ думаю — всему народу польза... Такъ что не знаю...—продолжалъ онъ послѣ небольшого раздумья.— Чего такое?.. Почему?..

Литягинъ остановился, но не дослушалъ и поспѣшно прошелъ мимо нихъ къ бульвару.

Передъ дворцомъ командующаго войсками стояла шумная разношерстная толпа, надъ которой шлепали и шелестѣли въ воздухѣ широкіе трехцвѣтные флаги. Длинный городской пріятельски разговаривалъ о чемъ то съ окружившими его нѣсколькими манифестантами, похожими на церковныхъ пѣвчихъ съ распухшими, испитыми фізіономіями. Тутъ-же суетились развязныя, крикливыя женщины въ платочкахъ и длинныхъ кофтахъ; играли дѣти; какой-то плотный человекъ безъ шапки, въ свѣтло-коричневомъ пиджакѣ и въ высокихъ сапогахъ, держалъ въ рукахъ небольшую икону и, посмѣиваясь, говорилъ съ пожилой курносой жеп-

щиной, въ длинномъ салопѣ, благочестиво сложившей на животѣ короткія пухлыя руки.

Литягинъ, заинтересованный, подошелъ къ бульварной рѣшеткѣ. Онъ старался отогнать отъ себя чувство боязни, мысленно убѣждалъ себя въ необходимости быть смѣлымъ и мужественнымъ. Такъ хотѣлось побороть свою слабую, беспомощную натуру и поступить рѣшительно... — Я долженъ убѣдить ихъ... Я русскій... Мнѣ нечего бояться...—Однако, неопреодолимое чувство страха уже снова протестовало противъ этого рѣшенія, сковывало волю и разрасталось въ страшное предчувствіе.

Вдругъ хриплое надсаженное „ура“ загремѣло въ толпѣ и испугало Литягина. Онъ поспѣшно отошелъ отъ рѣшетки, по почти тотчасъ-же снова овладѣлъ собою и остановился. Изъ дворцоваго подъѣзда вышелъ худой, скуластый человѣкъ, рыжій и веснучатый, безъ шапки, съ хушмяющейся, довольной фізіономіей. Въ растопыренныхъ рукахъ онъ держалъ большую золоченую раму съ дешевымъ, грубо сдѣланнымъ портретомъ царя.

Литягинъ подвѣлъ глаза. На балконѣ второго этажа стоялъ высокій, представительный генералъ въ усахъ, съ орденомъ на шеѣ. Онъ поминутно вздергивалъ плечи и, заложивъ назадъ руки, съ дѣловымъ видомъ смотрѣлъ внизъ. Повидимому, онъ что-то сказалъ, толпа еще разъ обшчно заревѣла „ура“, и отъ этого рева Литягина снова охватило жуткое, боязливое чувство. Онъ вздрогнулъ и торопясь, нетвердой походкой пошелъ по бульвару къ думѣ. — Боже мой! Что-же это такое?.. Нужно принять мѣры... Немедленно телеграфировать въ Петербургъ...

Подлѣ памятника его опередила манифестація. Впереди несли икону и портретъ царя. За ними важно выступали нѣсколько подростковъ съ трехцвѣтными флагами. Что-то недоброе чувствовалось въ этомъ молчаливомъ шествіи. Передъ зданіемъ думы процессія остановилась. Литягинъ увидѣлъ, какъ шедшіи впереди горо-

довой вынулъ изъ кобуры длинный вороненый револьверъ и, точно угрожая кому-то, размахивалъ имъ въ воздухъ во всѣ стороны.

— Глядите, православные! — донесся къ Литягину его грубый хрипящій голосъ. — Жиды сломали „Боже царя храни“!.. Разорвали царскій портретъ! Жидовская дума!..

Онъ выбѣжалъ на середину площади и направилъ револьверъ къ фасаду думы... Раздался негромкій выстрѣлъ. Пухлый клубокъ дыма медленно растаялъ въ воздухъ... Строгя дорическя колонны думскаго фасада стояли неподвижныя и безмолвныя. Городовой-обернулся и медленно возвратился къ процесси. Видъ у него былъ дѣловой и рѣшительный, и только по суетливости его движеній можно было понять, что онъ смущенъ и разочарованъ недостаточной эффектностью своего поступка.

Процесся колыхнулась и двинулась дальше. Вскорѣ къ Литягину донеслось пѣніе гимна.

VI.

Изъ думы Леонидъ Степанычъ и Фастъ вдвоемъ поѣхали къ университету. По дорогѣ извозчикъ разсказалъ имъ, что подлѣ пассажирскаго вокзала тоже начался погромъ. На Литягина это сообщеніе подѣйствовало самымъ удручающимъ образомъ:

— Боже мой! Что-же это такое? Что-же дѣлаетъ комитетъ? Приняты ли какія-нибудь мѣры?

— Комитетъ дѣлаетъ, что можетъ, — сухо отвѣтилъ Фастъ. — Мы ведемъ переговоры съ властями... Командующій войсками обѣщаетъ принять мѣры...

Леонидъ Степанычъ не слушалъ Фаста. Онъ сидѣлъ сгорбившійся, дряхлый и бессмысленно оглядывался во всѣ стороны... Пѣшеходовъ на улицѣ почти не было. По торцовой мостовой быстро проѣзжали взадъ и впе-

редь извощичьи дрожки съ испуганными, куда-то спѣшившими сѣдоками.

Неожиданно впереди треснулъ сухой короткій выстрѣлъ, и что-то загудѣло въ сторонѣ Соборной площади. Потомъ оттуда вырвался неровный залпъ и точно разсыпался по крышамъ: трахъ-тахъ-тахъ-тахъ! Тра-тата-тахъ-тахъ!..

Черезъ минуту впереди показался какой-то мастеровой со встревоженнымъ лицомъ и быстро побѣжалъ по улицѣ.

— Громятъ на Садовой!.. — закричалъ онъ проѣзжавшимъ мимо студентамъ.

Фастъ, блѣдный, обернулся къ бѣгущему рабочему и замахалъ руками:

— Кто стрѣляетъ?..

— Дружинники мореходы!..—отвѣтилъ тотъ на-бѣгу, не оборачиваясь.

— Направо!.. Направо, извощичь!.. — испуганно закричалъ Фастъ, и дрожки завернули за уголь, не доѣзжая до Соборной площади.

VII.

Около четырехъ часовъ дня Егоровъ съ отрядомъ дружинниковъ отправился къ Новому базару. Недалеко отъ университета, поперекъ улицы, рѣдкою цѣпью стояли солдаты. По приказанію офицера, они разступились и пропустили отрядъ, провожая его сдержаннымъ соболѣзующимъ ропотомъ.

— Прощайте, товарищи,—тихо сказалъ Родіонъ Гаврилычъ, замѣтивъ сочувственное отношеніе солдатъ.

— Дай Богъ вернуться,—съ искренней доброжелательностью отвѣтилъ маленькій солдатикъ въ старенькой, плохо пригнанной шинели.

Замѣтивъ этотъ обмѣнъ привѣтствій, стоявшій на

панели аккуратно зятянутый офицеръ грубо закричалъ солдатамъ:

— Ну?.. Чего тамъ?.. Нечего разговаривать!.. Стоять смирно!..

Къ Новому базару было недалеко. Отрядъ шелъ по совершенно пустынной улицѣ. По-прежнему съ низкаго мутнаго неба сыпалась мелкая морозящая пыль. Изъ раскрытыхъ оконъ большого, грязно-желтаго дома высунулись двѣ пожилыя женщины, въ ночныхъ кофтахъ, блѣдныя, простоволосыя. Онѣ громко кричали плачущими истеричными голосами, протягивая къ отряду худыя, костлявыя руки:

— Милые, не ходите!.. Не ходите, голубчики!..

— Убьютъ васъ!.. Не вернетесь...

Въ отрядѣ всѣ вздрогнули. Казалось, дружинники невольно повѣрили пророчеству, и всѣхъ ихъ охватили жуткія предчувствія. Егоровъ замахалъ руками, давая знать жевщинамъ, чтобы онѣ замолчали. Въ это время гдѣ-то сверху тупо лопнулъ револьверный выстрѣлъ... За нимъ другой, съ противоположной стороны улицы, потомъ третій, и скоро выстрѣлы затрещали одинъ за другимъ, не причиняя отряду никакого вреда.

Дружинники заволновались и стали ежиться.

— Откуда стрѣляютъ?

— Изъ оконъ, съ крышъ... Это провокаторская стрѣльба, товарищи!—громко крикнулъ Егоровъ.

— Но вѣдь такъ мы не дойдемъ до мѣста...

— Насъ перебьютъ безъ остатка...

— Это все въ воздухъ, товарищи...

— Они хотятъ привлечь противъ насъ войска...

— За угломъ въ переулкѣ стоятъ солдаты...

— Насъ не пропустятъ...

— Стойте, товарищи!— снова закричалъ Егоровъ.—

Я пойду переговорить съ офицеромъ.

Размахивая платкомъ и твердо ступая крѣпкими ногами въ высокихъ сапогахъ, онъ пошелъ одинъ къ

ближайшему перекрестку. Оттуда навстрѣчу ему вышелъ офицеръ. Они вѣжливо раскланялись и долго говорили. Наконецъ, Егоровъ возвратился обратно, разстроенный и сердитый:

— Говорить, не можетъ пропустить... Не приказано... Мерзавцы!.. Но... чорта съ два! Я поведу васъ другой дорогой... Мы обойдемъ кругомъ... За мной, товарищи!

Онъ быстро пошелъ впереди всѣхъ, широко размахивая руками. Дружинники сбитыми, разстроенными рядами пошли за нимъ. Въ узкой короткой улицѣ, куда они завернули, Егоровъ въ окнахъ многихъ домовъ замѣтилъ выставленные напоказъ образа и портреты царя.

— Хамы!—пробормоталъ онъ почти вслухъ и усмѣхнулся злобной короткой усмѣшкой.

Вскорѣ отрядъ завернулъ направо. Оттуда вся площадь Новаго базара была видна, какъ на ладони. Слѣва мрачно осѣли тяжелые кирпичные корпуса крытыхъ рынковъ, отъ которыхъ съ одной стороны тянулись по площади грязные деревянные лари обжорки. Съ правой стороны, рядомъ съ большимъ зданіемъ городской хлѣбопекарни, стояли низкія размокшія постройки, съ мутными пятнистыми стѣнами. Онѣ обрывались на углу переулка, въ глубинѣ котораго стояли солдаты, и тянулись дальше по новому кварталу. Въ этихъ мрачныхъ постройкахъ помѣщались мелочныя лавки, мучной лабазъ, трактиры и чайныя. Въ глубинѣ площади, у старыхъ двухъ-этажныхъ строеній съ грязной, обвалившейся штукатуркой, кишѣла огромная толпа громилъ. Оттуда неслись дикіе зловѣщіе крики, свистъ, какой-то нечеловѣческій вой и скрежетъ. Много лавокъ уже было разбито; изъ нихъ выбрасывались на грязную мостовую куски всевозможныхъ матерій, коробки, ящики, разбитые боченки и масса битой посуды. Все это тутъ же расхищалось озвѣрѣвшими людьми, совершенно обезумѣвшими отъ жадности. Они хватали другъ у друга

громадные куски пестраго ситца, разматывали ихъ, разрывали на части, били другъ друга и въ свалкѣ топтали ногами.. Множество листовъ писчей бумаги, цвѣтныя ленты, обувь, зонтики—валялись по всей площади. Тутъ же, забывъ стыдъ, мужчины и женщины срывали съ себя платье и, совершенно голые, перебѣгали въ толпѣ, переодѣваясь въ новое бѣлье, царапаясь, кусаясь, катаясь въ грязи по мостовой, выкрикивая грубыя, циничныя слова и ругательства.

При видѣ этого зрѣлища въ отрядѣ всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Егоровъ опрометью бросился впередъ и побѣжалъ посреди площади; за нимъ послѣдовали остальные дружинники.. Отрядъ растянулся длинной разомкнутой цѣпью. Тогда среди громилъ пронесся протяжный неистовый вой. Бросая награбленное добро, спотыкаясь и падая подъ ноги бѣгущихъ, пробивая въ толпѣ дорогу кулаками, сбивая съ ногъ женщинъ, они устремились въ переулочекъ, въ которомъ стояли солдаты. Многіе, растерявшись, падали на колѣни, и метались, какъ безумные, по площади и съ громкимъ плачемъ молили о пощадѣ. Двѣ женщины, прорвавшись черезъ цѣпь дружинниковъ, испуганно голосили позади, попавши въ руки нѣсколькихъ гимназистовъ добровольцевъ, поволокшихъ ихъ въ университетъ.

Въ это время изъ слуховыхъ оконъ надъ помещеніемъ хлѣбопекарни вырвался завитой бѣлый дымокъ, еще одинъ, и оттуда раздались частые залпы по отряду. Дружинники растерялись и сбились въ тѣсную группу посреди площади. Между тѣмъ стрѣльба продолжалась. Сверху, изъ слуховыхъ оконъ, поминутно раздавались выстрѣлы, и точно длинныя бѣлыя птицы вылетали оттуда вспухшіе клубки дыма. Отстрѣливаясь, дружинники отступили къ зданію крытыхъ рынковъ.

— Это переодѣтые городовые, — спокойно сказала Егоровъ.—Изъ казенныхъ револьверовъ стрѣляютъ...

Неожиданно стрѣльба прекратилась. Дружинники, опустивъ револьверы, съ недоумѣніемъ переглянулись. Тотчасъ же позади нихъ грянулъ дружный ружейный залпъ, и длинной бѣлесой грядой повисъ въ сыромъ воздухѣ пороховой дымъ. Отрядъ испуганно шарахнулся въ сторону; всѣ бросились въ какой-то разграбленный магазинъ, стараясь укрыться тамъ за простѣнками. Нѣкоторые сидѣли на корточкахъ, и ихъ была нервная лихорадочная дрожь. Всѣ молчали, стараясь не глядѣть другъ на друга. Къ нимъ доносились непрерывные ружейные залпы. Казалось, что гдѣ-то недалеко разрывались и трещали длинныя полотнища матеріи. Слышалось протяжное зудѣніе пуль, тупое чиканье ихъ о стѣны магазина. Въ углу, заваленномъ мусоромъ, дружинникъ-гимназистъ перевязывалъ голову раненому студенту. Тотъ старался улыбаться, но губы его поминутно вздрагивали, онъ странно поводилъ головой, какъ будто этимъ движеніемъ хотѣлъ заглушить боль. Наконецъ, Егоровъ догадался привязать къ длинной драпкѣ бѣлую тряпку и осторожно выставилъ въ окно этотъ значекъ. Раздалось еще нѣсколько, казалось, еще болѣе ожесточенныхъ залповъ, и потомъ все смолкло.

— Они уходятъ...—тихо сказалъ гимназистъ, осторожно высовывая въ окно стриженую голову съ худымъ, жилистымъ затылкомъ.

Тогда всѣ сбились къ окнамъ и, не видя болѣе солдатъ, вышли на площадь. Многіе остановились у дверей магазина, все еще не рѣшаясь отойти отъ этого убѣжища.

— Выходите, товарищи, не бойтесь!—раздался чей-то голосъ сверху, изъ окна какой-то квартиры надъ разбитымъ магазиномъ. Пожилая женщина, еврейка, съ интеллигентнымъ лицомъ кричала дружинникамъ изъ другого окна:

— Идите на Торговую!.. Давайте раненыхъ сюда... мы сами о нихъ позаботимся...

— Какъ къ вамъ пройти?

— Съ Торговой, двадцать первый номеръ...

Неровнымъ, спутаннымъ рядомъ они прошли на Торговую улицу, но тамъ ихъ встрѣтили выстрѣлами, и отрядъ въ замѣшательствѣ остановился передъ огромной бандой громилъ. Однако, дружинники скоро оправились. Высокій, ловкій гимназистъ въ сѣрой короткой блузѣ выбѣжалъ впередъ, непрерывно стрѣляя въ толпу съ очень близкаго разстоянія. Началась частая ожесточенная перестрѣлка. На этотъ разъ дружинники стрѣляли болѣе увѣренно и спокойно, не торопясь, выдержанно прицѣливаясь. Послѣ нѣсколькихъ дружныхъ залповъ, толпа вдругъ взвыла и побѣжала вверхъ по Торговой улицѣ.

Егоровъ растерянно глядѣлъ на это паническое бѣгство. Онъ никогда еще не видѣлъ такихъ людей. Звѣроподобные, жалкіе, облѣзлые и анемичные, они казались ему вышедшими изъ подземныхъ жилищъ, въ первый разъ появившимися на свѣтъ Божій. Ихъ нечеловѣческія лица точно отпечатались сразу въ его сознаніи, и казалось, что они навсегда останутся въ памяти. И все онъ видѣлъ поразительно отчетливо и ясно: контуры крышъ, выломанные косяки въ дверяхъ лавокъ, разбитыя узорчатыя стекла, отвалившійся кусокъ карниза на крайнемъ двух-этажномъ домѣ...

— Не робѣй, братцы! — рявкнулъ вдругъ впереди чей-то пьяный, хрипящій голосъ; передъ Егоровымъ сверкнулъ огонекъ, и слабо щелкнулъ револьверный выстрѣлъ. Еще ужаснѣе завывала толпа, и вереницы полуодѣтыхъ растерзанныхъ челоуѣческихъ фигуръ пробѣжали влѣво. Только немногіе изъ нихъ продолжали отстрѣливаться. Передъ отрядомъ, шагахъ въ тридцати, въ нѣсколькихъ мѣстахъ что-то неровно треснуло, кто-то вскрикнулъ, и, недалеко отъ Егорова, мягко бряк-

нулся на мостовую невысокій, худой студентъ въ форменномъ пальто.

— Стрѣляйте, товарищи!—закричалъ Егоровъ и, не прицѣливаясь, выстрѣлилъ вверхъ. Тогда вокругъ него что-то быстро-быстро застегало воздухъ. Возобновилась частая револьверная пальба, сухая и короткая, точно вокругъ отрывисто лопались какіе-то пузыри: пахъ-па-пахъ, па-пахъ, пахъ-пахъ! Ничего не сознавая, Егоровъ дѣлалъ какія-то движенія, нажималъ собачку и страшно торопился; потомъ онъ снова зарядилъ револьверъ и, овладѣвъ собою, началъ старательно прицѣливаться въ большого полного человѣка, въ высокихъ сапогахъ и въ новомъ черномъ пальто. Этотъ человѣкъ стоялъ какъ разъ противъ него и, казалось, былъ совсѣмъ близко... Онъ съ ненавистью смотрѣлъ на Егорова и непрерывно стрѣлялъ въ него изъ большого блестящаго револьвера... Подбѣжалъ молодой смертельно блѣдный студентъ.

— Вотъ, возьмите мой револьверъ!.. У васъ осѣчки... Я не могу...

— А вы что же?—спросилъ Егоровъ, принимая предложенное оружіе.

— Я не могу...—отвѣтилъ студентъ, показывая заматанную платкомъ руку, обратившуюся въ сплошной кровавый комъ. Тогда Егорова охватила безумная неудержимая ярость. Злобно стиснувъ челюсти, онъ выбѣжалъ впередъ, выпуская на-бѣгу одинъ зарядъ за другимъ... И вдругъ стоявшій передъ нимъ большой человѣкъ странно поклонился ему, мотнулъ головой и, медленно отойдя въ сторону, грузно повалился на-земь... Егоровъ остановился, но тотчасъ же что-то слабо толкнуло его въ спину... въ груди колыхнулась кровь, захватило дыханіе... дома и люди поплыли вверхъ... два быстро несущихся поѣзда разминулись на параллельныхъ путяхъ, точно ихъ сдернуло въ разныя сто-

роны.. Онъ стремительно рванулся впередъ и грохнулся на мостовую лицомъ внизъ.

VIII.

Въ вестибюль университета, ярко освѣщенномъ электрическими лампочками, у всѣхъ дверей и на лѣстницахъ стояла вооруженная стража. Снизу, черезъ раскрытую настежь входную дверь, тянуло ночной сыростью, и слышно было, какъ на улицѣ перекликалась охрана.

У дверей малой аудиторіи стоялъ щуплый длинно-головой юноша въ темно-синей рубахѣ безъ пояса, вооруженный огромнымъ стариннымъ мечомъ.

— Вы что сторожите, товарищъ?—спросилъ Фастъ дѣловымъ тономъ, подходя къ нему съ Леонидомъ Степанычемъ.

— Здѣсь складъ... отобранныя вещи... тутъ на десятки тысячъ товару...

— А тамъ что?

— Тамъ сестры спать... Въ лабораторіи отдыхаютъ дружинники...

— А гдѣ арестованные?

— Ихъ перевели наверхъ... Тамъ теперь допросъ идетъ, товарищъ прокурора тамъ.

Фастъ быстро обернулся къ Литягину.

— Пойдемъ наверхъ?—предложилъ онъ полувопросительнымъ тономъ и, засунувъ руки въ карманы плотно застегнутаго пиджака, съ рѣшительнымъ видомъ пошелъ впередъ, задѣвая встрѣчныхъ оттопыренными локтями. Литягинъ медленно поплелся за нимъ. Видъ у него былъ очень больной и усталый.

Наверху ихъ встрѣтилъ, стоявшій на площадкѣ, бойкій милиционеръ-грузинъ, въ темно-коричневомъ бешметѣ, съ кинжаломъ на поясѣ и двухствольнымъ охотничьимъ ружьемъ за плечомъ.

— Пропустите насъ, товарищъ...

Грузинъ ловкимъ движеніемъ открылъ дверь, и они вошли въ просторный кабинетъ. Посреди комнаты, на тяжеломъ ясеневомъ столѣ стояли стеклянные приборы, лабораторная посуда, мѣдные штативы, переносные газовые рожки. Вдоль стѣнъ тянулись низкіе шкафы, заставленные сложными аппаратами изъ стекла и красной мѣди. На нижнихъ полкахъ широкихъ этажерокъ, стоявшихъ у стѣны въ глубинѣ кабинета, спали трое арестованныхъ громилъ. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ еще молодой, босой и грязный, лежалъ на спинѣ, согнувъ колѣни и завернувъ руку подъ голову. Лицо у него было худое, страдальческое. Двое другихъ возбуждали невольное отвращеніе. Они были въ новой, повидимому только-что нагребленной одѣжѣ, измятой и топорщившейся на нихъ, точно она была накрахмалена... Руки большія, корявыя, съ потрескавшейся кожей на суставахъ пальцевъ... Оба уже пожилые бородатые люди съ одутловатыми, пьяными лицами. У одного былъ раскрытъ ротъ, и что-то черное виднѣлось въ немъ вмѣсто зубовъ.

Литягинъ невольно остановился передъ нимъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ его большую фигуру, неестественно переломанную на тѣсной для него полкѣ этажерки. Подошелъ чистенькій, аккуратный студентъ съ маузеровской винтовкой въ рукахъ.

— Спать...—тихо сказалъ онъ, указывая кивкомъ головы на босого мальчика.—Часъ назадъ горько плакалъ на допросѣ... Клялся, что ни въ чемъ не повиненъ...

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ?..

— Какое? Привели съ поличнымъ. Нарядиться только не успѣлъ, вотъ какъ эти. Жалко его все-таки, совсѣмъ еще мальчишкѣ... Эти хоть чай пили, а онъ ни къ чему не прикоснулся...

— По-моему, такого отпустить надо... — нерѣши-

тельно сказалъ Леонидъ Степанычъ, проникаясь жалостью къ мальчику.

— Вѣроятно, отпустятъ... Я тоже такъ думаю.

— Есть еще арестованные? — спросилъ Фастъ, ворячая по-прежнему оттопыренными локтями и съ строгимъ видомъ оглядывая спящихъ громилъ.

— О, масса!.. Человѣкъ семьдесятъ... вотъ пройдите туда... Женщинъ помѣстили отдѣльно...

Студентъ провелъ ихъ черезъ кабинетъ въ слѣдующую комнату. Тамъ было около тридцати арестованныхъ и нѣсколько вооруженныхъ милиціонеровъ. Никто же спалъ. Стоя за длиннымъ лабораторнымъ столомъ, арестованные пили чай и съ аппетитомъ кусали большіе ломти бѣлаго хлѣба. Они молчали, исподлобья переглядываясь другъ съ другомъ, громко сопѣли и чавкали. Почти у всѣхъ были сконфуженныя лица. Только одинъ изъ нихъ, громадный, плечистый человѣкъ въ высокихъ сапогахъ и въ желтомъ пиджакѣ, сидѣлъ на подоконникѣ, свѣсивъ ноги, и распивалъ чай съ удивительнымъ спокойствіемъ и благодушіемъ.

— Кто это?—спросилъ Фастъ одного изъ милиціонеровъ.

— Содержатель трактира на Слободкѣ. Когда его взяли, струсилъ, просилъ не убивать... А потомъ опять обнаглѣлъ. Видитъ, чай даютъ, кормятъ... значить, бояться нечего.

— На допросѣ былъ?

— Былъ. Грубилъ прокурору. Вообще, не придаетъ своему аресту никакого значенія.

Фастъ подошелъ ближе къ арестованному и строго, по-начальнически оглядѣлъ его. Тотъ злобно фыркнулъ и, отвернувшись, пробормоталъ циничное ругательство.

— Ругаться нечего... — обратился къ нему милиціонеръ.—Вы бы лучше раскаялись въ томъ, что вы дѣлали... Неужели васъ не мучить совѣсть?..

— Самъ будешь каяться! — отвѣтилъ тотъ глубоко-

мысленно, наливая чай изъ стакана въ блюдечко.—Еще кому каяться доведется!..

Фастъ выразительно посмотрѣлъ на студента, и они отошли въ сторону.

— Вы съ ними слишкомъ мягки... Я , такого негодяя проучилъ какъ слѣдуетъ...

— А вамъ не совѣстно было бить евреевъ?..—мягко спросилъ Литягинъ, обращаясь къ здоровому, коренастому парню въ старой морской рубашкѣ.

— А насъ рази не бьютъ?.. Насъ повсегда бьютъ... Небось никому не совѣстно... — угрюмо отвѣтилъ тотъ, краснѣя и опуская глаза.

— Что въ той комнатѣ? — спросилъ Фастъ сопровождавшаго ихъ милиціонера.

— Допрашиваютъ арестованныхъ. Тамъ теперь любопытный субъектъ... Молодой франтъ въ модномъ пальто и въ шляпѣ, съ цѣлой дюжиной золотыхъ часовъ въ карманахъ... на рукахъ дорогіе браслеты... Письмоводитель судебнаго пристава...

Литягинъ разсѣянно слушалъ объясненія милиціонера. Онъ стоялъ, прислонившись плечомъ къ высокому шкафу съ стеклянными дверцами, за которыми видны были различные физическіе приборы и инструменты. Они производили теперь странное впечатлѣніе и казались совершенно ненужными, глупыми игрушками.

— Вотъ! теперь не до физики...—думалъ Леонидъ Степанычъ, съ болѣзненной чуткостью воспринимая каждую свою мысль, какъ будто она рождалась не въ его собственномъ сознаніи, а приходила къ нему откуда-то извнѣ, чужая и холодная, но острая, какъ блестящій полированный мечъ.— Вотъ, все узнали... составъ солнечной атмосферы... линіи Фрауэнгофера... И вотъ, стопъ машина!.. Все перевернулось вверхъ дномъ... Спектральный анализъ, оказывается, ничему не помогаетъ... И все остается дикимъ по-прежнему, какъ въ первые дни существованія человѣка...

— Пойдемъ внизъ, Леонидъ!—позвалъ Фастъ, беря его подъ руку.

Литягинъ вопросительно посмотрѣлъ на него, точно не сразу понявъ его слова, потомъ освободилъ свою руку и послушно пошелъ за нимъ, шатаясь отъ усталости, шаркая подошвами по каменному затоптанному полу.

IX.

Въ вестибюлѣ они подошли къ расположившимся на ступенькахъ одной изъ боковыхъ лѣстницъ милиціонерамъ. Молодой рабочій, еврей, горячо спорилъ съ толстымъ простоватымъ студентомъ, говорившимъ кратко и медленно, съ замѣтнымъ украинскимъ произношеніемъ. Тутъ же сидѣли Найдичъ и старикъ учитель, только-что возвратившіеся въ университетъ.

— Самые лучшіе изъ васъ никогда не поймутъ этого...— взволнованно говорилъ рабочій:— нужно влѣзть въ нашу шкуру...

— А развѣ же мы въ другой шкурѣ?—тягучимъ басомъ отвѣчалъ студентъ.—Правительство нарочито возбуждаетъ національную вражду... Это въ его интересахъ.

— Да, но бьютъ все-таки насъ, а не васъ...

— Бьютъ и насъ тоже, не беспокойтесь. Сознательные люди не должны поддаваться на эту удочку...

Всѣ поддержали студента.

— Вѣрно! Вѣрно! Национальной вражды нѣтъ въ народѣ... Она раздувается искусственно.

Найдичъ внимательно слѣдилъ за этимъ споромъ и ему трудно было рѣшить, кто правъ. Выходило такъ, что правы были оба. Онъ понималъ все, что чувствовалъ рабочій, но студентъ тоже говорилъ правду. И было невыносимо горестно то, что одна правда противорѣчила другой...

— Это вовсе не такъ, какъ вы говорите!—неожиданно

раздался тихій, проникновенный голосъ старика-учителя, когда всѣ замолчали. — Если русскій — хорошій человѣкъ, такъ онъ смотритъ на погромъ и думаетъ все равно, какъ мы, евреи. Голова одинаковая... но здѣсь, на сердцѣ, есть большая разница...

— Никакой разницы! — недовольно буркнулъ студентъ: — мы переживаемъ теперь то же, что и вы... совершенно то же!.. Это контръ-революція. Надо же понимать это. У насъ общая цѣль, мы братья...

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и грустно усмѣхнулся.

— Мы братья? Какіе-же мы братья? Мы вовсе не братья. Вотъ тамъ ваши братья. Они пришли бить насъ... Идите туда, то ваши братья... и посмотрите, что они дѣлаютъ... Идите туда и скажите имъ, какой великій грѣхъ они дѣлаютъ... Великій грѣхъ!.. Мы теперь уже больше не боимся: у насъ есть Богъ... у насъ былъ пророкъ такой, что его послалъ Адонай... такъ онъ сказалъ, что нашъ еврейскій народъ будетъ имѣть много несчастья, но потомъ перестанетъ мучиться и пойдетъ на высокую гору... на Сіонъ!.. И тамъ Богъ проститъ своихъ дѣтей... и душа еврея будетъ, какъ политый водою садъ!.. Вотъ какъ сдѣлаетъ Богъ своему народу за то, что его такъ мучили...

Старикъ взволнованно перевелъ дыханіе и замолчалъ. Въ послѣднихъ словахъ его Найдичу послышалось глубокое фанатическое чувство, какъ будто и въ эту страшную ночь онъ все еще вѣрилъ въ пророчества Іереміи и утѣшался будущимъ торжествомъ Израиля на высотахъ Сіона...

— Онъ совершенно правъ, этотъ человѣкъ! — снова заговорилъ рабочій. — Я знаю, трудно влѣзть въ нашу шкуру... Бьютъ евреевъ!.. Вы развѣ можете знать, сколько въ этихъ словахъ обиды?.. Въ словахъ!.. Видѣли вы, какъ они рвутъ перины и пухъ летитъ по всей улицѣ?.. Видѣли вы этотъ пухъ?..

— Ну видѣлъ, ну и что-же?.. Пухъ какъ пухъ и больше ничего...

Рабочій сверкнулъ глазами и нервно засмѣялся.

— Вотъ именно!.. Пухъ какъ пухъ... Я такъ и зналъ!..

Онъ совсѣмъ близко наклонился къ студенту и, стиснувъ зубы, злобно прошепталъ страннымъ судорожнымъ шопотомъ:

— У меня кровь стынетъ отъ этого пуха... Мнѣ кажется неслыханнымъ оскорбленіемъ этотъ пухъ... Этотъ старикъ сказалъ правду!—продолжалъ онъ, овладѣвъ собою.

— Идите туда и скажите тѣмъ, чтобы они... чтобы эти звѣри не были націоналистами... Что вы уговариваете насъ, евреевъ?.. Мы все равно погрома никому не сдѣлаемъ...

— Позвольте, товарищи, — неожиданно вмѣшался Фастъ, все время нетерпѣливо ожидавшій очереди. — Позвольте! Неужели здѣсь еще есть защитники націонализма? Скажите, товарищъ, по правдѣ... если-бы вы теперь должны были родиться вновь и при рожденіи васъ спросили бы: къ какой національности вы хотите принадлежать?.. Что бы вы отвѣтили? Скажите откровенно, по совѣсти.

— Это неумный вопросъ, потому что этого не можетъ быть!

— Я сказалъ бы, что я хочу быть евреемъ! — съ горячностью заявилъ Найдичъ, подходя ближе къ Фасту.—Моя гордость не позволила бы мнѣ поступить иначе... Но что отвѣтили бы вы, господинъ Фастъ?

Фастъ смутился.

— Ахъ, это вы, Найдичъ?.. Боже, какъ я радъ!.. Вѣдь вы, кажется, были на Слободкѣ?..

— Вы, конечно, сказали бы, что хотите быть вык্রেстомъ! — насмѣшливо, съ нескрываемымъ презрѣніемъ отчеканилъ Найдичъ и отвернулся.

Фастъ болѣзненно засмѣялся и, опустивъ глаза, отошелъ отъ Найдича.

Въ это время внизу, у входа, слышались безпокойные голоса. Санитаръ-студентъ въ бѣломъ халатѣ и безъ фуражки быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и торопливой походкой прошелъ къ помѣщенію коалиціоннаго совѣта. Всѣ бросились за нимъ, точно предчувствуя что-то очень значительное и важное.

— Что случилось, товарищъ?

Студентъ остановился. У него были растерянные глаза, и нервно вздрагивалъ подбородокъ.

— Вы знали рабочаго Егорова?.. машиниста?—спросилъ онъ сухимъ беззвучнымъ шопотомъ.

— Боже мой, что же съ нимъ?...—едва слышно простоналъ Литягинъ.

— Егоровъ убить... Мы сейчасъ подобрали его тѣло на Новомъ базарѣ... Это ужасно, ужасно!.. Лучшій товарищъ...

Онъ закрылъ лицо руками и громко разрыдался. Двое милиціонеровъ медленно отвели его въ сторону.

Найдичъ стоялъ не шевелясь, не замѣчая суетившейся вокругъ молодежи, не слыша театральныхъ горестныхъ возгласовъ Фаста.—Родіонъ убить. Честный, славный!.. Вотъ онъ—русскій и умеръ за насъ... за евреевъ...—На одно мгновеніе Егоровъ всталъ передъ нимъ, какъ живой. Холодная, жесткая мысль медленно проползла въ его сознаніи. Потомъ вдругъ на лицѣ Найдича вспыхнуло выраженіе какой-то рѣшимости, онъ поднялъ голову и быстро сошелъ внизъ, къ выходу.

— Есть кто-нибудь въ комитетѣ вооруженія? — тихо спросилъ онъ стоявшаго тамъ милиціонера.

— Сейчасъ никого нѣтъ...

Найдичъ съ досадою махнулъ рукой и, не сказавъ ни слова, вышелъ на улицу.

X.

Было уже около двѣнадцати часовъ дня, когда представители комитета общественной безопасности отпра- вились къ командующему войсками. Среди нихъ былъ и Фастъ, все время тяжело вадыхавшій и бормотавшій жалобныя причитанья. Послѣ долгихъ переговоровъ съ часовыми и швейцаромъ, члены комитета вошли, наконецъ, въ просторный вестибюль, изъ котораго сквозь высокую стеклянную дверь видна была широ- кая, устланная широкимъ мягкимъ ковромъ, выгнута лѣстница. По ней, раскачиваясь немного отяжелѣв- шимъ корпусомъ, сходилъ внизъ пожилой офицеръ, блондинъ, очень легкомысленнаго вида съ коротко остриженными рѣдкими волосами, подъ которыми на темени просвѣчивала блестящая нѣжно-розовая кожа.

— Г-спада,—протянулъ онъ, входя въ вестибюль и небрежнымъ жестомъ приглашая всѣхъ слѣдовать за собою. — Командующій проситъ васъ, г-спада, пожало- вать въ пріемную...

Члены комитета почтительно поклонились и молча прошли за нимъ, мимо большого венеціанскаго окна, въ которое виденъ былъ внутренній дворъ и непод- вижно стоявшіе тамъ казаки. Въ глубинѣ узкаго полу- темнаго корридора, съ висѣвшими на стѣнѣ двумя телефонными аппаратами, бѣлѣли высокія двери съ матовыми стеклами. Офицеръ быстро прошелъ впередъ и, отворивъ дверь, пропустилъ мимо себя членовъ ко- митета. При этомъ онъ пристально оглядѣлъ каждого.

— Командующій теперь завтракаетъ... Онъ сейчасъ будетъ. Пра-а-шу, г-спада, садиться...

Онъ замолчалъ, потомъ вдругъ развелъ руками, и, улыбаясь, точно прося снизойти къ его положенію, чуть слышно звякнулъ шпорами.

— Г-спада, я васъ оставляю,—сказалъ онъ, поклонившись, и вышелъ изъ пріемной.

Тогда всё облегченно передохнули. Нѣкоторые, заложивъ назадь руки, принялись съ преувеличеннымъ вниманіемъ осматривать комнату. Приемная была большая, свѣтлая, отдѣланная подъ дерево, съ очень простымъ казеннымъ убранствомъ. Посреди комнаты стоялъ тяжелый круглый столъ, обтянутый черной клеенкой; вдоль стѣнъ были разставлены громоздкіе дубовые стулья съ высокими спинками. Узкая дверь, тоже стеклянная, затянутая густымъ зеленымъ шелкомъ, вела изъ приемной въ кабинетъ командующаго войсками.

Ждать пришлось довольно долго. Наконецъ, въ коридорѣ послышались тяжелые шаги и равномерное звяканье шпоръ. Черезъ минуту въ дверяхъ показалась высокая, плечистая фигура генерала съ багровой морщинистой шеей, бритыми щеками и круглымъ двойнымъ подбородкомъ. Большіе сѣдые усы придавали его лицу нѣсколько сердитое выраженіе. Во всѣхъ движеніяхъ генерала чувствовалась продолжительная фронтальная выправка и сановитость, свойственная его исключительному начальническому положенію.

— Господа, я очень радъ васъ видѣть...—началъ онъ, пожимая всѣмъ руки и съ сдержанной любезностью приглашая всѣхъ въ кабинетъ.

— Я очень радъ, господа, что вы пришли...—повторилъ онъ, когда всѣ вошли въ кабинетъ.—Прошу садиться... вотъ здѣсь...

Онъ указалъ на нѣсколько стульевъ съ кожаными сидѣньями и спинками, разставленныхъ передъ большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежали кипы бумагъ, тетрадей и папокъ. Тутъ же стоялъ маленький переносный телефонъ и большой глобусъ съ черезчуръ синими морями, съ рельефными изображеніями материковъ. Черная чугунная модель легкой артиллерійской гранаты стояла рядомъ съ широкой чернильницей, украшенной барельефами изъ темной бронзы,

съ изображеніемъ какихъ-то военныхъ событій. На стѣнахъ были развѣшаны однообразно сѣрыя военно-топографическія карты. Въ нѣсколькихъ шкапахъ, заполненныхъ папками и книгами, виднѣлись также модели ударныхъ и дистанціонныхъ трубокъ, артиллерійскій квадрантъ, зрительная трубка и геодезическіе инструменты.

— Здѣсь только-что у меня сидѣли профессора университета,—продолжалъ генералъ съ очень довольнымъ видомъ, складывая пухлыя бѣлыя руки и играя пальцами.—Н-но!.. не въ этомъ дѣло.. Вы представители общества. Это прекрасно, что вы пришли ко мнѣ... Мм.. въ необходимыхъ случаяхъ прошу всегда... Охотно... Я самъ имѣю кое-что сказать вамъ...

Онъ медленно подбиралъ подходящія слова и глубокомысленно морщилъ лобъ. Потомъ вдругъ отошелъ отъ стола и, повернувшись въ полъ-оборота къ представителямъ комитета, заговорилъ суровымъ, негодующимъ тономъ:

— Что вы хотите, господа? Передъ нами просто борьба двухъ теченій. Евреи хотятъ учредить южно-русскую республику. Они разорвали въ думѣ портретъ Государя, обломали вензелевое изображеніе орла и надпись... Они не хотятъ царя!.. Вчера вашъ незаконный комитетъ составилъ воззваніе объ учрежденіи южно-русской республики...

— Ваше высокопревосходительство! — умоляюще глядя на генерала, сказалъ Фастъ и быстро всталъ съ мѣста.—Ваше высокопревосходительство! Такого воззванія не было, портретъ государя цѣлъ, это все невѣрные слухи...

Генералъ покраснѣлъ и сердито оглядѣлъ Фаста.

— Когда я говорю, прошу не перебивать!.. Я знаю все! Я не занимаюсь передачей городскихъ сплетенъ... Все это вѣрно, что я сказалъ...

Онъ взволнованно прошелся по комнатамъ и снова остановился у письменнаго стола.

— Вотъ теперъ всё говорятъ: погромъ, погромъ!.. Но никакого погрома нѣтъ. Я всегда называю вещи ихъ собственными именами. Это—борьба! Истинно-русскіе люди не хотятъ республики. Вотъ вы не хотите царя, а они хотятъ. Они хотятъ царя! Войска раздражены дѣйствіями евреевъ. Они рвутся, и я едва сдерживаю ихъ... Мм... Вчера я вышелъ пройтись по бульвару... раздался выстрѣлъ. Можетъ быть, въ меня, можетъ быть, нѣтъ—не знаю. Вотъ!.. Мнѣ это все равно... Я, господа, обстрѣлянный человѣкъ и вашихъ выстрѣловъ не боюсь... Вотъ я говорю съ вами, но кто знаетъ?.. Быть можетъ, у васъ бомба?..

Онъ пристально посмотрѣлъ на одного изъ членовъ комитета, длиннаго бѣлокураго господина съ безнадежно грустнымъ лицомъ и засмѣялся.

— Да! Такъ вотъ я и говорю: они хотятъ царя, а вы хотите республики... Въ солдатъ евреи стрѣляютъ изъ оконъ домовъ. Бросають бомбы! Какъ же ихъ защищать?

— Это провокаторскіе выстрѣлы, ваше высокопревосходительство...

— Не знаю. Я ограждаю безопасность войскъ. На каждый такой выстрѣлъ я приказалъ отвѣчать изъ пулеметовъ и не останавлиюсь даже передъ разрушеніемъ этихъ домовъ артиллеріей. Если расположеніе будетъ неудобнымъ для дѣйствій изъ орудій, я прикажу просто взорвать домъ...

— Боже мой! Боже мой!..—простоналъ бѣлокурый господинъ, хватаясь за голову.—Бѣдныя дѣти! Ваше высокопревосходительство! Дѣти! Несчастныя дѣти!..

Генералъ подошелъ къ окну и, не оборачиваясь, медленно процѣдилъ сквозь зубы:

— Д-да!.. Вотъ и дѣти, и все... Что я могу сдѣлать? Я солдатъ и не имѣю никакого желанія заниматься

политикой. Въ моихъ служебныхъ дѣйствіяхъ всѣ равны для меня. Нѣтъ ни эллина, ни іудея... Вотъ вы, люди изъ общества, вы пришли ко мнѣ... Прекрасно!.. Что же, по-вашему, я долженъ дѣлать?..

— Ваше высокопревосходительство! Удалите градоначальника... Поставьте военную охрану на посты городовыхъ...

— Подчините насъ войскамъ, ваше высокопревосходительство!

— Бомбы бросаютъ анархисты...

— Не анархисты, господа, а ваши же революціонеры.

— Мы не революціонеры, ваше высокопревосходительство. Мы либералы!.. Васъ ввели въ заблужденіе, мы только либералы!..

— Господа, я не имѣю права смѣщать администрацію. Я ничего не могу сдѣлать, пока существуетъ какая-то тамъ милиція. Позвольте!.. вы хотите, чтобы все это прекратилось?.. Я могу вамъ дать одинъ совѣтъ: поторопитесь исправить сломанный вензель на фронтонѣ думы и надпись „Боже царя храни“. Уничтожьте слѣды этого революціоннаго преступленія!.. Я надѣюсь, что тогда все прекратится...

Генерала неожиданно перебилъ продолжительный трескучій звонокъ. Онъ сдѣлалъ сердитое лицо и, нахмурившись, подошелъ къ телефону.

— Виновать, господа... Э-а... Что?.. У телефона... Да... Я приказывалъ... Ага-а!.. Обстрѣливаютъ изъ пулемета?.. Прекрасно! Да! Больше нѣтъ?.. Что?.. Всѣ въ расходѣ?.. Ага, хорошо...

Онъ медленно положилъ трубку и, посмотрѣвъ на часы, снова обратился къ представителямъ комитета:

— Вотъ видите, господа. Мнѣ доносятъ, что на Привозной площади въ нарядѣ казаковъ кто-то стрѣлялъ изъ окна. Разумѣется, теперь этотъ домъ обстрѣливается изъ пулемета, и такимъ образомъ могутъ пострадать невинные... Н-но!.. исправьте всѣ сдѣланныя

ошибки, и я надѣюсь, что погромъ прекратится. Къ сожалѣнію, господа, я больше не располагаю временемъ для бесѣды съ вами...

— Ваше высокопревосходительство...

— Помогите, ваше высокопревосходительство... Сегодня погромъ возобновился съ ранняго утра и уже распространился по всему городу...

— Я сдѣлаю, господа, все, что будетъ въ моихъ силахъ... Прошу извинить, господа...

Всѣ поднялись со своихъ мѣсть и, поклонившись командующему, стоявшему у стола въ выжидательной неподвижной позѣ, вышли изъ кабинета. Въ вестибюлѣ они встрѣтили спѣшившихъ куда-то офицеровъ и дамъ, очень взволнованныхъ и озабоченныхъ. Въ рукахъ у нихъ были большіе пакеты ваты, бинты и аптечныя склянки. Дамы шумно шелестѣли шелковыми юбками, а одна изъ нихъ, играя блестящими ножницами, громко говорила сопровождавшему ее статному офицеру въ рейтузахъ:

— Они ранили лошадь!.. Но вѣдь казаки этого никогда не простятъ? Не правда-ли?..

— Какая жестокость! Чѣмъ же виновато бѣдное животное...

— Евреи всѣ такіе,—поддержала какая-то пожилая особа въ черномъ, тоже поспѣшавшая за всѣми и очень разстроенная.— У этихъ людей нѣтъ сердца!..

XI.

На улицѣ Фастъ протиснулся со всѣми и одинъ пошелъ къ университету. По пути ему попадались бѣгушіе навстрѣчу обезпкоенные прохожіе; во всѣхъ дворахъ у воротъ толпились испуганные, ошеломленные люди. За городскимъ садомъ слышался слитный волнующійся шумъ и грохотъ, поминутно тамъ раздава-

лись выстрѣлы. Гдѣ-то далеко непрерывно тарахтѣли пулеметы.

Подлѣ большой аптеки Фасту пришлось остановиться. Съ Соборной площади шла большая толпа манифестантовъ съ трехцвѣтными знаменами, иконой и портретомъ царя въ золоченой рамѣ.

Позади неожиданно послышалось частое звяканье конскихъ подковъ, и мимо прокатилъ новенькій лакированный экипажъ, эскортируемый верховыми казаками. Въ экипажѣ сидѣли некрасивая блѣднолицая дама, въ красномъ плюшевомъ плащѣ, и высокой пожилой военный, въ которомъ Фастъ тотчасъ же узналъ градоначальника. Среди манифестантовъ раздались торжествующіе возгласы, и они запѣли гимнъ. Видно было, какъ, поравнявшись съ процессіей, градоначальникъ всталъ въ экипажѣ, держась одной рукой за козла, и обнажилъ голову.

Пьяное надсаженное „ура!“ понеслось вслѣдъ за удаляющимся экипажемъ.

Фастъ стоялъ на крыльцѣ аптеки, окруженный незнакомыми людьми, вслухъ выражавшими свое негодование:

— Вы слышали, онъ благодарилъ ихъ!..

— Почему же не телеграфируютъ въ Петербургъ?..

Въ это время за угломъ раздался долгій напряженный грохотъ, какъ будто тамъ рушились дома; послышались крики, выстрѣлы, показались бѣгушіе оттуда люди, направлявшіеся къ соборному скверу. Среди нихъ всеобщее вниманіе обратилъ на себя молодой человекъ, безъ пальто, съ обнаженной головой, перевязанной бѣлымъ бинтомъ. Это былъ Найдичъ. Онъ бѣжалъ, сильно наклоняясь впередъ, и держалъ въ рукахъ большой бѣлый свертокъ. За нимъ съ яростными криками гнались трое городовыхъ, размахивавшихъ обнаженными пашками.

Фастъ сразу узналъ Найдича и тотчасъ же понялъ,

въ чемъ дѣло.—Бросилъ бомбу!.. Поймаютъ!..—Онъ застылъ на мѣстѣ и съ затаеннымъ сочувствіемъ жадно слѣдилъ за всѣми его движеніями. Тотъ уже былъ недалеко отъ соборнаго сквера, когда вдругъ сильно качнулся впередъ и неловко взмахнулъ руками... Сѣрый комъ мелькнулъ въ воздухѣ... Огромный столбъ желто-зеленаго пламени точно вырвался изъ нѣдръ земли недалеко отъ Найдича и заслонилъ его фигуру. Фаста сильно толкнуло въ грудь и онъ упалъ. Раздался страшный трескъ и продолжительный упругій грохотъ, отъ котораго содрогнулась вся площадь... потомъ протяжно и грозно заворчалъ громъ въ сосѣднихъ улицахъ. Изъ оконъ домовъ съ дребезжащимъ звономъ падали на панель лопнувшія стекла. Густой удушливый дымъ заволокъ мѣсто взрыва.

Фастъ быстро вскочилъ на ноги. Со всѣхъ сторонъ доносились тревожные голоса, глухой говоръ сбѣжавшаго народа. Всѣ боязливо жались къ панелямъ; съ выраженіемъ ужаса и любопытства на вытянутыхъ лицахъ, всматривались въ лежавшаго на мостовой длиннаго неподвижнаго человѣка. Никто не рѣшался подойти къ убитому. Фаста трясла лихорадка, мучительно быстро и больно колотилось сердце, сжимало мозгъ, такъ что трудно было повернуть голову...—Убить Найдичъ!.. Вчера еще онъ говорилъ, что я выкрестъ... выкрестъ.—Рѣшительная настойчивая мысль мелькнула въ его сознаниі:—Нужно дать знать въ университетъ!..—Онъ заторопился и быстро пошелъ по панели, размахивая на ходу одной рукой, точно догоняя кого-то. Подлѣ зданія главнаго почтамта онъ взялъ извощика.

Недалеко отъ университета Фаста остановилъ многочисленный патруль солдатъ и полицейскихъ.

— Стой! Куда прешь? Вылазь съ дрожекъ!

Фастъ растерянно оглянулся назадъ, но никого не увидѣлъ тамъ и сошелъ на мостовую. Онъ молчалъ и

взглядывалъ на солдатъ болѣзненными заискивающими глазами.

— Давай револьверъ! Ну?.. Нечего дурака корчить!.. — закричалъ на него сытый краснорожій городовой и весело подмигнулъ солдатамъ.—Поднимай руки!

Фастъ повиновался.

— У меня нѣтъ никакого оружія...—пробормоталъ онъ едва слышно, заплетающимся отъ страха языкомъ.

Городовой, грубо смѣясь, ощупалъ его сверху до низу и сталъ выворачивать карманы.

— Вы видите, что у меня ничего нѣтъ...—снова сказали Фастъ просительнымъ, униженнымъ тономъ.—Прекратите, пожалуйста, этотъ обыскъ... отпустите меня..

Солдаты нагло расхохотались. Городовой снова хитро подмигнулъ имъ и вдругъ сдѣлалъ свирѣбое лицо.

— Ты жидъ или русскій?—спросилъ онъ, испытующе вглядываясь въ лицо Фаста.

Тотъ страшно поблѣднѣлъ и часто замигалъ глазами.

— Русскій... Я православный... Что вы, братцы, Богъ съ вами!..

— Не врешь? Перекрестись, ежели православный..

Фастъ послушно снялъ шапку и перекрестился. Руки его дрожали, такъ что ему трудно было сложить пальцы. Городовой презрительно фыркнулъ и засмѣялся.

— Ну, твое счастье... Давеча мы одного нехрещеннаго на мѣстѣ прикончили..

— А може вінъ зъ тыхъ, зъ дамкративъ?.. — глубокомысленно замѣтилъ патрульный ефрейторъ, добродушно оглядывая Фаста.

Городовой величественнымъ жестомъ руки остановилъ солдата и снова обратился къ Фасту:

— Ежели ты русскій, нечего зря по городу вѣздить... Жидовъ билъ?..

Фастъ умоляюще посмотрѣлъ ему въ глаза и не сказалъ ни слова. Тотъ звѣрски оскалилъ зубы.

— Сказывай, сукинъ сынъ!.. Жидовъ билъ?

— Биль... Какъ же?.. жи... жидовъ... — поспѣшно отвѣтилъ Фастъ и нервно хихикнулъ.

— Ну, это особъ статья!.. — важно заявилъ городовой. — Побѣжай дальше.

Взъерошенный и жалкій, едва не плача отъ страха и уже испытывая животную радость по случаю избавленія отъ опасности, Фастъ побѣжалъ по панели, странно сгибая слабѣющія короткія ноги.

ХП.

Подлѣ университета было тихо. Пѣхотную охрану сняли еще съ утра, и вмѣсто нея на ближайшемъ перекресткѣ стоялъ пулеметь. Быстро темнѣло. Въ неосвѣщенныхъ улицахъ все точно замерло и притихло. Только время отъ времени зелеными пятнами ныряли во мракъ фонарики санитаровъ, слышалось дребезжанье дрожекъ и монотонные пугающіе оклики:

— Кра-а-сный кре-е-сть!.. Кра-а-сный кре-е-сть!..

У главнаго подвѣзда санитаръ, только-что привезшій раненаго, громко предупреждалъ столпившихся вокругъ него милиціонеровъ:

— ...Сообщите всѣмъ... На улицахъ солдаты и полиція обыскиваютъ прохожихъ... У одного студента нашли оружіе... убили на мѣстѣ...

Чей-то хриплый голосъ перебилъ его:

— Знаемъ... На Нарышкинскомъ спускѣ сейчасъ убили товарища... револьверъ нашли...

— Сейчасъ двухъ привезли... тоже оружіе при нихъ было...

— Куда привезли?

— Да вотъ въ мертвецкую...

Санитаръ устало потянулся, потомъ рѣшительно трянуль головой и побѣжалъ наверхъ. На лѣстницѣ его остановилъ сходявшій навстрѣчу Литягинъ. Онъ страшно осунулся, глаза его ввалились и подъ ними висѣли большіе драблые мѣшки.

— Скажите...—глухо спросилъ онъ.—Вы... санитаръ?..

— Да... санитаръ, а что такое?

— Правда ли, что убить Найдичъ?..

— Говорять... не знаю... вотъ спросите товарищей...

Онъ развелъ руками и побѣжалъ дальше. Литягинъ безпомощно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ спустился внизъ и подошелъ къ стоявшимъ у подъязда дружинникамъ.

— Ну что же, господа, идемте, что-ли?—громко позвалъ кто-то среди нихъ.

— Куда это?—тихо спросилъ Литягинъ своего сосѣда, вооруженнаго широкимъ палашомъ въ кожаныхъ ножнахъ.

— Въ мертвецкую. Тамъ товарищей привезли... убитыхъ...

Освѣщая путь небольшимъ шестиграннымъ фонаремъ съ зелеными стеклами, они молча прошли съ улицы къ темнѣвшимъ въ глубинѣ двора массивнымъ корпусамъ медицинскихъ клиникъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи три ряда оконъ были ярко освѣщены; бѣловатый матовый свѣтъ падалъ оттуда на замощенный дворъ и тускло, неприязненно мигалъ на мокрыхъ каменныхъ плитахъ. Слышенъ былъ чей-то затяжной плачь и причитанья, отъ которыхъ Литягина пробирала нервная холодная дрожь. У праваго крыла клиническихъ зданій, расположенныхъ глаголемъ, почти на уровнѣ земли мелькнули мутные снопы свѣта, выходившаго изъ оконъ подвального этажа; въ нихъ прыгали и дымились морозящія дождевыя брызги.

— Это здѣсь, въ подвальномъ этажѣ,—глухо сказалъ шедшій впереди студентъ.

Слышавшійся все время плачь на мгновенье оборвался, потомъ снова понеслись по двору спутанныя безсмысленныя причитанья. Теперь уже ясно было, что кто-то плакалъ и убивался внизу, въ мертвецкой

По небольшой цементированной лѣстницѣ всѣ спустились въ подвальный этажъ и очутились въ длинномъ низкомъ корридорѣ, освѣщенномъ матовыми электрическими лампочками. Недалеко отъ входа, у стѣны стоялъ бѣлый газетовый гробъ, закрытый крышкой; тутъ же, ломая руки, метались и голосили двѣ женщины въ черныхъ нѣмецкихъ шаляхъ съ зеленоватыми разводами. Въ глубинѣ корридора равнодушный, полумертвый служитель въ бѣломъ фартухѣ, медленными движеніями налаживалъ швабру и гремѣлъ ведрами. Изъ корридора пришлось снова сойти внизъ, въ небольшую квадратную переднюю, откуда три двери открывались въ помѣщенія для труповъ.

Литягинъ инстинктивно подался назадъ, но въ это время одинъ изъ студентовъ открылъ дверь, и Леонидъ Степанычъ вмѣстѣ со всѣми вошелъ въ мертвецкую. Тамъ слышалось странное таинственное шипѣнье, чувствовался смрадный тяжелый запахъ. Мертвецы лежали на столахъ и на полу, такъ что трудно было пройти среди нихъ.

Вытаращивъ глаза, съ полуоткрытымъ ртомъ, Литягинъ стоялъ посреди мертвецкой. Онъ не различалъ отдѣльныхъ мертвецовъ, не видѣлъ ихъ лицъ. Всѣ они спутались и сплелись въ одно многоголовое отвратительное чудовище, съ искаженными лицами, судорожно искривленными окоченѣвшими руками, торчавшими изъ груди мертвыхъ тѣлъ, точно тянувшими куда-то костенѣющими крючковатыми пальцами.

— Кто это? Откуда ее привезли?—шопотомъ спросилъ Литягина одинъ изъ студентовъ.

Онъ вздрогнулъ и перевелъ глаза на стоявшій передъ нимъ узкій цинковый столъ, на которомъ лежала мертвая женщина съ огромнымъ вздувшимся животомъ, заслонявшимъ ея лицо. На ней былъ разодраный грязный сарафанъ съ желтымъ передникомъ, изъ подъ котораго торчали короткія толстыя ноги въ крас-

ныхъ шерстяныхъ чулкахъ. На сосѣднемъ столѣ лежалъ убитый студентъ, накрытый до пояса грязной истоптанной шинелью. Надъ тѣломъ его, повидимому, издѣвались, волочили по грязи, топтали ногами. Красивая, точно женская, разутая нога, забрызганная уличной грязью, торчала изъ-подъ шинели. Лицо было исцарапано на щекахъ и покрыто кровоподтеками. Подъ разстегнутой тужуркой кто-то разорвалъ рубаху, и на обнаженной бѣлой груди студента было видно два темныхъ пятнышка.

На другихъ столахъ лежали неподвижные, окоченѣвшіе люди, съ землистыми лицами и топорщившимися точно проволочными усами... У одного страшно перекошены глаза, изъ-подъ торчащей бороды виднѣется длинная худая шея съ большимъ кадыкомъ. На затылкѣ у него разможенъ черепъ... густая, тягучая кровь течетъ по столу и оттуда медленно капаетъ на полъ...

Леонидъ Степанычъ тупо смотрѣлъ на эти кровавыя капли, и ему казалось, что они падаютъ на его платье... Онъ осторожно отступилъ къ порогу и осмотрѣлся. Неожиданно мелькнули передъ нимъ знакомыя живыя черты, онъ громко вскрикнулъ и наклонился. На полу, рядомъ съ тѣломъ громаднаго волосатаго человѣка въ новыхъ свѣтлыхъ штанахъ и пестрой жилеткѣ, лежалъ Найдичъ. Кто-то заботливо подложилъ ему подъ голову свернутый бѣлый халатъ. Черные волнистые волосы рѣзко отбѣняли мертвую бѣлизну лба, распростертыя вытянутыя руки лежали на холодномъ полу ладонями кверху. Глаза его были открыты, но глубоко запали, и надъ ними сдвинулись густыя темныя брови.

Жалость охватила Литягина и ему казалось невѣроятнымъ то, что Найдичу уже нельзя помочь, нельзя вернуть его къ жизни... Потому что-то горькимъ упрекомъ шевельнулось въ душѣ Леонида Степаныча и выросло въ

сознаніе большой неискупимой вины, угнетающей совѣсть... Онъ вышелъ въ корридоръ. Тамъ по-прежнему голосили двѣ женщины, и плачь ихъ казался монотоннымъ, точно онѣ устали уже и забыли, о чемъ плачутъ. Литягинъ подождаль студентовъ и вмѣстѣ съ ними пошелъ черезъ темный дворъ къ большимъ воротамъ, выходявшимъ на улицу. Сырой, пронизывающій воздухъ освѣжилъ его. Онъ шелъ, жадно вдыхая ночной холодъ, и странная тишина вошла теперь въ его душу. Ему казалось, что скоро умереть и онъ, и всѣ близкіе люди... сестра... студентъ, который идетъ впереди и несетъ фонарь...

— Смерть... успокоеніе... — думалъ онъ.—Какъ все это просто... и нисколько не страшно...

На улицѣ у главнаго подъѣзда стояла большая товарная платформа. Темная корявая фигура возницы отрывисто кряхтѣла подлѣ понурыхъ лошадей, отъ которыхъ валилъ паръ. На платформѣ, освѣщенной зеленоватымъ свѣтомъ фонаря, словно громадные привидѣнія возвышались длинные люди въ бѣлыхъ халатахъ. Они громко переговаривались съ суетившимися вокругъ студентами, и голоса ихъ злобѣще отдавались въ ночномъ мракѣ.

— Ну что же, принимаютъ, что ли?..

— Конечно, примутъ... Сейчасъ дадутъ помѣщеніе...

— Солдаты стрѣляли въ карету скорой помощи...

— На Куликовомъ полѣ еврейскіе дома обстрѣливаютъ изъ пулеметовъ...

— Въ больницахъ нѣтъ мѣсть... все переполнено...

— Откуда это?..

— Съ Каратаевской...

Литягинъ подошелъ къ платформѣ. На ней тѣсными рядами были усажены дѣти, сонныя, безпомощныя, жалобно всхлипывавшія и жавшіяся другъ къ дружкѣ. Ху-

денькая дѣвочка, лѣтъ тринадцати, закутанная въ сѣрую шаль, испуганными, остолбенѣлыми глазами смотрѣла на подошедшаго къ ней Литягина.

— Это сиротки все... — тихо пояснилъ одинъ изъ санитаровъ, наклоняясь къ нему съ платформы.

Дѣвочка всхлипнула.

— Они убили нашего дѣдушку... и маму тоже... убили... маму!.. маму...

— Давайте дѣтей!.. Въ большую аудиторію!—закричалъ появившійся въ подъѣздѣ большой бородатый человекъ въ блузѣ и въ мягкой широкополой шляпѣ.

Леонидъ Степанычъ тупо смотрѣлъ, какъ дѣтей торопливо снимали съ платформы и на рукахъ переносили мимо него въ университетъ. Дѣвочка затихла; пухлый здоровый мальчуганъ проснулся на рукахъ студента-санитара и, увидѣвъ незнакомое, чужое лицо, разразился громкимъ жалобнымъ плачемъ.

Литягину казалось, что всѣ вокругъ него паразитально спокойны и ревнодушны... — Убийства, смерть, осиротѣвшія дѣти... Никому никого не жалко... въ вестибюлѣ студенты пьютъ чай... тамъ убиваютъ людей, а они пьютъ чай...—Странно, что и въ немъ тоже не было теперь прежней отзывчивости; мучительная удушливая истома разливалась по тѣлу, и все теперь было для него безразлично. Онъ медленно перешелъ улицу и, устало волоча ноги, побрелъ по панели. — Вотъ сейчасъ возьмутъ и застрѣлятъ меня... и отнесутъ туда... внизъ... Пусть!.. Я не боюсь... Не все ли равно?.. Бѣдный мертвый Найдичъ... фантазеръ... Сестра... Гдѣ она теперь?.. Ахъ да, она тамъ... тамъ, гдѣ убиваютъ...

Литягинъ перевелъ дыханіе и прислонился къ большому мокрому дереву у края' панели. Все странно завертѣлось передъ нимъ, улица вдругъ освѣтилась яркимъ заревомъ и широко раздвинулась... посреди нея быстро неслась большая платформа съ дѣтьми... много, много дѣтей... и у нихъ въ рукахъ ярко-красные цвѣты...

Среди нихъ стоитъ Найдичъ, красивый, радостный... Онъ машетъ рукой и кричитъ ему: искупите свою вину!.. зачѣмъ жить?.. Это бесполезно... Смерть! Смотрите, какъ хороша смерть!..

У Литягина закружилась голова, похолодѣлъ лобъ отъ выступившаго на немъ крупнаго пота... улица медленно стала поворачиваться вправо... исчезла платформа съ дѣтьми и Найдичемъ... мгновенно погасъ свѣтъ... Леонидъ Степанычъ, шатаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, потерявъ сознание, упалъ подлѣ какого-то подвѣзда.

XIII.

Къ утру разгромъ возобновился въ центральныхъ частяхъ города. Теперь уже не пропускали ни одного дома, врывались въ дворы, опустошали квартиры искали прятавшихся евреевъ въ отхожихъ мѣстахъ, на чердакахъ и въ чуланахъ. Въ переулкѣ стоялъ слитный волнующійся гулъ, прерываемый свистомъ, гиканьемъ и угрожающимъ ревомъ разсвирѣпѣвшихъ громилъ.

Подлѣ разграбленной табачной лавченки, толпа окружила Ольгу Степановну, подвѣхавшую на извожничьи дрожжахъ.

— Стой, сестра! — заоралъ здоровенный косматый дѣтина, проталкиваясь впередъ и протягивая къ ней грязную окровавленную руку.

— Сперва скло вынь... Пластырь клади...

— Знаемъ мы ихъ! — кричала пьяная растрепанная женщина. — Можетъ, сама жидовка!..

— Жидовскій крестъ!..

— Подъ крестомъ отраву развозятъ!..

Ольга Степановна строго посмотрѣла на кричавшую женщину и, сойдя съ дрожжекъ, стала дѣлать перевязку.

— Говорю, сперва скло вынь!..

— Некогда мнѣ съ пустяками возиться!.. — рѣзко отвѣтила Ольга Степановна, не прерывая работы.

— Чего-о?.. Пустяками?..

Лицо громилы противно перекошилось, онъ сильно потянулъ руку и, размотавъ бинтъ, рванулся впередъ. Взмахнувъ руками, онъ обнялъ Ольгу Степановну, но въ ту же минуту получилъ сильный ударъ по лицу, разнялъ руки и отшатнулся.

— Пошелъ прочь, негодяй! — закричала она, не помня себя отъ гнѣва.

Въ толпѣ послышался смѣхъ, одобрительные возгласы:

— Ловко двинула!..

— Саданула здорово!..

— Ну и баба, чортова мать!..

— Уходи, сестра, не бойсь...

— Пущай своимъ дѣломъ занимается...

Толпа разступилась, и Ольга Степановна смѣло прошла среди громилъ.

Въ глубинѣ мрачнаго застроеннаго двора, заваленнаго обломками разной домашней утвари и рванымъ затоптанымъ тряпьемъ, нѣсколько громилъ съ яростью рвали низкую широкую дверь, обитую черной жестью. Она долго не поддавалась. Наконецъ, кто-то догадался принести тяжелый желѣзный ломъ, и послѣ нѣсколькихъ ударовъ дверь распахнулась.

Громилы ворвались въ большую высокую комнату съ сырими осклизлыми стѣнами. Это была небольшая еврейская молельня. Въ ней стояли сумерки и пахло спертымъ запахомъ человѣческаго пота. У стѣны, обращенной къ востоку, между двухъ позолоченныхъ колоннокъ, стоявшихъ на небольшомъ возвышеніи, были изображены раскрашенные подъ мраморъ скрижали завѣта. Подъ ними висѣла черная бархатная за-

навѣска, украшенная нашитымъ на ней изображеніемъ щита Давида изъ бѣлаго позумента. По обѣимъ сторонамъ алтаря въ высокихъ мѣдныхъ семисвѣчникахъ горѣли желтыя восковыя свѣчи. На полу у стѣны сидѣла жалкая худосочная еврейка съ двумя маленькими дѣтьми, испуганно прижимавшимися къ матери. Посреди молельни, на особомъ возвышеніи, съ котораго обыкновенно читають Тору, стоялъ высокій сѣдобородый старикъ въ ермолкѣ, въ длинномъ пожелтѣвшемъ талесѣ съ тройной черной каймою. Въ рукахъ у него были свитки Торы въ голубомъ шелковомъ чехлѣ, на которомъ тоже былъ вышитъ серебромъ щитъ Давида. Старикъ стоялъ неподвижно, бережно прижимая къ груди священные свитки и, откинувъ назадъ большую сѣдую голову, смотрѣлъ вверхъ горящими, вдохновенными глазами. Что-то фанатически-страстное было въ его застывшей фигурѣ, и нельзя было понять,—молился ли онъ, приносилъ ли жалобу, или угрожалъ своему жестокому Богу.

Громили въ замѣшательствѣ остановились у входа. Одинъ изъ нихъ смущенно засмѣялся и смолкъ; остальные попятились назадъ.

— Шма, Исроэль!—неожиданно раздался горестный молитвенный призывъ старика и дребезжащимъ воплемъ разбился о низкій потолокъ молельни.

— Слушай, Израиль!... — снова вырвался изъ его груди мучительный зовущій крикъ и замеръ. Онъ медленно повернулся спиной къ громиламъ и, сойдя съ возвышенія, направился къ алтарю. Лицо его было сосредоточенно и спокойно, онъ осторожно несъ священные свитки Торы, точно боясь уронить ихъ, и благоговѣйно шепталъ молитву.

- Богу молится...—послышалось среди громиль.
- Должно, самъ рабинъ...
- И жидовка съ имъ... на полу сидитъ...
- У кажнаго свой законъ...

— Вѣрно!.. Идемъ, ребята... Не надо трогать... — тихо сказалъ высокій молодой парень съ подбитымъ лицомъ и засученными рукавами на сильныхъ волосатыхъ рукахъ. Онъ протяжно вздохнулъ и вышелъ изъ молельни. Всѣ молча потянулись за нимъ.

— Пущай молится... Ну его къ дьяволу!..

Навстрѣчу имъ быстро шла Ольга Степановна. Въ это время въ переулкѣ затрещали частые ружейные залпы, и во дворъ вбѣжалъ низенькій молодой человекъ въ длинномъ пальто и въ форменной фуражкѣ.

— Въ чемъ дѣло?.. Кто стрѣляетъ?.. — строго спросила его Ольга Степановна.

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на нее и сухо отвѣтилъ:

— Казаки стрѣляютъ... Разгоняютъ жидовскую обшарпанную...

Она съ ненавистью взглянула на его наглую, отталкивающую физиономію и, ничего не сказавъ, побѣжала къ воротамъ. Громилы и человекъ въ форменной фуражкѣ, заинтересованные смѣлой женщиной, пошли за ней.

XIV.

На Заставѣ третій день шла вольная кровавая потѣха. Въ узкомъ кривомъ переулкѣ, передъ старымъ почернѣвшимъ домомъ, выла разнузданная толпа, опьяненная грабежемъ и разгуломъ. Въ разбитыхъ окнахъ то и дѣло мелькали озвѣрѣлыя лица двигавшихся людей, съ ожесточеніемъ выбрасывавшихъ на улицу столы и стулья, ящики комодовъ съ вываливавшимся на-лету бѣльемъ, худосочные запыленные цвѣты, старое поношенное платье, разорванныя перины. Густой бѣлый пухъ носился по всей улицѣ.

Внизу разступившаяся толпа нелѣпо горланила сильными, простуженными голосами. На обшарпанномъ балконѣ нѣсколько пьяныхъ оборванцевъ что-то разбивали топорами, громко ругались и перекликались со стоявшей внизу толпой, нетерпѣливо ожидавшей добычи. На-

конецъ, они съ трудомъ подняли тяжелый сундукъ, послышался трескъ обломавшихся перилъ, сундукъ неловко соснулъся и задержался, потомъ, медленно перевернувшись въ воздухъ, грохнулся на мостовую и раскололся на всѣхъ швахъ и скрѣпахъ. За нимъ полетѣла разломанная кушетка, грузно качнулся въ воздухъ неуклюжий шкафъ съ рассыпавшейся изъ него посудой...

Остервенѣлые, жадные люди въ бѣшеной свалкѣ ломали и топтали ногами сброшенныя вещи, били, рвали на части бѣлье и платье... Рыжий вихрастый парень съ оскаленными зубами, издавая злорадный звѣриный ревъ, выбѣжалъ на балконъ и съ силой бросилъ внизъ что-то завернутое въ лохмотья. Оно странно екнуло, ударившись о край разбитаго шкафа, и безпомощно свалилось на мостовую.

— Крышка!..—бѣшено закричалъ внизу босой безусый парень съ тупымъ, идиотскимъ лицомъ.—Жидовское дитѣ убили!..

Простоволосая пьяная женщина, неувѣренно размахивая руками, съ дикимъ хохотомъ подбѣжала къ разбившемуся на смерть ребенку и ударила его ногою. Толпа заготала, раздались яростные крики:

— Б-бей ж-жидовъ!..

— Б-бей!.. Не копайся, ребята!..

Пронесся вкрадчивый призывный свистъ, что-то громко затарахтѣло, раздались частые глухіе удары, дребезжанье стеколъ... Потомъ въ адскій грохотъ и ревъ толпы врѣзался острый растерзанный вопль... На балконѣ показалась полунагая женщина съ обезумѣвшими воспаленными глазами и перекошеннымъ, широко-открытымъ ртомъ. Она безпомощно металась среди окружившихъ ее громилъ, ловила ихъ руки, цѣплялась за рѣшетку перилъ, въ отчаяніи молила о пощадѣ... Внизу всѣ затихли. Потомъ кто-то заоралъ:

— Б-бей!.. Бей жидовку...

Тогда вся толпа заревѣла дикими надсаженными голосами:

— Кидай ее!.. Б-бей!..

— Ага, жидовская сволочь!.. Га-га-га-а!..

— Бей, ребята!.. Бей!..

Сильная матерная брань заглушила мольбы обезумѣвшей отъ страха женщины. Грязный коренастый человѣкъ, похожій на гориллу, широко взмахнулъ рукою и сильнымъ ударомъ кулака сшибъ ее съ ногъ. Пронзительный, рѣжущій крикъ сразу оборвался и замеръ... Мелькнули голыя худыя ноги, длинные распавшіеся волосы... Что-то хряснуло на мостовой, отдалось далекимъ стономъ и смолкло.

Толпа зарычала, какъ разъяренный звѣрь, взвыла и разразилась сумасшедшимъ хохотомъ. Казалось, камни зданій содрогнулись отъ ужаса. Разбившуюся женщину за ноги поволокли по улицѣ. Голова ея билась о мокрая плиты мостовой, длинныя руки, отброшенныя назадъ, были окровавлены и путались въ ея волосахъ, сбившихся грязными мокрыми космами.

XV.

На слѣдующее утро Ольга Степановна и Фастъ вдвоемъ поѣхали въ городскую больницу. Тамъ уже второй день лежалъ Литягинъ, подобранный на улицѣ въ очень тяжеломъ состояніи. Теперь ему было немного лучше, но врачи все еще опасались повторенія удара и запретили перевозить его на квартиру.

Погромъ прекратился еще наканунѣ вечеромъ. День былъ тихій и теплый. Ясный солнечный свѣтъ пронизывалъ влажный воздухъ и золотилъ мокрая плиты панелей. На улицахъ, у телефонныхъ столбовъ и афишныхъ кіосковъ, толпился народъ, читавшій только-что расклеенное объявленіе. Командующій войсками предупреждалъ, что грабежи будутъ безжалостно подавляться силой оружія.

У нѣкоторыхъ воротъ Ольга Степановна замѣтила небольшія группы евреевъ, молчаливыхъ, съ сумрачными неподвижными лицами, съ затаенной мукой въ глазахъ. Казалось, что они глядятъ на нее съ горькимъ упрекомъ и озлобленіемъ и, словно негодующіе судьи, ждутъ отъ нея отвѣта... Было нестерпимо стыдно за чужую чудовищную преступность; угнетало смутное сознание какой-то своей вины и отвѣтственности... Она нахмурилась и опустила глаза. Потомъ медленно перевела взглядъ на Фаста.

Онъ вяло посматривалъ на проходившихъ мимо людей, брезгливо морщилъ носъ и щурилъ глаза. Замѣтивъ суровый взглядъ Ольги Степановны, сразу смутился и покраснѣлъ; потомъ вдругъ сдѣлалъ серьезное озабоченное лицо.

— Въ думѣ уже открытъ сборъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ...—сказалъ онъ дѣловымъ тономъ.—На обратномъ пути нужно будетъ заѣхать туда... непремѣнно...

Ольга Степановна медленно смѣрила его холоднымъ, неприязненнымъ взглядомъ и ничего не отвѣтила.

Они ѣхали теперь по узкой кривой улицѣ городского предмѣстья. Подлѣ большого русскаго трактира толпилось много пьяныхъ людей, слышались залихватскіе возгласы, буйныя веселія пѣсни. Молодой охмѣлѣвшій парень, босой, въ разорванной грязной рубахѣ, игралъ на гармоникѣ и громко плакалъ.

Дрожки быстро проѣхали мимо, но за ними еще долго неслись протяжные безнадежные вздохи гармоники и сливались съ жалостливыми причитаніями плачущаго гармониста. О чемъ плакалъ онъ, бездольный русскій человѣкъ съ ожесточенной душой и темнымъ разумомъ?.. Глубокая грусть схватила Ольгу Степановну, заняло въ груди, въ строгихъ глазахъ ея блеснули слезы...

О д е с с а.

Мартъ 1906 года.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

САВВА.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Ignis sanat.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТРОПИНИНЪ, содержатель трактира въ монастырскомъ посадѣ. Старикъ лѣтъ подь пятьдесятъ; держится важно, говорить внушительно и строго. 2 /

АНТОНЪ (ТЮХА). Лѣтъ 35—38, грузный, одутловатый, съ одышкой. Лицо безкровное, мрачное, сонное, съ рѣдкой растительностью. Говорить медленно и трудно; никогда не смѣется.

ОЛИМПИАДА. 28 лѣтъ. Довольно красивая, бѣлая; есть что-то монастырское въ одеждѣ.

САВВА. 24 года. Большой, широкоплечій, немного мужиковатый. Ходить слегка сгорбившись, плечомъ впередъ, носки внутрь. Жесты рукъ округленные, красивые, ладонью вверхъ—точно держать что-то. Черты лица крупныя, рубленныя; вмѣсто бороды и усовъ—мягкій, свѣтлый пушокъ. Когда волнуется или сердится, становится весь сѣрый, какъ пыль; движенія дѣлаются легкія, быстрыя, сутулость исчезаетъ,—точно распахивается весь. Одѣтъ въ блузу и сапоги, какъ рабочій.

ПЕЛАГЕЯ, жена Тюхи, веснушчатая, безцвѣтная женщнна лѣтъ 30. Одѣта по-мѣщански, грязно, неряшливо.

СПЕРАНСКІЙ, ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ, бывшій семинаристъ. Высокаго роста, очень худой, лицо продолговатое, блѣдное, съ пучкомъ черныхъ волосъ на подбородкѣ. Длинные, гладкіе волосы, двумя прядями свисающіе вдоль лица. Одѣтъ или въ длинное черное пальто, или въ такой же сюртукъ.

КОНДРАТІЙ. Послушникъ, 42 лѣтъ, невзрачный, узкогрудый человекъ съ подпухшими живыми глазками.

молодой послушникъ васа. Крѣпкій, сильный юноша
лѣтъ девятнадцати. Круглое, веселое, улыбающееся лицо, волнистые
свѣтлые волосы.

царь продѣ. Лѣтъ 50. Странникъ. Лицо сухое, изможденное,
черное отъ загара и придорожной пыли; косматые, сѣдые волосы,
такая же борода, что придаетъ ему дикій видъ. Одна только рука,
лѣвая; другая по плечо отрѣзана. Росту высокаго, какъ и Савва.

ГОДСТЫЙ МОНАХЪ.

СЪДОЙ МОНАХЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЧУЙКѢ.

Монахи, богомольцы, странники, калѣки и убогіе, слѣпцы, уроды.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XX-го столѣтія, въ богатомъ мо-
настырѣ, извѣстномъ чудотворною иконою Спасителя. Между
первымъ и послѣднимъ актами проходитъ около двухъ недѣль.

Л. Андреевъ. Савва.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность мѣщанскаго жилища въ монастырскомъ посадѣ. Двѣ комнаты, третья въ перспективѣ. Все кривое, старое, загаженное. Первая комната—нѣчто вродѣ стеловой, большая, грязная, съ низкимъ потолкомъ, съ дешевыми запятнанными обоями, кое-гдѣ отставшими отъ стѣнъ. Три маленькія окна выходятъ во дворъ; видны навѣсы, телѣга, какая-то рухлядь. Деревянная дешевая мебель, большой непокрытый столъ; на стѣнахъ засиженные мухами виды монастыря и портреты монаховъ. Вторая комната для гостей, почище; на окнахъ кисейныя занавѣски, два горшка съ засохшей геранью; диванъ, круглый столъ со скатертью, горка съ посудой. Изъ первой комнаты дверь налѣво ведетъ въ трактиръ; когда дверь открывается, изъ трактира доносится чье-то заунывное, монотонное пѣніе. Лѣтній жаркій полдень, тишина; изрѣдка подъ окномъ прокудахчетъ курица; черезъ каждыя полчаса на монастырской колокольнѣ бьютъ часы: передъ тѣмъ какъ ударить, они долго и непонятно вылаваниваютъ что-то. Пелагея, беременная, моетъ полы.

ПЕЛАГЕЯ (у нея кружится голова; шатаясь, она опирается на стѣну и такъ стоитъ нѣкоторое время, безсмысленно глядя передъ собой). Охъ, Господи! (Моетъ)

ЛИПА (входитъ, изнемогая отъ жары). Духота какая! Не знаю, куда дѣваться. Голова какъ дурманомъ налита. (Садится) Поля, а Поля?

ПЕЛАГЕЯ. Что?

ЛИПА. Поля, а папаша гдѣ?

ПЕЛАГЕЯ. Спать.

ЛИПА. Охъ, не могу! (Открываетъ окна, потомъ, безцѣльно пройдясь по комнатамъ, заглядываетъ въ трактиръ) Тюха тоже за стойкой спитъ. Искупаться бы пойти, да жарко, не

дойдешь до рѣки. Поля, ты хоть бы сказала что-нибудь.

пелагея. Что?

липа. Все моешь?

пелагея. Мою.

липа. А черезъ день опять грязные будутъ. Охота тебѣ!

пелагея. Надо.

липа. Посмотрѣла я сейчасъ на улицу, такъ даже жутко: ни человѣка, ни собаки. Точно умерло все... И монастырь такой странный: какъ будто онъ виситъ въ воздухѣ. Дунуть на него, и онъ заколышется и улетитъ. Что же ты молчишь, Поля? А Савва гдѣ? Не видала?

пелагея. На выгонѣ съ ребятами въ ладыжки играетъ.

липа. Какой смѣшной!

пелагея. Что же тутъ смѣшного? Ему работать надо, а онъ игры играетъ, какъ маленькій. Не люблю я вашего Савки!

липа (лѣвно). Нѣтъ, онъ хорошій.

пелагея. Да! Пожаловалась я ему, какъ хорошему, что трудно мнѣ, а онъ говоритъ: что-жь, хочешь быть дошадью, такъ вези. Зачѣмъ только приходилъ сюда? Гдѣ былъ, тамъ бы и оставался.

липа. Родныхъ повидать. Десять лѣтъ, Поля, не видалъ, какъ хочешь. Вѣдь онъ еще мальчикомъ ушелъ отсюда.

пелагея. Очень ему нужны родные! То-то Егоръ Ивановичъ не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. Сосѣди и тѣ удивляются: одѣтъ, какъ рабочій, а держитъ себя, какъ баринъ. Ни съ кѣмъ не хочетъ говорить, а только ворочаетъ глазами, какъ идолъ. Я глазъ его боюсь.

липа. Какіе пустяки! У него красивые глаза.

пелагея. Развѣ онъ не видитъ, какъ мнѣ трудно:

одна на весь домъ работаю. А онъ что? Давеча волоку я кадку, надрываюсь, а онъ прошелъ мимо, „здравствуй“ не сказалъ. Много я людей перевидала, а ни одинъ не былъ мнѣ такъ противень.

ЛИПА. У меня отъ жары круги передъ глазами. А ты если не хочешь, Поля, такъ и не работай,—никто тебя не заставляетъ.

ПЕЛАГЕЯ. А если не я, такъ кто же будетъ работать? Не ты ли?

ЛИПА. И я не стану. Работницу найдемъ.

ПЕЛАГЕЯ. То-то денегъ у васъ много.

ЛИПА. А начто ихъ беречь?

ПЕЛАГЕЯ. Вотъ умру я скоро, тогда и нанимайте. Моего вѣку пемного осталось. Скинула одного ребенка, а на другомъ и сама Богу душу отдамъ. Что же! Лучше, чѣмъ такая жизнь. Охъ! (Хватается за поясницу)

ЛИПА. Да кто же заставляетъ тебя? Господи! Ну брось, не мой.

ПЕЛАГЕЯ. Да, брось. А потомъ сами будете говорить, отчего грязно.

ЛИПА (маясь отъ жары и отъ рѣчей Пелагеи). Господи, тоска какая!

ПЕЛАГЕЯ. А мнѣ не тоска. Ты что, ты вѣдь барыня. У тебя одно дѣло: Богу молиться, да книжки читать. А мнѣ и помолиться некогда: такъ съ подоткнутымъ подоломъ на тотъ свѣтъ и вяпаюсь,—здравствуйте!

ЛИПА. Ты и на томъ свѣтѣ полы будешь мыть.

ПЕЛАГЕЯ. Нѣтъ, это ты будешь тамъ полы мыть, а я буду барыней сидѣть. На томъ свѣтѣ мы первые будемъ. А тебя и твоего Савку за гордость и жестокосердіе твое....

ЛИПА. Ахъ, Поля! Да развѣ же я тебя не жалѣю?

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ (входитъ сильно заспавный, борода на сторону, воротъ рубахи разстегнуть, дышетъ тяжело). Фу-ты... Полька, принеси-ка квасу. Поживѣ!

(Пауза)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Кто окна открылъ?

ЛИПА. Я.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. А зачѣмъ?

ЛИПА. Жарко. Тутъ отъ печки отъ трактирной продохнуть нельзя.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ну и закрой. Закрой, говорю! А если жарко, такъ на погребъ ступай.

ЛИПА. Да зачѣмъ это?

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. А затѣмъ! Ну, закрывай, закрывай. Сказано, чего ждешь?

(Липа, пожимая плечами, закрываетъ; хочетъ уходить)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Куда? Какъ отецъ пришелъ, такъ бѣжать. Посиди.

ЛИПА. Да вѣдь я вамъ не нужна.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Нужна—не нужна, а посиди. Не умрешь. Охъ, Господи! (Зѣваетъ и крестится) А Савка гдѣ?

ЛИПА. Не знаю.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Скажи ему, выгоню его.

ЛИПА. Сами скажите.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Дура! (Зѣваетъ и крестится) Господи Иисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ. Что это я нынче во снѣ видѣлъ?

ЛИПА. Не знаю.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Тебя и не спрашиваютъ. Дура, какъ же ты можешь знать, что я во снѣ видѣлъ, а? Вотъ голова!

ПЕЛАГЕЯ (подаетъ квасъ). Натѣ!

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Натѣ! Поставь, а не натѣ. (Беретъ кружку и пьетъ) О чемъ я говорилъ-то?

(Пелагея домываетъ полы, Липа смотритъ въ окно)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Да, отецъ игумень... Ловкій человекъ, поискать такихъ. Новый гробъ на мѣсто стараго поставилъ. Старый-то весь богомольцы изгрызли, такъ онъ новый поставилъ. Новый поставилъ, да. На мѣсто

старого. И этотъ изгрызуть дураки. Имъ что ни поставь. Дураки! Ты слышишь, или нѣтъ?

ЛИПА. Слышу. Что-же тутъ хорошаго? Обманъ, больше ничего.

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. А то и хорошаго, что у тебя не спросился. Старый-то весь изгрызли, такъ онъ новый поставилъ, такой же. Да, какъ разъ такой, въ какомъ преподобный лежалъ, помяни ты насъ во царствіи твоёмъ небесномъ. (Крестится и зѣваетъ) И зубы отъ него тоже проходить. Старый-то они весь изгрызли. Куда? Посиди!

ЛИПА. Я не могу, тутъ такъ жарко...

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. А я могу? Посиди, не растаешь.

(Пауза)

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Старый-то они сгрызли, такъ онъ новый поставилъ. А Савка гдѣ?

ПЕЛАГЕЯ. Съ ребятами въ ладыжки играетъ.

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Тебя не спрашиваютъ. Который часъ?

ПЕЛАГЕЯ. Два пробило.

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Ты ему скажи, что я его выгоню. Я этого не потерплю.

ЛИПА. Да чего? Вы скажите толкомъ.

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Того. Кто онъ такой? Какъ обѣдать, такъ его и нѣту, а потомъ придетъ и жретъ одинъ, какъ собака. По ночамъ шатается, калитку не запираетъ. Вчера выхожу, а калитка настезь. Обокрадутъ, кто тогда отвѣчать будетъ?

ЛИПА. Ну, какіе у насъ воры?

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Такіе, всякій. Люди спятъ, а онъ шатается: гдѣ это видно?

ЛИПА. Да если ему спать не хочется, Господи! •

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Ну, ты тоже. Не хочется, такъ полежи: заснешь. Никому спать не хочется, а какъ полежалъ, такъ и заснулъ. Не хочется! Знаю я его. При-

шелъ—кто звалъ? Дѣлалъ тамъ бумажки, такъ и дѣлалъ бы, а сюда чего?

ЛИПА. Какія еще бумажки?

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Какія? Не настоящія же: за настоящія ничего не бываетъ. Фальшивыя, вотъ какія. За это, братъ, по головкѣ не поглядятъ, теперь строго. А я возьму—становому приставу и скажу: такъ и такъ, пощупайте-ка его.

ЛИПА. Какія глупости!

ПЕЛАГЕЯ. Это ты одна не знаешь, всѣ знаютъ.

ЛИПА. О, Господи!

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Ну Бога-то мы знаемъ получше твоего, нечего взывать. А ты ему скажи. Я его не боюсь, не на таковского напалъ. Возьму и выгоню: ступай, откуда пришелъ. Ты грабить будешь, а я за тебя отвѣчать, гдѣ это видано?

ЛИПА. Вы еще не проснулись, какъ слѣдуетъ, папаша.

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Я-то проснулся давно, а ты-то вотъ проснулась-ли. Смотри, Олимпиада, не было бы тебѣ того же.

ЛИПА. Чего?

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Того... (Зѣваетъ и крестится) Поднялась бы изъ гроба покойница, посмотрѣла-бы—то-то бы похвалила: хороши дѣтки! Вскормилъ я васъ, взлелѣялъ, а вышли настоящіе прохвосты. Тиха вотъ скоро тоже зашьетъ, по харѣ вижу. Гдѣ это видано? Скоро на праздникъ народъ попретъ, а я одинъ за всѣхъ работай. Полька, подыми спичку, вонъ. Да не тамъ, дура слѣпая! Вотъ, дура!

ПЕЛАГЕЯ (ищетъ). Да не вижу я.

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Вотъ огрѣю я тебя по затылку, такъ сразу увидишь. Да вотъ она, чортъ!

ЛИПА (въ изнеможеніи). Господи, жарыща какал!

ЕГОРЬ ИВАНОВИЧЪ. Да вотъ она! Куда лѣзешь? Подъ стуломъ. Вотъ, анафема!

(Входитъ Савва, очень веселый, въ подолѣ ладыжки)

САВВА. Шестъ паръ съ лашкой выигралъ!
ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Скажите пожалуйста.

САВВА. Мишку, подлеца, насилу доканаль. Ты что бурчишь тамъ?

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ничего. Только бы лучше ты мнѣ „вы“ говоришь.

САВВА (не обращая на него вниманія). Липа, я шесть паръ выигралъ.

ЛИПА. Какъ ты можешь въ такую жару!..

САВВА. Погоди, я сейчасъ ладыжки отнесу. Теперь у меня 18 паръ. Ну и подлець Мишка: здорово играетъ.

(Уходитъ)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (поднимается). Больше я не желаю его видѣть. А ты ему скажи.

ЛИПА. Хорошо, скажу.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ты—не „хорошо“, а дѣлай, что тебѣ отецъ приказываетъ. Народилъ прохвостовъ, нечего сказать. (Уходитъ) То-то бы покойница поглядѣла...

ПЕЛАГЕЯ. Тоже о покойницѣ вспоминаетъ, а кто ее въ гробъ вогналъ? До смерти заговорилъ, зуда проклятая. Говорить-говорить, зудить-зудить, а чего ему надо—и самъ не знаетъ.

ЛИПА. Да тутъ съ вами... точно въ желѣзные обручи завинчиваютъ голову.

ПЕЛАГЕЯ. Такъ и уходила бы со своимъ Савкой, чего ждешь?

ЛИПА. Вотъ ты. За что ты на меня злишься?

ПЕЛАГЕЯ. Я не злюсь; я правду говорю. Замужъ не хочешь, женихами брезгуешь, такъ шла бы въ монастырь.

ЛИПА. Въ монастырь я не пойду, а уйти, должно быть, скоро уйду.

ПЕЛАГЕЯ. Ну и уходи: скатертью дорога.

ЛИПА. Ахъ, Поля, ты вотъ все сердилъ, злишься, а не знаешь ты, о чемъ я по ночамъ думаю. Лежу

и думаю. И о тебѣ, Поля, думаю и обо всѣхъ несчастныхъ, обо всѣхъ.

ПЕЛАГЕЯ. Обо мнѣ нечего думать, о себѣ лучше думай.

ЛИПА. И никто объ этомъ не знаетъ... Ну, да что говорить: ты все равно не поймешь. Мнѣ жаль тебя, Поля! (Пелагея смѣется) Что ты?

ПЕЛАГЕЯ. А жаль, такъ вотъ возьми-ка ведро, вынеси. Я брюхатая, мнѣ тяжелое поднимать не годится, такъ потрудись ты за меня, Христа ради.

ЛИПА (хмурится, потомъ лицо ея проясняется, и съ улыбкой она беретъ ведро). Давай. (Хочетъ нести)

ПЕЛАГЕЯ (со злостью). Фокусница! Пусти, куда тебѣ. (Уносить ведро, потомъ возвращается за тряпками Входитъ Савва)

САВВА (сестрѣ). Ты что это такая красная?

ЛИПА. Жарко.

(Пелагея смѣется)

САВВА. Послушай, Пелагея, Кондратій меня не спрашивалъ?

ПЕЛАГЕЯ. Какой еще Кондратій?

САВВА. О. Кондратій, послушникъ; такъ, вродѣ воробья.

ПЕЛАГЕЯ. Никакого Кондратія я не видала. Воробей! Тоже скажутъ!...

САВВА. Позови-ка сюда Тюху.

ПЕЛАГЕЯ. Самъ позови.

САВВА. Ну!

ПЕЛАГЕЯ (сперва кричитъ въ дверь, потомъ идетъ въ трактиръ). Антонъ Егорычъ, васъ зовутъ.

ЛИПА. Зачѣмъ онъ тебѣ?

САВВА. Что у васъ здѣсь у всѣхъ за привычка спрашивать: куда, кто, зачѣмъ, почему?

ЛИПА (немного обиженно). Не хочешь, такъ не говори.

ТЮХА (входитъ, говорить медленно и трудно). Ну, кто тамъ зоветъ?

САВВА. Я. Придетъ сюда послушникъ Кондратій,— знаешь?—такъ пошли его сюда.

ТЮХА. А ты кто такой?

САВВА. И водки пришли, полбутылки, слышишь?

ТЮХА. Можетъ, слышу, а можетъ, и нѣтъ. Можетъ, пришло водки, а можетъ, и нѣтъ. Кто знаетъ?

САВВА. Какой скептикъ! Ты одурѣлъ, Тюха?

ЛИПА. Оставь его, Савва. Это онъ у семинариста, у Сперанскаго, научился. У него и такъ въ головѣ...

ТЮХА (садится). Меня никто не училъ, я самъ все понимаю. У меня кровь въ сердцѣ запеклась.

САВВА. Это у тебя отъ пьянства, Тюха. Брось пить.

ТЮХА. У меня кровь въ сердцѣ запеклась. Ты думаешь, я не понимаю, почему это такое? Вдругъ не было тебя, и вдругъ пришелъ. Нѣтъ, я все понимаю. У меня видѣнія бываютъ.

САВВА. Что же ты видишь? Бога?

ТЮХА. Никакого Бога нѣтъ.

САВВА. Вотъ какъ!

ТЮХА. И дьявола нѣтъ. Ничего нѣтъ. И людей тоже нѣтъ. И звѣрей тоже нѣтъ. Ничего нѣтъ.

САВВА. Что же есть?

ТЮХА. Рожи однѣ есть. Множество рожъ. Все рожи, рожи, рожи. Очень смѣшныя рожи, я всегда смѣюсь. Я сижу, а онѣ мимо меня такъ и скачутъ, такъ и плавать. У тебя, тоже, Савва, очень смѣшная рожа. (Мрачно) Можно умереть со смѣху!

САВВА (весело смѣется). Ну-у? какая же у меня рожа?

ТЮХА. Такая... (Тычетъ пальцемъ) И у нея рожа, и у нея рожа. И у папаша тоже рожа. И, кромѣ того, другія рожи. Множество рожъ. Я въ трактирѣ сижу, и все вижу; меня нельзя обмануть. Какая рожа большая, какая маленькая, и всѣ онѣ такъ и плаваютъ, такъ и плаваютъ. Какія далеко, какія совсѣмъ близко, какъ

будто хочеть поцѣловать или за носъ укусить. У нихъ зубы.

САВВА. Ну, ладно, Тюха, ступай; потомъ о рожахъ поговоримъ. У тебя у самого очень занятная рожа.

ТЮХА. Ну да, а то какъ же? И у меня рожа.

САВВА. Ладно, ладно. Ступай да водки тогда пришли, не забудь.

ТЮХА. Какія днемъ, какія ночью... Множество рожъ. (Съ порога) А водки, можетъ, пришлю, а можетъ, и нѣтъ. Не знаю еще.

САВВА (Липѣ). Давно онъ такой?

ЛИПА. Не знаю, давно уже, кажется. Онъ сильно пьеть.

ПЕЛАГЕЯ. Съ вами нехотя запьешь. (Уходитъ) Идолы!

ЛИПА. Жара какая... куда дѣваться, не знаю. Савва, отчего ты такъ плохо относишься къ Полѣ? Она такая несчастная, жалкая.

САВВА. Рабья душа, кривая. Она на трехногій стулъ похожа.

ЛИПА. Она не виновата, что она такая.

САВВА (равнодушно). Да и я не виновать.

ЛИПА. Ахъ, Савва, если бы ты зналъ, какая у насъ здѣсь ужасная жизнь. Мужчины пьянствуютъ, бьютъ женъ, а жены...

САВВА. Знаю.

ЛИПА. Какъ ты равнодушно говоришь это. А мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ тобою...

САВВА. Что же, говори.

ЛИПА. Ты скоро, вѣроятно, опять уйдешь отсюда?

САВВА. Да, скоро.

ЛИПА. Ну вотъ... такъ, пожалуй, и не удастся поговорить. Дома ты бываешь рѣдко... Сегодня чуть ли не въ первый разъ... Да, Савва,— и охота же тебѣ играть съ ребятами, со стороны смѣшно смотрѣть. Такой ты большой, какъ медвѣдь..

САВВА (весело). Нѣтъ, Липа, они хорошо играютъ.

Мишка—хорошо, и мнѣ съ нимъ трудно справиться. Вчера я ему три пары проигралъ.

ЛИПА. Да вѣдь ему десять лѣтъ!

САВВА. Ну такъ что же? Да и народу здѣсь нѣтъ, кромѣ нихъ. Самый умный народъ.

ЛИПА (съ улыбкой). А я?

САВВА (смотреть на нее). А ты? Что же, и ты, какъ другіе.

(Пауза. Липа обижена, и вялость ея нѣсколько исчезаетъ)

ЛИПА. Можетъ, тебѣ скучно со мной?

САВВА. Нѣтъ, все равно. Я никогда не скучаю.

ЛИПА (принужденно смѣется). Что же, и на томъ спасибо. Ты былъ сегодня въ монастырѣ? Ты туда часто, кажется, ходишь?

САВВА. Былъ, а что?

ЛИПА. Ты, вѣроятно, совсѣмъ его не помнишь? А я такъ его люблю. Онъ у насъ такой красивый, такой задумчивый иногда. Мнѣ нравится, что онъ такой старый: отъ этого въ немъ есть какая-то важность, строго спокойствіе, отчужденность...

САВВА. Ты много книгъ читаешь?

ЛИПА (краснѣя). Прежде много читала... Я вѣдь четыре зимы въ Москвѣ жила, у тети Глаши. Ты почему спрашиваешь?

САВВА. Такъ... продолжай.

ЛИПА. Тебѣ смѣшно, что я такъ говорю?

САВВА. Нѣтъ, ничего.. говори.

ЛИПА. Но вѣдь монастырь, правда, такой удивительный. Тамъ, знаешь, есть хорошіе уголки, гдѣ никто не бываетъ,—такъ, гдѣ-нибудь между глухими стѣнами, гдѣ только трава да упавшій кирпичъ, да какой-то старый, старый соръ. Я люблю бывать тамъ, особенно въ сумерки или вотъ въ такой жаркій, сонный день. Стоишь, закрывши глаза, и кажется, что видишь что-то далекое, далекое. Тѣхъ, кто первые его строили, кто первые въ немъ молились. Вотъ идутъ

они по мосткамъ, несутъ кирпичи и что-то поютъ—такъ тихо, далеко. (Закрываетъ глаза) Такъ тихо, тихо...

САВВА. Я не люблю стараго. И строили его, конечно, крѣпостные, и когда таскали кирпичи, то не пѣли, а ругались. И кто-нибудь какъ разъ на этомъ мѣстѣ сломалъ себѣ шею. Такъ будетъ вѣрнѣе.

ЛИПА (открывая глаза). А у меня такія мечты... Я вѣдь здѣсь одна, Савва... мнѣ и поговорить не съ кѣмъ. Послушай, ты не будешь сердиться? Скажи мнѣ, мнѣ одной, зачѣмъ ты пришелъ сюда къ намъ? Вѣдь не молиться же, не на праздникъ: ты не похожъ на богомольца.

САВВА (хмуро). Что это, любопытство? Не люблю я этого.

ЛИПА. Какъ ты можешь думать это? Развѣ я похожа на любопытную? Вѣдь двѣ недѣли ты видишь меня и долженъ понимать, что я одинока здѣсь. Одинока, Савва. И тебѣ я рада, какъ маннѣ небесной: вѣдь ты первый живой человѣкъ оттуда, изъ настоящей жизни. Въ Москвѣ я жила такъ тихо, только книги читала, а тутъ... Ты видѣлъ нашихъ, какіе они.

САВВА. А въ другихъ мѣстахъ, ты думаешь, лучше?

ЛИПА. Не знаю. Вотъ я и хочу узнать отъ тебя. Ты такъ много видѣлъ, ты былъ даже за-границей...

САВВА. Недолго.

ЛИПА. Все равно. Ты видѣлъ много людей, образованныхъ, умныхъ, интересныхъ, ты жилъ съ ними—ну какъ они живутъ, ну какіе они? Расскажи мнѣ все.

САВВА. Дрянной народъ.

ЛИПА. Да?.. Что ты говоришь?

САВВА. А живутъ они, какъ и вы здѣсь живете: глупо, безтолково, и только слова у нихъ другія. Но это еще хуже. Скоту оправданіемъ служить отсутствіе рѣчи, а когда скотъ начинаетъ говорить, защищаться, мечтать, получается совсѣмъ мерзко. И жилье у нихъ другое, это правда, но и то не важное. Я былъ, Липа,

въ одномъ городѣ, гдѣ живеть сто тысячъ человекъ, и во всѣхъ домахъ окна маленькія. Всѣ любятъ свѣтъ, а никто не догадается, что нужно сдѣлать большія окна. И когда строятъ новый домъ, то окна дѣлають по старому—такія же маленькія.

ЛИПА. Вотъ какъ, не думала я этого. Но вѣдь не всѣ же такіе, вѣдь видѣль же ты, навѣрное, хорошихъ людей, которые умѣють жить.

САВВА. Какъ тебѣ сказать? Пожалуй, и видѣль, если не совсѣмъ хорошихъ, то... Вотъ тѣ, съ которыми я жилъ послѣднее время,—народъ ничего себѣ. Стараются брать жизнь не готовую, а дѣлать ее по своей мѣркѣ. Но...

ЛИПА. Кто же они? Студенты?

САВВА. Нѣтъ. Ты, того, какъ насчетъ языка—не изъ болтливыхъ?

ЛИПА. Савва! ну какъ тебѣ не стыдно!

САВВА. Ладно. Такъ вотъ: ты читала про людей, которые бомбочки дѣлають—бомбочки, понимаешь?—Ну и если кто-нибудь мѣшаетъ жить, такъ они его, того, убирають. Называются они террористами. Но это не совсѣмъ вѣрно. (Пренебрежительно) Какіе они террористы!

ЛИПА (отодвигаясь, пораженная). Что ты говоришь? Неужели это правда? И ты тоже? Все такъ просто, и ты вдругъ... Мнѣ даже холодно стало.

(За окномъ кричитъ пѣтухъ, нашедшій зерно и сзывающій куръ)

САВВА. Ну вотъ, испугалась. То Расскажи, а то...

ЛИПА. Нѣтъ, ничего, я такъ. Очень это неожиданно, Савва. Я думала, что такихъ людей нѣтъ въ дѣйствительности, что это только сочиняють. И вдругъ мой братъ... Ты не шутишь, Савва? Посмотри на меня!

САВВА. Да чего ты испугалась? Они вовсе не такіе страшные. Скорѣе даже они смирный народъ, разсудительный. Долго собираются, разсуждають, а потомъ бацъ!—глядь, какого-нибудь воробья и прикончили. А

черезъ минуту, глядь, на этой же вѣткѣ другой воробей скачетъ. Что ты смотришь на мои руки?

ЛИПА. Такъ. Дай мнѣ твою руку... нѣтъ, правую.

САВВА. На.

ЛИПА. Какая она тяжелая. Ты слышишь, какія у меня холодныя руки? Ну говори, говори—какъ это интересно!

САВВА. Да что говорить! Люди они храбрые, это вѣрно, но храбрость у нихъ больше не въ головѣ, а въ рукахъ. А голова у нихъ старая, съ перегородочками, и всё они опасаются, какъ бы не сдѣлать чего лишняго, какъ бы не повредить. Ну можно ли вырубить здоровенный лѣсище, рубя по одному дереву, скажи на милость! А они такъ и дѣлаютъ: съ одного конца рубятъ, а на другомъ подрастаетъ. Пустое получается занятіе. Предложилъ я имъ какъ-то одно дѣльце, пообширнѣе, да они, того, испугались. Слабоваты. Ну я и ушелъ отъ нихъ: пусть себѣ упражняются въ добродѣтели. Узкій народъ: широты взгляда у нихъ нѣтъ.

ЛИПА. Ты говоришь это такъ спокойно, какъ будто шутишь.

САВВА. Нѣтъ, я не шучу.

ЛИПА. А ты—неужели ты ничего не боишься?

САВВА. Я-то? Пока ничего—да и впереди не ожидаю. Страшнѣе того, Липа, что человѣкъ разъ уже родился, ничего быть не можетъ. Это все равно, что утопленника спросить: а что, дядя, промокнуть не боишься? (Смѣется)

ЛИПА. Такъ вотъ ты какой!...

САВВА. одному я у нихъ научился: уваженію къ динамиту. Сильная вещь, съ большой способностью убѣждать.

ЛИПА. Тебѣ 24 только года. У тебя еще ни усовъ, ни бороды нѣтъ.

САВВА (ощупывая лицо). Растительность дрянная, это вѣрно. Но, только, что изъ этого слѣдуетъ?

ЛИПА. Страхъ еще придетъ.

САВВА. Нѣтъ. Если уже я до сихъ поръ не испугался, когда жизнь увидѣлъ, такъ ужъ больше испугаться нечего. Жизнь, да. Вотъ обнимаю я глазами землю, всю ее, весь этотъ шарикъ, и нѣтъ на ней ничего страшнѣе человѣка и человѣческой жизни. А человѣка я не боюсь.

ЛИПА (почти не слушая его, восторженно). Да. Вотъ настоящія слова, вотъ! Савва, милый, я тоже не боюсь страданій тѣла. Я знаю, начни жечь меня на медленномъ огнѣ, разрѣжь меня на части, я не вскрикну,— смѣяться буду. Но я другого боюсь: я боюсь страданія людей, ихъ неизбывнаго горя. Когда я подумаю ночью, въ тишинѣ, когда только колоколь на часахъ, подумаю, сколько вокругъ насъ страданій, безцѣльныхъ, никому не нужныхъ, даже никому неизвѣстныхъ,—я холодѣю отъ ужаса. Я становлюсь на колѣни и молюсь, молюсь и говорю Богу: если нужна жертва, такъ возьми меня, но дай людямъ радость, дай имъ покой, дай имъ, наконецъ, забвеніе. Господи! Быть такимъ всемогущимъ!...

САВВА. Да...

ЛИПА. Я читала про человѣка, котораго клеваль орель, и мясо за ночь у него выростало. Если бы мое тѣло могло стать хлѣбомъ и радостью для людей, я согласилась бы жить вѣчно и, вѣчно въ страданіяхъ, кормить имъ несчастныхъ. Здѣсь въ монастырѣ скоро будетъ праздникъ...

САВВА. Знаю.

ЛИПА. Тутъ есть икона Спасителя съ трогательною надписью: „Приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи...“

САВВА. И Азъ упокою вы“. Знаю..

ЛИПА. Она считается чудотворною, и ты пойди тогда посмотри. Точно рѣка приливаетъ къ монастырю, точно море подходитъ къ его стѣнамъ—и все это море изъ однихъ человѣческихъ слезъ, страданій, горя. Какіе уроды, какіе калѣки! Я потомъ хожу, какъ сума-

спешая, я во снѣ ихъ вижу. Есть такія лица, съ такою глубиною страданія, что ихъ никогда не забудешь, сколько ни живи. Вѣдь я прежде была веселая, Савва, пока не увидѣла всего этого. Здѣсь каждый годъ бываетъ одинъ, по прозвищу Царь Иродъ...

САВВА. Онъ уже здѣсь. Я видѣлъ его.

ЛИПА. Да, видѣлъ?

САВВА. Да. Лицо трагическое.

ЛИПА. Онъ давно, въ молодости еще, убилъ какъ-то нечаянно своего ребенка, и съ тѣхъ поръ все ходитъ. У него ужасное лицо. И всѣ они ждутъ чуда....

САВВА. Да. Есть кое-что похуже неизбывныхъ человѣческихъ страданій...

ЛИПА. Что?

САВВА (небрежно). Неизбывная человѣческая глупость.

ЛИПА. Не знаю.

САВВА. А я знаю. Ты здѣсь видишь только клочокъ жизни, а если бы ты увидѣла, услышала ее всю... Первое время, когда я читалъ ихъ газеты, я смѣялся и думалъ, что это нарочно, что это издается въ какомъ-нибудь сумасшедшемъ домѣ, для сумасшедшихъ. Но нѣтъ, это серьезно. Это серьезно, Липа! И тогда моей мысли стало больно — невыносимо больно. (Прижимаетъ пальцы ко лбу)

ЛИПА. У тебя болѣла голова?

САВВА. Нѣтъ. Это особенная боль, ты ее не знаешь. Ее знаютъ немногіе. И испытать ее—все равно, что пройти сквозь смерть: все остается по ту сторону. Я, Олимпиада Егоровна, видите-ли, уже умеръ однажды— умеръ и воскресъ.

ЛИПА. Ты говоришь загадками.

САВВА. Развѣ? А мнѣ кажется такъ просто. Только вотъ что немного странно: почему такъ жаждете всѣ вы воскресенія Христа? Хорошо, конечно, если Онъ придетъ съ медовымъ пряникомъ, а если вмѣсто того Онъ бичомъ по всей землѣ: вонъ торгующіе изъ храма!

ЛИПА (удивленно). Какъ ты говоришь про Христа!

САВВА (съ большимъ уваженіемъ). Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, видишь-ли, что вотъ тогда я и рѣшилъ—уничтожить все.

ЛИПА. Что ты говоришь!

САВВА. Ну-да, все. Все старое.

ЛИПА (въ недоумѣніи). А человѣка?

САВВА. А тебѣ человѣка жалко? Останется, не бойся. Ему мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ накопилась цѣлая гора. Теперешніе умные хотятъ строить на этой горѣ,—но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы, не выходитъ. Нужно срыть ее до основанія — до голой земли. До голой земли—понимаешь?

ЛИПА. Я не понимаю тебя. Ты такъ странно говоришь!

САВВА. Уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство. Ты знаешь, что такое искусство?

ЛИПА. Да, конечно, знаю. Картины, статуи... Я бывала въ Третьяковской галлерей.

САВВА. Ну вотъ, Третьяковская галлерей и другія, поважнѣе которыя. Тамъ есть хорошее, но будетъ еще лучше, когда старое не будетъ мѣшать. Старое платье, все. У тебя есть любимыя вещи?

ЛИПА. Право, не знаю. Кажется, нѣтъ.

САВВА. Остерегайся вещей! Ты не смотри, что онѣ молчать—онѣ хитрыя и злыя. И ихъ нужно уничтожить. Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался, на голой землѣ. Тогда онъ устроитъ новую жизнь. Нужно оголить землю, Липа, содрать съ нея эти мерзкія лохмотья! Достояна она царской мантии, а одѣли ее въ рубище, въ арестантскій халатъ. Городовъ построили—идіоты!

ЛИПА. Но кто же это сдѣлаетъ, уничтожить все?

САВВА. Я.

ЛИПА. Ты?

САВВА. Ну да, я. Начну я, а потомъ, когда люди

поймутъ, въ чемъ дѣло, то присоединятся другіе. Я принесъ на землю мечъ, и скоро всѣ услышатъ его звонъ. Глухіе и тѣ услышатъ. Не имѣющіе ушей, что-бы слышать, и тѣ услышатъ.

ЛИПА. Это ужасно! Сколько крови!

САВВА. Да, многовато, но если бы былъ ея цѣлый океанъ—все равно черезъ это надо перешагнуть. Когда дѣло идетъ о существованіи человѣка, тутъ уже не приходится жалѣть объ отдѣльныхъ экземплярахъ. Только бы самъ выдержалъ... Ну, а не выдержать, туда, значить, ему и дорога, — не въ свои, значить, сани сѣлъ. Мировая ошибка произошла.

(Пауза. На дворѣ кудахчуть куры; отсюда же доносится сонный голосъ Тюхи: „Полька, тебя папаша зоветъ. Куда ты его картузь дѣвала?“)

ЛИПА. Какіе планы! Ты не шутишь, Савва?

САВВА. Вотъ надоѣли мнѣ съ этимъ все—шутить, шутить.

ЛИПА. Я тебя боюсь, Савва. Ты такъ серьезно говоришь...

САВВА. Да. Меня многіе боятся, Липа.

ЛИПА. Ты хоть бы улыбнулся!

САВВА (смотритъ на нее широко и открыто и смѣется съ неожиданной ясностью). Ахъ ты, чудачка, да зачѣмъ я буду улыбаться? Я лучше засмѣюсь. (Оба смѣются) Ты щекотки боишься?

ЛИПА. Оставь, ну что ты, какой ты еще мальчижъ!

САВВА. Ну ладно. А Кондратія нѣтъ какъ нѣтъ. Не унесъ-ли его чортъ? Черти монаховъ любятъ.

ЛИПА. Какія у тебя мечты, однако. Вотъ ты теперь шутишь...

САВВА (немного удивленно). Это не мечты.

ЛИПА. А у меня другія мечты, Савва. Ты теперь, милый, разговариваешь со мной, и я тебѣ какъ-нибудь вечеркомъ все расскажу. Пойдемъ гулять, и я расскажу.

САВВА. Ну что-жъ, расскажи. Послушаю.

ЛИПА. Савва, а скажи, если только можно, ты любишь какую-нибудь женщину?

САВВА. Светла-таки на любовь, по-женски. Право, не знаю, что тебѣ сказать. Любилъ я какъ будто одну, да она не выдержала.

ЛИПА. Чего не выдержала?

САВВА. Да моей любви. Меня, что-ли, я ужъ не знаю. Только взяла и ушла отъ меня.

ЛИПА (смѣется). А ты что же?

САВВА. Да ничего. Такъ и остался.

ЛИПА. А друзья у тебя есть? Товарищи?

САВВА. Нѣтъ.

ЛИПА. А враги? ну такой врагъ, одинъ, что-ли, котораго бы ты особенно не любилъ, ненавидѣлъ?

САВВА. Такой, пожалуй, есть: Богъ.

ЛИПА (не довѣряя). Что?

САВВА. Богъ, я говорю. Ну тотъ, кого вы называете вашимъ Спасителемъ.

ЛИПА (кричитъ). Ты не смѣешь такъ говорить! Ты съ ума сошелъ!

САВВА. Ого! Въ чувствительное мѣсто попалъ?

ЛИПА. Ты не смѣешь!

САВВА. Я думалъ, ты кроткая голубица, а язычокъ-то у тебя, какъ у змѣйки. (Показываетъ рукой движеніе змѣянаго языка)

ЛИПА. Господи! Какъ ты осмѣлился, какъ ты могъ, Спасителя! Ты взглянуть на него не смѣешь... Зачѣмъ ты пришелъ сюда?

(Изъ дверей трактора показывается Кондратій. Оглядывается и тихонько входитъ)

КОНДРАТІЙ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

САВВА. Аминь. Только очень вы запоздали, почтенный!

КОНДРАТІЙ. Творилъ волю пославшаго. Молоденькіе огурчики для о. игумена собиралъ: любятъ они эту закуску. Ну жара! Семь потовъ сошло, пока добрался.

САВВА (Липъ). Вотъ монахъ—посмотри: любить выпить, недурно сквернословить, не дуракъ и насчетъ бабья...

КОНДРАТІЙ. Не конфузьте, Савва Егоровичъ. При дѣвицѣ-то!

САВВА. И, вдобавокъ, не вѣрять въ Бога.

КОНДРАТІЙ. Они шутятъ!

ЛИПА. Мнѣ такія шутки не нравятся. Вы зачѣмъ пришли?

КОНДРАТІЙ. По зову-сь.

САВВА. Онъ мнѣ нуженъ.

ЛИПА (не глядя на Савву). Зачѣмъ?

САВВА. А это тебя не касается. Ты вотъ лучше съ нимъ поговори; онъ, правда, человѣкъ любопытный: не глупъ и умѣетъ смотрѣть.

ЛИПА (испытующе глядитъ на Савву). Я его хорошо знаю. Очень хорошо!

КОНДРАТІЙ. Къ прискорбію моему, долженъ сказать, что это правда: имѣю печальную извѣстность, какъ человѣкъ невоздержнаго образа поведенія. За это качество былъ изъ волостныхъ писарей изгнанъ, за это же качество и нынѣ по недѣлямъ на хлѣбѣ да на водѣ сижу, ибо не умѣю дѣйствовать сокровенно, а наоборотъ—явно и даже громогласно. Вотъ и съ вами мы, Савва Егоровичъ, при такихъ обстоятельствахъ познакомились, что даже вспомнить нехорошо.

САВВА. А вы и не вспоминайте.

КОНДРАТІЙ (Липъ). Въ лужѣ я лежалъ, во всемъ моемъ великолѣпнн, свинья свиньей...

ЛИПА (брезгливо). Хорошо!

КОНДРАТІЙ. Но только я не стыжусь объ этомъ говорить, потому что, во-первыхъ, многіе это видѣли, но никто, конечно, не потрудился поднять, кромѣ Саввы Егоровича. А во-вторыхъ, я усматриваю въ этомъ мой крестъ.

ЛИПА. Хорошъ крестъ!

кондратій. У всякаго челоуѣка, Олимпіада Егоровна, свой крестъ. Въ лужѣ-то тоже не ахти какъ пріятно лежать—на сухомъ-то всякому пріятнѣе. И почему вы знаете? можетъ, я эту лужу на-половину слезами моими наполнилъ, воплями моими скорбными всколыхнулъ?..

САВВА. Это не совсѣмъ вѣрно, о. Кондратій. Вы пѣли „Во Іорданѣ крещающуся“ и, притомъ, на очень веселый мотивъ.

кондратій. Развѣ? Что же, тѣмъ хуже. До чего, значить, дошелъ челоуѣкъ?

САВВА. Только вы, отецъ, напрасно напускаете на себя меланхолю. Душа у васъ веселая, и грусть эта совсѣмъ вамъ не къ лицу, повѣрьте.

кондратій. Прежде была веселая, это вѣрно вы говорите, Савва Егоровичъ; до поры до времени, пока въ монастырь не поступилъ. А какъ поступилъ—вмѣсто радости и успокоенія узналъ я самую настоящую скорбь. Да, убилъ бобра, можно сказать.

(Входитъ Тюха, останавливается у притоки и влюбленными глазами смотритъ на послушника)

САВВА. Что же такъ?

кондратій (подходя ближе, вполголоса). У насъ, Савва Егоровичъ, Бога нѣтъ, у насъ діаволь. У насъ страшно жить, повѣрьте, Савва Егоровичъ, моему честному слову. Я челоуѣкъ бывалый, испугать меня не легко, но, однако, ночью по корридору ходить боюсь.

САВВА. Какой дьяволь?

кондратій. Обыкновенный. Къ вамъ, къ людямъ образованнымъ, онъ, конечно, является подъ благородными фасонами, а къ намъ, которые попроче и поглупѣе, въ своемъ естественномъ видѣ.

САВВА. Съ рогами?

кондратій. Какъ вамъ сказать? Рогъ я не видалъ, да и не въ рогахъ суть дѣла, хотя долженъ сказать, что на тѣни и рога отпечатываются весьма явственно. Дѣло въ томъ, что нѣтъ у насъ тишины, а этакій без-

покойный шумъ. Снаружи ночью посмотрѣть—покой, а внутри: стонъ и скрежетъ зубовой. Какіе хрипять, какіе стонуть, какіе такъ, непонятно на что жалуются: идешь мимо дверей, а за каждую дверью словно душа живая со свѣтомъ прощается. И вдругъ прошмыгнетъ что-то и за уголъ, а на стѣнкѣ вдругъ тѣнь. Ничего нѣтъ, а на стѣнкѣ тѣнь. Въ другихъ мѣстахъ что такое тѣнь?—такъ, пустяки, явленіе нестоющее вниманія, а у насъ онѣ, Савва Егоровичъ, живутъ, чуть-что не разговариваютъ. Ей-Богу! Корридоръ у насъ, знаете ли, есть такой длинный, длинный до безконечности. Вступишь въ него—ничего, этакъ черненькое что-то передъ ногами мотается, вродѣ тоже, какъ бы человѣкъ, а потомъ все больше, да шире, да по потолку, знаете, пошло, да уже тебя сзади-то, сзади! Идти идешь, а уже чувствовать-то—ничего уже и не чувствуешь.

САВВА (Тюхѣ). Ты что глаза таращишь?

ТЮХА. Какая рожа!

КОНДРАТІЙ. И Богъ у насъ силъ не имѣетъ. Конечно, есть у насъ мощи и икона чудотворная, но только все это никакого, извините, дѣйствія не оказываетъ.

ЛИПА. Что вы говорите?

КОНДРАТІЙ. Никакого-съ. Мнѣ не вѣрите, такъ другихъ иноковъ спросите, то же скажутъ. Молимся мы, молимся, лбами бьемъ, бьемъ,—а хоть бы тебѣ что. Ужъ ни о чемъ другомъ, а чтобы вотъ хоть силу-то нечистую отогнало, такъ нѣтъ, не можетъ! Стоитъ себѣ образъ и стоитъ, какъ будто и не его это дѣло, а какъ ночь, такъ и пошло шмыгать по всему монастырю, да за углами подкарауливать... О. игумень говорить: малодушіе, стыдитесь,—но только по какой причинѣ нѣтъ дѣйствія? Говорятъ у насъ...

ЛИПА. Ну?

КОНДРАТІЙ. Да только трудно очень повѣрить, какъ же это такъ? Говорятъ, будто дьяволь-то настоя-

щій образъ, который есть дѣйствительно чудотворный, давно уже укралъ, а на мѣсто его свой портретъ повѣсилъ.

ЛИПА. Господи! Какое кощунство! Какъ же вамъ не стыдно вѣрять такимъ мерзостямъ? А еще рясу носите... Вамъ, правда, только въ лужѣ лежать...

САВВА. Ну-ну, не сердись. Это она нарочно, о. Кондратій, она добрая. А отчего бы вамъ и вправду изъ монастыря не уйти? Что за охота съ тѣнями, да съ дьяволами возиться?

КОНДРАТІЙ (пожимая плечами). Да и ушелъ бы, да куда приткнуться? Отъ дѣла я отбился давно, а тутъ, по крайней мѣрѣ, заботы о кускѣ хлѣба не имѣешь. Да и противъ дьявола... (осторожно подмигиваетъ Саввѣ на Липу, отвернувшуюся къ окну, и щелкаетъ себѣ по горлу) есть у меня средствице.

САВВА. Ну-ну, пойдемъ поговоримъ. Ты, рожа, пришлешь намъ водки? Какъ, рѣшилъ, или нѣтъ?

ТЮХА (хмуро). Онъ невѣрно говорить. Дьявола тоже нѣтъ. Этого не можетъ быть, чтобы дьяволъ свой портретъ повѣсилъ, когда дьявола нѣтъ. Пусть онъ лучше у меня спросить.

САВВА. Ладно, потомъ поговоришь. Пришли водки. ТЮХА (уходитъ). И водки не пришлю.

САВВА. Вотъ дурень! Вы, отецъ, вотъ что: ступайте-ка пока въ садъ, вотъ въ ту дверь, знаете, а я сейчасъ прибуду. Не заблудитесь? (Уходитъ слѣдомъ за Тюхой)

КОНДРАТІЙ. До свиданія, Олимпіада Егоровна.

(Липа не отвѣчаетъ. Когда Кондратій выходитъ, она нѣсколько разъ взволнованно проходить по комнатѣ и ждетъ Савву)

САВВА (входитъ съ бутылкой водки и связкой бубликовъ). Ну вотъ... Какой дурень.

ЛИПА (загораживая ему дорогу). Я знаю, зачѣмъ ты пришелъ сюда. Я знаю. Ты не смѣешь!

САВВА. Что еще?

ЛИПА. Я слушала тебя и думала, что это одни слова, что это такъ, но теперь... Опомнись, подумай!.. Ты съ ума сошелъ. Что ты хочешь дѣлать?

САВВА. Пусти!

ЛИПА. И я слушала его, смѣялась... Господи! Я точно проснулась отъ страшнаго сна... Или все это сонъ? Зачѣмъ здѣсь былъ монахъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ ты говоришь про бомбы?

САВВА. Ну, довольно, поговорила и достаточно. Пусти!

ЛИПА. Да пойми же, что ты сошелъ съ ума... понимаешь, сошелъ съ ума!

САВВА. Надоѣло. Пусти!

ЛИПА. Савва, ну миленькій, ну голубчикъ... А, такъ.. Хорошо же, не слушаешь, хорошо же. Ты увидишь, Савва. Увидишь! Найдутся люди. Тебя связать надо! Господи, что же это! Да постой же! Постой.

САВВА (идя). Хорошо, хорошо.

ЛИПА (кричить). Я донесу на тебя. Убийца! Анархистъ! Я донесу на тебя!

САВВА (поворачиваясь). Ого! Знаешь, будь поосторожнѣе (Кладетъ ей руку на плечо и смотреть въ глаза) Будь поосторожнѣе, говорю!

ЛИПА. Ты... (Секунды три борьбы двухъ паръ глазъ, и Липа отворачивается, закусивъ губы) Я не боюсь тебя.

САВВА. Вотъ такъ-то лучше. А то кричать. Кричать вкогда не надо. (Уходитъ)

ЛИПА (одна). Что же это? Что же дѣлать... Да?

(Кудахчуть куры)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (во дворѣ). Что тутъ дѣлается, а? На полчаса ушелъ, а уже какой безпорядокъ. Полька, ты что это цыплятъ въ малинникъ выпустила? Ступай, анафема, загни. Тебѣ говорю! А вотъ же я тебѣ пойду! Я тебѣ пойду! Я тебѣ...

З а п а в ѣ с т ь.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутри монастырской ограды. Въ глубинѣ сцены и съ лѣвой стороны—монастырскія зданія, трапезная, кельи монаховъ, часть церкви и башня съ проходными арчатыми подъ ней воротами. Въ различныхъ направленіяхъ дворъ пересѣкаютъ деревянные мостки. Правая сторона сцены: слегка выдавшійся уголь стѣнной башни и пріютившееся возлѣ стѣны небольшое монастырское кладбище, обнесенное легкой желѣзной рѣшеткой. Мраморные памятники, каменные и желѣзныя плиты, сильно вдавшіяся въ землю; все старое, покосившееся—здѣсь уже давно никого не хоронятъ.

Шиповникъ, два-три небольшія дерева.

Время къ вечеру послѣ всенощной; отъ башни отъ стѣны длинныя тѣни. Зданія и башни залиты красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца. По мосткамъ проходятъ монахи, послушники, богомольцы. Въ началѣ дѣйствія слышно, какъ за стѣной гонятъ деревенское стадо: хлопаютъ пастушій кнутъ, блеяніе овецъ, мычаніе коровъ, глухіе крики. Къ концу дѣйствія сильно темнѣетъ, и движеніе по двору прекращается. На лавочкѣ, у желѣзной рѣшетки кладбища сидятъ Савва, Сперанскій и молодой послушникъ. Сперанскій держитъ шляпу на колѣняхъ и изрѣдка приглаживаетъ длинные прямые волосы, висящіе двумя увылыми прядями вдоль длиннаго блѣднаго лица; ноги держитъ вмѣстѣ, говоритъ тихо, грустно, жестикулируетъ однимъ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ. Послушникъ молодой, круглолицый, крѣпкій, не слушаетъ разговора и все время улыбается чему-то своему.

САВВА (разсѣянно глядя въ сторону). Да. Чѣмъ же вы занимаетесь тутъ?

СПЕРАНСКІЙ. Да ничѣмъ, Савва Егоровичъ. Развѣ въ такомъ положеніи можно чѣмъ-нибудь заниматься? Разъ человекъ сомнѣвается въ собственномъ своемъ существованіи, такъ для него никакія занятія не обя-

зательны. Но дьяконица этого не понимаетъ. Она очень глупая женщина, совершенно необразованная и, кромѣ того, дурного характера, и заставляетъ меня работать. А какая же тутъ работа? Или такое дѣло: у меня аппетитъ очень хорошій, развился еще въ семинаріи, а она упрекаетъ меня за каждый, извините, кусокъ хлѣба. Не понимаетъ того, необразованная женщина, что въ дѣйствительности куска этого, весьма возможно, совсѣмъ не существуетъ. Имѣй я настоящее бытіе, какъ другіе люди, я страдалъ бы весьма сильно, но въ те-перешнемъ моемъ положеніи нападки эти не уязвляютъ меня. Меня все житейское не уязвляетъ, Савва Егоровичъ.

САВВА (улыбаясь послушнику на его безсознательную радость, разсѣяно). И давно это съ вами началось?

СПЕРАНСКІЙ. Еще съ семинаріи, когда мы изучали философію. Тяжелое это состояніе, Савва Егоровичъ. Теперь я нѣсколько привыкъ, а вначалѣ было прямо-таки несносно. Вѣшался я разъ—сняли; вѣшался другой разъ—опять-таки сняли. И изъ семинаріи выгнали: ступай, говорятъ, безумный, вѣшайся въ другое мѣсто. Какъ будто есть другое мѣсто, а не все одно мѣсто.

послушникъ. Савва Егоровичъ, поѣдемте завтра рыбу ловить на мельницу.

САВВА. Я не люблю рыбу удить: скучное занятіе.

послушникъ. Жалко. Ну такъ поѣдемте же въ лѣсъ, сухія вѣтки сбивать. Очень весело: ходишь и палкой сбиваешь, а потомъ какъ закричишь: го-го-го! А изъ оврага: го-го-го! А плавать вы любите?

САВВА. Люблю. Я хорошо плаваю.

послушникъ. И я тоже люблю.

СПЕРАНСКІЙ (вздыхая). Да. Странное положеніе.

САВВА (улыбаясь послушнику). А? Ну какъ же вы теперь?

СПЕРАНСКІЙ. Дядя мой, о. діаконъ, когда бралъ меня къ себѣ, такъ условіемъ поставилъ, чтобы я

больше не покушался на жизнь. Что же! Я и сказал: если мы, говорю, дѣйствительно существуемъ, то больше я вѣшаться не буду.

САВВА. А зачѣмъ вамъ знать, существуете вы, или нѣтъ. Вонъ небо, посмотрите, какое красивое! Вонъ ласточки. Травомъ пахнетъ... хорошо! (къ послушнику) Хорошо, дядя?

ПОСЛУШНИКЪ. Савва Егоровичъ, а вы любите муравьиныя кучи разорять?

САВВА. Не знаю, не пробоваль. Но думаю, что интересно.

ПОСЛУШНИКЪ. Очень интересно. А вы любите змѣй пускать?

САВВА. Давно уже не приходилось. А нѣкогда очень любилъ.

СПЕРАНСКІЙ (терпѣливо ждущій окончанія ихъ разговора). Ласточки! Ну и летаютъ онѣ: что же мнѣ отъ этого? А можетъ быть, и ласточекъ этихъ нѣтъ, и все это только сонная греза.

САВВА. Что же, и сны бываютъ хорошіе.

СПЕРАНСКІЙ. А мнѣ вотъ все проснуться хочется— и не могу. Хожу, хожу до усталы, до изнеможенія, а очнусь—и опять я здѣсь. Монастырь, колокольня, часы бьютъ. И все—какъ сонная греза. Закроешь глаза—и нѣтъ его. Откроешь—опять оно появится. Иной разъ выйду я въ поле, ночью, закрою глаза, и кажется мнѣ, что ничего ужъ нѣтъ. Только вдругъ коростель закричитъ, телѣга по шоссе проѣдетъ—и опять значить греза. Потому что, если уши заткнуты, тогда и этого не услышишь. А умру я, и все замолчить, и тогда будетъ правда. Одни мертвые, Савва Егоровичъ, знаютъ правду.

ПОСЛУШНИКЪ (улыбаясь, осторожно машетъ руками на какую-то птицу, шопотомъ). Спать пора! Спать! слышишь!

САВВА (съ неудовольствіемъ). Какіе мертвые? Послушайте, господинъ хорошій, у меня умъ мужицкій, про-

стой, и я этихъ тонкостей не понимаю. Про какихъ вы мертвыхъ говорите?

СПЕРАНСКІЙ. Рѣшительно про всякихъ. Оттого-то у мертвыхъ лицо спокойное. Вы посмотрите: какъ бы человѣкъ передъ смертью ни мучился, а умереть—лицо у него сейчасъ же становится спокойное. Оттого, что правду узналъ. Я сюда постоянно хожу, на всѣ похороны, и это даже удивительно. Одну бабу тутъ хоронили—съ горя умерла: мужа у нея на чугунокъ задавило. Что у нея въ головѣ должно было передъ смертью совершаться, подумать страшно,—а лежитъ такая спокойная: потому что узнала она, что горе ея—одна греза, видѣніе сонное. Я мертвыхъ люблю, Савва Егоровичъ. Мнѣ кажется, что мертвые дѣйствительно существуютъ.

САВВА. Я не люблю мертвыхъ... (Нетерпѣливо) Послушайте, однако, вы пренепріятный господинъ. Вы—какъ дверь, которая покорибилась отъ дождя и сквозь которую вѣчно дуетъ. Вамъ это говорили?

СПЕРАНСКІЙ. Да. Высказывали.

САВВА. И я не сталъ бы васъ изъ петли вынимать. Какой дуракъ васъ вынулъ? Товарищи?

СПЕРАНСКІЙ. Первый разъ отецъ экономъ, а въ другой разъ—товарищи. Очень жаль, Савва Егоровичъ, что вы такъ мною недовольны. А я хотѣлъ было вамъ, какъ человѣку образованному, показать нѣкій мой письменный трудъ, еще отъ семинаріи оставшійся. Называется: „Шаги смерти“, такъ, вродѣ разсказа.

САВВА. Нѣтъ, ужъ избавьте. Да и вообще...

ПОСЛУШНИКЪ (поднимаясь). О. Кириллъ идетъ, надо удирать!

САВВА. А что?

ПОСЛУШНИКЪ. Онъ меня въ лѣсу поймалъ, какъ я „го-го“ кричалъ. Ахъ ты, говорить, лѣшій, лѣсной духъ, козлоногій!..—Завтра послѣ обѣденъ, ладно? (Уходитъ, сперва идетъ прямо, потомъ какимъ-то танцующимъ шагомъ)

толстый монахъ. О чемъ бесѣдуете, молодые люди? Вы, никакъ, будете сынокъ Тропинина, Егора Ивановича?

САВВА. Да, онъ самый.

толстый монахъ. Слыхаль, слыхаль. Почтенный человекъ—вашъ батюшка. Присѣсть позволите? (Садится) Вечеръ, а какъ жарко: не быть бы грозѣ къ полуночи. Ну какъ, молодой человекъ, нравится вамъ у насъ? Какъ противъ столицъ?

САВВА. Монастырь богатый.

толстый монахъ. Да, благодареніе Господу. Въ большомъ почетѣ во всей, можно сказать, Россіи. Есть многіе, что даже изъ Сибири приходятъ. Далеко идетъ слава. Вотъ скоро праздникъ...

СПЕРАНСКИЙ. Утомительно будетъ вамъ, батюшка. День и ночь служеніе...

толстый монахъ. Нужно потрудиться для монастыря.

САВВА. А не для людей?

толстый монахъ. Да и для людей, а то для кого же? У насъ въ прошлый годъ сколько однѣхъ кликушъ исцѣлилось—конца краю нѣтъ. Слепой прозрѣлъ, двое хромыхъ заходили... Вотъ сами поглядите, молодой человекъ, тогда улыбаться не будете. Вы, какъ я слыхаль, невѣрующій?

САВВА. Вѣрно слыхали, невѣрующій.

толстый монахъ. Ай-ай, стыдно, стыдно! Конечно, много теперь невѣрующихъ изъ образованнаго класса, только лучше ли имъ отъ этого? Сомнѣваюсь.

САВВА. Нѣтъ, не такъ много. Это они въ церковь не ходятъ, и думаютъ про себя, что невѣрующіе, но вѣра у нихъ, пожалуй, глубже сидитъ, чѣмъ у васъ.

толстый монахъ. Скажите, пожалуйста!

САВВА. Ну да, подъ благородными, конечно, фасонами. Народъ образованный.

толстый монахъ. Конечно, конечно. Только съ вѣрою спокойнѣе.

савва. Слыхалъ я, что дьяволъ тутъ, по ночамъ, монаховъ душишь?

толстый монахъ (смѣется). Пустяки какіе!.. (Къ проходящему мимо сѣдому монаху) О. Виссаріонъ, пожалуйте-ка сюда! Присаживайтесь. Вотъ сынокъ Егоръ Ивановича утверждаетъ, что насъ дьяволъ по ночамъ душишь. Не слышали?

(Оба монаха благодушно смѣются, глядя другъ на друга)

сѣдой монахъ. Это нѣкоторые отъ сытости плохо спятъ, вотъ имъ и кажется, что ихъ душатъ. Дьяволу, молодой человѣкъ, въ нашу святую обитель не войти.

савва. А вдругъ да явится? Что тогда, отцы, скажете?

толстый монахъ. А мы его кропиломъ, кропиломъ! Куда лѣзешь, черномазый?

(Монахи смѣются)

сѣдой монахъ. Царь Иродъ идетъ.

толстый монахъ. Погодите минутку, о. Виссаріонъ. Вотъ вы говорите—вѣра и прочее такое, а, позвольте, я вамъ человѣчка одного представлю. Вонъ онъ какъ идетъ, а на немъ веригъ на полтора пуда. Танцуетъ, а не идетъ. Каждое лѣто у насъ гостуетъ, да и то сказать,—гость дорогой. Глядя на него, и другіе въ вѣрѣ укрѣпляются... Иродъ, а Иродъ!

царь иродъ. Чего тебѣ надо?

толстый монахъ. Подъ-ка сюда на минутку. Вотъ господинъ въ Богѣ сомнѣвается, поговори-ка съ нимъ.

царь иродъ. А ты самъ что же, толстопузый: языкъ отъ пива не ворочается?

толстый монахъ. Еретикъ! Экій еретикъ!

(Смѣются оба)

царь иродъ (подходя). Который господинъ?

толстый монахъ. Вотъ этотъ.

ЦАРЬ ИРОДЪ (смотреть внимательно). Сомнѣвается, такъ и пусть сомнѣвается; мнѣ-то какое дѣло?

САВВА. Вотъ какъ!

ЦАРЬ ИРОДЪ. А ты думалъ, какъ?

ТОЛСТЫЙ МОНАХЪ. Ты бы сѣлъ.

ЦАРЬ ИРОДЪ. И такъ постою.

ТОЛСТЫЙ МОНАХЪ (Саввѣ, громкимъ шопотомъ). Это онъ для усталости. Пока не сомлѣетъ совсѣмъ, такъ ни ѣсть, ни спать не можетъ. (Громко) Вотъ господинъ удивляется, какія на тебѣ вериги.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Вериги что,—побрякушки. Ихъ на лошадь надѣнь, и лошадь понесетъ, сила бы у ея была... Душа у меня мрачна. (Смотрить на Савву) Ты знаешь, сына я своего убилъ. Самъ. Говорили, небось, сороки-то эти?

САВВА. Говорили.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Ты можешь это понять?

САВВА. Отчего же? Могу.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Врешь ты, не можешь. И никто этого понять не можетъ. Обойди ты весь свѣтъ, всю землю, всѣхъ людей опроси, и никто не можетъ понять. А если кто и говорить, что понимаетъ, такъ вретъ, какъ ты. Ты и своего носа-то какъ слѣдуетъ не видишь, а тоже говоришь. Глупъ ты еще.

САВВА. А ты уменъ?

ЦАРЬ ИРОДЪ. А я уменъ. Меня мое горе просвѣтило. Велико мое горе, больше его на землѣ нѣту. Сына убилъ, самъ, своими руками. Не этой, что глядишь, а той, которой нѣтъ.

САВВА. А та гдѣ же?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Въ печкѣ отжегъ. Положилъ въ печку, да по локоть и отжегъ.

САВВА. Что же, полегчало?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Нѣтъ. Моего горя огонь не беретъ, мое горе горячѣе огня.

САВВА. Огонь, дядя, все беретъ.

царь иродъ. Нѣтъ, парень, онъ слабъ, огонь. Плюнулъ на него, а онъ и погасъ.

савва. Какой огонь! Можно, дядя, такой запалить, что хоть ты море на него вылей, такъ и то не погасишь.

царь иродъ. Нѣтъ, парень, всякій огонь тухнетъ, когда время на то приходитъ. А моего горя ничѣмъ ты не угасишь. Велико мое горе, такъ велико, что какъ посмотрю я вокругъ: ахъ, мать твою,—да куда же все большое подѣвалось: дерево маленькое, домъ маленький, гора маленькая. Будто это, знаешь, не земля, а маковая росинка. Идешь такъ-то, да все опасаясь: какъ бы ко краю не придти да не свалиться.

толстый монахъ (съ удовольствіемъ). Ну-ну, Царь Иродъ, здорово!

царь иродъ. Для меня, парень, и солнце не восходитъ. Для другихъ восходить, а для меня нѣтъ. Другіе днемъ темноты не видятъ, а я вижу. Она промежъ свѣту, какъ пыль. Сперва взглянешь, какъ будто и свѣтло, а потомъ, глядь, Господи! — небеса черныя, земля черная и все, какъ сажа Маячить что-то, а что — даже не разберешь: человекъ ли, кустъ ли. Тоска моя, тоска моя великая... (Задумывается) Кричать стану—кто услышитъ, выть начну—кто отзовется?

толстый монахъ (съдому, тихо). Собаки на деревнѣ отзовутся.

царь иродъ (встряхнувъ головой). Эхъ вы, люди! Вотъ смотрите вы на меня, какъ на пугало. Волосы, да вериги, да сына убилъ, да Царь Иродъ, — а души моей вы не видите и тоски моей не знаете. Слѣзы вы всѣ, какъ черви земляные. Васъ оглоблей по затылку бить, такъ и то не поймете! Ты, толстопузый, что брюхо колыхаешь?

савва. Однако, какъ онъ васъ!

толстый монахъ (успокоительно). Это ничего. Не въ этомъ суть дѣла. Онъ всѣхъ насъ поносить.

царь иродъ. И буду поносить! Тебѣ такому развѣ Богу служить? Въ кабакѣ тебѣ сидѣть, дьявола тѣшить. Съ его пуза, парень, черти по ночамъ на салазкахъ катаются.

толстый монахъ (благодушно). Ну-ну, Господь съ тобой. Ты о дѣлѣ лучше говори.

царь иродъ (Савва). Видишь! Это онъ на моемъ горѣ нажать хочетъ. Наживайся, наживайся!

свѣдой монахъ. Экій ты ругатель, Царь Иродъ, откуда слова у тебя берутся? Это какъ-то онъ при отцѣ игуменѣ ляпнулъ: кабы Богъ не безсмертенъ былъ, такъ они бы его давно по кусочкамъ распродали. Но, однако же, терпимъ, такъ какъ для обители онъ человѣкъ невредный.

толстый монахъ. Народъ собираетъ. Сюда для него многіе приходятъ. А намъ что: Господь видитъ нашу чистоту. Вѣрно, Царь Иродъ?

царь иродъ. Ну ты тамъ молчи, старый хрѣнъ. Ногами еле двигаетъ, чортъ въ таратайкѣ переѣхалъ, а на селѣ трехъ бабъ содержитъ. Одной ему мало!

(Монахи добродушно хохочутъ)

царь иродъ. Видишь? Видишь? У-у, глаза ваши безстыжіе! Хоть ты имъ плюй!..

савва. Зачѣмъ же сюда ходишь?

царь иродъ. Не для нихъ хожу. Слушай, молодецъ, горе у тебя есть?

савва. Можетъ, и есть. А что?

царь иродъ. Ну такъ послушай ты меня: будетъ у тебя горе, не ходи ты къ людямъ. Будь другъ, не ходи. Невмоготу станетъ—лучше къ волкамъ въ лѣсъ пойди. Сожрутъ сразу, и баста, а эти... Видѣлъ я, парень, много плохого, а хуже человѣка ничего не видалъ. Нѣтъ! Говорятъ тоже: по образу, по подобію созданы. Ахъ, сукины дѣти, сукины дѣти! Да развѣ есть у васъ образъ? Да будь образъ самый махонькій, такъ

вы бы отъ стыда отъ одного на карачкахъ поползли, сукины дѣти! Хоть ты имъ смѣйся, хоть ты имъ плачь, хоть ты имъ кричи, — ничего, облизываются. Царь Иродъ... Сукины дѣти!.. А когда царь Иродъ, не я, а настоящій, въ золотой коронѣ, младенцевъ вашихъ избиваль, вы гдѣ были, а?

толстый монахъ. Насъ тогда, миленькій, и на свѣтѣ не было.

царь иродъ. Не вы были, такъ другіе, такіе же! Избилъ и избилъ—и больше ничего. Многихъ я, парень, спрашиваль: ну, какъ, что?—Да ничего, говорятъ, избилъ и избилъ. Хороши? За дѣтей своихъ и за тѣхъ постоять не умѣютъ,—хуже собакъ, анафемы!

толстый монахъ. А ты-то что же бы сдѣлалъ?

царь иродъ. Я? Голову бы ему оторвалъ, со всеѣ его золотой короной, мать его!..

свдой монахъ. Въ писаніи сказано: Божіе Богови, а Кесарево Кесарю.

толстый монахъ. Въ чужое, значить, дѣло не мѣшайся. Понялъ?

царь иродъ (съ отчаяніемъ, Савва). Нѣтъ, ты послушай! Ты послушай, что они говорятъ!

савва. Слыхаль.

царь иродъ. Ну погодите же, голубчики, погодите! дождетесь скоро. Вотъ придетъ дьяволъ, онъ вамъ пропишетъ геенну огненную. Жиръ-то потечетъ—слышишь, монахъ, шпаленнымъ пахнетъ?

толстый монахъ. Это, милый, изъ трапезной.

царь иродъ. Только пятки засверкаютъ, да некуда; вездѣ геенна, вездѣ огонь! Ага, голубчики, голоса моего слушать не хотѣли, такъ теперь огонька послушаетесь! Ну и радъ же я буду! Вериги сыму, ловить ихъ буду и къ дьяволу по одному предъявлять: вотъ онъ, бери! А онъ-то плачетъ, а онъ-то изгиляется: да не виновать же я!—Не виновать? А кто же виновать, а? Да въ

геенну его: гори, сукинъ сынъ, до второго пришествія, а тамъ мы новенькаго подложимъ огоньку, новенькаго!

свдой монахъ. А не время ли намъ, о. Кирилль?..

толстый монахъ. Что же, тронемся, о. Виссаріонъ. Стемнѣло, пора и на покой.

царь иродъ. Ага! правды-то не любите?

толстый монахъ (благодушно). И-и, миленькій, брань на вороту не виснетъ. Ты поругаешься, а мы послушаемъ, а тамъ Господь разберетъ, кого надо въ геенну, а кого куда. Кроткіе-то, голубчикъ, наслѣдуютъ землю, сказано въ писаніи. До пріятнаго свиданія, молодые люди.

свдой монахъ (сердито). А все-таки я тебѣ, старикъ, посовѣтую: говори, да не заговаривайся. Не по чему друтому, какъ только по убожеству твоему, терпимъ тебя, да по глупости твоей. А въ случаѣ чего, разболтаешься очень, таки можно и попридержать. Да!

царь иродъ. Попробуй, попробуй, придержи!

толстый монахъ. И охота вамъ, о. Виссаріонъ! Пусть себѣ поговорить, вреда отъ этого никому нѣтъ. Послушайте, послушайте, молодые люди,—человѣчекъ любопытный. До свиданья!

(Уходятъ; слышно, какъ толстый монахъ хохочетъ)

царь иродъ (Саввѣ). Хороши? Терпѣнія моего съ ними нѣту.

савва. А ты мнѣ, дядя, нравишься.

царь иродъ. Ой-ли? Тоже не любишь ихняго брата?

савва. Не люблю.

царь иродъ. Ну-ка, дай-ко-сь, я присяду. Ноги отекли. Папироски у тебя нѣтъ?

савва (дастъ). Куришь?

царь иродъ. Когда какъ. Ты мнѣ прости, что я тебя обругалъ давеча. Ты—парень, ничего, дупевный.

Только зачѣмъ врешь, что понялъ: никто понять не можетъ. А это кто съ тобой?

САВВА. Такъ. Присталь.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Что, парень, обмокъ, а? Не сладко на душѣ?

СПЕРАНСКІЙ. Да, грустно.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Ну молчи, молчи. Слушать не желаю. Есть горе—и молчи. Я тоже, братъ, человѣкъ; не пойму да еще обижу. (Бросаетъ папиросу и встаетъ) Нѣтъ, не могу. Пока стою или хожу, ничего, а какъ сѣлъ... У-ухъ ты... (Мается) Просто, братъ, продохнуть нельзя. Какая вѣдь вещь... Господи, видишь-ли? А? Ну-ну, ничего, ничего... Обошлось. У-ахъ!

(Небо заволкло облаками, сильно темнѣетъ. Изрѣдка безмолвно вспыхиваютъ зарницы)

САВВА (тихо). Горе, дядя, удушить надо. Сказать себѣ твердо: не хочу горя, и не будетъ горя. Человѣкъ ты, я вижу, хорошій, сильный...

ЦАРЬ ИРОДЪ. Нѣтъ, парень, моего горя и смерть не возьметъ. Что смерть! Она маленькая, а горе мое большое, не кончитъ она моего горя. Вотъ Каинъ когда еще померъ, а горе его какъ было, такъ и осталось.

СПЕРАНСКІЙ. У мертвыхъ горя нѣтъ, они спокойны. Они правду знаютъ.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Да никому не скажутъ... что толку отъ этой правды? Я вотъ живой, а правду знаю. Вотъ горе мое, видишь какое, — на землѣ такого не бываетъ, а призови меня Богъ и скажи: „На тебѣ, Еремѣи, всѣ царства земныя, а горе твое отдай мнѣ...“—не отдамъ. Не отдамъ, парень. Слаще оно мнѣ меду липоваго, крѣпче оно браги хмѣльной... Правду я узналъ черезъ мое горе.

САВВА. Бога?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Христа, вотъ кого. Онъ только одинъ понять можетъ, какое у меня горе. Смотрить и понимаетъ: „да, вижу я, Еремѣи, какое у тебя страданіе“.

И больше ничего. „Вижу“. — А я ему отвѣчаю: „да смотри, Господи, какая у меня тоска“. Только и всего и ничего больше не надо.

САВВА. Тебѣ дорого, что Онъ за людей пострадалъ? Такъ, что-ли?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Это что распинали-то Его? Нѣтъ, братъ, это пустое страданіе. Распяли и распяли, только и всего,—а то, что тутъ Онъ самъ правду узналъ. Пока ходилъ Онъ по землѣ, былъ Онъ человѣкъ такъ-себѣ, хорошій, думалъ то да се, то да се. Вотъ человѣки, вотъ поговорю, да вотъ научу, да вотъ устрою. Ну, а какъ эти самые человѣки потащили Его на крестъ, да кнутьями Его, тутъ Онъ и прозрѣлъ: „ага, говоритъ, такъ вотъ оно какое дѣло“. И взмолился: „не могу Я такого страданія вынести. Думалъ Я, что просто это будетъ распятіе, а это что же такое“... А отецъ Ему: ничего, ничего, потерпи, сынокъ, узнай правду-то, какова она. Вотъ тутъ Онъ и затосковалъ, да... да до сихъ поръ и тоскуеть.

САВВА. Тоскуеть?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Тоскуеть, парень.

(Пауза; зарница)

СПЕРАНСКІЙ. Весьма возможно, что будетъ дождь, а я безъ калошъ и безъ зонтика.

ЦАРЬ ИРОДЪ. И всегда передо мной ликъ Его чистый, куда ни повернись.—Понимаешь, Господи, страданіе мое?—„Понимаю, Еремѣй. Я, братъ, все понимаю; иди себѣ спокойно“. И весь я передъ нимъ, какъ сосудъ хрустальный со слезою.—Понимаешь, Господи?—„Понимаю, Еремѣй.“—Ну то-то, и я Тебя понимаю. Такъ мы съ нимъ вдвоемъ и живемъ: Онъ, да я. Мнѣ тоже Его жалко, паренекъ. А помирать стану, передамъ Ему тоску мою: владай, Господи!

САВВА. А все-таки на людей ты напрасно такъ насѣдаешь. Есть и хорошіе; очень мало, но есть. Иначе бы, дядя, и жить не стоило.

СПЕРАНСКІЙ. Да и Христось, насколько известно, заповѣдалъ: люби ближняго, какъ самого себя.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Чудачокъ! Да самъ же я себѣ руку отжегъ, не пожалѣлъ; такъ имѣю я право другому чело-вѣку по шеѣ дать, когда случай подходящій? Какъ ты располагаешь?

САВВА. Это вѣрно.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Вотъ то-то и оно. Ты знаешь, вѣдь это они меня Царемъ Иродомъ окрестили.

САВВА. Кто?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Да люди-то твои. Нѣтъ, парень, звѣря жесточе чело-вѣкъ... Младенца я убилъ—такъ вотъ и выходитъ по ихнему: Царь Иродъ. Не понимаютъ того, сукины дѣти, каково мнѣ такую кличку-то носить. Иродъ! И будь бы отъ злости, а то такъ...

САВВА. А тебя какъ звать?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Да Еремѣй же; Еремѣемъ меня звать. А они: Иродъ, да еще Царь, чтобы ошибки не было!.. Гляди, опять монахъ идетъ, чтобы его разразило!.. Слушай, ты образъ-то Его видѣлъ?

САВВА. Видѣлъ.

ЦАРЬ ИРОДЪ. А глаза у Его видѣлъ? Ну такъ по-смотри, посмотри... Зачѣмъ идешь, мышъ летучая? На деревню, къ бабамъ собрался?

КОНДРАТІЙ. Миръ честной бесѣдѣ. Здравствуйте, Савва Егоровичъ? Какими судьбами?

ЦАРЬ ИРОДЪ. Смотри, монахъ, изъ кармана чор-товъ хвостъ торчить.

КОНДРАТІЙ. Это не чортовъ хвостъ, это рѣдька. Глазасть, глазасть, а промаху даешь.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Тьфу! Не могу я ихъ видѣть, съ души воротить. Ну прощай, паренекъ... попомни, что я говорилъ: будетъ горе—не ходи къ людямъ.

САВВА. Ладно, дядя, попомню.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Лучше въ лѣсъ или къ волкамъ.

(Уходитъ; изъ темноты доносится: „Господи, видишь ли?..“)

кондратій. Ограниченный человекъ. Сына убилъ и хорохорится, никому не даетъ проходу. Радость какая, подумаешь!

СПЕРАНСКІЙ (вздыхаетъ). Нѣтъ, о. Кондратій, вы неправильно рассуждаете: онъ счастливый человекъ. Вѣдь теперь, по его настроенію, воскресни его сынъ, такъ онъ его опять убьетъ, пяти минутъ сроку не дастъ. Но, конечно, умретъ,—узнаетъ правду.

кондратій. Я и говорю: дуракъ. Буде бы кошку убилъ, а то сына. Что призадумались, Савва Егоровичъ?

САВВА. Да вотъ жду, скоро этотъ господинъ уйдетъ, или нѣтъ. Чортъ ихъ тутъ носить. Вотъ еще кто-то прется! (Всматривается)

ЛИПА (подходить, нерѣшительно останавливается). Это ты, Савва?

САВВА. А это ты? Чего надо?

ЛИПА. Это о. Кондратій съ тобой?

САВВА. Ну да, онъ. Чего тебѣ надо? Я не люблю, сестра, когда за мной ходятъ по пятамъ.

ЛИПА. Дворъ проходной, сюда никому входъ не запрещень... Григорій Петровичъ, васъ Тюха спрашиваетъ: отчего, говорить, семинаристъ не приходитъ?

САВВА. Вотъ и ступайте вмѣстѣ, этакой веселой парой. Прощайте, господинъ, прощайте.

СПЕРАНСКІЙ. До пріятнаго свиданія, Савва Егоровичъ. Надѣюсь еще побесѣдовать.

САВВА. Нѣтъ ужъ не надѣйтесь лучше. Прощайте.

ЛИПА. Какой ты грубый, Савва! Идемте, Григорій Петровичъ,—у нихъ свои дѣла.

СПЕРАНСКІЙ. Все же не теряю надежды. До свиданья.

(Уходятъ)

САВВА. Вотъ присталъ, чортъ его побери!

кондратій (смѣется). Дѣйствительно, неотвязный человекъ. Пристанетъ и, какъ тѣнь, ходить. У насъ многіе такъ и зовутъ его: тѣнь; отчасти, надо полагать.

за удобу. Вотъ подождите: вы ему понравились, теперь прилипнуть.

САВВА. Со мной разговоры короткіе: прогоню.

КОНДРАТІЙ. И бить его пробовали—не помогаетъ. Онъ тутъ на двадцать верстъ извѣстенъ. Фигура!

(Пауза. Темнѣетъ. Зарницы чаще. Безмолвно вспыхиваютъ онъ въ разныхъ сторонахъ неба, и кажется при каждой вспышкѣ, что кто-то заглядываетъ черезъ ограду и башни во дворъ монастыря)

САВВА. Ты зачѣмъ, Кондратій, здѣсь мнѣ мѣсто назначилъ? Проходной дворъ какой-то. Облѣпили меня монахи да юродивые, какъ блохи. Говорилъ я: лучше въ лѣсу, спокойнѣе.

КОНДРАТІЙ. Для избѣжанія подозрѣній. Пойдемъ мы съ вами въ лѣсъ,—зачѣмъ, скажутъ, благочестивый Кондратій съ такимъ связался,—извините,—человѣкомъ? А тутъ всякому мѣсто. Я нарочно и приходилъ повременить: пусть васъ съ разными людьми повидають.

САВВА (престально смотритъ). Ну?

КОНДРАТІЙ (отводитъ глаза и пожимаетъ плечами). Не могу.

САВВА. Боишься?

КОНДРАТІЙ. Говоря по совѣсти: боюсь.

САВВА. Ну и дрянъ же ты, братъ, человѣкъ.

КОНДРАТІЙ. Это ужъ какъ хотите.

(Пауза)

САВВА. Да чего боишься-то, дурень? Машинка безопасная, тебя не тронетъ. Поставилъ, завелъ, а самъ хоть на деревню ступай, къ бабамъ.

КОНДРАТІЙ. Да я не этого.

САВВА. Суда? Такъ сказано же тебѣ: въ случаѣ чего, вину на себя беру. Не вѣришь?

КОНДРАТІЙ. Какъ не вѣрить? Вѣрю.

САВВА. Такъ чего же? Неужели Бога?

КОНДРАТІЙ. Бога.

САВВА. Да вѣдь ты же не въ Бога, а въ дьявола вѣришь?

КОНДРАТИЙ. А кто знаетъ: а вдругъ Онъ да и есть? Тогда тоже, Савва Егоровичъ, благодарю покорно за одолженіе. Да и изъ-за чего? Живу я спокойно, хорошо; конечно, какъ вы говорите, обманъ; такъ я же здѣсь причемъ? Хотятъ вѣрить, пусть себѣ и вѣрятъ. Не я Бога выдумалъ.

САВВА. Послушай, ты знаешь, что я самъ бы могъ это сдѣлать. Взялъ да во время крестнаго хода бомбу и бросилъ—вотъ тебѣ и все. Но тогда погибнетъ много народу, а это сейчасъ—лишнее. Поэтому я тебя и прошу. А если ты откажешься, такъ я все-таки сдѣлаю, и на твоей душѣ будутъ убитые. Понялъ?

КОНДРАТИЙ. Зачѣмъ же на моей? Не я буду бросать. Да опять-таки мнѣ-то какое дѣло до нихъ, до убитыхъ? Народу на свѣтѣ много, всѣхъ не перебьете, сколько ни бросайте.

САВВА. А тебѣ ихъ не жалко?

КОНДРАТИЙ. Всѣхъ жалѣть—самому не останется.

САВВА. Ну вотъ! Ты умный человѣкъ, говорилъ же я тебѣ, а ты все не вѣришь. Умный, а испортить кусокъ дерева боишься

КОНДРАТИЙ. Если это кусокъ дерева, такъ изъ-за чего же и вамъ хлопотать?—То-то, что не дерево, а образъ.

САВВА. Ну, да. Налипло на него много, вотъ они его и цѣнятъ. А я не люблю того, что люди дорого цѣнятъ.

КОНДРАТИЙ. Какъ же это такъ „не любите“?

САВВА. Такъ и не люблю. Когда для человѣка шапка дороже головы, такъ нужно съ него и шапку, и голову снять. Эхъ, дядя, не будь ты трусъ,—поразказалъ бы я тебѣ!

КОНДРАТИЙ. Что-жъ, расскажите, отъ этого мнѣ

грѣха не будетъ. Да и не трусь я, а просто—осторожный человекъ.

САВВА. Это, дядя, только начало.

КОНДРАТІЙ. Хорошее начало, нечего сказать. А конецъ какой?

САВВА. Голая земля—понимаешь? Голая земля и на ней голый человекъ, голый, какъ мать родила. Ни штановъ на немъ, ни орденовъ на немъ, ни кармановъ у него—ничего. Ты подумай: человекъ безъ кармановъ—вѣдь это что же! Да, братъ, икона это еще ничего.

КОНДРАТІЙ. Я и говорю: новую сдѣлають.

САВВА. Ну, да ужъ не та будетъ. Да и не забудутъ они уже, что динамить сильнѣе ихняго Бога! А человекъ—сильнѣе динамита. Вотъ они кланяются, вотъ они молятся, вотъ они прямо взглянуть не смѣють, холопы поганые, а пришелъ настоящій человекъ и разрушилъ. Готово!

КОНДРАТІЙ. Дѣйствительно.

САВВА. И когда такъ будетъ разрушенъ десятокъ ихъ идоловъ, они почувствуютъ, холопы, что кончилось царство ихняго Бога и наступило царство человека. И сколько ихъ подохнетъ отъ ужаса одного, съ ума будутъ сходить, въ огонь бросаться. Антихристъ, скажутъ, пришелъ... ты подумай, Кондратій!

КОНДРАТІЙ. А вамъ и не жалко?

САВВА. Ихъ-то?—Они мнѣ тюрьму выстроили, а я ихъ жалѣть буду? Они голову мою въ застѣнокъ посадили, а я ихъ жалѣть буду? Ха! Тебѣ въ голову гвозди вбивали, или нѣтъ? Нѣтъ. Ну, а у меня вся голова гвоздями утыкана—мастера они гвозди вгоняютъ, пожалѣть ихъ надо?

КОНДРАТІЙ. Кто же вы такой, что никого не жалѣете?

САВВА. Я? Я, дядя, человекъ, который однажды родился. Родился и пошелъ смотрѣть. Увидѣлъ церкви—и каторгу. Увидѣлъ университеты—и дома терпи-

мости. Увидѣлъ фабрики—и картинныя галереи. Увидѣлъ дворецъ—и нору въ навозѣ. Подсчиталъ такъ, понимаешь, сколько на одну галерею остроговъ придется, и рѣшилъ: надо уничтожить все. И мы это сдѣлаемъ. Да, пора намъ посчитаться, пора!

кондратій. Кто мы?

савва. Я, ты, Кондратій, другіе.

кондратій. Народъ глупъ, не пойметъ онъ этого.

савва. Пойметъ, когда загорится все кругомъ. Огонь, дядя, учитель хорошій. Ты слыхалъ о Рафаэлѣ?

кондратій. Нѣтъ, не приходилось.

савва. Ну такъ вотъ. Послѣ Бога, мы примемся за нихъ. Тамъ ихъ много: Тиціаны, Шекспиры, Пушкины, Толстые. Изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошенькій костерчикъ и польемъ его керосиномъ. Потомъ, дядя, мы сожжемъ ихъ города!

кондратій. Н-ну, вы шутите! Какъ же это можно—города!

савва. Нѣтъ, зачѣмъ шутить. Всѣ города. Вѣдь что такое ихніе города? Это могилы, понимаешь, каменные могилы. И если этихъ дураковъ не остановить и дать имъ строиться еще, они всю землю одѣнуть въ камень, и тогда задохнутся всѣ. Всѣ!

кондратій. Бѣдному человѣку придется плохо!

савва. Тогда всѣ будутъ бѣдные. Богатый—отчего онъ богатъ? Оттого, что есть у него домъ, деньги, заборомъ онъ отгородился. А какъ не будетъ у него ни домовъ, ни денегъ, ни забора...

кондратій. Вѣрно! И документовъ, значить, нѣтъ—сгорѣли!

савва. И документовъ нѣтъ. Иди-ка, дядя, работать,—буде дворяниться!

кондратій (смѣется). Потѣха! Голые это всѣ, какъ изъ бани!

савва. Ты мужикъ, Кондратій?

кондратій. Подати плачу. Крестьянинъ я, это вѣрно.

савва. Я тоже мужикъ. Намъ, братъ, съ тобой хуже не станетъ.

кондратій. Да ужъ куда хуже! Но только много народу пропадетъ, Савва Егоровичъ!

савва. Ничего, довольно останется. Дрянъ, дядя, пропадетъ. Глупые пропадутъ, для которыхъ эта жизнь, какъ скорлупа для рака. Пропадутъ тѣ, кто вѣрять,— у нихъ отнимется вѣра. Пропадутъ тѣ, кто любить старое,— у нихъ все отнимется. Пропадутъ слабые, больные, любящіе покой: покоя, дядя, не будетъ на землѣ! Останутся только свободные и смѣлые, съ молодою и жадною душой, съ ясными глазами, которые обнимаютъ міръ.

кондратій. Какъ у васъ... Я вашихъ глазъ, Савва Егоровичъ, боюсь, особенно въ темнотѣ.

савва. Какъ у меня? Нѣтъ, Кондратій, я человѣкъ отравленный,—отъ меня ихнею мертвечиною пахнетъ. Будутъ люди лучше, свободнѣе, веселѣе. И, свободные отъ всего, голые, вооруженные только разумомъ своимъ, они сговорятся и устроятъ новую жизнь, хорошую жизнь, Кондратій, гдѣ можно будетъ дышать человѣку.

кондратій. Любопытно! Только, позвольте сказать вамъ, Савва Егоровичъ... народъ—онъ хитрый, припрятать что-нибудь или какъ. А потомъ, глядь, на старое, и повернули, по старому, значить, какъ было. Тогда какъ?

савва. По старому? (Мрачно) Тогда совсѣмъ надо его уничтожить. Пусть на землѣ совсѣмъ не будетъ человѣка. Разъ жизнь ему не удалась, пусть уйдетъ и дастъ мѣсто другимъ—и это будетъ благородно, и тогда можно будетъ и пожалѣть его, великаго осквернителя и страдальца земли!..

кондратій (качая головой). Однако!

савва (кладя ему руку на плечо). Повѣрь мнѣ, монахъ я

исходилъ много городовъ и земель, и нигдѣ я не видѣлъ свободнаго человѣка. Я видѣлъ только рабовъ. Я видѣлъ клѣтки, въ которыхъ они живутъ, постели, на которыхъ они рождаются и умираютъ; я видѣлъ ихъ вражду и любовь, грѣхъ и добродѣтель. И забавы ихъ я видѣлъ: жалкія попытки воскресить умершее веселье. И на всемъ, что я видѣлъ, лежитъ печать глупости и безумія. Родившійся умнымъ—глупѣетъ среди нихъ; родившійся веселымъ—вѣшается отъ тоски и высовывается имъ языкъ. Среди цвѣтовъ прекрасной земли,—ты еще не знаешь, монахъ, какъ она прекрасна!—они устроили сумасшедшій домъ. А что они дѣлаютъ со своими дѣтьми! Я еще не видѣлъ ни одной пары родителей, которые не были бы достойны смертной казни: во-первыхъ—что родили; а во-вторыхъ—что, родивши, тотчасъ не умерли сами.

кондратій. Ого, какъ вы говорите!

савва. И какъ они лгутъ, какъ они лгутъ, монахъ! Они не убиваютъ правды—нѣтъ, они ежедневно сѣкутъ ее, они обмазываютъ своими нечистотами ея чистое лицо,—чтобы никто не узналъ ее!—чтобы дѣти ее не любили!—чтобы не было ей пріюта! И на всей землѣ—на всей землѣ, монахъ, нѣтъ мѣста для правды.

(Задумывается. Пауза)

кондратій. А нельзя какъ-нибудь иначе, безъ огня? Очень страшно, Савва Егоровичъ. Что же это такое будетъ! Свѣтопреставленіе.

савва. Нельзя, дядя, иначе: свѣтопреставленіе и нужно. Лечили ихъ лекарствомъ—не помогло; лечили ихъ желѣзомъ—не помогло. Огнемъ ихъ теперь надо—огнемъ!

(Пауза. Сверкаютъ безмолвно зарницы. Гдѣ-то далеко колотитъ сторожъ въ желѣзную доску. Савва неподвижно и широко смотритъ на зарницы: онъ окованъ громадною думою о жизни, мыслями безъ словъ, чувствомъ безъ выраженія Видитъ свое одиночество и близкую смерть)

КОНДРАТІЙ. И кабаковъ не будетъ?

САВВА (думая). Ничего не, будетъ!

КОНДРАТІЙ. Кабаки построятъ. Безъ кабаковъ не обойдутся.

(Продолжительное молчаніе)

КОНДРАТІЙ. Да-а... О чемъ задумались, Савва Егоровичъ? (Савва молчитъ. Кондратій прикасается къ его плечу) На васъ бабочка съѣла.

САВВА. Что?

КОНДРАТІЙ. Бабочка съѣла. Мертвая голова называется—по ночамъ летаетъ. Да что вы?

САВВА (вздвогнувъ, громко). Оставь!

КОНДРАТІЙ. Испугаль я васъ?

САВВА. Что? (Очнувшись, удивленно) Какія зарницы! Ты что говоришь? Да, да. Ничего, братъ, все устроится... (Вдохнувъ, весело) Ну какъ же—начнемъ? Согласенъ? Да ну, дядя, будетъ упрямиться!

КОНДРАТІЙ (покачивая головой). Загадали вы мнѣ загадку.

САВВА. Ничего, дядя, не робѣй. Ты человекъ умный, самъ понимаешь, что нельзя иначе. Кабы можно иначе, развѣ сталъ бы я самъ, пойми!

КОНДРАТІЙ (густо вздыхаетъ). Да-а... Эхъ, Савва Егоровичъ, ангелъ вы мой неоцѣненный, развѣ я этого не понимаю? Жизнь проклятушая! Эхъ, Савва Егоровичъ, Савва Егоровичъ! Вотъ скажи я вамъ, кому хочешь скажи: я человекъ хорошій, — засмѣютъ, по затылку дадутъ: „что брешешь, пьяница“!.. Кондратій—хорошій человекъ... самому даже смѣшно, а я ей-Богу хорошій. Такъ, не знаю, какъ это вышло. Жиль-жилъ—и вдругъ! Какъ это, по какой причинѣ—неизвѣстно.

САВВА. А ты вотъ все боишься!

КОНДРАТІЙ. Кто я теперь такой: ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Какъ оглянешься иной разъ, да подумаешь... Эхъ, Савва Егоровичъ, развѣ у меня совѣсти пѣтъ? Развѣ я не понимаю? Все я понимаю, но только...

И и дьявола не то вправду боюсь, не то такъ: дурака ломаю. Эка штука—дьяволъ! Побылъ бы на нашемъ мѣстѣ, такъ узналъ бы Кузькину мать. Недавно это, пьяный, кричу я: выходи, дьяволъ, на лѣвую руку, я человекъ отчаянный! Мнѣ ничего не жалко: пропадать, такъ пропадать... Эхъ разжалобили вы меня, Савва Егоровичъ! (Утираетъ рукавомъ глаза)

САВВА. Зачѣмъ пропадать? И я пропадать не хочу. Еще поживемъ, дядя! Тебѣ сколько лѣтъ?

КОНДРАТІЙ. Сорокъ два.

САВВА. Ну вотъ, самые годы. Деньги тебѣ нужны?

КОНДРАТІЙ. А онѣ у васъ есть?

САВВА. Есть!

КОНДРАТІЙ (подозрительно). Откуда же это онѣ у васъ?

САВВА. А тебѣ-то что? Можетъ быть, я убилъ богатаго купца или кого-нибудь зарѣзалъ. Доносить вѣдь не пойдешь?

КОНДРАТІЙ (успокаиваясь). Что вы, Савва Егоровичъ, это дѣло ваше. А деньги, конечно, никогда не лишнее. Я тогда изъ монастыря уйду. У меня, скажу вамъ по совѣсти, давно уже одно мечтанище есть: сѣсть при дорогѣ и трактиръ открыть. Компанію я люблю, и самъ я разговорчивый человекъ; у меня дѣло пойдетъ. Трактирщикъ, если и самъ выпиваетъ, такъ это не бѣда: народу пріятнѣе; у веселаго трактирщика и штаны оставишь—не замѣтишь. По себѣ знаю.

САВВА. Что же, можно и трактиръ.

КОНДРАТІЙ. И кромѣ того, человекъ я еще въ полномъ соку. Чѣмъ тутъ грѣшить, лучше-жь я законнымъ бракомъ...

САВВА. Въ посаженные отцы, не забудь, позови.

КОНДРАТІЙ. Молоды еще! А деньги, Савва Егоровичъ, когда—раньше или потомъ?

САВВА. Гуда раньше получилъ!

КОНДРАТІЙ (огорченно). Ну вотъ! То сами подгова-

риваете, а то Иуда. Развѣ пріятно такія слова слышать? Живого человѣка Іудой называете! .

САВВА. Иуда былъ дуракъ. Онъ удавился, а ты трактиръ откроешь.

КОНДРАТІЙ. Опять! Если вы такъ обо мнѣ думаете...

САВВА (хлопая по плечу). Ну-ну, дядя... Развѣ не видишь, что я шучу? Иуда человѣка продалъ, а ты что—вродѣ какъ бы дровами торгуешь. Вѣрно, дядя!

(Показываются Сперанскій и Тюха. Последній замѣтно покачивается)

КОНДРАТІЙ. Вотъ еще нелегкая несетъ. Тутъ такой разговоръ пошелъ...

САВВА. Такъ какъ же, по рукамъ?

КОНДРАТІЙ. Что же съ вами подѣлаешь!

СПЕРАНСКІЙ (кланяется). Еще разъ здравствуйте, Савва Егоровичъ. А мы съ Антономъ Егоровичемъ были на томъ концѣ, на кладбищѣ. Бабу нынче одну схоронили, такъ посмотрѣть...

САВВА. Не вылѣзла ли? А его зачѣмъ съ собой таскаете? Тюха, иди спать, на ногахъ не держишься.

ТЮХА. Не пойду.

СПЕРАНСКІЙ. Антонъ Егоровичъ сегодня въ безпокойствѣ. Имъ все рожи представляются.

САВВА. Да вѣдь смѣшныя же?

ТЮХА. Ну да смѣшныя, а то какія же? (Мрачно) У тебя, Савка, очень, очень смѣшная рожа!

САВВА. Ну ладно, иди. Отведите его, нечего таскать.

СПЕРАНСКІЙ. До пріятнаго свиданія! Пойдемте, Антонъ Егоровичъ.

(Уходятъ. Тюха идетъ, озираясь на Савву и спотыкаясь. Пропадаютъ въ темнотѣ)

КОНДРАТІЙ. И намъ пора. А деньги у васъ какъ, свободныя?

САВВА. Свободныя. Такъ слушай. Праздникъ въ воскресенье. Въ субботу утромъ ты возьмешь, значить,

машинку и вечеромъ поставишь, за полчаса до двѣнадцати. Черезъ четыре дня. Я тебѣ покажу, какъ заводить и все. Четыре дня еще. Надоѣло мнѣ тутъ у васъ, Кондратій.

кондратій. А если я того... обману?

савва (тяжело). Убью.

кондратій. Ну вотъ!

савва. Теперь, если и откажешься, все равно убью. Много, братъ, знаешь.

кондратій. Шутите!

савва. Что же, можетъ и шучу. Я, братъ, человекъ веселый. Люблю посмѣяться.

кондратій. По-первоначалу, вы веселѣи были. А что, Савва Егоровичъ, (оглядывается) приходилось вамъ человекъ убивать живого?

савва. Приходилось. Купца-то того, зарѣзалъ-то я.

кондратій (машетъ рукой). Теперь вижу, что шутите. Ну, прощайте, пойду. Да и вы не засиживайтесь, какъ бы ворота не заперли. Вотъ не боюсь, не боюсь, а про корридоръ подумаешь, такъ страшно. Тѣни тамъ теперь. Прощайте.

савва. Прощай.

(Кондратій пропадаетъ въ темнотѣ. Зарницы. Савва стоитъ, опершись на рѣшетку, и смотритъ на бѣлые камни кладбища, вспыхивающіе при блескѣ зарницъ)

савва (къ могиламъ). Ну какъ то вы, покойнички: перевернетесь въ гробахъ, или нѣтъ?—Не весело мнѣ что-то, покойнички, не весело!

(Зарницы)

З а н а в ѣ с ь .

Л. Андреевъ. Савва.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Парадная комната; три окна на улицу, одно открыто, но занавѣска спущена. Открытая темная дверь въ комнату перваго дѣйствія. Вечеръ, темно. За окнами все время, не прекращаясь, слышны шаги богомольцевъ, идущихъ на завтрашній праздникъ. Идутъ въ сапогахъ, идутъ босые и въ лаптяхъ; шаги быстрые, торопливые—медленные, усталые; идутъ группами по двое, по трое, идутъ по одному. Большею частью идутъ молча, но изрѣдка доносится сдержанный, невнятный говоръ. Глухо начинаясь гдѣ-то далеко, слѣва, звуки шаговъ и разговоръ разрастаются, иногда точно наполняютъ комнату и пропадаютъ вдали. Впечатлѣніе огромнаго, неудержимаго стихійнаго движенія.

За столомъ, при колеблющемся свѣтѣ салнаго огарка, сидятъ Сперанскій и сильно пьяный Тюха. Бутылка водки, огурцы, селедка. Въ остальной комнатѣ совсѣмъ темно; временами вѣтерокъ надуваетъ бѣлую занавѣску въ окнѣ и колышетъ пламя свѣчи. Разговоръ Тюхи и Сперанскаго ведется шопотомъ. Послѣ открытія занавѣса, продолжительная пауза.

ТЮХА (наклоняясь къ Сперанскому, таинственно). Такъ ты говоришь,—можетъ, насъ и нѣту, а?

СПЕРАНСКІЙ (такъ же таинственно). Какъ я уже докладывалъ вамъ: подъ сомнѣніемъ, подъ большимъ сомнѣніемъ. Весьма возможно, что въ дѣйствительности мы не существуемъ, вовсе не существуемъ.

ТЮХА. И тебя нѣтъ, и меня нѣтъ?

СПЕРАНСКІЙ. И васъ нѣтъ, и меня нѣтъ. Никого нѣтъ.

(Пауза)

ТЮХА (озираясь, таинственно). А гдѣ же мы?

СПЕРАНСКІЙ. Мы?

ТЮХА. Ну да, мы.

СПЕРАНСКІЙ. Неизвѣстно, Антонъ Егорычъ, никому неизвѣстно.

ТЮХА. Никому?

СПЕРАНСКІЙ. Никому.

ТЮХА (оглядываясь). А Савкѣ?

СПЕРАНСКІЙ. И ему неизвѣстно.

ТЮХА. Савка все знаетъ.

СПЕРАНСКІЙ. А этого и онъ не знаетъ. Нѣтъ.

ТЮХА (грозятъ пальцемъ). Тише! тише!

(Оба оглядываются и молчатъ)

ТЮХА (таинственно). Куда это они идутъ, а?

СПЕРАНСКІЙ. На поднятіе иконы. Завтра праздникъ, поднятіе иконы.

ТЮХА. Нѣтъ, а по-настоящему? По-настоящему, понимаешь?

СПЕРАНСКІЙ. Понимаю. Неизвѣстно. Никому неизвѣстно, Антонъ Егорычъ.

ТЮХА. Тише! (Кривитъ весело лицо, закрывая ротъ рукой и озираясь)

СПЕРАНСКІЙ (шопотомъ). Чего вы?

ТЮХА. Молчи, молчи! Слушай.

(Оба слушаютъ)

ТЮХА (шопотомъ). Это—рожи.

СПЕРАНСКІЙ. Да?

ТЮХА. Это—рожи идутъ. Множество рожъ. Видишь?

СПЕРАНСКІЙ (вглядываясь). Нѣтъ, не вижу.

ТЮХА. А я вижу. Вотъ онѣ, смѣются. Отчего ты не смѣешься, а?

СПЕРАНСКІЙ. Мнѣ очень грустно.

ТЮХА. Нѣтъ, ты смѣешься, всѣ смѣются. Молчи! молчи!

(Пауза)

ТЮХА. Слушай: никого нѣтъ. Никого, понимаешь? И Бога нѣтъ, и человѣка нѣтъ, и звѣря нѣтъ. Вотъ

столь—и стола нѣтъ. Вотъ свѣчка—и свѣчки нѣту. Одня рожу, понимаешь? Молчи. Молчи! Я очень боюсь.

СПЕРАНСКІЙ. Чего?

ТЮХА (близко наклоняясь). Помереть со смѣху.

СПЕРАНСКІЙ. Да?

ТЮХА (утвердительно кивая головой). Да. Помереть со смѣху. Увижу такую рожу и начну хохотать, хохотать, хохотать и умру. Молчи, молчи, я знаю.

СПЕРАНСКІЙ. Вы никогда не смѣтаетесь.

ТЮХА. Нѣтъ. Я постоянно смѣюсь, только ры этого не видите. Это ничего. Я только умереть боюсь: увижу такую рожу и начну хохотать, хохотать, хохотать. Такъ, подстукаетъ. (Потираетъ себѣ грудь и горло)

СПЕРАНСКІЙ. Мертвые всё знаютъ.

ТЮХА (таинственно, со страхомъ). Я Савкиной рожу боюсь. Очень смѣшная, отъ нея можно умереть со смѣху. Главное дѣло, остановиться нельзя, понимаешь? будешь хохотать, хохотать, хохотать!.. Тутъ никого нѣтъ?

СПЕРАНСКІЙ. Повидимому, никого.

ТЮХА. Молчи, молчи, я знаю. Молчи!

(Пауза. Шаги становятся громче, какъ будто въ самой комнатѣ)

ТЮХА. Идутъ?

СПЕРАНСКІЙ. Да, идутъ.

(Пауза)

ТЮХА. Я тебя люблю. Спой-ка ты мнѣ эту, твою... А я слушать буду.

СПЕРАНСКІЙ. Извольте, Антонъ Егорычъ... (Поетъ вполголоса, почти шопотомъ, протяжнымъ и заунывнымъ мотивомъ, нѣсколько похожимъ на церковный) „Все въ жизни невѣрно, и смерть лишь одна—вѣрна, неизмѣнно вѣрна! (Съ возрастающей осторожностью и наставительностью, жестукулируя однимъ пальцемъ, какъ будто передаетъ тайну) Все канетъ—минуетъ, забудетъ, пройдетъ—она не минуетъ, найдетъ! Покинутыхъ — скорбныхъ, послѣднихъ изъ насъ, до мошки, незримой для глазъ“...

ТЮХА. Какъ?

СПЕРАНСКІЙ. „До мошки — незримой для глазъ. Прижметь, приголубить и тяжкій свой брачный надѣнетъ вѣнецъ, и — жизненной сказкѣ конецъ“. Все, Антонъ Егорычъ.

ТЮХА. Молчи, молчи. Спѣлъ и молчи.

(Входитъ Липа, открываетъ окна, отодвигаетъ цвѣты и смотритъ на улицу. Потомъ зажигаетъ лампу)

ТЮХА. Это кто? Ты, Липа? Липа, а Липа, куда они идутъ?

ЛИПА. На праздникъ, ты же знаешь. Шелъ бы и ты спать, Тюха. А то увидитъ папаша, разсердится.

СПЕРАНСКІЙ. Много идетъ народу, Олимпиада Егоровна?

ЛИПА. Да. Только темно очень, не размотришь. Что это вы такой блѣдный, Григорій Петровичъ? Даже неприятно смотрѣть.

СПЕРАНСКІЙ. Такой у меня видъ, Олимпиада Егоровна.

(Въ окно осторожно стучать)

ЛИПА (открывая окно). Кто тамъ?

ТЮХА (Сперанскому). Молчи! Молчи!

ПОСЛУШНИКЪ (просовывая въ окно улыбающееся лицо). А Саввы Егорыча нѣтъ? Я же его въ лѣсъ хотѣлъ позвать.

ЛИПА. Нѣтъ. Какъ же это вамъ не стыдно, Вася! У васъ такой завтра праздникъ, а вы...

ПОСЛУШНИКЪ (улыбаясь). Тамъ и безъ меня народу много. Скажите Саввѣ Егорычу, что я въ оврагъ пошелъ, свѣтляковъ собирать. Пусть покричитъ: го-го!

ЛИПА. Зачѣмъ вамъ свѣтляки?

ПОСЛУШНИКЪ. Да монаховъ же пугать. Поставлю два свѣтляка рядомъ, какъ глаза, а они и думаютъ, что это чортъ. Скажите же ему, пусть покричитъ: го-го-го! (Исчезаетъ въ темнотѣ)

ЛИПА (вдогонку). Сегодня онъ не можетъ... Убѣ-жалъ!

СПЕРАНСКІЙ. Нынче, Олимпіада Егоровна, троихъ на кладбищѣ хоронили.

ЛИПА. Вы Саввы не видали?

СПЕРАНСКІЙ. Нѣтъ, не пришлось, къ сожалѣнію... Троицхъ, я говорю, хоронили. Старика одного, можетъ, знаете: Петра Хворостова?

ЛИПА. Да, знаю. Умеръ?

СПЕРАНСКІЙ. Да. Его, да двоихъ ребятъ. Бабы очень плакали.

ЛИПА. Отчего они умерли?

СПЕРАНСКІЙ. Извините, не поинтересовался. Дѣтское что-нибудь. А вы не изволили замѣчать, Олимпіада Егоровна, что, когда ребенокъ умретъ, онъ дѣлается весь сивій? И видъ у него такой, будто онъ хочетъ закричать. У взрослыхъ лицо спокойное, а у нихъ нѣтъ. Отчего бы это?

ЛИПА. Не знаю. Не замѣчала.

СПЕРАНСКІЙ. Очень интересное явленіе.

ЛИПА. Вотъ и папаша. Говорила,—досидишься, а теперь брань вашу слушать. (Уходитъ)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Кто лампу зажегъ?

СПЕРАНСКІЙ. Здравствуйте, Егоръ Ивановичъ.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Здравствуйте. Кто лампу зажегъ?

СПЕРАНСКІЙ. Олимпіада Егоровна зажгли.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (тушитъ, закрываетъ окна). У Савки научилась. (Къ Тюхъ) А ты это что, а? Докуда же это будетъ, а? Докуда же я изъ-за васъ, прохвостовъ, муку принимать буду, а? Гдѣ водку взялъ, а?

ТЮХА. Въ буфетѣ.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Такъ это она для тебя тамъ стоитъ?

ТЮХА. У васъ, папаша, очень смѣшная рожа.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Давай водку!

ТЮХА. Не дамъ.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Давай!

ТЮХА. Не дамъ!

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (бьетъ его по лицу). Давай, говорю!

ТЮХА (падая на диванъ, не выпуская бутылки). Не дамъ!

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (садится спокойно). Ну и жри, дьяволь, пока лопнешь. Да, о чемъ бишь я говорилъ? Вотъ дуракъ-то, сбиль меня... Да, богомолецъ здорово идетъ. Годъ нынче неурожайный, такъ, должно быть, еще отъ этого: жрать нечего, такъ они Богу молиться. Такъ тебѣ Богъ всякаго дурака и послушалъ! Всѣхъ дураковъ слушать, такъ умному человѣку нельзя будетъ жить. Дуракъ—такъ онъ дуракъ и есть. Потому и дуракомъ называется.

СПЕРАНСКІЙ. Это справедливо!

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Еще бы не справедливо. О. Парфеній мудрый человѣкъ, онъ ихъ облапошить. Гробъ, слышишь, новый поставилъ. Старый-то богомольцы изгрызли, такъ онъ новый поставилъ. Старый, такъ на мѣсто стараго. Сгрызуть и этотъ, имъ что ни поставь... Тюха, опять пьешь?

ТЮХА. Пью.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Пью!.. Вотъ пойти, да по харѣ тебя, а? Что тогда скажешь?

(Входитъ Савва, очень веселый и оживленный; сутулится меньше обычнаго, говорить быстро, смотреть рѣзко и прямо, но взглядомъ оставливается ненадолго)

САВВА. А, философы! Родитель! Почтенная компанія! Почему у васъ темно тутъ, какъ у дьявола подъ мышками? Для философовъ нуженъ свѣтъ, а въ темнотѣ хорошо только людей обирать. Гдѣ лампа? Ага, вотъ она! (Зажигаетъ)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (иронически). Можетъ, и окна откроешь?

САВВА. Вѣрно. И окна открою. (Открываетъ) Ого, идутъ-то!

СПЕРАНСКІЙ. Цѣлая армія.

САВВА. И всѣ въ свое время умрутъ и станутъ покойниками. И тогда узнаютъ правду, ибо приходитъ она не иначе, какъ въ сопутствіи червей. Вѣрно я схватилъ суть вашей оптимистической философіи, мой худой и длинный другъ?

СПЕРАНСКІЙ (со вздохомъ). Вы все шутите.

САВВА. А вы все грустите! Слушайте: оттого, что дьяконица плохо кормить васъ, и отъ грусти, вы скоро умрете, и физиономія у васъ будетъ тогда самой спокойной. Острый носъ, и вокругъ него разлито этакое спокойствіе. Неужели васъ и это не утѣшаетъ? Вы подумайте: островокъ носа среди цѣлаго океана спокойствія.

СПЕРАНСКІЙ (уныло). Вы все шутите.

САВВА. И не думаю. Развѣ можно шутить надъ смертью? Нѣтъ. Когда вы умрете, я буду идти за вашимъ гробомъ и показывать: смотрите, вотъ чело-вѣкъ, который узналъ правду. Или нѣтъ, лучше такъ: я повѣшу васъ, какъ знамя истины. И по мѣрѣ того, какъ съ васъ станетъ сползать кожа и мясо, будетъ выступать правда. Это будетъ въ высшей степени поучительно. Тюха, что оставился на меня?

ТЮХА (мрачно). У тебя очень смѣшная рожа.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (водитъ глазами, недоумѣвая). Что они говорятъ?

САВВА. Отецъ, что это у тебя физиономія? Запачкана чѣмъ-то? Черенъ ты, какъ сатана.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (хватаясь за лицо). Гдѣ?

СПЕРАНСКІЙ. Это они шутятъ. Ничего нѣтъ, Егоръ Ивановичъ, да ничего же!

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ну и дуракъ! Сатана! Самъ сатана, прости, Господи!

САВВА (дѣлаетъ страшную рожу, приставляетъ изъ палець рога). Я чортъ.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Чортъ и есть!

САВВА (оглядываясь). А не будетъ ли чорту поужинать? Грѣшниками я сытъ, а такъ, чего-нибудь повкуснѣе?

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. А ты гдѣ шатался, когда люди ужинали? Теперь и такъ посидишь.

САВВА. Съ ребятами я сидѣлъ, родитель, съ ребятами,—они сказки мнѣ рассказывали. Ну и здоровы же рассказывать! И все про чертей, да про вѣдьмъ, да про покойниковъ. По вашей специальности, философъ. Рассказываютъ, а сами трусятъ,—оттого и сидѣли такъ долго,—боятся домой бѣжать. Одинъ Мишка молодецъ: ничего не боится.

СПЕРАНСКІЙ (равнодушно). Что-жъ, и онъ умереть.

САВВА. Господишь хорошій! Да не будьте же вы мрачны, какъ центральное бюро похоронныхъ процесій! И охота вамъ каркать: умереть, умереть. Вотъ родитель мой совсѣмъ скоро умереть, а смотрите, какое у него пріятное и веселое лицо.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сатана! Совсѣмъ сатана!

СПЕРАНСКІЙ. Да если же мы не знаемъ...

САВВА. Голубчикъ! Жизнь—вѣдь это такое интересное занятіе. Понимаете, жизнь! Пойдемте завтра въ ладыжки играть, а? Я вамъ свинчатку дамъ—какую, батенька, свинчатку!.. (Незамѣтно входитъ Липа) И потомъ вамъ нужно заниматься гимнастикой. Серьезно, голубчикъ. Смотрите, какая у васъ грудь: вы черезъ годъ подохнете отъ чахотки. Дьяконица будетъ рада, но какой переполохъ поднимется среди покойниковъ! Серьезно. Вотъ я занимался гимнастикой, и поглядите. (Легко поднимаетъ за ножку тяжелый стулъ) Вотъ!

ЛИПА (очень громко смѣется). Ха-ха-ха!

САВВА (опуская стулъ, нѣсколько сконфуженно). Чего ты? Я думалъ, тебя нѣтъ...

ЛИПА. Такъ. Тебѣ бы слѣдовало въ циркъ поступить, акробатомъ.

САВВА (угрюмо). Не говори глупостей.

ЛИПА. Обидѣлся?

САВВА (вдругъ смѣется весело и добродушно). Ну вотъ, че-пуха! Въ циркъ, такъ въ циркъ. Мы вмѣстѣ со Сперанскимъ поступимъ. Только не акробатами, а клоунами... согласны? Вы умѣете горящую паклю глотать? Нѣтъ? Ну погодите, я и этому васъ научу. А ты вотъ что, Липа, дай-ка мнѣ поѣсть. Съ утра не жраль.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сатана! Совсѣмъ сатана! Не жраль. Такъ кто же теперь жреть? гдѣ это видано?

САВВА. А ты вотъ посмотри, это очень интересно. Ты погоди, отецъ, я тебя тоже научу паклю глотать—совсѣмъ молодцомъ будешь!

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Меня? Дуракъ ты, больше ничего. Тюха, давай водку!

ТЮХА. Не дамъ.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Чтобъ васъ всѣхъ... Вскормилъ, взлелѣялъ... (Уходитъ)

ЛИПА (подавая молоко и черный хлѣбъ). Ты что-то весель сегодня?

САВВА. Да, и ты весела.

ЛИПА (смѣется). Я весела.

САВВА. И я весель.

(Пьесъ съ жадностью молоко. На улицѣ шаги становятся громче, наполняютъ звукомъ своимъ комнату и снова слегка стихаютъ)

САВВА. Какъ топочуть!

ЛИПА (выглядываетъ въ окно). Завтра будетъ хорошая погода. Сколько я ни запомню, въ этотъ день всегда солнце.

САВВА. М-да. Это хорошо.

ЛИПА. И когда несутъ икону, вся она сверкаетъ отъ драгоценныхъ камней, какъ огонь, и только ликъ

ея темнѣть. Не радуютъ его эти драгоцѣнности, мраченъ и темень онъ, какъ горе народное... (Задумывается)

САВВА (равнодушно). М-да? Вотъ какъ.

ЛИПА. Когда подумаешь, сколько пало на него слезъ, сколько слышалъ онъ стоновъ и вздоховъ! Уже одно это дѣлаетъ его такую святынею—для всякаго, кто любить и жалѣть народъ, понимаетъ его душу. Вѣдь никого у нихъ нѣтъ, кромѣ Христа, — у всѣхъ этихъ несчастныхъ, убогихъ... Когда я была маленькая, я все ждала чуда...

САВВА. Это было бы интересно.

ЛИПА. Но теперь я поняла, что Самъ Онъ ждетъ отъ людей чуда,—ждетъ, что перестанутъ люди враждовать и губить другъ друга.

САВВА. Ну, и что же?

ЛИПА (сурово смотритъ на него). Ничего! Завтра самъ увидишь, когда понесутъ Его. Увидишь, что дѣлаетъ съ людьми одно только сознание, что Онъ здѣсь, съ ними. Живутъ они весь годъ грязно, нехорошо, въ ссорахъ, въ страданьяхъ, а въ этотъ день точно исчезаетъ все... Страшный и радостный день, когда вдругъ точно сбрасываешь съ себя все лишнее и такъ ясно чувствуешь свою близость со всѣми несчастными, какіе есть, какіе были,—и съ Богомъ!

САВВА (быстро). Который, однако, часъ?

СПЕРАНСКІЙ. Сейчасъ пробило четверть двѣнадцатаго, если не ошибаюсь.

ЛИПА. Рано еще.

САВВА. Чтò рано?

ЛИПА. Такъ. Рано, говорю, еще.

САВВА (подозрительно). Что это ты?

ЛИПА (вызывающе). А что?

САВВА. Почему ты сказала: рано еще?

ЛИПА (блѣднѣя). Потому что сейчасъ только одиннадцатъ. А когда будетъ двѣнадцатъ...

САВВА (вскланиваетъ и быстро идетъ къ ней. Тяжело смо-

трить на нее, говорить медленно, слово за слово): **Такъ-вотъ-что!** Когда будетъ двѣнадцать... (Поворачивая голову къ Сперанскому, по продолжая глядѣть на Липу) **Послушайте вы, ступайте домой!**

ЛИПА (съ испугомъ) **Нѣтъ**, подождите еще, Григорій Петровичъ. Пожалуйста, я прошу васъ!

САВВА. Если вы не уйдете сейчасъ, я выброшу васъ въ окно. Ну?

СПЕРАНСКІЙ. Извините, я никакъ не думаль, я съ Антонь Егорычемъ, я сейчасъ. Тутъ гдѣ-то моя шляпа... положилъ я ее...

САВВА. Вотъ ваша шляпа. (Бросаетъ)

ЛИПА (слабо). Посидите еще, Григорій Петровичъ.

СПЕРАНСКІЙ. Нѣтъ, уже поздно. Я сейчасъ, сейчасъ. До пріятнаго свиданья, Олимпиада Егоровна. До пріятнаго свиданья, Савва Егоровичъ. А они, кажется, уже спятъ, — ихъ въ постельку бы надо. Иду, иду.

(Уходитъ)

САВВА (говоритъ тихо и спокойно, въ движеніяхъ тяжелъ и медлителенъ, какъ будто вдругъ сразу почувствовалъ тяжесть своего тѣла). Ты знаешь?

ЛИПА. Знаю.

САВВА. Все знаешь?

ЛИПА. Все.

САВВА. Монахъ сказалъ?

ЛИПА. Монахъ сказалъ.

САВВА. Ну?

ЛИПА (слегка отступая и поднимая руки для защиты). **Ничего не будетъ. Взрыва не будетъ. Взрыва не будетъ, ты понимаешь, Савва? Не будетъ!**

(Пауза. На улицѣ шаги и невнятный говоръ. Савва поворачивается и съ особенной медлительностью, сгорбившись, прохаживается по комнатѣ)

САВВА. Ну?

ЛИПА. Такъ лучше, братъ, повѣрь мнѣ. Повѣрь мнѣ!

САВВА. Да?

ЛИПА. Вѣдь это было, не знаю, что! Сумасшествіе какое-то. Ты подумай!

САВВА. Это—навѣрно?

ЛИПА. Да, навѣрно. Теперь уже ничего не сдѣлаешь.

САВВА. Расскажи, какъ это произошло. (Осторожно садится и тяжело смотритъ на Липу)

ЛИПА. Я уже давно догадалась... Еще тогда, въ тотъ день, когда мы говорили. Только я еще не знала, что. И я видѣла... машинку эту: у меня есть другой ключъ отъ этого сундука.

САВВА. У тебя вклонности сыщика. Продолжай.

ЛИПА. Я не боюсь оскорбленій.

САВВА. Ничего, ничего, продолжай.

ЛИПА. Потому я видѣла, что ты часто разговариваешь съ этимъ, съ Кондратіемъ. А вчера я посмотрила—машинки этой уже нѣтъ. И я поняла.

САВВА. Второй, ты говоришь, ключъ?

ЛИПА. Да... вѣдь сундукъ этотъ мой. Ну, и сегодня...

САВВА. Когда?

ЛИПА. Уже къ вечеру—я никакъ не могла найти Кондратія—я сказала ему, что знаю все. Онъ очень испугался и рассказалъ мнѣ остальное.

САВВА. Дстойная пара: сыщикъ и предатель. Ну?

ЛИПА. Если ты будешь оскорблять меня, я замолчу.

САВВА. Ничего, ничего, продолжай.

ЛИПА. Онъ хотѣлъ донести игумену, но я не позволила. Я не хочу губить тебя.

САВВА. Да.

ЛИПА. Когда все это устроилось, я вдругъ поняла, какъ это дико все—такъ дико, что этого не можетъ быть. Кошмаръ какой-то. Нѣтъ, этого не можетъ быть! И мнѣ стало жаль тебя.

САВВА. Да?

ЛИПА. Мнѣ и сейчасъ жаль тебя. (Со слезами) Сав-

вужка, милый, вѣдь ты мой братъ, вѣдь я качала тебя въ люлькѣ. Миленкѣй, что ты задумалъ—вѣдь это же ужасъ, сумасшествіе. Я понимаю, что тебѣ тяжело было смотрѣть, какъ живутъ люди, и ты дошелъ до отчаянія... Ты всегда былъ хорошій, добрый, и я понимаю тебя. Развѣ мнѣ самой не тяжело смотрѣть? Развѣ я сама не мучаюсь? Дай мнѣ твою руку...

САВВА (отстраняя ея руку). Онъ сказалъ тебѣ, что пойдешь къ игумену?

ЛИПА. Да, но я не позволила ему.

САВВА. А машинка у него?

ЛИПА. Онъ завтра отдастъ ее тебѣ; мнѣ онъ побоялся ее отдать. Саввушка, миленькѣй, ну не смотри на меня такъ! Я понимаю, что тебѣ неприятно, но ты умный, ты не можешь не сознавать, что ты хотѣлъ сдѣлать. Но вѣдь это же безсмыслица, это бредъ, это можетъ присниться только ночью. Развѣ я не понимаю, что жить тяжело, не мучаюсь этимъ! Но нужно бороться со зломъ, нужно работать... Даже эти товарищи твои, анархисты... убивать нельзя, никого нельзя, но я все же ихъ понимаю: они убиваютъ злыхъ...

САВВА. Они не товарищи мнѣ; у меня нѣтъ товарищей.

ЛИПА. Но вѣдь ты же анархистъ?

САВВА. Нѣтъ.

ЛИПА. Кто же ты?

ТЮХА (поднимая голову). Идутъ. Все идутъ. Слышишь?

САВВА (тихо, но угрожающе). Идутъ!

ЛИПА. Да, и кто идетъ, ты подумай. Вѣдь это горе человѣческое идетъ, а ты хотѣлъ отнять у него послѣднее—послѣднюю надежду, послѣднее утѣшеніе... И зачѣмъ, во имя чего? Во имя какой-то дикой, страшной мечты о „голой землѣ“... (Смотритъ въ темную комнату съ ужасомъ) Голая земля—подумать страшно—голая земля! Какъ могъ человѣкъ додуматься до этого: голая

земля. Нѣтъ ничего, все надо уничтожить. Все. Надъ чѣмъ люди работали столько лѣтъ, что они создали съ такимъ трудомъ, съ такой болью... Несчастные люди: и среди васъ находится человѣкъ, который говорить: все это надо сжечь... огнемъ!

САВВА. Ты хорошо запомнила мои слова.

ЛИПА. Ты разбудила меня, Савва. Когда ты сказала мнѣ, я вдругъ точно прозрѣла, я полюбила все. Понимаешь, полюбила! Вотъ эти стѣны... прежде я не замѣчала ихъ, а теперь мнѣ жаль ихъ, такъ жаль... до слезъ. И книги, и все, каждый кирпичъ, каждую деревяшку, отдѣланную человѣкомъ. Пусть оно плохо,—кто говорить, что оно хорошо! Но за то я и люблю его—за неудачу, за кривыя линіи, за несбывшіяся надежды... за трудъ, за слезы! И всѣ, Савва, кто услышитъ тебя, такъ же почувствуютъ, какъ и я, такъ же полюбятъ все старое, милое, человѣческое...

САВВА. Мнѣ дѣла нѣтъ до васъ.

ЛИПА. Нѣтъ дѣла! А до кого же дѣло? Нѣтъ, Савва, ты никого не любишь, ты только себя любишь, свои мечты. Кто любитъ людей, тотъ не станетъ отнимать у нихъ все, тотъ не поставитъ свое желаніе выше ихъ жизни. Уничтожить все! Уничтожить Голгофу!—Ты подумай: (съ ужасомъ) уничтожить Голгофу! Самое свѣтлое, что было на землѣ! Пусть ты не вѣришь въ Христа, но если въ тебѣ есть хоть капля благородства, ты долженъ уважать Его, чтить Его благородную память: вѣдь Онъ же былъ несчастенъ, вѣдь Онъ же былъ распятъ—распятъ, Савва!—Ты молчишь?

САВВА. Молчу.

ЛИПА. Я думала... я думала... если тебѣ удастся это, я убью тебя, отравлю. Какъ самага вреднаго!

САВВА. А если это не удастся...

ЛИПА. Ты еще надѣнешься?

САВВА. А если это не удастся, я убью тебя.

ЛИПА (дѣлая шагъ къ нему). Убей! Убей! Дай мнѣ пострадать за Христа... за Христа, за людей!

САВВА. Да, я убью тебя.

ЛИПА. Да развѣ я не думала объ этомъ? Развѣ я объ этомъ не мечтала! Господи! Пострадать за Тебя—да есть ли счастье выше этого!

САВВА (презрительнымъ жестомъ указывая на Липу). И это — человѣкъ! И это — считалось лучшимъ! И этимъ гордились! Н-ну, не богаты же вы хорошимъ!

ЛИПА. Оскорбляй, издѣвайся,—насъ всегда оскорбляли,—прежде чѣмъ убить.

САВВА. Нѣтъ. Я не думаю тебя оскорблять—какъ я могу оскорбить тебя! Ты просто неумная женщина. Такихъ много было, много есть и сейчасъ. Просто неумная, ничтожная, даже невинная, какъ всѣ, кто ничтоженъ. И если я хочу убить тебя, то ты не гордись этимъ, не думай, что ты особенная, достойная моего гнѣва. Нѣтъ. Просто—мнѣ будетъ немного легче. Когда мнѣ случалось колоть дрова, и я промахивался и вмѣсто полѣна попадалъ по порогу, это было легче, чѣмъ если кто-нибудь удерживалъ мою руку. Поднятая рука должна упасть.

ЛИПА. И подумать, что этотъ звѣрь—мой братъ!

САВВА. Котораго ты качала въ люлькѣ и ставила на горшокъ. Да. А мнѣ нисколько не странно, что ты моя сесгра, а вотъ это чучело—мой братъ. Эй, Тюха! Идутъ! (Тюха ворочаетъ головой, бессмысленно смотритъ, не отвѣчаетъ) Да. И мнѣ нисколько не странно, когда все ничтожное называетъ себя моими сестрами и братьями, а когда узнаетъ, кто я, идетъ покупать мышьяку на пятнадцатый—для брата. Травить меня, видишь ли, уже пробовали. Та, которая ушла отъ меня, пробовала, но не хватило духу. Дѣло въ томъ, что всѣ сестры и братья мои, помимо прочаго,—труссы.

ЛИПА. Я бы отравила.

САВВА. Не спору. Ты немного истеричка, а истерички—народъ рѣшительный, если только не расплачутся раньше.

ЛИПА. Я истеричка? Хорошо, пусть такъ! Пусть такъ,—а кто ты, Савва?

САВВА. Меня это мало интересуешь.

ЛИПА. Они идутъ, Савва. Они идутъ! И они найдутъ то, что имъ надо.—И это сдѣлала истеричка! Ты слышишь, сколько ихъ? И если бы они узнали... Если бы подойти сейчасъ къ окну и открыть, и крикнуть: вотъ онъ здѣсь, человекъ, который покушается на вашего Христа... Хочешь, я подойду сейчасъ? Хочешь? (Въ изступленіи дѣлаетъ шагъ къ окну) Хочешь?

САВВА. Да, средство хорошее—избавиться отъ мученическаго вѣнца. Что-жь, крикни. Да поосторожнѣе: Тюху не свали!

ЛИПА (возвращается). Мнѣ жаль тебя, ты разбить, а лежачаго не бьютъ. Но помни! Но помни, Савва: это идутъ тысячи твоихъ смертей.

САВВА (улыбаясь). Шаги смерти.

ЛИПА. Помни, что каждый изъ нихъ счастливъ былъ бы убить тебя, раздавить, какъ гадину. Ты слышишь, сколько ихъ? И каждый изъ нихъ—твоя смерть! Если простого вора, конокрада, они бьютъ до смерти, то что же они должны сдѣлать съ тобой? Вѣдь ты Бога у нихъ хотѣлъ украсть!

САВВА. Это вѣрно—тоже собственность!

ЛИПА. И ты еще смѣешься? Кто далъ тебѣ право? Кто далъ тебѣ власть надъ людьми,—какъ смѣешь ты касаться того, что для нихъ—право, касаться ихъ жизни?

САВВА. Кто далъ мнѣ право? Вы дали. Кто далъ мнѣ власть? Вы дали. И я держу ее крѣпко,—попробуй, отними! Вы—вашей злостью, вашимъ безуміемъ, вашимъ подлымъ безсиліемъ. Право! Власть! Превратили землю въ помойную яму, въ бойню, въ жилище рабовъ,

грызуть другъ друга и спрашиваютъ: кто осмѣлился схватить ихъ за горло? Я! Понимаешь? Я! (Встаетъ)

ЛИПА. Ты такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

САВВА. Я—мститель. За моей спиной все удушенное вами. Ага! Блудили себѣ потихоньку и думали: никто не узнаетъ, ничего, обойдется понемногу. Лгали, безстыдствовали, кривлялись передъ своими алтариками и безсильнымъ Богомъ и думали: ничего, бояться некого, мы здѣсь одни. А вотъ пришелъ человѣкъ и говорить: отчетъ! Что сдѣлали, ну-ка? Отчетъ давайте, ну?—да безъ мошенничества, я васъ знаю! За cadaго потребу! Ни одной кровинки не прощу! Ни одной слезы вамъ не оставлю!

ЛИПА. Но уничтожать все... Ты подумай!..

САВВА. А что же съ ними дѣлать по-твоему? Уговаривать этихъ барановъ свернуть съ ихъ скотской тропы, ловить cadaго за рога и отводить въ сторону, надѣть фракъ и читать имъ лекціи? Какъ будто мало ихъ учили! Какъ будто для нихъ имѣютъ значеніе слова, мысли. Мысль! Чистая, несчастная мысль! Они развратили ее, научили мошенничать, сдѣлали ее продажной тварью, что отдается за пятакъ. Нѣтъ, сестра, жизнь коротка и тратить ее на диспуты съ баранами я не намѣренъ. Огнемъ ихъ надо! Огнемъ! Пусть надолго запомнятъ день, когда пришелъ на землю Савва Тропининъ!

ЛИПА. Но чего ты хочешь? Чего ты хочешь?

САВВА. Чего хочу? Освободить землю. Освободить мысль! Освободить человѣка и уничтожить всю эту двуногую, болтающую тварь! Онъ, теперешній, умный, онъ уже готовъ для свободы, но прошлое ѣстъ его душу, какъ короста, замыкаетъ его жизнь въ желѣзный кругъ совершившагося, фактовъ. Факты я хочу уничтожить, факты! Сломать тюрьму, къ которой запрятаны идеи, и дать имъ крылья, и открыть имъ новый, великій не-

вѣдомый просторъ. Въ огнѣ и громѣ перейти хочу я мировую грань!

ЛИПА (закрывая рукою глаза). Мнѣ страшно. Мнѣ страшно! Я вижу все въ огнѣ...

САВВА. Ты думаешь, я не знаю, что каждый изъ этихъ глупцовъ радъ бы убить меня? Но этого не будетъ, нѣтъ. Настало мнѣ время придти, и я пришелъ, и вотъ стою я среди васъ. Будьте готовы! Время настало! Ничтожная! Ты думала, что, воровски отнявши у меня одну маленькую возможность, ты ограбила меня всего? Нѣтъ, я все такъ же богатъ.

ЛИПА (съ закрытыми глазами). Тебя убьютъ. Этого не можетъ быть, чтобы тебя не убили! Тебя убьютъ.

САВВА. Ну и пускай убьютъ. Но бойся тѣхъ цвѣтовъ, что взойдутъ надъ моей могилой—невиданныхъ еще цвѣтовъ послѣдней мести! Я только посланный, пославшій же меня... (пригибаясь, какъ подъ страшной тяжестью) пославшій же меня—безсмертенъ. И не я, такъ другой, а вашему міру придется худо. Сочтены дни его, и часы его измѣрены.

(Пауза)

ЛИПА. Ты страшный человекъ. Я думала, ты будешь пораженъ неудачей, а ты... ты, какъ сатана и, падая, становишься еще чернѣе.

САВВА. Да. Это только воробьи, Липа, прямо съ земли поднимаются кверху, а крупной птицѣ надо сперва упасть, чтобы хорошенько расправить крылья.

ЛИПА. Неужели тебѣ не жаль дѣтей? Сколько должно погибнуть ихъ!..

САВВА. Какихъ дѣтей? Ахъ да, Мишка... (добродушно) Мишка—славный парень, это вѣрно. Онъ подрастетъ, спуску вамъ не дастъ... Дѣти, да! Не даромъ вы уже начинаете побаиваться ихъ! Ничего. Я дѣтей люблю, это вѣрно. (Съ гордостью) И меня они любятъ, а васъ вотъ—не долюбиваютъ.

ЛИПА. Мы не играемъ съ ними въ ладыжки.

САВВА. Какая ты глупая, сестра! Да если же я люблю играть?

ЛИПА. Вотъ и игралъ бы.

САВВА. И буду играть.

ЛИПА. Когда ты такъ говоришь, мнѣ опять кажется, что все это сонъ... что было, что мы говорили. Неужели это правда? и ты хочешь убить меня?

САВВА. Это какъ понадобится. Можетъ быть, и не придется.

ЛИПА. Ты шутишь!

САВВА. Вы всѣ твердите, что я шучу. До чего отвыкли вы отъ серьезнаго!

ЛИПА. Нѣтъ, это не сонъ. Идутъ!

САВВА. Да, идутъ.

(Слушаютъ)

ЛИПА. И ты еще какъ будто вѣришь. Во что ты вѣришь?

САВВА. Я вѣрю въ свою судьбу.

(На монастырской башнѣ начинаютъ бить часы)

САВВА. Двѣнадцать.

ЛИПА (считаетъ). Семь... Восемь... и подумать, что въ этотъ часъ должно было совершиться... при одной мысли...

(Глухой звукъ сильнаго взрыва)

ЛИПА. Что это?

САВВА. Ага, вотъ оно!

(Оба бросаются къ окнамъ, будя Тюху, который сонно ворочаетъ головой. На улицѣ шаги на мигъ останавливаются; потомъ слышно, какъ все бѣжитъ. Испуганные вскрики, плачь, отрывочныя громкія слова: „Что это?“ — „Господи!“ — „Пожаръ!“ — „Пожаръ!“ — „Нѣтъ, завалилось что то.“ — „Бѣжимъ!“ — и часто повторяется слово „монастырь“)

ТЮХА. Бѣгутъ? Куда они бѣгутъ? а? Почему никого нѣтъ?

ЦЕЛАГЕЯ (полуодѣтая, проходитъ). Господи, батюшка! Никакъ, монастырь горитъ. Господи, батюшка! А ты тутъ, пьяница, василискъ...

ТЮХА. Ого!.. бѣгутъ!.. рожи-то, а?..

(Гулко проносится первый ударъ вполношного колокола. Затѣмъ удары становятся чаще, — то-ропливые, тревожные, неровные, они сливаются съ гуломъ улицы и точно лѣзутъ въ окна)

ЦЕЛАГЕЯ (плачетъ). Господи, куда же теперь дѣваться?

(Бѣжить. Крики на улицѣ сильнѣе. Кто-то кричить въ одну ноту: „ай-ай-ай“ и пропадаетъ въ общемъ тревожномъ гулѣ и звонѣ)

ЛИПА (отходя отъ окна, очень блѣдная, растерянная). Что же это? Не можетъ быть. Не можетъ быть! Тюха, Тюха, проснись! Тюха, братикъ, что же это, а? Тюха!

ТЮХА (успокоительно). Это ничего. Это все рожи.

САВВА (отходя отъ окна, спокойный и строгій, но тоже блѣдный). Ну что, сестра?

ЛИПА (мечется). Я побѣгу. Я побѣгу. Гдѣ платокъ, гдѣ платокъ? Господи, Боже мой, да гдѣ же платокъ?

САВВА. Платокъ, вотъ онъ, но я все равно его не дамъ. Посиди, тамъ тебѣ нечего дѣлать.

ЛИПА. Пусти!

САВВА. Нѣтъ, посиди, посиди! Теперь все равно уже поздно.

ЛИПА. Поздно...

САВВА. Да, поздно. Ты слышишь, какъ они бухаютъ?

ЛИПА. Я побѣгу, побѣгу.

САВВА. Сиди, сиди. (Сажаетъ ее) Тюха, слыхаль? Бога взорвали!

ТЮХА (со страхомъ смотреть на лицо Саввы). Савка, не смѣши меня, отвернись!

(Савва улыбается и ходитъ по комнатѣ рѣшительными, очень легкими шагами, безъ обычной сутуловатости)

ЛИПА (слабо). Савва!

САВВА. Что? Громче!..

ЛИПА. Неужели это правда?

САВВА. Правда.

ЛИПА. И его нѣтъ?

САВВА. И его нѣтъ.

(Липа плачетъ сперва тихо, потомъ все громче и громче. Набать и крики точно растутъ. Грохочуть какіи-то повозки)

САВВА. Бѣгутъ! Какъ они, однако!.. (Липа говорить что-то, но словъ ея не слышно) Громче! Не слышу. Видишь, какъ они раззвонились!

ЛИПА (громко). Убей меня, Савва!

САВВА. Зачѣмъ? Ты умрешь сама.

ЛИПА. Я не могу! Я убью себя.

САВВА. Убивай! Убивай! Убивай скорѣй!

(Липа плачетъ, уткнувшись головой въ кресло. Тюха съ перекосившимся отъ страха лицомъ смотритъ на Савву и обѣ руки держитъ въ готовности у рта. Гулко бухаетъ исполошной колоколь, сливая свои тревожные звуки съ громкою рѣчью Саввы)

САВВА (громко). Ага! Зазвонили! Звоните, звоните! Скоро зазвонитъ вся земля. Я слышу!—Я слышу! Я вижу, какъ горять ваши города. Я вижу пламя! Я слышу трескъ! Я вижу, какъ валятся на голову дома! Бѣжать некуда.—Спасенья нѣтъ!—Спасенья нѣтъ! Огонь вездѣ! Горять церкви, горять фабрики—лопаются котлы. Конецъ рабьему труду!

ТЮХА (трясаясь отъ страха). Савва, замолчи! Я смѣяться буду!

САВВА (не слыша). Настало время! Настало время!—Ты слышишь! Земля выбрасываетъ васъ. Нѣтъ вамъ мѣста на землѣ! Нѣтъ!—Онъ идетъ! Я вижу его! Онъ идетъ, свободный человѣкъ! Онъ родится въ пламе-

ни!—Онъ самъ—пламя и разрушеніе! Конецъ рабьей
землѣ!

ТЮХА. Савка, замолчи!

САВВА (наклонясь къ Тюхѣ). Будьте готовы! Онъ идетъ.
Ты слышишь его шаги? Онъ идетъ! Онъ идетъ!..

Занавѣсъ.

Л. Андреевъ. Савва.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вблизи монастыря. Большая дорога, наискось пересѣкающая сѣну. По ту сторону дороги—черезъ рѣку—широкій видъ на окрестности: луга, лѣса, села съ горящими на солнцѣ крестами церквей. Направо вдали, на выступѣ горы, надъ блестящей излучиной рѣки видна часть монастырскихъ стѣнъ и башенъ. По эту сторону дороги бугроватое мѣсто, покрытое сильно притоптанной травой. Ранее солнечное утро; часовъ пять-шесть. Надъ лугами кое-гдѣ туманъ, медленно разсѣивающійся.

По дорогѣ изрѣдка проходятъ богомольцы, торопящіеся къ монастырю, провозятъ повозочки съ калѣками и уродами. Со стороны монастыря приносится гулъ многотысячной, чѣмъ-то радостно возбужденной толпы. Отдѣльныхъ голосовъ не слышно, но чувствуется пѣніе слѣпцовъ, крики, радостный, торопливый, частый говоръ. Впечатлѣвіе той же стихійности и силы. Черезъ равные промежутки, какъ волна, крикъ упадаетъ, и тогда ясно слышно пѣніе слѣпцовъ.

По эту сторону дороги Липа и молодой послушникъ. Липа, одѣтая, какъ и ночью, въ небрежно повязанномъ бѣломъ платкѣ, уста чая отъ радости, почти грезящая, сидитъ на бугоркѣ. Возлѣ стоитъ послушникъ; лицо у него растерянное, недоумѣвающее, движенія неувѣренныя, нечѣлесообразныя; пытается улыбнуться, но улыбка выходитъ кривая, жалкая. Похожъ на обиженного ребенка, не знающаго точно причины своихъ страданій.

ЛИПА (развязывая платокъ). Господи, какъ хорошо. Такъ бы и умерла тутъ. Не могу надышаться! Какъ хорошо! Какъ хорошо!

ПОСЛУШНИКЪ (оглядывается). Да, хорошо. Только я не могу тамъ быть. Не могу. Толкаются, лѣзутъ... Какъ они эту женщину раздавили... У нея ребенокъ. Я не могъ смотрѣть. Я... я уйду въ лѣсъ...

ЛИПА. Какъ хорошо, Господи!

ПОСЛУШНИКЪ (съ тоской смотритъ на широкую даль).
Я пойду въ лѣсъ.

ЛИПА. И еще вчера только ничего этого не было. Ни чуда, ничего. Былъ Савва. Я не могу повѣрить, что это было вчера: какъ будто годъ прошелъ, сто лѣтъ... Господи!

ПОСЛУШНИКЪ (морщась). Зачѣмъ это онъ? Ну зачѣмъ?

ЛИПА. Вы догадываетесь, Вася?

ПОСЛУШНИКЪ (машетъ рукой). Говорилъ: пойдете въ лѣсъ. Нѣтъ, нужно!

ЛИПА. Онъ что-нибудь рассказывалъ вамъ?

ПОСЛУШНИКЪ (машетъ рукой). И надо было. Э-эхъ!

ЛИПА. Ахъ, Вася, Вася! Съ вашимъ лѣсомъ вы прозѣвали самое великое, такое великое, чего не запомнятъ люди. Ахъ, Вася, ну можно ли говорить о чемъ-нибудь, когда вотъ сейчасъ, вотъ передъ вами совершилось чудо. Вы понимаете: чудо! Даже сказать страшно: чудо. Господи! Вы гдѣ были, Вася, когда сдѣлался взрывъ? Въ лѣсу? -

ПОСЛУШНИКЪ. Въ лѣсу. Я взрыва не слыхалъ. Я только набатъ услышалъ.

ЛИПА. Ну?

ПОСЛУШНИКЪ. Да ничего. Прибѣжалъ, а у насъ... ворота раскрыты, плачутъ всѣ, какъ помѣшались. И икона...

ЛИПА. Ну-ну... Вы видѣли?

ПОСЛУШНИКЪ. Да, ничего, стоять. А кругомъ... (Оживляясь) Вы знаете рѣшетку желѣзную, ту, ну вы знаете—скрутило всю, какъ веревку. Даже смотрѣть смѣшно: какъ будто она мягкая. Я попробовалъ, ну нѣтъ! Какая сила, а? Должно быть, большой зарядъ...

ЛИПА. Ну а икона, икона?

ПОСЛУШНИКЪ. Да ничего, стоять. Молятся наши около нея.

ЛИПА. Господи! И стекло цѣло?

ПОСЛУШНИКЪ. И стекло цѣло.

липа. Мнѣ говорили, но я все сомнѣвалась... Прости меня, Господи. Ну что, какъ они? Рады, очень?

послушникъ. Да, рады. Какъ пьяные всѣ. Не поймешь, что говорятъ. Чудо, чудо. О Кириллѣ, какъ поросенокъ, верезжить: уи-уи. Ему холодную припарку дѣлали, на голову. Онъ толстый, того и гляди, помреть. Нѣтъ, не могу я тутъ. Ступайте домой, Олимпиада Егоровна, а? Я васъ провожу.

липа. Нѣтъ, Вася, милый. Я туда пойду.

послушникъ. Не ходите, ей-Богу не ходите. Они васъ задавятъ. Какъ они бабу эту! Всѣ — какъ пьяные. Лопочуть, лопочуть. Глаза вытаращенные... Слышите, какъ они тамъ?

липа. Вы еще мальчикъ, Вася, вы этого не понимаете. Чудо! Люди всю жизнь ждали чуда, можетъ уже отчаиваться стали, а тутъ... Господи! Да тутъ съ ума можно сойти отъ радости. Какъ я услышала вчера: „чудо“, нѣтъ, думаю, что же это такое? Не можетъ быть. Только вижу: плачутъ, крестятся, на колѣни становятся. И набать пересталъ.

послушникъ. О. Афанасій звонилъ. Онъ страсть какой здоровый.

липа. И только и слышно: чудо, чудо. Никто ничего не говоритъ, а только слышно: чудо, чудо! Какъ будто вся земля заговорила. Я и сейчасъ, какъ глаза закрою, такъ и слышу: чудо, чудо! (Закрываетъ глаза и слушаетъ, счастливо улыбаясь) Какъ хорошо!

послушникъ. Мнѣ Савву Егоровича жалко!.. Шумять-то какъ, а?

липа. Оставьте, не нужно о немъ говорить. Онъ Богу отвѣтитъ. Правда, что сегодня будутъ „Христось Воскресе“ пѣть, когда икону понесутъ?.. вмѣсто того, что всегда поютъ... Вася, вы слышите, я васъ спрашиваю?..

послушникъ. Да, правда. Говорятъ. Ступайте домой, Олимпиада Егоровна, а?

липа. Ступайте, если хотите.

послушникъ. Да какъ же я васъ оставлю; они скоро сюда нахлынутъ. Господи, Савва Егоровичъ сюда идетъ!

(Идетъ Савва. Онъ безъ шапки. Лицо потемнѣвшее, землистое; подъ глазами круги. Смотритъ исподлобья острымъ, неподвижнымъ взглядомъ. Часто озирается и точно прислушивается къ чему-то. Походка тяжелая, но быстрая. Увидѣвъ Липу и послушника, сворачиваетъ къ нимъ. При его приближеніи Липа встаетъ и отворачивается)

савва. Кондратія не видали?

послушникъ. Нѣтъ. Онъ въ монастырѣ.

(Савва стоитъ молча. Крикъ у монастыря упалъ, и слышно жалобное пѣніе слѣпцовъ)

послушникъ. Савва Егоровичъ!..

савва. Папироски у тебя нѣтъ?

послушникъ. Нѣтъ же, я не курю, Савва Егоровичъ.
(Плачущимъ голосомъ) Пойдемте въ лѣсъ!

(Савва стоитъ молча)

послушникъ. Они васъ убьютъ вѣдь! Савва Егоровичъ, пойдемте въ лѣсъ, голубчикъ.

(Савва внимательно смотритъ на него, молча поворачивается и уходитъ)

послушникъ. Савва Егоровичъ! Ей-Богу лучше бы въ лѣсъ!..

липа. Оставьте его. Онъ, какъ Каинъ, не находитъ себѣ мѣста на землѣ. Вся земля радуется, а онъ...

послушникъ. У него лицо черное... мнѣ жалко.

липа. Онъ весь черный... Вы дальше отъ него будьте, Вася. Вы не понимаете еще, кого вы жалѣете. Я его сестра, я люблю его,—но если его убьютъ, это будетъ счастье для всѣхъ людей. Вы еще не знаете, что онъ хотѣлъ сдѣлать: подумайте страшно. Это сума-

спешій, Вася, страшный сумаспешій,—или уже не знаю кто...

послушникъ (машетъ рукой). Да вижу же я, ну что вы мнѣ говорите... только жалко мнѣ его, ну и противно тоже. Ну зачѣмъ это онъ? Ну зачѣмъ? Придумываютъ люди всякую глупость... Эхъ!

липа. У меня одна только надежда, что онъ понялъ, наконецъ. А если...

послушникъ. Ну что еще—если?

липа. Такъ. Ничего. Прошелъ онъ—и точно туча на солнце нашла.

послушникъ. Вотъ вы тоже: весело вамъ—ну и радуйтесь же, а то „если“ да „такъ“. Нельзя безъ этого?

(Народу незамѣтно прибываетъ. На дорогѣ останавливаются двѣ повозки съ калѣками; уже нѣкоторое время подъ деревомъ сидитъ хромой съ костылями и плачетъ, сморкаясь и утираясь рукавомъ. Со стороны монастыря показывается человекъ въ чуйкѣ)

человккъ въ чуйкѣ (суежливо и озабоченно). Калѣккъ-то надо къ Ему поближе, калѣккъ-то, убогихъ-то. Ну, бабы, заснули! Вези, вези, тамъ отдохнешь. Ты что, дѣдушка, не идешь, а? Тебѣ съ ногами тоже поближе надо. Иди, дѣдъ, иди.

хромой (плачетъ). Не могу я идти.

человккъ въ чуйкѣ (озабоченно). Ахъ, какой ты! Какъ же это ты такъ, а? Ну давай, пособию, что-ль.. Ну, подымайся, ну?

хромой. Не могу.

прохожіі. Не дѣйствуетъ? Дай-ко я... Его главное дѣло поставить, а тамъ онъ заскачетъ. Вѣрно, дѣдъ?

человккъ въ чуйкѣ. Ты его съ того боку, а я съ этого. Ну, дѣдушка, двигай, двигай, не долго потерпѣть осталось.

прохожіі. Вотъ и заскакалъ. Такъ, такъ! Работай, дѣдъ, въ накладѣ не останешься. (Уходятъ)

ПОСЛУШНИКЪ (весело улыбаясь). Какъ они его завели! Ловко, а? Такъ и пошелъ... ишь ты, старый!

ЛИПА (плачетъ). Господи! Господи! Какіе люди хорошіе!

ПОСЛУШНИКЪ (огорченный). Ну чего вы? Да не плачьте же, ей-Богу. Ну чего вы? То ничего, а то плакать.

ЛИПА. Ничего, Вася, ничего. Я отъ радости плачу. Отчего вы не радуетесь, Вася? Вы не вѣрите въ чудо?

ПОСЛУШНИКЪ. Да вѣрю же, Господи. Только я не могу на это смотрѣть. Всѣ, какъ пьяные, лопочуть, что—не разберешь. Бабу эту раздавили... (брезгливо, съ тоскою) они вѣдь ей кишки выпустили... Ахъ, Господи! Просто не могу я. И все это такъ... О. Кирилль хрюкаетъ: уи-уи-уи. (Смѣется, тоскливо) Ну зачѣмъ онъ хрюкаетъ?

ЛИПА (строго). Это вы у Саввы научились!

ПОСЛУШНИКЪ. Да нѣтъ же! Ну зачѣмъ онъ хрюкаетъ? (Смѣется, тоскливо) Ну зачѣмъ?

(Подходить Егоръ Ивановичъ. Одѣтъ по праздничному. Борода и волосы расчесаны: очень важень и строгъ)

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ты чего это тутъ, а? Почему въ такомъ видѣ?

ЛИПА. Не успѣла переодѣться.

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. А сюда успѣла? Куда не надо, успѣла, а куда надо—не успѣла. Иди-ка домой, да переодѣнься. Нехорошо, нигдѣ этого не видано.

ЛИПА. Ахъ, папаша!..

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ. Нечего ахать. А папаша и есть папаша. Вотъ видишь, одѣлся же я. Одѣлся и иду, какъ надо. Да. Со стороны посмотришь, такъ и то пріятно: одѣлся, какъ надо, да. А ты бы, того, для такого дня-то, ты бы за стойкой-то немного постояла, да. Тюха удралъ, чтобъ его разразило, а Полька одна не на управится. Нечего рожу-то кривить!

мѣщанинъ (проходитъ). Егору Ивановичу! Съ чудомъ васъ.

Егоръ Ивановичъ. И тебя тоже, любезный. Погоди, вмѣстѣ пойдѣмъ. А ты, Олимпиада, дура, да. Какъ была дура, такъ и осталась.

мѣщанинъ. Здорово нынче торговать будете.

Егоръ Ивановичъ. Какъ Богъ дастъ. А ты почему поздно? Спалъ? То-то вы всё спите... (Уходятъ)

послушникъ. Какъ бѣжалъ я вчера, такъ всѣхъ свѣтляковъ изъ шапки разронялъ, по дорогѣ. Растоптали ихъ теперъ. Лучше бы я ихъ въ лѣсу оставилъ... Какъ они тамъ кричатъ, а? Чего это они? Опять, должно быть, кого-нибудь раздавили.

липа (закрывая глаза). Вы говорите, Вася, а слова какъ будто мимо меня. Слышу—и не слышу. Такъ бы и осталась, кажется, на всю жизнь. Съ мѣста бы не тронулась, все сидѣла бы, закрывши глаза, и слушала, что тамъ внутри. Господи, какое счастье! Вы понимаете, Вася?

послушникъ. Да, понимаю я.

липа. Нѣтъ. Вы понимаете, что сегодня случилось? Вѣдь это, значить, Богъ сказалъ, самъ Богъ сказалъ: подождите, не бойтесь, плохо вамъ, но это ничего, это пройдетъ. Нужно ждать. Ничего не надо разрушать, а нужно работать и ждать. Оно придетъ, Вася, оно придетъ. Я теперь чувствую это, я—знаю.

послушникъ. Что придетъ?

липа. Жизнь, Вася, настоящая придетъ. Господи, мнѣ все плакать хочется, Вася,—отъ радости, не бойтесь!

(Подходятъ С пер а н с к і й и Т ю х а. Послѣдній очень мраченъ, смотритъ исподлобья, вздыхаетъ. Минутами, манерой ходить и смотреть онъ странно напоминаетъ Савву)

СПЕРАПСКІЙ. Здравствуйте, Олимпиада Егоровна.

Здравствуйте, Вася. Какое чрезвычайное событіе, если только вѣрить слухамъ.

ЛИПА. Вѣрьте, Григорій Петровичъ, вѣрьте.

СПЕРАНСКІЙ. Вы разсуждаете по простотѣ, Олимпіада Егоровна. А если подумать, что все это и мы сами, весьма возможно, не существуемъ...

ТЮХА. Молчи!

СПЕРАНСКІЙ. Огчего же? Для меня, Олимпіада Егоровна, чуда не существуетъ. Если сейчасъ, скажемъ, сразу все повиснетъ въ воздухѣ, такъ и это не будетъ чудо.

ЛИПА. А что же? Какой вы чудакъ!

СПЕРАНСКІЙ. Просто перемѣна, Олимпіада Егоровна. Было одно, а стало другое, больше ничего. Если хотите, для меня уже то чудо, что оно такъ стоитъ. Всѣ радуются, а я сижу и думаю: вотъ моргнетъ время глазами, и будетъ перемѣна: эти всѣ уже умерли, а на ихъ мѣсто какіе-то новые. И тоже, вѣроятно, радуются.

ТЮХА. Савка гдѣ?

ЛИПА. На что онъ тебѣ?

СПЕРАНСКІЙ. Они все время Савву Егоровича ищутъ. Вездѣ обошли: нѣту.

ПОСЛУШНИКЪ. Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

ТЮХА. Куда пошелъ?

ПОСЛУШНИКЪ. Въ монастырь, кажется.

ТЮХА (тащитъ Сперанскаго). Пойдемъ.

СПЕРАНСКІЙ. До пріятнаго свиданія, Олимпіада Егоровна. Какъ они тамъ кричатъ! А будетъ время, всѣ замолчатъ. (Уходятъ)

ПОСЛУШНИКЪ (безпокойно). Зачѣмъ они ищутъ Савву Егоровича?

ЛИПА. Не знаю.

ПОСЛУШНИКЪ. Я не люблю этого семинариста, всегда онъ около покойниковъ... и чего ему надо? Та-

кой противный. Какъ ни похороны, такъ онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Онъ носомъ мертвечину чуетъ.

липа. Онъ несчастный.

послушникъ. Какой онъ несчастный! Его собаки на селѣ боятся. Не вѣрите? Ей-Богу. Полаеть-полаеть, да въ подворотню.

липа. Это все пустяки, Вася. Вотъ послушайте: сегодня пѣть будутъ: „Христось Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ“. Понимаете? „смертію смерть поправъ...“

послушникъ. Понимаю, понимаю, но только зачѣмъ онъ говорить: всѣ замолчать. И все это такъ... Не люблю я этого, не люблю. Вотъ бабу эту задавили, можетъ быть еще кого-нибудь. (Мотааетъ головой) Не люблю. Въ лѣсу у меня тихо, хорошо, а тутъ... Лучше бы чуда этого не было, только бы хорошо было. Зачѣмъ это? Чудо. Не надо чуда!

липа. Что вы говорите, Вася!

послушникъ. Савва Егоровичъ... Не надо было этого, не надо! Говорилъ—въ лѣсъ пойдемъ, а онъ... Прежде я его любилъ, знаете, а теперь.. я его боюсь. Зачѣмъ это онъ? Ну зачѣмъ? Господи, какіе они всѣ... Вотъ еще калѣкъ везутъ. Вотъ тоже калѣки... зачѣмъ они?

липа. Да что съ вами, Вася? Что вы мечетесь?

послушникъ. Такъ было все хорошо, Господи! Да идите же вы домой, Олимпиада Егоровна. Посмотрѣли, ну и довольно, чего вамъ тутъ сидѣть? Идите-ка, и я пойду... Охъ, батюшки, опять Савва Егоровичъ идетъ!

липа. Гдѣ?

послушникъ. Вотъ онъ... Эхъ!..

савва (садится). Кондратій не приходилъ?

послушникъ. Нѣтъ, Савва Егоровичъ.

(Пауза. Снова слышно жалобное пѣніе слѣпцовъ)

савва. У васъ нѣтъ папироски, Вася?

послушникъ. Да нѣтъ же, я не курю.

липа (сурово). Чего ты ждешь, Савва? Уходи отсюда,—

ты здѣсь лишній. Ты посмотри на себя: на тебя взглянуть страшно. У тебя лицо черное.

САВВА. Не спать, вотъ и черное.

ЛИПА. Чего ты ждешь?

САВВА. Объясненія.

ЛИПА. Ты не вѣришь въ чудо?

САВВА (усмѣхаясь). Вася, вы вѣрите въ чудо?

ПОСЛУШНИКЪ. Да вѣрю же, Савва Егоровичъ.

САВВА. Ну погодите. Что они тамъ дѣлаютъ! Троишь уже задавили.

ПОСЛУШНИКЪ. Троишь?

САВВА. И еще задавятъ. И всѣ галдятъ: чудо, чудо! Дождались!

ЛИПА. И это ты, Савва, далъ имъ чудо. Тебя нужно благодарить.

САВВА (хмуро). Что, Вася, рады, небось, монахи?

ПОСЛУШНИКЪ. Очень рады, Савва Егоровичъ, плачутъ.

САВВА (смотреть на него). Плачутъ? Чего же они плачутъ?

ПОСЛУШНИКЪ. Да не знаю же; отъ радости, должно быть. О. Кириллъ хрюкаетъ, какъ поросенокъ: уи-уи-уи! Какъ пьяные всѣ.

САВВА (встаетъ, безпокойно). Какъ пьяные? Что это значить? Они, можетъ, и вправду пьяные?

ПОСЛУШНИКЪ. Да нѣтъ же, Савва Егоровичъ. Отъ чуда это они: рады. О. Кириллъ хрюкаетъ: уи-уи. Говорить, что пить теперь бросить, въ скитъ пойдетъ, если живъ останется.

САВВА (смотреть). Ну?

ПОСЛУШНИКЪ. Больше ничего.

САВВА. Что они говорятъ?

ПОСЛУШНИКЪ. Каются, говорятъ, что больше грѣшить не будутъ, обнимаются. Какъ пьяные всѣ...

САВВА (прохаживается, гладитъ себя рукой по лбу). Да, такъ вотъ оно что!.. Да. Глупо!

ЛИПА (слѣдить за нимъ). Уходи отсюда, Савва. Ты лишній.

САВВА. Что?

ЛИПА (неохотно). Тебя могутъ узнать и тогда... Ты хоть бы шапку надѣль, у тебя видъ, какъ...

ПОСЛУШНИКЪ. Да, уходите, Савва Егоровичъ... пожалуйста, голубчикъ. Они вѣдь... они васъ убить могутъ.

САВВА (съ внезапнымъ гнѣвомъ). Оставьте меня въ покоѣ. Никто меня не убьетъ. Чепуха какая!

(Пауза)

САВВА (садится): Воды бы, что-ль, выпить... пить очень хочется. Нѣтъ тутъ лужи какой-нибудь?

ПОСЛУШНИКЪ (со страхомъ глядя на Савву). Нѣтъ, все повисохло.

САВВА (морщась). Жаль.

ПОСЛУШНИКЪ. Вонъ у бабы манерка есть. (Весело) Я сейчасъ попрошу... (Бѣжить)

ЛИПА. Тебѣ бы этой воды давать не слѣдовало. Уходи отсюда, Савва, уходи. Посмотри, какъ радуются всѣ кругомъ, земля радуется, солнышко радуется, а ты одинъ... Я все еще не могу забыть, что ты мой братъ. Уходи. Но только куда ты ни пойдешь, всюду уноси съ собой память объ этомъ днѣ. Помни, что и вездѣ тебя ждетъ то же. Земля не отдастъ тебѣ своего Бога, люди не отдадутъ тебѣ, чѣмъ они живутъ и дышать. Вчера я еще боялась тебя, а сегодня я смотрю на тебя съ жалостью. Ты жалокъ, Савва. Уходи. Чего ты смѣешься?

САВВА (улыбаясь). Не рано ли ты мнѣ, сестра, отходную читаешь?

ЛИПА. Неужели ты еще не испуганъ?

САВВА. А чего же мнѣ пугаться? фокусовъ вашихъ? Я, Липа, привыкъ ко лжи и обманамъ. Этимъ меня не испугаешь. Да и глупой довѣрчивости у меня еще много, ну а это помогаетъ. На будущій разъ пригодится.

ЛИПА. Савва!

САВВА. Ну?

- послушникъ (приноситъ манерку съ водой). Насилу выпросилъ. Такая вѣдь каляная баба! Самой, говорить, нужно. Такая баба!

САВВА. Спасибо, дядя. (Пьетъ съ жадностью) Хорошо! (Допиваетъ послѣднія капли) Сладкая вода! Отнесите бабѣ и скажите: сладкая вода! Такой на всей землѣ нѣтъ.

послушникъ (весело). Хорошо, скажу. (Уходитъ)

ЛИПА (шопотомъ). Ты врагъ рода человѣческаго!

САВВА (облизывая губы). Ладно, ладно. Вотъ слушаемъ, что Кондратій скажетъ. Экая каналья! Ну, я его!..

ЛИПА (съ удареніемъ, но все также шопотомъ). Ты врагъ рода человѣческаго! Ты врагъ рода человѣческаго!

САВВА. Громче говори, а то никто не слышитъ. Новость пикантная!

ЛИПА. Уходи отсюда!

(Послушникъ возвращается)

САВВА (смотреть, прищурившись, въ даль). А правда, дядя, хорошо тамъ. Чей это лѣсъ? Базыкинскій? Были мы тамъ съ вами, или нѣтъ?

послушникъ (весело). Да Базыкинскій же! Я вчера, Савва Егорычъ, полную горсть свѣтляковъ набралъ, да только какъ бѣжалъ... (вспоминаетъ; тоскливо) Господи, какъ они кричатъ тамъ! Ну чего они? Вы говорите, они троихъ задавили, Савва Егорычъ, а Савва Егорычъ?

САВВА (равнодушно). Троихъ.

послушникъ. И чего ломаются? Вѣдь понесутъ же ее, всѣ увидятъ.

САВВА. Когда понесутъ?

послушникъ (смотреть вверхъ). Теперь скоро.

ЛИПА. Они будутъ пѣть сегодня „Христосъ Воскресе“.

САВВА (усмѣхаясь). Да? Какой я имъ, однако, праздникъ устроилъ!

(Показываются Сперанскій и Тюха)

послушникъ. Ну вотъ, теперь эти еще идутъ. Э-эхъ! Ну чего имъ надо? Чего ищутъ? Не люблю же я этого, Господи! Савва Егоровъчъ, пойдите отсюда.

САВВА. Чего ради?

ПОСЛУШНИКЪ. Они сюда идутъ, Сперанскій...

САВВА. Ага! „Шаги смерти“ приближаются.

(Лица смотритъ удивленно; послушникъ, волнуясь, прижимаетъ руки къ груди)

ПОСЛУШНИКЪ (плачущимъ голосомъ). Ну что вы говорите! Ахъ, Господи! Ну зачѣмъ это? Не надо этого говорить. Ахъ, Господи! Никакихъ тутъ нѣтъ шаговъ смерти.

САВВА. Это онъ рассказъ такой сочинилъ... Здравствуйте, здравствуйте... чего надо?

СПЕРАНСКІЙ. Вотъ Антонъ Егоровичъ васъ ищутъ, Савва Егоровичъ...

САВВА (со страннымъ безпокойствомъ). Чего тебѣ?

ТЮХА (очень мрачно, слегка прячась за Сперанскаго). Ничего.

ПОСЛУШНИКЪ (внимательно слушающій, горячо). Такъ чего же вы ходите! Ничего, такъ ничего. А то ходить, ищутъ. Какъ это нехорошо. Ей-Богу!

ТЮХА (мелькомъ взглядываетъ на послушника, упирается взглядомъ въ Савву). Савка!

САВВА (раздраженно). Да чего тебѣ надо, ну?

(Тюха не отвѣчаетъ и прячется за Сперанскаго, выглядывая изъ-за спины; въ теченіе дальнѣйшаго, онъ неотступно глядитъ на Савву, дергаетъ ротомъ и бровями и иногда обѣими руками крѣпко зажимаетъ ротъ. Очень мраченъ)

СПЕРАНСКІЙ. Народъ очень волнуется, Олимпиада Егоровна. Сломали старыя ворота, что на той сторонѣ, къ лѣсу; ворвались. О. игумень выходилъ усовѣщевать. Кричатъ, ничего разобрать нельзя. Многіе въ корчахъ валяются на землѣ, больные, должно быть. Очень странно, даже совсѣмъ необыкновенно!

ЛИПА. Скоро понесутъ? Надо идти. (Встаетъ)

СПЕРАНСКІЙ. Теперь, говорятъ, скоро. Повозку одну повалили съ безрукимъ, съ безногимъ. Лежить на землѣ и кричить, такой странный.

ПОСЛУШНИКЪ. Да нѣтъ! Вы сами видѣли.

(По дорогѣ изъ монастыря идетъ Кондратій съ двумя богомольцами, внимательно его слушающими. Увидѣвъ Савву, Кондратій что-то говоритъ своимъ спутникамъ, и тѣ останавливаются)

САВВА. Ага! Вотъ онъ!

КОНДРАТІЙ (чистый, благообразный, сияющій). Здравствуйте, Олимпиада Егоровна. Здравствуйте и вы, Савва Егоровичъ!

САВВА. Здравствуй, здравствуй! Пришелъ-таки, не побоялся!

КОНДРАТІЙ (спокойно). Чего же мнѣ бояться? Авось, не убьете, а если и убьете, такъ отъ вашей руки и умереть сладко.

САВВА. Какой храбрый! И чистенькій какой, смотрѣть больно. Въ лужѣ-то не такой лежалъ, похуже былъ.

КОНДРАТІЙ (пожимая плечами, съ достоинствомъ). Напрасно только вспоминаете: теперь это ни къ чему. А вамъ, Савва Егоровичъ, пора бы вашу злость и оставить. Да!

САВВА. Ну?

КОНДРАТІЙ. То-то, что не—ну. Понукали и будетъ.

САВВА. Съ чудомъ поздравить можно?

КОНДРАТІЙ. Да, Савва Егорычъ, съ чудомъ. (Пристойно плачетъ, вытираясь платкомъ) Далъ Господь дожить.

САВВА (поднимаясь и дѣлая шагъ къ монаху, внушительно). Ну, ты, того. Будетъ именинника разыгрывать. Поигралъ и будетъ! А то я изъ тебя именины-то эти вытрясу, слышишь!

ПОСЛУШНИКЪ. Савва Егорычъ, голубчикъ, не надо!

КОНДРАТІЙ (слегка отступаая). Потише, потише! Мы не въ лѣсу, когда купцовъ рѣзать можно. Тутъ и народъ близко.

САВВА (хмуро). Ну, рассказывай. Пойдемъ!

КОНДРАТІЙ. Зачѣмъ же идти? Я и тутъ все рассказать могу—у меня секретовъ нѣтъ. Это у васъ секреты, а я весь тутъ.

САВВА. Ты врать тутъ будешь.

КОНДРАТІЙ (горячо, со слезами). Грѣхъ вамъ, Савва Егорычъ, грѣхъ. За что обижаете человѣка? Что въ лужѣ видѣли? Грѣхъ вамъ, нехорошо!

САВВА (съ недоумѣніемъ). Да что ты?

КОНДРАТІЙ. Въ такой день и врать я буду! Олимпіада Егоровна, хоть вы! Боже мой, Боже мой! Вѣдь нынче Христось воскресъ, понимаете вы это?

(Прибываетъ народъ. Нѣкоторые мелькомъ оглядываются на группу съ двумя монахами и обертываясь, проходятъ)

ЛИПА (взволнованно). О. Кондратій...

КОНДРАТІЙ (бьетъ себя въ грудь). Понимаете ли вы это? Э-эхъ! Жилъ всю жизнь, какъ мерзавецъ, и за что только Богъ привелъ! Олимпіада Егоровна, понимаете вы это? понимаете вы это? а!

САВВА (въ тяжеломъ недоумѣніи). Говори толкомъ! Будетъ хныкать.

КОНДРАТІЙ (машетъ рукой). Я на васъ не сержусь. Вы что...

САВВА. Говори толкомъ!

КОНДРАТІЙ. Я Олимпіадѣ Егоровнѣ расскажу, не вамъ. Знали вы меня, Олимпіада Егоровна, за пьяницу, за безпутнаго человѣка—теперь послушайте. И вы (къ Сперанскому) послушайте, молодой человѣкъ, вамъ это будетъ полезно: какъ Богъ невидимо направляетъ.

ЛИПА. Я вижу, о. Кондратій. Простите вы меня.

КОНДРАТІЙ. Богъ проститъ, а я что!.. Такъ вотъ, Олимпіада Егоровна, послушался я вашего совѣта и пошелъ къ о. игумену съ этой самой адской машинкой. Воистину—адская! И рассказалъ я ему все, какъ на духу, чистосердечно.

СПЕРАНСКІЙ (догадываясь). Такъ это... Какое странное событіе...

ПОСЛУШНИКЪ (тихо). Ну, молчите же вы, ну вамъ-то что?

КОНДРАТІЙ. Да-съ. О. игуменъ даже пополовѣли. Ахъ ты, говорятъ, да ты знаешь, съ кѣмъ ты дѣло имѣлъ?—Знаю, говорю, а самъ трясусь. Ну, собрали они братію, посовѣтовались келейно и говорятъ мнѣ: вотъ что, говорятъ, Кондратій,—избралъ тебя Господь орудіемъ своей святой воли. Да. (Плачетъ) Избралъ тебя Господь орудіемъ...

ЛИПА. Ну-ну!

КОНДРАТІЙ. Да-съ. Ступай ты, говорятъ, и положи машинку, какъ приказано, и заведи ее.. Какъ слѣдуетъ! Пусть дьявольскій-то помыселъ такъ весь и совершится, полностью. А мы съ братіей, говорятъ, пойдемъ да съ тихимъ пѣніемъ икону-то и вынесемъ. И вынесемъ. Вотъ дьяволь въ дуракахъ и останется.

САВВА. Ага!

ЛИПА (удивленно). Постоите, о. Кондратій... Какъ же это?..

(Савва хохочетъ)

КОНДРАТІЙ. Погодите, Олимпіада Егоровна. А какъ, говорятъ, дьявольскій помыселъ совершится,—мы ее, честную, назадъ поставимъ. Да-съ. Ну и что тутъ дѣлалось, какъ мы ее выносили, уже этого я рассказать вамъ не могу. Рыдаетъ братія, пѣть никто не можетъ. Горятъ это свѣчечки... мало-мало. А ужъ какъ вынесли мы ее въ притворъ, да какъ подумали, да какъ вспомнили... кто на ея святомъ мѣстѣ... Лежимъ ницъ округъ иконы, да горько-прегорько рыдаемъ — отъ жалости, отъ сокрушенія: родной ты нашъ, сокровище ты наше, смилосердуйся надъ нами, вернись ты на свое мѣсто!

(Липа плачетъ; послушникъ вытираетъ кулакомъ глаза)

КОНДРАТІЙ. А какъ трабабахнуло, какъ пошелъ

по всей обители дымъ сѣрный, дышать невозможно. (Шопотомъ) И тутъ многіе въ дыму его увидѣли и отъ ужаса лишились чувствъ. Страшное дѣло! А ужъ какъ назадъ мы его понесли, да всѣ безъ уговору „Христосъ Воскресе“ заплѣли,—такъ что это такое было!

САВВА. Ты слышишь, Липа?.. Да что съ вами? Чего вы плачете всѣ?

ПОСЛУШНИКЪ. Да жалко же очень, Савва Егорычъ.

САВВА. Да вѣдь васъ же обманули! Или вы лжете всѣ—слезами лжете?

(Кондратій пренебрежительно машетъ рукой)

ЛИПА (качая головой, плача). Нѣтъ, Савва.. Ты этого не понимаешь. Господи, Господи!..

КОНДРАТІЙ. Въ васъ Бога нѣтъ, оттого вы и не понимаете. У васъ мысли однѣ, да гордость, да злость,—оттого вы и не понимаете. Эхъ, Савва Егорычъ, Савва Егорычъ, хотѣли вы и меня погубить, а я вамъ скажу по-христіански: лучше бы вы на свѣтъ не рождались!

САВВА. Да что ты городишь! Что я, ослѣпъ, что ли!

КОНДРАТІЙ (машетъ рукой, отворачивается). Кричите себѣ!

ПОСЛУШНИКЪ. Савва Егорычъ, не надо кричать, не надо! Вонъ народъ... они ужъ оглядываться начали.

САВВА (кладетъ руку на плечо Кондратія, тихо). Послушай, я понимаю... Конечно, при людяхъ... Но ты вѣдь понимаешь, Кондратій,—ты вѣдь умный человѣкъ, очень умный,—что это чепуха. Подумай, братъ, подумай. Вѣдь икону вынесли—какое же тутъ чудо?

КОНДРАТІЙ (сбрасывая руку, качаетъ головой, громко). Не понимаете? Такъ-таки и не понимаете, а?

САВВА (шопотомъ). Послушай, вспомни, что мы говорили...

КОНДРАТІЙ (громко). Намъ шептаться съ вами не о чемъ. А вы думаете, какъ чудо бываетъ? Эхъ вы! Вотъ вы тоже человѣкъ умный, а простой вещи сообразить не можете: все вѣдь вы сдѣлали, а? Все: и машинку

мнѣ дали, и взрывъ былъ. Все. А икона-то цѣла! Цѣла, я говорю, икона-то? Вотъ вы черезъ это перескочите съ вашимъ умомъ-то!

ЛИПА (озираясь, возбужденно). Какъ это просто. Какъ это страшно. И я... И моими руками... Господи! (Падаетъ на колѣни, устремивъ взоры въ небо)

САВВА (дико смотреть на все, потомъ на Кондратія). Ну!

КОНДРАТІЙ (отступая, со страхомъ). Чего уставился?

САВВА (кричить). Какой ты... дуракъ!

КОНДРАТІЙ (блѣднѣя). Вы потише! Потише, говорю! Вы такъ не кричите, а то я какъ крикну!

САВВА (мечется, Сперанскому). Что ты ротъ разинулъ, ты! Вѣдь ты философъ. Ты философъ! Понимаешь, какъ они глупы: думаютъ, что это чудо, (смѣется) думаютъ, что это чудо!

СПЕРАНСКІЙ (отступая). Извините, Савва Егоровичъ, но съ точки зрѣнія... я не знаю!

САВВА. Не знаешь?

СПЕРАНСКІЙ. Кто же знаетъ? (Съ отчаяніемъ кричить) Мертвые только, Савва Егоровичъ, мертвые!..

КОНДРАТІЙ. Ага!.. Прижало тебя... Антихристъ!

ЛИПА (съ ужасомъ). Антихристъ?

(Услышавъ крикъ, подходят сперва тѣ двое богомольцевъ, что пришли съ Кондратіемъ; къ нимъ постепенно присоединяются другіе, между прочимъ, чловѣкъ въ чулкѣ)

ПЕРВЫЙ БОГОМОЛЕЦЪ. Что это, отецъ, а? Обнаружился?

КОНДРАТІЙ. Гляди, гляди, какъ его!

САВВА. Вася, голубчикъ. Что же это они, а? Ты послушай, что же они говорятъ, что они говорятъ! Милый ты мой!..

ПОСЛУШНИКЪ (отступая). Савва Егорычъ, не надо, не надо! Уходите отсюда.

САВВА. Вася, Вася, ну ты, ты...

ПОСЛУШНИКЪ (кричитъ). Да не знаю же я! Ничего я не знаю! Я боюсь!

ЛИПА (наступленно). Антихристъ! Антихристъ!

ВТОРОЙ БОГОМОЛЕЦЪ. Слушай-ка! слушай!

КОНДРАТІЙ. Ага! Прижало!.. Деньги-то твои на! Карманы прожгли, проклятыя! На! На! На, антихристово сѣмя! (Бросаетъ деньги)

САВВА (поднимая руки, какъ для удара). Я васъ!

ПЕРВЫЙ БОГОМОЛЕЦЪ. Ребята, не бойтесь! Сюда! Сюда!

САВВА (крѣпко сжимая голову). Болитъ, болитъ.—Тьма идетъ.

КОНДРАТІЙ. Корчить начало! Такъ! Такъ!

ЛИПА. Антихристъ!

ТЮХА (кричитъ). Савка! Савка!

САВВА (мгновеніе глубокой, страшной задумчивости. Потомъ внезапно распрямляется, смотритъ такъ, точно передъ нимъ всталъ призракъ, и съ грознымъ торжествомъ кричитъ куда-то вдаль, поверхъ головъ). Такъ, значитъ, правда! Я правъ! Я правъ!

КОНДРАТІЙ. Братцы, да что же! Это онъ икону! Это онъ!

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЧУЙКЪ (протискивается, озабоченно) Что тутъ, братцы, такое? Ага! Поймали? Который? Этотъ? Ну-ка ты! (Хватая Савву за рукавъ)

САВВА (разсѣянно и злобно отбрасываетъ его). Прочь!

ГОЛОСА. Ишь ты!—Не выпускай!

КОНДРАТІЙ. Бери его!

ПОСЛУШНИКЪ (кричитъ). Бѣжите! Савва Егорычъ, бѣжите!

(Въ теченіе дальнѣйшаго Липа молится; Сперанскій смотритъ съ жаднымъ любопытствомъ, и изъ-за его спины выглядываетъ Тюха. Всѣ голоса сливаются въ одинъ испуганный свирѣпый, дикій крикъ)

ГОЛОСА. Съ того боку!—Да, поди-ка самъ! У тебя

палка.—Охъ ты, и камня ни одного нѣту!—Держи, держи, уйдетъ!..

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЧУЙКѢ (поднявшись съ земли, распоряжается). Обступи его, братцы, обступи! Къ рѣкѣ-то ему ходу не давай,—убѣжить. Ну-ну, постарайся!..

ГОЛОСА. Иди самъ.—Сунулся разъ!—Напри—такъ! Хватай, его, хватай!—Ага!..

КОНДРАТІЙ (визжитъ). Бей его, Антихриста, бей!

САВВА (опасность приводитъ его въ себя. Оглядывается, быстрымъ взглядомъ, намѣчаетъ путь къ рѣкѣ и, сѣрый, какъ пыль, отъ гнѣва, разомъ двигается впередъ). Прочь, уроды!..

ГОЛОСА. Идетъ! Идетъ! Держи! Охъ, братцы! Идетъ! Идетъ!

(Отступаютъ полукругомъ, валясь другъ на друга, передъ напирющимъ Саввой. Кондратій начинаетъ закрепивать его частыми, мелкими крестиками и такъ крестить его во все остальное время)

САВВА (надвигаясь). Ну-у! Дорогу!.. Ну... поджали хвосты, собаки! Дорогу! Ну-у!

ГОЛОСА. Идетъ!

(Навстрѣчу Саввѣ изъ толпы выходитъ Царь Иродъ и загораживаетъ дорогу. Смотритъ страшно. Савва подходитъ вплотную и оставливается)

САВВА. Ну?

(Короткая пауза и разговоръ почти вполголоса, почти спокойный)

ЦАРЬ ИРОДЪ. Это ты?

САВВА. А это ты? Пусти...

ЦАРЬ ИРОДЪ. Человѣкъ?

САВВА. Да. Пусти!

ЦАРЬ ИРОДЪ. Спасителя хотѣлъ? Христа?

САВВА. Тебя обманываютъ.

ЦАРЬ ИРОДЪ. Люди могутъ обмануть, Христосъ нѣтъ. Какъ звать?

САВВА. Савва. Посторонись, говорю!

царь иродъ. Отпусти рабу Твоему Саввѣ. Держись!

(Тяжело бьетъ лѣвой рукой, откуда Савва не ожидалъ удара. Савва падаетъ на одно колено. Набрасывается толпа и подминаетъ его)

голоса. Бей его!.. Ага, такъ... Вертится!.. Бей!..

послушникъ. Что же это, а-а-а!.. (Съ плачемъ, взявшись за голову, убѣгаетъ)

САВВА (отчаянно борется; показываясь на минуту, страшный).
Пустите... Го-о-о! (Падаетъ)

голоса. Такъ его! — Разъ! — Ага. — Бей! — Готовъ!
Нѣтъ еще! Готовъ. Да чего смотришь? Бей! Готовъ...
голосъ. Ворочается!

голоса. Бей!

человѣкъ въ чуйкѣ. Петька, у тебя ножикъ! Ножикомъ его полосни! По горлу!

ПЕТЬКА (фальцетомъ). Нѣтъ, я его лучше—каблукомъ.
Разъ!

КОНДРАТІЙ (закрещиваетъ). Господи, Иисусе Христе!
Господи, Иисусе Христе!..

(Сзади отчаянные крики: „Выносить! Выносить!“
Въ толпѣ избивающихъ движеніе, толпа рѣдѣетъ)

голоса. Несутъ. Да буде, готовъ!—Нѣтъ, я его еще разокъ.— На!—Какъ я его по мордѣ!—Несутъ!—Братцы, несутъ! Несутъ!

царь иродъ. Да будетъ вамъ! Обрадовались, звѣрье окаянное!

голоса. Ей-Богу, несутъ! Полежи тутъ, полежи.— Господи, не опоздать бы.— Да будетъ тебѣ!—А тебѣ-то жалко, твоя голова, что ли? Разокъ одинъ!—Идемъ!

(Разбѣгаются, открывая изуродованный трупъ Саввы)

человѣкъ въ чуйкѣ. Эхъ, отволочь бы его, нехорошо тутъ при дорогѣ. Грязно! Ребята! Слышь, ребята! Эхъ, народъ!..

(Уходитъ вслѣдъ за остальными, — но уже навстрѣчу валитъ толпа. Нестройный говоръ. Сперанскій и Тюха осторожно подходятъ къ тру-

пу, становятся съ обѣихъ сторонъ на корточки и жадно разсматриваютъ. Есть что-то звѣриное въ ихъ позахъ и вытянутыхъ шеяхъ)

СПЕРАНСКІЙ (тайнственно, со зловѣщей убѣдительностью).
Мертвый! Глазъ нѣту!

ТЮХА (сквозь всѣ морщинки его лица, превращая его въ хаосъ, прорываетъ неустойчивый послѣдній смѣхъ). **Молчи! Молчи!** (Зажимаетъ ротъ рукою)

СПЕРАНСКІЙ. А лицо спокойное, посмотрите, **Антонъ Егоровичъ**. Оттого, что узналъ правду!

ТЮХА (фыркаетъ). Какая же у него... смѣшная... рожа! (Смѣется) **Рожа!**

(Смѣется. Смѣхъ прорывается сквозь пальцы, растетъ, становится неустойчивымъ и переходитъ въ визгъ. Вваливается толпа, закрывая собою трупъ, Сперанскаго и Тюху. На монастырѣ поднимается звонъ колоколовъ, какъ на Пасхѣ, и одновременно все поетъ тысячу голо-совъ)

ТОЛПА. „Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертю смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ. Христось“...

ЛИПА (бросаясь въ толпу, поетъ). **Христось воскресе...**

(Толпа валить, заполняя все. Раскрытые рты, округлившіеся, расширенные глаза. Пронзительно кричатъ кликуши, порченныя, бѣсноватыя. Мгновенный крикъ „Задавили!“ Замирающій откуда-то смѣхъ Тюхи. Побѣдное пѣніе растетъ, ширится, переходитъ въ дикій ревъ, покрывая собою все остальное. Колокола)

ТОЛПА (реветъ). „Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ. Христось воскресе“...

З а н а в ѣ с ъ

М. ГОРЬКІЙ.

ВЪ АМЕРИКЪ.

ОЧЕРКИ.

М. ГОРЬКІЙ, ВЪ АМЕРИКЪ:

- 1. Городъ Желтаго Дьявола.**
- 2. Царство скуки.**
- 3. „Мобъ“.**
- 4. Чарли Мэнь.**

I.

Городъ Желтаго Дьявола.

...Надъ землею и океаномъ висѣлъ сѣрый туманъ, густо смѣшанный съ дымомъ, мелкій дождь лѣниво падалъ на темныя зданія города и мутную воду залива...

У бортовъ парохода собрались эмигранты. Молча и серьезно они смотрѣли на все вокругъ пытливыми глазами надеждъ и опасеній, страха и радости.

— Это кто?—тихо спросила дѣвушка-полька, изумленно указывая на статую Свободы.

Люди долго молчали, какъ бы не рѣшаясь отвѣтить. Потомъ раздалось два слова:

— Американскій богъ...

Массивная и грубая фигура женщины изъ бронзы была покрыта съ ногъ до головы зеленой окисью, напоминавшей плѣсень. Холодное лицо слѣпо смотрѣло сквозь туманъ въ пустыню океана, точно темная бронза напряженно ожидала издали чего-то яркаго, что ожило бы ея глаза, неподвижные и мертвые. Подъ ногами Свободы—мало земли, она кажется поднявшеюся изъ океана, и пьедесталь ея — какъ застывшія волны. Ея рука, высоко поднятая надъ океаномъ и мачтами судовъ, придаетъ позѣ гордое величіе и красоту. Кажется, вотъ факелъ въ крѣпко сжатыхъ пальцахъ ярко вспыхнетъ, разгонитъ сѣрый дымъ и щедро обольетъ все кругомъ горячимъ, радостнымъ свѣтомъ.

А кругомъ ничтожнаго куска земли, на которомъ она стоитъ, скользятъ по водѣ океана, какъ допотопныя чудовища, огромныя желѣзныя суда, мелькаютъ, какъ голодные хищники, маленькіе пароходы и катера. Ревутъ сирены, подобно голосамъ сказочныхъ гигантовъ, потерянныхъ въ туманѣ, раздаются рѣзкіе, сердитые свистки, гремятъ цѣпи якорей, сурово плещутъ волны океана...

Все вокруг бѣжить, стремится, вздрагиваетъ отъ напряженія. Винты и колеса пароходовъ торопливо бьютъ воду—она покрыта желтой, мутной пѣной гнѣва, изрѣзана морщинами страданій...

И кажется, что все—желѣзо, камни, вода, дерево—полно безсильнаго протеста противъ этой жизни, безъ солнца, безъ пѣсенъ и счастья, въ плѣну тяжелаго труда. Вездѣ—трудъ. Все охвачено его бурей. Все стонетъ, воетъ, скрежещетъ и повинуется волѣ какой-то тайной силы, враждебной человѣку и природѣ... Повсюду на груди воды, изрытой и разорванной желѣзомъ, запачканной жирными пятнами масла и нефти—черными пятнами,—засоренной щепами, стружками, соломой и остатками пищи, работаетъ невидимая глазомъ холодная и злая сила. Она сурово и однообразно даетъ толчки всей этой необъятной машинѣ, лишенной разума и цѣли, въ которой корабли и доки—только маленькія части, а человѣкъ—ничтожный винтъ, невидимая точка, среди уродливыхъ и грязныхъ сплетеній желѣза, дерева, судовъ и лодокъ, и какихъ-то уродливыхъ плоскихъ барокъ, нагруженныхъ вагонами.

Куски и части машины суетливо вертятся на водѣ, и въ ихъ странномъ, скучномъ танцѣ безъ ритма и радости—нѣтъ человѣка, нѣтъ его воли, нѣтъ его лица...

Какое-то ошеломленное, оглохшее отъ шума, задерганное этой невольной пляской мертвой матеріи двуногое существо, все въ черной копоти и маслѣ, странно смотритъ на меня, сузувъ руки въ карманы штановъ. Лицо его замазано густымъ налетомъ жирной грязи, и не глаза живого человѣка сверкаютъ на немъ, а бѣлая кость зубовъ.

Медленно ползетъ судно среди толпы другихъ судовъ. Лица эмигрантовъ стали странно сѣры, оупѣли, что-то однообразно-овечье покрыло всѣ глаза. Люди стоятъ у борта и всѣ безмолвно смотрятъ въ туманъ.

А въ немъ рождается, растетъ нѣчто непостижимо огромное, полное тяжелаго, гулгаго ропота; оно дышетъ встрѣчу людямъ тяжелымъ, пахучимъ дыханіемъ, и въ шумъ его слышно что-то грозное, жадное, голодное...

Это—городъ, это—Нью-Йоркъ. На берегу стоятъ двадцати-этажные дома, безмолвные и темные, „скрѣбницы неба“. Квадратныя, лишеныя желанія быть красивыми, эти тупыя, тяжелыя зданія поднимаются вверхъ угрюмо и скучно. Прямыя, однообразно мертвыя линіи лишены красоты, которую даетъ гармонія частей. И въ каждомъ домѣ холодная, надменная кичливость своимъ уродствомъ—своею высотой. Но въ этой высотѣ отсутствуетъ свобода—дома толкаютъ вверхъ цѣна земли и низость вкуса. Чувствуется, что въ этихъ большихъ темницахъ мертво живутъ маленькіе люди. Въ окнахъ нѣтъ цвѣтовъ и не видно дѣтей...

Издали городъ кажется огромной челюстью, съ неровными и черными зубами. Онъ дышетъ въ небо тучами дыма и сопить, какъ обжора, страдающій ожиреніемъ.

Войдя въ него, чувствуешь, что ты попалъ въ желудокъ изъ камня и желѣза; въ желудокъ, который проглотилъ нѣсколько милліоновъ людей и растираетъ, перевариваетъ ихъ. И жадно ждетъ еще, еще...

Улица—скользкое, алчное горло; по нему куда-то вглубь плывутъ темные куски пищи города, живые люди. Вездѣ—надъ головой и подъ ногами, и рядомъ съ тобой живеть, грохочетъ, торжествуя свои побѣды, темное желѣзо. Вызванное къ жизни силою золота, одушевленное имъ, оно окружаетъ человѣка своей крѣпкой паутиной, глушитъ его, сосетъ кровь и мозгъ, оно пожираетъ его мускулы и нервы и растетъ, и растетъ, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая свои цѣпи.

Какъ огромные черви, ползутъ локомотивы и вагоны; кричатъ, подобно жирнымъ уткамъ, рожки автомобилей, угрюмо воеетъ электричество,—душный воздухъ на-

поень, точно губка влагой, тысячами ревушихъ звуковъ. Придавленный къ этому грязному городу, испачканный дымомъ фабрикъ, онъ запертъ, какъ въ темницѣ, среди высокихъ стѣнъ, покрытыхъ копотью. Онъ дрожить, тревожно дышетъ въ лицо тяжелыми запахами, онъ отравленъ, страдаетъ, стонеть.

На площадяхъ и въ маленькихъ скверахъ, гдѣ пыльные листья деревьевъ неподвижно и грустно висятъ на вѣтвяхъ, возвышаются темные монументы. Ихъ лица покрыты толстыми слоями грязи, и глаза ихъ, когда-то горѣвшіе любовью къ родинѣ, засыпаны пылью города. Эти бронзовые люди — мертвы и одиноки въ сѣтяхъ многоэтажныхъ домовъ; они кажутся карликами въ черной тѣни высокихъ стѣнъ, они заплутались въ хаосъ безумія вокругъ нихъ, остановились и, полуослѣпленные, грустно, съ болью въ сердцѣ смотрятъ на жадную суету людей у ногъ ихъ. Люди, маленькіе, черные, суетливо бѣгутъ мимо монументовъ, и никто не броситъ взгляда на лицо героя. Ихтиозавры капитала стерли изъ памяти людей значеніе творцовъ свободы.

И кажется, что всѣ бронзовые люди умерщвлены одной и той же душной и тяжелой мыслью:

— „Развѣ такую жизнь хотѣлъ я создать?“

Вокругъ кипитъ, точно супъ на плитѣ, лихорадочная жизнь. Люди бѣгутъ, вертятся, исчезаютъ въ этомъ кипѣніи, точно крупинки въ бульонѣ, какъ щепки въ морѣ. Городъ реветъ и глотаетъ ихъ одного за другимъ своей ненасытной пастью.

Одни изъ героевъ опустили руки, другіе подняли ихъ, протягивая надъ головами людей, и точно хотятъ сказать:

— Остановитесь! Это не жизнь, это безуміе...

И всѣ они лишніе, среди хаоса уличной жизни, всѣ они не на мѣстѣ, въ дикомъ ревѣ жадности, въ тѣсномъ плѣну угрюмой фантазіи изъ камня, стекла и

желѣза. Однажды ночью, всё вдругъ, они сойдуть съ пьедесталовъ и тяжелыми шагами оскорбленныхъ пройдутъ по улицамъ, унесуть тоску своего одиночества куда-нибудь вонъ, прочь изъ этого города, въ поле, гдѣ блеститъ луна, есть воздухъ и тихій покой. Когда человѣкъ всю жизнь трудился на благо своей родины, онъ этимъ несомнѣнно заслужилъ, чтобы послѣ смерти его оставили въ покоѣ.

По тротуарамъ спѣшно идутъ люди, увлекаемые силой, поработившей ихъ. Они шагаютъ быстро, торопливо, туда и сюда, по всѣмъ направленіямъ улицы. Всюду ихъ всасываютъ внутрь себя глубокія поры каменныхъ стѣнъ. Торжествующій гулъ желѣза, громкій вой электричества, гремящій шумъ работъ по устройству новой сѣти металла, новыхъ стѣнъ изъ камня— все это заглушаетъ голоса людей, какъ буря въ океанѣ— крики птицъ.

Лица людей неподвижно спокойны — должно быть никто изъ нихъ не чувствуетъ несчастья быть рабомъ жизни, пищей города-чудовища. Въ печальномъ самонѣвнн они считаютъ себя хозяевами своей судьбы— въ глазахъ у нихъ порою свѣтится сознаніе своей независимости, но, видимо, имъ непонятно, что это только независимость топора въ рукѣ плотника, молотка въ рукѣ кузнеца, кирпича въ рукахъ невидимаго каменщика, который, хитро усмѣхаясь, строитъ для всѣхъ одну огромную, но тѣсную и душную тюрьму. Есть много энергичныхъ лицъ, но на каждомъ лицѣ прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы духа—не свѣтится въ глазахъ у нихъ. И эта энергія безъ свободы напоминаетъ холодный блескъ ножа, который еще не успѣли иступить, лоскъ новой веревки, которую еще мало употребляли въ дѣло. Это—свобода слѣпыхъ орудій въ рукахъ Желтаго Дьявола—Золота.

Я впервые вижу такой чудовищный городъ, и ни

когда еще люди не казались мнѣ такъ ничтожны, такъ порабощены жизнью. И въ то же время я нигдѣ не встрѣчалъ ихъ такими трагикомически довольными собой, каковы они въ этомъ жадномъ и грязномъ желудкѣ обжоры, который впалъ отъ жадности въ идиотизмъ и съ дикимъ ревомъ скота пожираетъ мозги и нервы...

О людяхъ—страшно и больно говорить.

Вагонъ „воздушной дороги“ съ воемъ и грохотомъ мчится по рельсамъ, между стѣнъ домовъ узкой улицы, на высотѣ третьихъ этажей, однообразно опутанныхъ рѣшетками желѣзныхъ балконовъ и лѣстницъ. Окна открыты и почти въ каждомъ изъ нихъ—фигуры людей. Одни—работаютъ, что-то шьютъ или считаютъ, наклонивъ головы надъ конторками, другіе просто сидятъ у оконъ, лежатъ грудью на подоконникахъ и смотрятъ на вагоны, каждую минуту пробѣгающіе мимо ихъ глазъ. Старые, молодые и дѣти — всѣ одинаково безмолвны, всѣ однообразно спокойны. Привыкли къ этимъ стремленіямъ безъ цѣли, привыкли думать, что тутъ—есть цѣль. Въ глазахъ—нѣтъ гнѣва противъ владычества желѣза, нѣтъ ненависти къ его торжеству. Мельканіе вагоновъ сотрясаетъ стѣны домовъ, — вздрагиваютъ груди женщинъ, головы мужчинъ; на рѣшеткахъ балконовъ валяются тѣла дѣтей и тоже дрожатъ, привыкая принимать эту отвратительную жизнь, какъ должное, необходимое, неизбѣжное. Въ мозгахъ, которые всегда встряхиваютъ, вѣроятно, невозможно для мысли плести свои смѣлыя, красивыя кружева и невозможно для нея родить живую, дерзкую мечту.

Вотъ промелькнуло темное лицо старухи, въ грязной кофтѣ, разстегнутой на груди. Уступая дорогу вагонамъ, замученный, отравленный воздухъ испуганно бросился въ окна, — сѣдые волосы на головѣ старухи затрепетали, точно крылья сѣрой птицы. Она закрыла свинцовые, погасшіе глаза. Исчезла.

Въ мутныхъ внутренностяхъ комнатъ мелькають желѣзные прутья кроватей, покрытыхъ лохмотьями, грязная посуда и объѣдки пищи на столахъ. Хочется увидѣть цвѣты на окнахъ, ищешь человѣка съ книгой въ рукѣ... Стѣны льются мимо глазъ, точно расплавленные, онѣ текутъ грязнымъ потокомъ навстрѣчу, и въ его однообразно быстромъ бѣгѣ тягостно копошатся безмолвные, озабоченные люди...

Лысый черепъ тускло блеснулъ за стекломъ, покрытымъ слоемъ пыли. Онъ однообразно качался надъ какимъ-то станкомъ. Дѣвушка, рыжеволосая и тонкая, сидитъ на окнѣ и вяжетъ чулокъ, считая темными глазами петли. Ударомъ воздуха ее качнуло внутрь комнаты—она не отвела глазъ отъ своего чулка и не поправила платья, развѣяннаго вѣтромъ. Два мальчика, лѣтъ по пяти, строятъ на балконѣ домъ изъ щепокъ. Онъ развалился отъ сотрясенія. Дѣти хватають маленькими лапами тонкія щепы, чтобы онѣ не упали на улицу, сквозь отверстія въ рѣшеткѣ балкона,—и тоже не смотря на причину, помѣшавшую ихъ задачѣ. Еще и еще лица, одно за другимъ мелькають въ окнахъ, точно осколки чего-то одного большого, но разбитаго въ ничтожныя пылинки, растертаго въ древу.

И всѣ—мертво спокойны.

Гонимый бѣшенымъ бѣгомъ вагоновъ, воздухъ развѣваетъ платье и волосы людей, бьетъ имъ въ лицо теплой, влажной отъ запаховъ волной, толкаетъ, вгоняетъ имъ въ уши тысячи звуковъ, бросаетъ въ глаза мелкую, ѣдкую пыль, слѣпнотъ, оглушаетъ, душитъ и оретъ протяжнымъ, непрерывно воющимъ звукомъ...

Живому человѣку, который мыслить, который создаетъ въ своемъ мозгу мечты, картины, образы, всегда родитъ желанія, тоскуетъ, хочетъ, отрицаетъ, ждетъ—живому человѣку этотъ дикій вой, визгъ, ревъ, эта дрожь камня стѣпль, трусливый дребезгъ стеколь въ окнахъ—все это ему мѣшало бы. И, возмущенный по-

мѣхой жизни, онъ вышелъ бы изъ дома и сломалъ, разрушилъ эту мерзость—„воздушную дорогу“, онъ заставилъ бы замолчать нахальный вой желѣза: онъ—хозяинъ жизни, жизнь—для него, и все, что ему мѣшаетъ жить—должно быть уничтожено.

Люди въ домахъ города Желтаго Дьявола—спокойно переносятъ все, что убиваетъ въ нихъ человѣка и дѣлаетъ изъ нихъ скотовъ.

Внизу, подъ желѣзною сѣтью „воздушной дороги“, въ пыли и грязи мостовыхъ, безмолвно возятся дѣти,—безмолвно: хотя они и кричатъ, и смѣются, какъ дѣти всего міра, но голоса ихъ тонуть въ грохотъ надъ ними, точно капли дождя въ морѣ. Они кажутся цвѣтами, которые чья-то грубая рука выбросила изъ оконъ домовъ на грязь улицы и среди площадей города, они подобны овощамъ на столѣ обжоры. Питая свои тѣла жирными испареніями города, они блѣдны и желты, кровь ихъ отравлена ядами воздуха и нервы раздражены зловѣщимъ крикомъ ржаваго металла, угрюмымъ воемъ поработченныхъ молній.

Развѣ изъ этихъ дѣтей выростутъ здоровые, смѣлые, гордые люди?—спрашиваешь себя. Въ отвѣтъ отовсюду раздается скрежетъ, хохоть, злой визгъ.

Вагоны несутся мимо Исть-Сайда, квартала бѣдныхъ, компостной ямы города. Глубокія канавы улицъ, ведущія людей куда-то въ глубины города, гдѣ—представляется уму—устроена огромная, бездонная дыра,—котель или кастрюля,—туда стекаются всѣ эти люди и тамъ изъ нихъ вывариваютъ, плавятъ золото. Канавы улицъ кишатъ дѣтьми и нищетой.

Я очень много видѣлъ нищеты, мнѣ хорошо знакомо ея зеленое, безкровное, костлявое лицо. Ея глаза, тупые отъ голода и горящіе жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловѣческіе, я всюду видѣлъ, но ужасъ нищеты Исть-Сайда—мрачнѣе всего, что я знаю.

Въ этихъ улицахъ, набитыхъ людьми, точно мѣшки крупной, дѣти жадно ищутъ въ коробкахъ съ мусоромъ, стоящихъ у панелей, загнившія овощи и пожираютъ ихъ вмѣстѣ съ плѣсенью тутъ-же, въ ѣдкой пыли и духотѣ.

Когда они находятъ корку загнившаго хлѣба, она возбуждаетъ среди нихъ дикую вражду; охваченные желаніемъ проглотить ее—они дерутся, какъ маленькія собаченки. Они покрываютъ мостовыя большими стаями, какъ прожорливые голуби; въ часъ ночи, въ два и позднѣе—они все еще роются въ грязи, эти жалкіе цвѣты нищеты, живые упреки жадности богатыхъ.

На углахъ грязныхъ улицъ стоятъ какія-то печи или жаровни, въ нихъ что-то всегда кипитъ, и паръ, вырываясь по тонкой трубкѣ на воздухъ, свиститъ въ придѣланный на концѣ ея маленькій свистокъ. Этотъ тонкій, рѣжущій ухо свистъ прорываетъ своимъ дрожавшимъ остриемъ всѣ звуки улицъ; онъ тянется безконечно, какъ ослѣпительно бѣлая, холодная нить; онъ закручивается вокругъ горла, путаетъ мысли въ головѣ, бѣситъ, гонитъ куда-то и, не смолкая ни на секунду, дрожитъ въ гниломъ запахѣ, пожравшемъ воздухъ, дрожитъ насмѣшливо, рѣзко, злобно пронизывая и порицая всю эту жизнь въ грязи.

Грязь—стихія, она пропитала собою все: стѣны домовъ, стекла оконъ, одежды людей, поры ихъ тѣла мозги, желанія, мысли...

Въ этихъ улицахъ—темныя впадины дверей подобны загнившимъ ранамъ въ камнѣ стѣнъ. Когда заглянешь въ нихъ, увидишь черныя ступени лѣстницъ, покрытыя мусоромъ, облѣпленныя грязью, то кажется, что тамъ внутри все разложилось и гнойно, какъ во чревѣ трупа. И люди представляются червями...

Высокая женщина съ большими темными глазами стоитъ у двери; на рукахъ у нея ребенокъ, ея кофта

растегнута, и безсильно повисла ея длинная грудь, вся въ морщинахъ и въ грязи. Ребенокъ кричитъ, царапаетъ маленькими пальцами вялое, голодное тѣло матери, тычется въ него лицомъ, чмокаетъ губами, на минуту умолкаетъ и вновь кричитъ, съ большей силой, и снова бьетъ руками и ногами грудь матери. Она стоитъ, точно камень, и глаза ея, круглые какъ у совы, неподвижны—они смотрять упорно въ одну точку передъ собой,—чувствуешь, что этотъ взглядъ не можетъ видѣть ничего, кромѣ хлѣба. Она плотно сжала губы и дышетъ носомъ, ноздри ея вздрагиваютъ, медленно втягивая пахучій, густой воздухъ улицы,—этотъ человекъ живетъ воспоминаніемъ о пищѣ, проглоченной имъ вчера, мечтой о кускѣ, который онъ, можетъ быть, съѣстъ когда-нибудь. Ребенокъ кричитъ, судорожно подергиваясь маленькимъ, желтымъ тѣльцемъ,—она, должно быть, не слышитъ его криковъ, не чувствуетъ ударовъ...

Старикъ, длинный и худой, съ хищнымъ лицомъ, безъ шляпы на сѣдой головѣ, прищуривъ красныя вѣки большихъ глазъ, осторожно роется въ кучѣ мусора, отбирая куски угля. Когда къ нему подходятъ, онъ неуклюже, точно волкъ, поворачиваетъ туловище и что-то говорить.

Юноша, очень блѣдный и худой, опираясь на столбъ фонаря, смотритъ сѣрыми глазами вдоль улицы и по временамъ встряхиваетъ курчавой головой. Его руки засунуты въ карманы брюкъ и судорожно шевелятъ тамъ пальцами...

Здѣсь, въ этихъ улицахъ, человекъ замѣтенъ, слышенъ его голосъ, озлобленный, раздраженный, мстительный. Здѣсь у человека есть лицо—голодное, возбужденное, тоскующее. Видно, что люди чувствуютъ, замѣтно, что они думаютъ. Они кишатъ въ этихъ грязныхъ канавахъ, трутся другъ о друга, точно соръ въ потокѣ мутной воды; ихъ кружить и вертить сила голода, ихъ оживляетъ острое желаніе съѣсть что-нибудь сегодня.

Въ ожиданіи пищи, въ мечтахъ о наслажденіи быть сытыми, они глотають насыщенный ядами воздухъ, и въ темныхъ глубинахъ ихъ душъ рождаются острыя мысли, хитрыя чувства, преступныя желанія.

Они подобны болѣзнетворнымъ микробамъ въ желудкѣ города, и будетъ время, когда они его отравятъ тѣми-же ядами, которыми онъ такъ щедро питаетъ ихъ теперь.

А у фонаря стоитъ юноша и время отъ времени встряхиваетъ головой, крѣпко стиснувъ голодные зубы. Мнѣ кажется, я понимаю, о чемъ онъ думаетъ, чего онъ хочетъ: имѣть огромныя руки, страшной силы, и крылья за спиной онъ хочетъ, мнѣ кажется. Это для того, чтобы однажды днемъ подняться надъ городомъ, опустить въ него руки, какъ два стальныхъ рычага, и смѣшать все въ немъ въ груды мусора и праха: кирпичъ и жемчугъ, золото и мясо рабовъ, стекло и миллионеровъ, грязь, идиотовъ, храмы, деревья, отравленная грязью, и эти глупыя, многоэтажныя „скребницы неба“, все, весь городъ—въ кучу, въ тѣсто изъ грязи и крови людей—въ тотъ первобытный, скверный хаосъ, изъ котораго онъ созданъ! Это страшное желаніе естественно въ мозгу юноши, какъ нарывъ на тѣлѣ художника. Гдѣ много работы рабовъ, тамъ не можетъ быть мѣста для свободной, творческой мысли, тамъ могутъ цвѣсти только идеи разрушенія, ядовитые цвѣты мести, буйный протестъ животного. Это понятно: искажая душу человѣка, люди не должны ждать отъ него милосердія къ нимъ.

Человѣкъ имѣетъ право мести—это право даютъ ему люди.

Въ мутномъ небѣ, покрытомъ копотью, гаснетъ день. Огромные дома становятся еще мрачнѣе, тяжелѣе. Кое-гдѣ въ ихъ темныхъ нѣдрахъ вспыхиваютъ огни и блестятъ, точно желтые глаза странныхъ звѣрей, кото-

рые должны всю ночь стеречь мертвое богатство этихъ гробницъ.

Люди кончили работу дня и, не думая о томъ, зачѣмъ она сдѣлана, нужна-ли она для нихъ—быстро бѣгутъ спать. Тротуары залиты черными потоками человѣческаго тѣла. Всѣ головы, однообразно покрытыя круглыми шляпами, и всѣ мозги, какъ это видно по глазамъ,—уже уснули. Работа кончена, думать больше не о чемъ. Всѣ думаютъ только для хозяина, о себѣ думать нечего; если есть работа—будетъ хлѣбъ и дешевыя наслажденія жизнью; кромѣ этого, ничего не нужно человѣку въ городѣ Желтаго Дьявола.

Люди идутъ къ своимъ постелямъ, къ женщинамъ своимъ, своимъ мужчинамъ, и ночью, въ душныхъ комнатахъ, потные и скользкіе отъ пота, будутъ цѣловаться, чтобы для города родилась новая, свѣжая пища...

Идутъ... Не слышно смѣха, нѣтъ веселаго говора и не блестятъ улыбки.

На утомленныхъ лицахъ, съ блѣдными губами—вялое любопытство, тупое ожиданіе увидѣть что-нибудь еще незнакомое, услышать что-то новое.

Крякаютъ автомобили, щелкаютъ бичи, густо поютъ электрическіе провода, гремятъ вагоны. Вѣроятно, гдѣ-нибудь играетъ музыка.

Мальчишки рѣзко выкрикиваютъ названія газетъ. Подлый звукъ шарманки и чей-то вопль сливаются въ трагикомическомъ объятіи убійцы и балаганнаго шута... Безвольно идутъ маленькіе, черные люди, точно камни катятся подъ гору...

Все больше и больше вспыхиваетъ всюду желтыхъ огней—цѣлыя стѣны сверкаютъ пламенными словами о пивѣ, о виски, о мылѣ, новой бритвѣ, шляпахъ, сигарахъ и о театрахъ. Грохотъ желѣза, гонимаго всюду вдоль улицъ жадными толчками золота, не становится тише. Теперь, когда вездѣ горятъ огни, этотъ вой,

этотъ непрерывный вопль еще значительнѣе; онъ пріобрѣтаетъ новый смыслъ, болѣе тяжелой силу.

Со стѣнъ домовъ, съ вывѣсокъ, изъ оконъ ресторановъ льется ослѣпляющій свѣтъ расплавленнаго золота. Нахальный, крикливый, онъ торжествующе трепещетъ всюду и рѣжетъ глаза, искажаетъ лица своимъ холоднымъ блескомъ. Его хитрое сверканіе полно зависти, полно острой жаждой вытянуть изъ; кармановъ людей ничтожныя крупичи ихъ заработка; онъ слагаетъ свои подмигиванія въ огненные слова и этими словами молча зоветъ рабочихъ къ дешевымъ удовольствіямъ, предлагаетъ имъ удобныя вещи...

Страшно много огня въ этомъ городѣ. Сначала это кажется красивымъ, поражаетъ и возбуждая—веселить. Огонь—свободная стихія, прекрасный сынъ солнца, гордое его дитя. Когда онъ буйно расцвѣтаетъ—его цвѣты трепещутъ и живутъ прекраснѣй всѣхъ цвѣтовъ земли. Онъ очищаетъ жизнь, онъ можетъ уничтожить все ветхое, умершее и грязное...

Но когда долго смотришь на огонь въ этомъ городѣ—на огонь, заключенный въ прозрачныя темницы изъ стекла, когда увидишь, какъ мертвъ и скученъ его блескъ,—тогда понимаешь, что здѣсь, какъ все, огонь поработенъ. Онъ служить золоту, для золота, и онъ враждебно далекъ отъ людей...

Какъ все—жельзо, камень, дерево,—огонь тоже въ разговорѣ противъ человѣка; ослѣпляя его, онъ зоветъ:

— Иди сюда!

И выманиваетъ:

— Отдай твои деньги...

Люди идутъ на этотъ зовъ, покупаютъ ненужную имъ дрянъ, смотрятъ на зрѣлица, отупляющія ихъ, и молча уходятъ, ошьяненные, въ свои комнаты.

Кажется, что гдѣ-то въ центрѣ этого города вертится со сладострастнымъ вигомъ и ужасающей быстротой большой комъ золота; онъ распыливаетъ по всѣмъ

улицамъ мелкія пылинки, и цѣлый день люди жадно ловятъ, ищутъ, хватаютъ ихъ. Но вотъ наступаетъ вечеръ; комъ золота начинаетъ вертѣться въ противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягиваетъ въ него людей затѣмъ, чтобы они отдали назадъ золотую пыль, пойманную днемъ. Они отдаютъ всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня комъ золота увеличивается въ объемѣ, его вращеніе становится быстрѣе, громче звучитъ торжествующій вой желѣза, его раба, и всѣхъ силъ, поработанныхъ имъ.

И жаднѣе, съ большей властью, чѣмъ вчера, оно сосетъ кровь и мозгъ людей, для того, чтобы къ вечеру эта кровь, этотъ мозгъ обратились въ холодный, желтый металлъ. Комъ золота—сердце города. Въ его бѣніи—вся жизнь, въ ростѣ его объема—весь смыслъ ея.

Для этого люди цѣлыми днями роютъ землю, куютъ желѣзо, строятъ дома, дышатъ дымомъ фабрикъ, всасываютъ порами тѣла грязь отравленного, больного воздуха, для этого они продаютъ свое красивое тѣло.

Это скверное волшебство усыпляетъ ихъ души, оно дѣлаетъ людей гибкими орудіями въ рукѣ Желтаго Дьявола и рудой, изъ которой онъ неустанно плавитъ Золото, свою плоть и кровь.

Отъ пустыни океана идетъ ночь и дышетъ на городъ прохладнымъ, соленымъ дыханіемъ. Тысячами стрѣлъ вонзаются въ нее холодные огни—она идетъ, сострадательно окутывая своими темными одеждами безобразіе домовъ, мерзость узкихъ улицъ, прикрывая грязь лохмотьевъ нищеты, уродливый блескъ богатыхъ одеждъ. Дикій вопль жаднаго безумія несется ей навстрѣчу, разрывая ея тишину—она идетъ и медленно гаситъ пахальный блескъ пеработченного огня, закрывая своей мягкой рукой гнойныя язвы города.

Но, вступая въ сѣти улицъ, она не въ силахъ побѣ-

дять, разогнать своимъ свѣжимъ дыханіемъ густые запахи—ядовитыя испаренія города, отравляющаго ее. Она трется о камень стѣнъ, нагрѣтый солнцемъ, ползетъ по ржавому желѣзу крышъ, по грязи мостовыхъ, пропитывается ядовитой пылью, глотаетъ запахи и, опуская крылья, безсильно, неподвижно ложится на крыши домовъ, въ канавы улицъ и замираетъ. Она уже не дышетъ больше—отъ нея осталась только тьма, свѣжестъ и прохлада исчезли, проглоченныя камнемъ, желѣзомъ, деревомъ, грязными легкими людей... Въ ней больше нѣтъ тишины, нѣтъ поэзіи...

Городъ засыпаетъ въ духотѣ; онъ ворчитъ, какъ огромное животное. Оно слишкомъ много пожрало за день разной пищи, ему жарко, неловко и снятся дурные, тяжелые сны.

Вздрагивая угасаетъ огонь, отслуживъ свою жалкую службу приказчика, лакея рекламы. Дома всасываютъ людей одного за другимъ въ свои каменные внутренности.

Человѣкъ, высокій и сутулый, стоитъ на углу улицы и скучно, безцвѣтными глазами смотритъ направо и налево, медленно повертывая голову. Куда идти? Всѣ улицы одинаковы, и всѣ дома смотрятъ другъ на друга бѣлыми тусклыми оконъ одинаково безразлично и мертво...

Душная тоска давить горло влажной и теплой рукой, стѣсняя дыханіе. Надъ крышами домовъ неподвижно стоитъ прозрачное облако дневныхъ испареній проклятаго, несчастнаго города. Сквозь эту целену, въ недосыгаемой высотѣ небесъ, тускло мерцаютъ тихія звѣзды.

Человѣкъ снялъ шляпу, поднялъ голову, смотритъ вверхъ. Высота домовъ въ этомъ городѣ оттолкнула небо дальше отъ земли, чѣмъ гдѣ-либо. Звѣзды—мелки, одиноки...

Вдали тревожно звучитъ мѣдная труба. Длинные ноги человѣка странно вздрагиваютъ, и онъ идетъ въ

одну изъ улицъ, шагая медленно, наклонивъ голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся все болѣе пустынными. Одинокіе маленькіе люди исчезаютъ, точно мухи, пропадая во тьмѣ. На углахъ неподвижно стоятъ полицейскіе, въ сѣрыхъ шляпахъ, съ палками въ рукахъ. Они жуютъ табакъ, медленно двигая челюстями.

Человѣкъ идетъ мимо нихъ, мимо телефонныхъ столбовъ и множества черныхъ дверей въ стѣнахъ домовъ, черныхъ дверей, сонно разинувшихъ квадратныя пасти. Гдѣ-то далеко гремитъ и воетъ вагонъ трамвая. Ночь задохнулась въ глубокихъ клѣткахъ улицъ, ночь умерла.

Человѣкъ идетъ, размѣренно передвигая ноги, и качаетъ свой длинный, согнутый корпусъ. Въ его фигурѣ есть что-то думающее и хотя нерѣшительное, но—рѣшающее...

Мнѣ кажется, онъ—воръ. И сегодня онъ голоде.

Пріятно видѣть человѣка, который чувствуетъ себя живымъ, одиноко живущимъ въ черныхъ сѣтяхъ ^{бного} ^{Т. да.}

Раскрытыя окна дышатъ тошнымъ запахомъ ^{Т. да.} ^{Чело-} ^{вѣческаго} ^{пота.}

Непонятные, глухіе звуки дремотно возятся въ душевой, тоскливой тьмѣ...

Уснулъ и сонно бредитъ мрачный городъ Желтаго Дьявола...

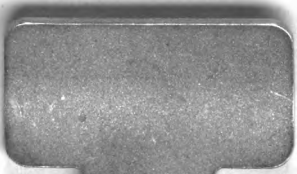
New-York,
Staten Island.

*Дальтійшіе очерки будутъ помѣщены
въ слѣдующемъ сборникѣ.*

3 0000 102 975 061